

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

3 / 2024

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц.ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Домашенко**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **V.A. Domaščenko**, Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология.

Адрес редакции: ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел:** +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Протокол 7 от 28.06.2024.

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2024

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

**Серия Д: Филология и
психология**

№ 3/2024

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Кораблев А. А.</i> Криптография женских образов в поэме «Мертвые души» (незнакомка и блондинка)	5
<i>Стародубец С. Н., Белугина О. В., Куркина С. П., Кириченко К. Н.</i> Западнобрянский региолект как лингвокультурное образование	19
<i>Безус С. Н., Гурова Н. В.</i> Лексико-семантические особенности неформального военного дискурса (на материале испанского и русского языков)	33
<i>Бутова А. В.</i> Морфологические особенности создания интернет-имени	42
<i>Варламова О. Н.</i> Ситуация общения в диаде «мать–ребенок» как источник формирования в ментальном лексиконе ребенка определенных групп языковых единиц	52
<i>Гладкая Н. В.</i> Городские мемы как следствие самоидентификации жителей Донбасса	63
<i>Кисель О. В., Бутов К. С.</i> Способ реализации составляющих «Я-концепции» посредством никнейма	74
<i>Курмакаева Н. П.</i> Прагматический аспект региональной языковой личности	83
<i>Максимчик О. А.</i> Англоязычные реалии сферы высшего образования: систематизация с помощью онлайн-словарей тезаурусного типа	94
<i>Михайлова А. И., Бочарова Т. И.</i> Использование варваризмов в текстах популярной музыки	111
<i>Пасечная Л. А., Стренадюк Г. С.</i> Особенности перевода	119

эмоционально-оценочной лексики при субтитровании

<i>Сухачёв Н.Л., Королькова М.Д.</i> К этимологии топонима <i>яссы</i> (др.-рус. <i>Ясьскыи торгъ</i> , рум. <i>Iási</i> , венг. <i>Jászvásár</i> , болг. <i>Яш</i> и др.)	129
<i>Черницына Т.В.</i> Лексико-семантическое функционирование имен собственных в русской прозе (на материале произведений В.М. Шукшина)	139
<i>Андреева М.А.</i> К вопросу о статусе термина «межэтническая журналистика» в современной журналистской науке и практике	149
<i>Котомцев Д.О.</i> «Искатели словесных приключений»: к характерологии интеллектуального романа	157
<i>Орлова Д.Г.</i> Словообразовательное варьирование в ходе неологизации глагольной подсистемы русского языка	170
<i>Пога Д.С.</i> Тема памяти о Великой Отечественной войне в повестях В. Токаревой 1990-х–2000-х годов	182
<i>Сабурова А.В.</i> Особенности употребления дательного самостоятельного в Житии митрополита Петра	192
<i>Скоков И.В.</i> О своеобразии коммуникативно-речевого взаимодействия ведущих в телевизионном шоу «The Grand Tour»	199
<i>Цзян Линьлин</i> Языковая игра в заголовках газеты «Комсомольская правда»	209

Психология

<i>Бочанцева Л.И.</i> Особенности эмоционального благополучия подростков из семей с алкогольной зависимостью	219
Правила для авторов	230

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

*Series D: Philology and
Psychology*

No 3/2024

CONTENTS

Philology

<i>Korablev A.A.</i> Cryptography of female images in poem "Dead souls" (stranger and blonde)	5
<i>Starodubets S.N., Belugina O.V., Kurkina S.P., Kirichenko K.N.</i> Western Bryansk regionalect as linguocultural phenomenon	19
<i>Bezus S.N., Gurova N.V.</i> Lexical and semantic features of informal military discourse (on the example of the Spanish and Russian languages)	33
<i>Butova A.V.</i> Morphological features of internet name creation	42
<i>Varlamova O.N.</i> Communicative situation "mother – child" as source of formation of certain groups of linguistic units in child's mental lexicon	52
<i>Gladkaya N.V.</i> Urban memes as consequence of Donbass residents' self-identification	63
<i>Kisel O.V., Butov K.S.</i> Self-concept: way to implement components through nickname	74
<i>Kurmakaeva N.P.</i> Pragmatic aspect of regional linguistic personality	83
<i>Maksimchik O.A.</i> English realia of higher education system: systematization based on online thesaurus-type dictionaries	94
<i>Mikhaylova A.I., Bocharova T.I.</i> Use of barbarisms in popular music texts	111
<i>Pasechnaya L.A., Strenadyuk G.S.</i> Peculiarities of translating emotional-evaluative vocabulary in subtitling	119
<i>Sukhachev N.L., Korolkova M.D.</i> To etymology of toponym <i>ясы</i> (Old Rus. <i>Яськѣи торгъ</i> , rom. <i>Iási</i> , hung. <i>Jászvásár</i> , bolg. <i>Яу</i> et al.)	129

<i>Chernitsyna T.V.</i> Lexical and semantic functioning of proper names in Russian prose (based on the works of V.M. Shukshin)	139
<i>Andreeva M.A.</i> On status of term «interethnic journalism» in modern journalistic theory and practice	149
<i>Kotomtsev D.O.</i> “Seekers of verbal adventures”: towards characterology of intellectual novel	157
<i>Orlova D.G.</i> Word-formation variation in neologization of verbal subsystem in the Russian language	170
<i>Poga D.S.</i> Theme of memory of the Great Patriotic War in the stories of the 1990s–2000s by V. Tokareva	182
<i>Saburova A.V.</i> Features of use of Dative Absolute in the Life of Peter the Metropolitan	192
<i>Skokov I.V.</i> On peculiarities of communicative-speech interaction of hosts in television show “The Grand Tour”	199
<i>Jiang Linlin</i> Language play in headlines of the Komsomolskaya Pravda	209

Psychology

<i>Bochantseva L.I.</i> Features of emotional well-being of adolescents from families with alcohol dependence	219
Guidelines for authors	230

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 82-311.4

DOI: 10.5281/zenodo.12540770

КРИПТОГРАФИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ПОЭМЕ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» (НЕЗНАКОМКА И БЛОНДИНКА)

© 2024 А.А. Кораблёв

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID 0000-0003-1362-6283.

В статье рассматривается скрытая системность женских образов в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». В центре внимания – образы «незнакомки» и «блондинки», которые ассоциативно соотнесены с прообразами пушкинского сюжета и дантовского плана. Сюжетность пушкинских аллюзий в «Мертвых душах» возникает из соотнесенности гоголевских и пушкинских персонажей, среди которых Евгений Онегин, Татьяна и Ольга Ларины, Маша Троекурова, Маша Миронова, а также женские образы в стихотворениях «Мадонна», «Я помню чудное мгновенье...» и др. Сюжетность дантовского плана выражается в образе Беатриче, который соотносится с гоголевским образом Улиньки Бетрищевой. Рассмотрено ключевое значение аллюзии Мадонны, которая объединяет в поэме итальянскую и русскую культурные традиции. Высказано предположение, что прототипами рассматриваемых образов являются мать и дочери семейства Виельгорских.

Ключевые слова: «Мертвые души», женские образы, прототипы, пушкинский сюжет, дантовский код, семейство Виельгорских, криптография.

Кораблёв А.А. Криптография женских образов в поэме «Мертвые души» (незнакомка и блондинка) / А.А. Кораблёв // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 5–18. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12540770>.

Среди женских образов поэмы «Мертвые души» есть два особенно загадочных, которые, как может показаться, вообще не содержат никакой загадки. Они безымянны, и уже этим ослабляют к себе читательское внимание, воспринимаясь как малозначительные, декоративно-функциональные фигуры. Они показаны извне, как и прочие второстепенные персонажи, без погружений в их частную жизнь, без личностных подробностей. Они кажутся несколько условными и отвлеченными, не имеющими ни персональной истории, ни каких-либо прототипов. Они представляются не столько характерными, сколько характерологическими, чьи черты определяют не столько их самих, сколько общество, которому они принадлежат, и тех, с кем они связаны. Их особенность определяется не именем, а статусом: в социальной иерархии города NN они занимают самые высокие места – это жена и дочь губернатора. Их положение обязывает присмотреться к ним, тем более что к этому побуждает и главный герой.

Незнакомка. – Накануне визита к губернатору Чичиков получает анонимное любовное послание, написанное, как отмечает повествователь, «в духе тогдашнего времени»: «Что жизнь наша? Долина, где поселились горести. Что свет? Толпа людей, которая не чувствует» [13, т. 6, с. 160]. Несмотря на «кудрявый» стиль, письмо заинтриговало героя и, явившись на бал, он пытается угадать среди многих дам

таинственную незнакомку. Ему это не удалось. Не от недостатка сообразительности, а потому, что его внимание переключилось на другой объект, однако загадка была загадана, и не только герою, но и читателю.

С художественной точки зрения, Чичиков, конечно, не напрасно, хотя и безрезультатно, высматривал незнакомку среди гостей. Тем самым он предопределял и читательские поиски. Читателю надлежит раскрыть то, что оказалось не под силу недогадливому герою.

А загадка не такая уж и сложная, если рассуждать дедуктивно. Всех дам, присутствующих на балу, легко разделить на три категории по степени их вероятного участия в затеянной интриге: во-первых, это все безликие и безымянные, чье художественное назначение именно в их безликой множественности; во-вторых, некоторые особы, которые выделены среди этого множества, но тоже именно потому, что они сами стремились выделиться, чтобы привлечь внимание миллионщика Чичикова; в-третьих, две персоны, с которыми у Чичикова устанавливается контакт: губернаторша и ее дочь.

Если «Мертвые души» не детектив, построенный на провокациях и нарушениях читательского ожиданий, а произведение, в котором последовательно преодолеваются литературные обманы, тогда авторская интрига, не становясь самоцелью, но и не переставая быть стимулом, сводит читательские усилия к простой альтернативе: установить, кто же написал Чичикову любовное послание – супруга или дочь губернатора?

Повторяется ситуация из «Ревизора», где герой оказывается между супругой и дочерью городничего – Анной Андреевной и Марьей Антоновной. Если это автореминисценция, то она указывает, что письмо, скорее всего, написала губернаторша. Что двигало ее пером, мог бы объяснить ее характер, но он выписан эскизно и сам нуждается в дополнительных штрихах. И как раз письмо, если это действительно ее письмо, придает образу губернаторши некоторую объемность и смысловую неоднозначность: от невинной супружеской неверности до озабоченности расчетливой матери.

Сходство первых дам «Мертвых душ» и «Ревизора» позволяет воспользоваться в качестве авторского комментария «Замечаниями для гг. актеров», где Гоголь удостоил Анну Андреевну такой характеристики: «провинциальная кокетка, еще не совсем пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девичьей» [13, т. 4, с. 9], что вполне соответствует и супруге губернатора в «Мертвых душах». Особенно примечательны здесь «романы и альбомы», которые могут таким образом косвенно указывать и на эпистолярные пристрастия этих немолодых кокеток. А еще их объединяет повышенный интерес к заезжим кавалерам.

Типология помогает прочитывать криптографию, хотя в этой конкретной ситуации можно обойтись без нее. В частности, о литературности губернаторской супруги можно заключить и без обращения к параллельным текстам. Комментируя речь губернаторши, повествователь признает, что не может в точности передать ее слов, а лишь отмечает, что так «изъясняются дамы и кавалеры в повестях наших светских писателей», и приводит пример, как они изъясняются («неужели овладели так вашим сердцем, что в нем нет более ни места, ни самого тесного уголка для безжалостно позабытых вами» [13, т. 6, с. 166]), как бы подсказывая читателю, что так же было написано и письмо, полученное Чичиковым.

Гоголевская реминисценция, обращая пьесу «Ревизор» в криптокомментарий «Мертвых душ», увеличивает вероятность возникающего предположения, но почему-то оно не становится несомненным. Что-то все-таки мешает исследователям отождествить

жену губернатора и незнакомку, написавшую любовное послание. Возможно, эта помеха предусмотрена автором, потому что это – *пушкинская реминисценция*.

Как было отмечено исследователями, письмо незнакомки в поэме Гоголя содержит аллюзии на пушкинские произведения («Евгений Онегин», «Цыганы»), начиная с решительного: «Нет, я должна к тебе писать!» до призыва оставить город с его «душными оградами» [13, т. 6, с. 160]. Отсюда простое умозаключение: повторяя поступок Татьяны Лариной, письмо Чичикову написала губернаторская дочка. У нее, выпускницы института, такое же книжное воспитание, ее воображением владеют литературные герои (они даже перечислены: «Звонские, Линские, Лидины, Гремины») и, судя по впечатлению, которое она производит на героя, ей в поэме приготовлена роль более чем второстепенного персонажа.

Этих совпадений достаточно, чтобы заметить сходство, но недостаточно, чтобы отождествить. У дочки губернатора нет главного – любви, которая движет Татьяной. Иначе почему она «зевает» рядом с Чичиковым?

А губернаторша, напротив, сама любезность и обращается к гостю «ласковым и несколько даже лукавым голосом» [13, т. 6, с. 166]. Что означает это *ласковое лукавство*, кроме светской любезности? Наверное, что-то *искушающее*, от чего благоразумнее было бы *избавиться*?

Значит, все-таки логичнее допустить, что письмо написала не дочь, а ее мать. Оттого и написано оно в стиле «тогдашнего», *пушкинского* времени, когда почтенная дама была такой же, как пушкинская Татьяна, юной, неопытной, влюбленной. А теперь, написанное в другое время и в другом возрасте, письмо выглядит пародийно.

При таком допущении мотивация тайного признания обретает конкретность, хотя и не становится однозначной. Если это не любовное послание, тогда что это? Потребность в любви, безлюбное томление, питаемое литературой? Просто розыгрыш, развлечение от скуки провинциальной жизни? Забота о будущем дочери, нехитрая уловка, чтобы поймать выгодного жениха? Это может быть что угодно, только не любовь. Любовь в первом томе «Мертвых душ» не живет.

Блондинка. – Мысли Чичикова о незнакомке резко прерываются, когда на балу появляется губернаторская дочка. Происходит резкая смена состояний героя, которая побуждает читателя сравнивать эти состояния, видя в них нечто большее, чем различия. Это эпизод, когда *типичный представитель* проявляется и как архетип, и как индикатор отношений, аспектов, уровней.

Виртуозный коммуникант Чичиков, легко и естественно принимающий предлагаемые ему роли, прочитав письмо незнакомки, тут же превращается в «Дон Жуана», а встретив даму сердца – в «Дон Кихота». В одном случае он получает любовное признание, в другом – любовное озарение. В одном случае ему предстоит говорящая неизвестность, в другом – молчаливая видимость. Подверженный этим воздействиям, он мгновенно переходит от любовной игры к внезапной влюбленности. Искусство оболыбления уступает природе безыскусного чувства, искусственная таинственность сникает перед таинством жизни.

Наблюдая за метаморфозой героя, читатель видит, как по-разному воздействует на мужчину женская сущность, являясь в двух формах – словесной и телесной. Понятно, что это развоплощение ситуативное и условное: письмо написано, естественно, существом не эфемерным, а молчаливая институтка обладает даром речи. Их телесно-духовное различие представляется более утонченным, чем визуальные очевидности и незримости. Письмо – тоже в некотором роде телесность – явление себя в формах, доступных восприятию. Скрывая свою внешность, незнакомка выразила не

только свои мысли и чувства, но и свой образ. Так же и блондинка, представленная явно, но безмолвно, может скрывать в себе не только милые мечтания невинной души, но и память о первородном грехе, и лукавый искушающий голос ее матери озвучивает вероятность такой ассоциации.

Сложно определить, насколько гоголевские бинарные оппозиции были осознанными. Может быть, Гоголь просто следовал за Пушкиным, знатоком женщин, который сумел структурировать женское многообразие до двух сестер – Татьяны и Ольги Лариных. Может, это не гоголевский, а *пушкинский структурализм* выразился в «Мертвых душах». Если незнакомка, отправившая герою письменное признание, повторяет поступок старшей сестры, то почему не предположить, что прообразом очаровательной юной блондинки явилась младшая сестра? Она тоже белокурая, круглолицая и даже тоже сравнивается с мадонной, но как!

*В чертах у Ольги жизни нет.
Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.*

[16, т. 5, с. 166]

При явной похожести этих блондинок, пушкинской и гоголевской, отношение к ним противоположно. Это различие может оказаться намеренным, если выяснится, что оно встроено в общую систему соотношений.

Преувеличенно сниженный портрет Ольги, как и преувеличенно возвышенный портрет губернаторской дочки, характеризует не только героиню, но и героя: в одном случае – Онегина, в другом – Чичикова. У одного – «резкий, охлажденный ум» [16, т. 5, с. 24], другой – влюблен, и по этой причине чичиковское восприятие аналогично восприятию влюбленного Ленского. Оба художника изображают таким образом действия любви, ее способность изменять восприятие, а читатель оказывается перед вопросом: чем является это изменение – искажением или прозрением?

И Гоголь, и Пушкин высказываются об этом опосредованно, через свои художественные подобию. Гоголевский повествователь описывает преобразующий взгляд влюбленного как поэтический, представляя его особенность как закономерность: «Видно, так уж бывает на свете, видно, и Чичиковы, на несколько минут в жизни, обращаются в поэтов...» [13, т. 6, с. 169]. У Пушкина иначе – истинно поэтическим является взгляд ясный, зоркий, сверхчувственный. Сравнивая двух сестер, Онегин говорит: «Я выбрал бы другую, / Когда б я был, как ты, поэт» [16, т. 5, с. 50].

Пушкин не отождествляет, а наоборот, разделяет состояния влюбленности и поэтического вдохновения: «прошла любовь, явилась муза» [16, т. 5, с. 29]. Оба состояния соприсутствуют в жизни поэта, обе силы предопределяют его творчество, обе любезны ему – совсем как сестры Ларины: жизнь поэзии и поэзия жизни. Под воздействием этих сил его собственное бытие оказывается раздвоенным, проявляясь в его поэтических двойниках как пары гармонического двуединства: Онегин и Ленский, Моцарт и Сальери, Дон Гуан и Командор.

В поэме Гоголя эта пушкинская эстетическая гармония, преодолевающая жизненную дисгармонию, подвергается строгой аскетической ревизии. В 6-й главе, плюшкинской по сюжету, но пушкинской, по сути, по насыщенности пушкинскими аллюзиями, и литературными, и биографическими, указан момент, после чего началось

духовно-нравственное падение героя, – смерть жены. Лишенный жизненной опоры, Плюшкин оказался психологически бессилён предотвратить распад своей семьи, своего хозяйства и самого себя.

В этой же главе слышится семейная ссора («Врешь, пьяница! я никогда не позволяла ему такого грубиянства!») [13, т. 6, с. 131], которая контрастна театральным мечтаниям («испанская улица, ночь, чудный женский образ с гитарой и чудными кудрями») [13, т. 6, с. 131]). А может, это стороны одного сюжета, если они из пушкинского «Каменного гостя». Выстраивая такую брачно-внебрачную оппозицию, Гоголь показывал обстоятельства, которые предопределяли жизнь и смерть Пушкина. Может, он выражал не лично свое, а бытующее представление о роковой роли женщины в судьбе поэта.

Как бы отвечая Гоголю и другим интерпретаторам его судьбы, Пушкин писал жене: «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, – а душу твою люблю я еще более твоего лица» [16, т. 10, с. 342]. Оформляя свой комплимент в безусловную констатацию, он тем самым корректирует общественное мнение, а также и выбор Ленского, и критику Онегина.

Виденье. – Татьяна не шутит и не играет, когда пишет письмо, она же «идеал», не испорченное светом создание, и в этом также видится сходство пушкинского и гоголевского образов. Губернаторская дочка тоже ведь «идеал», судя по тому, как она описана: она тоже еще не испорчена родней и приличиями, в ней «нет еще ничего бабьего» [13, т. 6, с. 93]. Ее идеальность подчеркнута сходством с мадонной, и этим сравнением пушкинская реминисценция не только усиливается, но и двоятся, поскольку соотносится не только с Татьяной, но и с ее сестрой Ольгой, которая сравнивается с мадонной, пусть и с «Вандиковой» [16, т. 5, с. 50].

Сами по себе эти сходства можно было бы счесть не существенными для общего понимания поэмы, если бы не насыщенный пушкинский подтекст и этого фрагмента, и всего произведения в целом. Пушкинское присутствие в «Мертвых душах», тотальное и продуманно фрагментарное, раздробленное на многочисленные полужития, аллюзии, ассоциации и т.д., вовлекают читателя в неявное смысловое движение – пиететно-генеалогическое и вместе с тем пародийно-полемическое, составляющее внутренний пушкинский сюжет поэмы.

Может, именно поэтому, в силу пушкинских аллюзий, встреча Чичикова на балу с юной блондинкой – *не первая*. А первая их встреча произошла, как напоминает повествователь, на дороге, после отъезда Чичикова «от Ноздрева» [13, т. 6, с. 166], который ассоциативно весьма похож на молодого Пушкина (вино, женщины, карты, бакенбарды). В продолжение этого дорожного происшествия герой так и не сумел заговорить с явившейся ему на пути хорошенькой незнакомкой, и вскоре она скрылась, «как что-то похожее на виденье» [13, т. 6, с. 92].

Ключевое слово, соединяющее эти две встречи, – «виденье», которое в насыщенном пушкинскими аллюзиями тексте должно вызвать в памяти русского читателя хрестоматийные строки:

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.*

[16, т. 2, с. 238]

Апелляция к Пушкину придает этой коллизии значение поэтической и психологической закономерности. Потрясение, которое испытывает Чичиков при второй встрече с незнакомкой, воспринимается как нечто большее, чем увлечение героя или фантазия сочинителя. Это природа любви, тайна бытия, мгновения высшей реальности. «Гений чистой красоты» - это поэтическое указание на божественность любви, в этом Пушкин повторяет Жуковского [14, с. 360], своего учителя, и не только его – всю романтическую традицию, и Гоголь, в свою очередь, воспроизводит ее, но, конечно, по-своему, по-гоголевски, подвергая эту закономерность художественному испытанию.

Гоголь показывает, как под воздействием любви даже такой закоснелый тип, как Чичиков, начинает превращаться в поэта. Показав метаморфозу героя как пробу и предварение будущего преображения, автор тут же пригашает свой пафос, как бы сомневаясь, не слишком ли смело он употребил столь высокие слова, как «любовь» и «поэт», в отношении столь прагматичного и прозаичного героя, но все же употребляет их, вознося закон любви над человеческими различиями даже выше и шире, чем пушкинское «Любви все возрасты покорны» [16, т. 5, с. 153]:

«Нельзя сказать наверно, точно ли пробудилось в нашем герое чувство любви, даже сомнительно, чтобы господя такого рода, то-есть не так чтобы толстые, однако ж и не то чтобы тонкие, способны были к любви; но при всем том здесь было что-то такое странное, что-то в таком роде, чего он сам не мог себе объяснить...» [13, т. 6, с. 169].

Мадонна. – На слове «мадонна», сближающем пушкинские и гоголевские женские образы, стоит задержаться. В таком семантически насыщенном тексте, как «Мертвые души», таком выверенном и скрупулезно выписанном, в таком русском, от размашистого замысла, охватывающего «всю Русь», до воплощения его в таком же размашистом языке, каждое иностранное слово невольно приостанавливает внимание.

Если быть пуритански строгим, тогда следовало бы в русской поэме вместо слова «мадонна» писать «Богородица». И тогда, в контексте адских аллюзий, которыми наполнен первый том, это слово выделялось бы среди других слов, вызывая ассоциации с апокрифом «Хождение Богородицы по мукам». Тогда и путешествие Чичикова, подсвеченное этим образом, должно восприниматься как имеющее, среди прочих значений, и скрытый сакральный смысл.

Примечательно, что слова «мадонна» нет в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля, хотя оно уже вошло ко времени создания «Мертвых душ» в русский поэтический язык, и прежде всего благодаря Пушкину. И главное среди этих нововведений – сонет «Мадонна» (1830), обращенный Пушкиным к своей будущей жене. Мог ли Гоголь в своей наполовину пушкинской поэме, сравнивая героиню с мадонной, учесть это стихотворение? Нет, правильнее спросить иначе: мог ли он его не учесть?

Для Гоголя, любителя и знатока живописи, должно быть особенно значимо, что пушкинское стихотворение – это поэтический экфрасис, описание картины, которую желал бы вечно созерцать автор. На ней изображены Пречистая и Спаситель: «Она с величием, он с разумом в очах — / Взирали, кроткие, во славе и в лучах, / Одни, без ангелов, под пальмою Сиона». Желание поэта исполнилось – эффектно, эстетически:

*Исполнились мои желанья. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец*

[16, т. 3, с. 166]

Не отменяя прельстительную греховность женской красоты, Пушкин катарсически очищает ее, а заодно и обретающее ее искусство («образец»). Религиозное сознание Гоголя строже отреагировало на заключительную пушкинскую строку, потому что обе его прелестницы, «незнакомка» и «блондинка», находятся в «Аду» - в первой, inferнальной части «Мертвых душ».

Прозаический аналог этого стихотворения – письмо Пушкина невесте, в котором то же сопоставление изображения и оригинала: «Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40 000 рублей» [15, с. 9].

Комментаторы уточняют, что Пушкин стоял перед картиной Рафаэля «Бриджуотерская мадонна» (названной так по имени герцога Бриджуотера, ее владельца), а точнее, перед ее копией, выставленной для продажи в витрине книжного магазина Сленина на Невском проспекте в Петербурге [15, с. 113]. И хотя в том же году (правда, 1 апреля) было высказано сомнение в авторстве Рафаэля [5], но для Гоголя, конечно, было важно, чтобы автором был именно Рафаэль.

Слово «мадонна» вводится в текст гоголевской поэмы так элегантно, что одним своим упоминанием сближает и одновременно противопоставляет близкие автору культуры, итальянскую и русскую, и дорогих ему мастеров, Рафаэля и Пушкина, явивших миру высшие образы женской красоты. К ним присоединяется и сам Гоголь, описывая девичье лицо, «какое художник взял бы в образец для мадонны и какое только редким случаем попадает на Руси» [16, т. 6, с. 166].

В обоих случаях Гоголя занимает, помимо технических секретов и эстетических загадок, тайна преобразования: как удавалось этим мастерам, итальянскому и русскому, в земной человеческой красоте прозревать и выразить неземную. Пушкину было легче справиться с этой задачей: его жена – одна из петербургских красавиц; труднее, но и показательнее пример Рафаэля, писавшего своих мадонн с простушки Форнарины.

Мать и дочь. – По мере раскрытия прототипов «Мертвых душ» и убеждаясь, что они имеются у всех персонажей поэмы, невозможно допустить исключение для тех, кто правит бал в губернском городе NN. Уже зная, что это должны быть значимые для «большого света» персоны и, насколько это возможно, лично знакомые Гоголя, число претендентов на роли матери и дочери губернаторского семейства сокращается до очевидного минимума. Первые в их числе – графиня *Луиза Карловна Виельгорская (1791-1853)* и ее дочери Софья и Анна, одну из которых, если наше предположение верно, Гоголь взял «в образец» для своей мадонны.

Загадка несложная: это графиня *Софья Михайловна Виельгорская (1820-1878)*, воспетая в стихотворении Михаила Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю», а также, как предполагают, и в некоторых других: «Есть речи — значенье...», «Слышу ли голос твой...», «Она поет — и звуки тают...» и «Как небеса твой взор блистает...» [6, с. 519].

Если этих поэтических восторгов недостаточно для узнавания, то вот ее описания в романе «Большой свет» (1839) графа Владимира Соллогуба: «прелестное личико», «милое видение», «полуземное существо», «оно как будто слетело с полотна Рафаэля, из толпы его ангелов...» [17, с. 97, 99, 98].

В литературном поединке с поэтом за сердце Софьи граф оказался более удачлив: в 1840 году она стала его женой.

Нужно также иметь в виду, что семейство Виельгорских – одно из самых приближенных к императорскому двору. Глава семейства – видный царедворец; его

супруга – принцесса Курляндская, фрейлина российской императрицы, и этим уже много сказано; их сын Иосиф – получал приватное образование совместно с наследником престола.

Гоголь оказался близок к графскому семейству и по своим творческим заслугам, и в силу трагических обстоятельств, когда ему пришлось находиться рядом с умирающим Иосифом, после чего быть утешителем Луизы Карловны и духовным наставником ее дочерей. Его переписка с Виельгорскими продолжалась с 1838 по 1850 год, сохранилось 63 письма Гоголя и 41 письмо Виельгорских [12, с. 201]. Кроме того, он был приятелем их зятя графа В.А. Соллогуба.

Получив столь близкий опыт общения с представителями большого света, Гоголь как художник мог бы сполна воспользоваться этим эксклюзивом, но он благоразумно ограничился темой воспитания, характеризующей взаимоотношения и взаимоотражения матери и дочери:

«Вот пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. В один год так ее наполнят всяким бабьем, что сам родной отец не узнает. Откуда возьмется и надутость, и чопорность; станет ворочаться по вытверженным наставлениям, станет ломать голову и придумывать, с кем, и как, и сколько нужно говорить, как на кого смотреть; всякую минуту будет бояться, чтобы не сказать больше, чем нужно; запутается наконец сама, и кончится тем, что станет наконец врать всю жизнь, и выйдет, просто, чорт знает что!» [13, т. 6, с. 93].

По этому описанию выходит, что губернаторша и ее дочь – полюса единого родового процесса и противоположности одного семейного цикла. Мать – рождает дочь, но она же ее и губит ее душу, превращая в «чорт знает что». Мать – генеалогическое прошлое дочери, но она же – и ее типологическое будущее. Губернаторша – это замкнувшийся жизненный круг, в котором и она сама заключена, исполняя ритуалы житейской предопределенности.

Этот круг, как его представляет Гоголь, универсален, но не фатален. Выход из него возможен, но повествователь называет его *чудом*, когда размышляет, как может сложиться жизнь юной губернаторской дочки: «Из нее всё можно сделать, она может быть *чудо*, а может выйти и *дрянь*, и выйдет дрянь!» [13, т. 6, с. 93].

В затекстовой области таким чудотворцем предстанет сам Гоголь, который возьмет на себя духовное воспитание Софьи Михайловны и в особенности юной Анны Михайловны. Его письма, то почтительно-ироничные, то дружески-доверительные, то учительски-вразумляющие, содержат индивидуальную программу воспитания: от уроков прямоты до прямых наставлений, от рекомендаций, что читать, до нотаций, как себя вести в обществе («бросьте всякие, даже и малые, выезды в свет»; «храни вас Бог также от поползновений на так называемую светскую любезность»; «сохраняйте простоту дитяти — это лучше всего» [12, т. 2, с. 242] и т.п.).

Описывая в поэме пагубные для души правила поведения, Гоголь избегает компрометирующих подробностей, он мыслит широкими обобщениями, не без основания надеясь, что эта широта скроет реальных прототипов. В то же время сужение темы до проблем воспитания прикрывало и скрадывало масштабы обобщения. Его критика формального воспитания, которое сводится к усвоению светских приличий, при последовательном размышлении в заданном направлении может расширяться до критики формализма в государственной жизни, когда соблюдение установленных правил подменяет живую жизнь.

Порядок – соприроден, в этом его самооправдание, но в природном порядке случаются и знаменательные нарушения, и тогда варианты судьбы губернаторской дочки - «чудо» или «дрянь» - воспринимаются как варианты исторической судьбы.

В «Выбранных местах...» Гоголь напишет уже не о возможности, а необходимости нарушения порядка. Государственная машина бездушна, но должен быть кто-то один, кто способен и обязан ее одушевить. Гоголь полагает, ссылаясь на Пушкина, что таким правом – быть выше закона – должен обладать монарх: «нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти» [13, т. 8, с. 253].

В других гоголевских сочинениях подспудно, а местами и открыто, высказывается мысль, что такой властью обладает и монах, подчиненный иному порядку, который не от мира сего. Сам же Гоголь, ощущавший себя монахом в миру, создает произведение, в котором показывает омертвление государственных установлений и общественных условностей, а как гражданин, не безразличный к состоянию общества и своего окружения, стремится быть духовным наставником для тех, кто принимал его учительство.

Бледный идеал. – И все-таки избранницей Гоголя стала не эффектная Софья, а ее младшая сестра – графиня *Анна Михайловна Виельгорская (1823-1861)*, о которой Владимир Соллогуб сказал, что «Анна Михайловна, кажется, единственная женщина, в которую был влюблён Гоголь» [18, с. 143]. Их платонические отношения, непринужденное общение и дружеская переписка сопровождали работу Гоголя над «Мертвыми душами», и нет причин не допускать, что какие-то моменты их общения могли отразиться и в его поэме.

Любовь Гоголя к Анне Виельгорской была не такая, как влюбленность Чичикова, а глубокая, осознанная, позволяющая замечать в юной девице качества, незаметные для других: «У ней есть то, чего я не знаю ни у одной из женщин: не ум, а *разум*; но ее не скоро узнаешь; она вся *внутри*» [13, т. 13, с. 171]. Эта любовь, какой бы она ни была, рыцарской, братской или творческой, по-видимому, побудила его преобразить этот характер в богоподобный образ, увидеть в самоуглубленной, взыскательной к себе и не по годам рассудительной девушке ту, которая могла бы стать его Беатриче, его Мадонной.

Она была не настолько миловидна, как прелестная блондинка в «Мертвых душах», но для Гоголя это не недостаток. Наоборот, это дополнительная возможность для углубленных отношений, и он на правах близкого друга ей прямо писал: «Ведь вы нехороши собой. Знаете ли вы это достоверно?» [13, т. 14, с. 92].

Любовь Гоголя, если она была, усиливалась великими классическими образцами и прежде всего дантовско-пушкинской традицией. Вслед за предшественниками он воспроизводит преклоненное отношение женщине, но не страстное, а благоговейное и вдохновенное, позволяющее узреть ее духовное назначение в жизни мужчины и осознать ее миссию в жизнеустройстве человечества.

После публикации «Мертвых душ» слава Гоголя возросла до степени великого русского писателя и, казалось, превзошла сословные границы, а его чувство к Анне Михайловне созрело до серьезного намерения. Как полагают биографы, Николай Васильевич все-таки решился просить ее руки, а поскольку никаких последствий, кроме душевных страданий, это намерение не произвело, можно заключить, что он получил отказ или понимание, что ответ будет именно таким.

А если был отказ, то были и причины. Наиболее вероятные – очевидны: сословные предубеждения, несветскость и несостоятельность жениха, нежелание

невесты. К ним можно добавить и неочевидную причину: это могла быть и гоголевская поэма, если Луиза Карловна узнала себя в образе губернаторши.

Может, еще и поэтому, чтобы разубедить Виельгорских в подозрениях, пусть и небеспочвенных, в непопозволенной дерзости, с которой сочинитель посмел изобразить почтенное семейство в своей хотя и бессмертной, но в высшей степени сомнительной поэме, Гоголь во втором томе «Мертвых душ» создает «идеальный» образ Улиньки, в котором исследователи узнают Анну Михайловну Виельгорскую [4, с. 319–321, 353].

Невозможность быть вместе с близким человеком причиняло Гоголю страдания, как видно из его письма к А.М. Виельгорской («...я много выстрадался с тех пор, как расстался с вами в Петербурге. Изныл весь душой, и состоянье мое так было тяжело, так тяжело, как я не умею вам сказать» [13, т. 14, с. 187]). Была в этом суровая правда судьбы, но было и эстетическое утешение: усиливалось сходство автора «Мертвых душ» с автором «Божественной Комедии».

Беатриче. – Обоожествление возлюбленной – простительная поэтическая вольность, воспринимаемая как фигура речи, освященная традицией. А итальянское слово в поэме должно сигнализировать, какая именно эта традиция: та же, которой следует автор – дантовская. Для идущего по жизненным дорогам, предваряющим круги Ада, а затем и Чистилища, и орбиты Рая, главным путеводителем является любовь.

Прекрасноюная блондинка, способная своей красотой и свежестью привести в измененное сознание даже такого прагматика, как Чичиков, никаких специальных усилий к этому не прилагает. Всё, чем она может прельщать, дано ей от природы. Она своим обликом и возрастом просто транслирует природную красоту. Ее внешность привлекательна, она вызывает, как показано в поэме, физическое влечение, но, как сказано, она вызывает и более тонкие, эстетические чувства и потому привлекательна и для художников, которые способны увидеть в ней «образец» для своих «образов». Она – прекрасная модель, являющая собой красоту и обращающая к красоте как таковой, к идеальной сущности человека, к его первообразу. Этого достаточно для оправдания искусства, для его смысла и спасительной миссии, но этого недостаточно для Гоголя.

В «Мертвых душах», в первом томе, где духовная жизнь замерла или умерла, даже прекрасное лицо, могущее переориентировать героя, перенаправить его мысли и помыслы, привести его хотя бы на короткое время в замешательство, само по себе неподвижно и безжизненно. Прекрасная блондинка – такая же кукла, как и другие персонажи этого тома, только красивая.

Во втором томе иначе – показаны различные движения жизни, и в противоположность пассивной, внешней красоте показана активная, внутренняя – *грация*, как называли ее художники и теоретики Возрождения. Очаровавшая Чичикова блондинка забыта, но встречается другая, тоже по-своему очаровательная девушка, хотя и не настолько, чтобы пленить с первого взгляда. Так же, как пушкинская Татьяна рядом с сестрой Ольгой, она, уступая во внешней привлекательности, прекрасна внутренне. Это пушкинский «милый идеал» [16, т. 5, с. 164], представленный в гоголевской интерпретации – в образе дочери генерала Бетрищева, словно она и в буквальном смысле литературная дочь Татьяны Лариной, вышедшей замуж за генерала. В отличие от губернаторской дочери из первого тома «Мертвых душ», у генеральской дочери из второго тома есть индивидуальность, характер и, соответственно, имя: Улинька.

О персонаже по имени Улинька читатель узнает уже в первой главе второго тома. Узнает главное: это свободная и стремительная натура. Свободная от родительского воспитания (мать умерла, а «отцу было некогда»), от светских условностей и от

архаичных предрассудков. Она живо и непосредственно, не таясь и не подбирая слов, реагирует на проявления несправедливости. Ее реакция мгновенна и принципиальна: она строго и безоговорочно, невзирая на чин и реноме, осуждает всякого, кто совершил бесчестный поступок, но при этом не отождествляет совершившего с тем, что он совершил, потому что готова ему помочь, если он сам окажется в положении несправедливо пострадавшего. Она само воплощение справедливости, притом решительной и деятельной. Она, с ее активностью и прямоотой, противоположна соседу Тентетникову (опять же, как Татьяна и Онегин), но как раз поэтому они могут составить гармоничную пару.

Вражда двух соседей-помещиков, у которых сын одного из них любит дочь другого, – это тоже узнаваемый пушкинский сюжет, на этот раз из неоконченной повести «Дубровский», из чего может следовать, что Маша Троекурова – еще один из прообраз гоголевской Улиньки. На неслучайность этого соответствия указывает слово «дуброва» в заключительном абзаце 1-й главы [13, т. 7, с. 36].

Более того, в гоголевской интерпретации пушкинский женский идеал включает еще один образ: гоголевская генеральская дочь соотносится с пушкинской «капитанской дочкой» из одноименной повести, тоже Машей.

Сдвоенный, пушкинско-гоголевский идеал, казалось бы, должен производить удвоенное впечатление, но случилось наоборот. Улинька, как пишут о ней, кажется «лицом немного идеальным, бледным, неоконченным» (Л. Арнольди) [11, с. 488] или даже слишком идеальной: «Уленьку немного сведите с идеала...» (А.О. Смирнова-Россет) [13, т. 7, с. 415], «недорисованной» (А. Белый) [1, с. 110, 166], «недоговоренной, бесплотной» (Н.Л. Степанов) [10, с. 560]... Словом, «эта идеальная Улинька бесплотна и безжизненна» (Ст. Рассадин и Б. Сарнов) [7, с. 75], «похожа на покойницу. Бледна, прозрачна, почти не говорит и только плачет» (В.В. Розанов) [3, с. 309].

Суд литературных экспертов строг и неоспорим, но поскольку эстетический кодекс впечатан в тот же текст, который подлежит читательскому суду, то всегда в защиту автора можно привести смягчающие обстоятельства. Так, в деле Улиньки Бетрищевой полезно учитывать два-три момента, которые могут изменить оптику восприятия.

Во-первых, не будем забывать, что глава, по которой мы судим о героине, это уцелевшая редакция, по сути – эскиз, абрис, визуальный и смысловой контур. Во-вторых, как выясняется, это отчасти пушкинский образ, а по сути – образ образа, и оттого его жизненная конкретика кажется недостаточной. В-третьих, обратим внимание, что, отвечая на замечания первых слушателей, Гоголь сказал, что в последующих главах героиня выйдет «рельфнее» [11, с. 488]. Мемуарист ручается, что он точно запомнил слова писателя, и этому можно найти подтверждение в тексте поэмы: если лицо губернаторской дочки так прекрасно, что художник взял бы его «в образец для мадонны», то черты генеральской дочки так элегантны, что «ваятель перенес бы их тотчас же на мрамор» [13, т. 7, с. 163]. Соотнесение идеальных образов первого и второго томов, отмечаемое исследователями [9, с. 188], примечательно и способом их идеализации: оба персонажа представлены как образцы для произведений искусства, только в одном случае для живописи, а в другом – для скульптуры. В этом, по-видимому, тоже одна из причин кажущейся «бледности» образа Улиньки.

Итак, перед нами не обычный портрет, а проступающий в нем незаконченный – эскиз – мраморного изваяния. Если учитывать эти особенности, тогда образ Улиньки Бетрищевой откроется иначе, не в соответствии с ожиданиями литературных критиков, а в согласии со своей природой и авторским замыслом.

В.В. Розанов, который якобы всю жизнь боролся с Гоголем, так объяснил статурность гоголевского письма:

«Разве есть женщины, похожие на Афродиту Милосскую? Но все живые женщины, какие ни есть, со своей жизнью, со своею действительностью, не сотворили того впечатления, того облагораживающего, возвышающего влияния, какое сделал и делает вторую тысячу лет этот недвижимый, бездушный мрамор. Так еще *бездушен* ли он по этой силе своего действия, нет ли тайной особой души в формальном начале, в простых, бледных, бесцветных формах? Они бессодержательны, но прекрасны. <...> Гоголь делал подобное же» [3, с. 238].

Потому, наверное, и Гоголь, выслушав от слушателя замечание о бледности его героини, «немного задумался» и согласился, что следует ее сделать *рельефнее*.

Упомянутые искусства и подразумеваемые шедевры, с которыми соотносятся гоголевские богоподобные образы, указаны как возможности творческого воплощения, но так как воплощены они все-таки не на холсте и не в мраморе, а в словах, в поэме «Мертвые души», то этими сравнениями она (поэма) возводится автором в один ряд с вершинными созданиями искусства, правда, так деликатно, что на первый план выступает не ценностный аспект, а художественно-эстетический. Гоголь показывает, что вещественность художественного образа предопределяется особенностями прообраза, но эти различия несущественны, поскольку то, что подлежит кисти или резцу, подвластно и перу. Существенна в искусстве, по Гоголю, не вещественная природа, а духовная, которая проявляется как *свет*. Световая субстанция искусства передается и в цвете, и в линиях, и в камне, но наиболее приближено к ней слово, минимально отягощенное материальностью. Поэтому момент появления Улиньки в поэме, особенно в ранней редакции, преисполнен искусной светописью, вызывая впечатление призрачности и нездешности:

«Если бы в темной комнате вдруг **вспыхнула** прозрачная картина, **освещенная** сзади **лампами**, она бы не поразила так, как эта **сиявшая** жизнью фигурка, которая точно предстала затем, чтобы **осветить** комнату. Казалось, как бы вместе с нею влетел **солнечный луч** в комнату, **озаривший** вдруг потолок, карниз и темные углы ее. Она казалась **блистающего** роста» [13, т. 7, с. 163].

Семантику этого свечения объясняет фамилия Улиньки – *Бетрищева*, которая должна вызывать ассоциацию с дантовским образом *Беатриче*, которая предстает герою, достигшему Чистилища, явившись из области света.

Пушкинский сюжет (Вместо заключения). – Пушкинские аллюзии в «Мертвых душах» не просто многочисленны – они взаимосвязаны, смыслообразующи, сюжетны. Может, это и есть тот самый «сюжет», который получен Гоголем от Пушкина? Ничего ведь конкретно не известно, что именно он получил. Единственный достоверный (достоверный?) источник этой информации – сам Гоголь, который сообщает об этом лаконично и взвешенно: «Это был сюжет Мертвых душ» [13, т. 8, с. 440]. И всё. Понимайте, как хотите.

Объективно сюжетом «Мертвых душ» является чичиковская махинация, но этот сюжет вряд ли можно назвать «пушкинским», поскольку он был известен Гоголю еще до знакомства с поэтом.

Это могла быть какая-нибудь идея, возвышающая анекдот до высокого смысла, или канва, предопределяющая перипетии повествования, например, что-нибудь вроде «Дон Кихота», на которого ссылался Пушкин, побуждая Гоголя взяться за большое сочинение, но и тогда сюжет был бы «сервантесовским» или чьим-либо, но никак не пушкинским.

Это могло быть что-нибудь из пушкинских нереализованных тем («Ромул и Рем», «Иисус», «Беральд Савойский», «Павел I», «Курбский...») [8, с. 276], но ни одна из них не стала сюжетом гоголевской поэмы, даже если принимать во внимание, что имя главного героя – Павел и он вызывает евангельские ассоциации.

Можно было бы усомниться в гоголевской апелляции к Пушкину, но нельзя – это Гоголь и это его «исповедь». Если автор называет сюжет своей поэмы «пушкинским», значит, так оно и есть.

И вот, исследуя подтексты «Мертвых душ», мы находим там то, что видно с самого начала, с жанрового определения, которое зеркально по отношению к пушкинскому «Евгению Онегину»: у Пушкина – «роман в стихах», у Гоголя – «поэма в прозе».

Сюжет в «Евгении Онегине» - взаимоотношения двух приятелей (Онегина и Ленского) и двух сестер (Татьяны и Ольги Лариных). Этот сюжет обнаруживается и в «Мертвых душах»: момент влюбленности Чичикова воспроизводит чувства Ленского к Ольге, а любовь Тентеникова и Улиньки воссоединяет Онегина и Татьяну.

Не надо лишней раз напоминать, насколько важно было для Гоголя его совмещение с Пушкиным, особенно посмертное, но нельзя не отметить проявление пушкинского сюжета в жизни Гоголя, притом как раз во время написания его поэмы. В 1836 году Гоголь знакомится с семейством Виельгорских [2, с. 466], где, как и в семье Лариных, две сестры – Софья и Анна, которые различны меж собою примерно так же, как Ольга и Татьяна. Его приятель граф Соллогуб (тоже Владимир, как и Ленский) женился на Софье («Ольге»), и Гоголь мог бы ему сказать словами Онегина: «Я выбрал бы другую» [16, т. 5, с. 50]. Он, действительно, проникся глубокими чувствами к другой сестре, к Анне («Татьяне»). Присутствует в этом сюжете и ранняя смерть, только она постигла не жениха, как у Пушкина, а брата этих сестер.

Путешествие по России, исключенное из романа «Евгений Онегин», совершается в поэме «Мертвые души».

Сближает оба произведения также общий у них «дантовский план».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование / А. Белый. — М.; Л.: ГИХЛ, 1934. — 324 с.
2. Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809-1852) / И.А. Виноградов: В 7 т. — Т. 2. 1829-1936. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — 672 с.
3. Гоголь в русской критике: Антология / Сост. С.Г. Бочаров. — М.: Фортуна ЭЛ, 2008. — 720 с.
4. Дзюба Г.Е. Гоголь. Дочь генерала / Г.Е. Дзюба. — М.: Палитра Д, 2021. — 400 с.
5. Лангер В. // Литературная газета. — 1830, 1 апр. — № 19.
6. М.Г. [Гиллельсон М. И.] Соллогуб С.М. // Лермонтовская энциклопедия. — М.: Сов. Энцикл., 1981. — 784 с.
7. Рассадин Ст., Сарнов Б. Рассказы о литературе / Ст. Рассадин, Б. Сарнов. — М.: Детская литература, 1977. — 351 с.
8. Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. — М.; Л.: Academia, 1935. — 967 с.
9. Смирнова Е.А. Поэма Гоголя «Мертвые души» / Е.А. Смирнова. — Л.: Наука, 1987. — 200 с.
10. Степанов Н.Л. Н. В. Гоголь: Творческий путь / Н.Л. Степанов. — 2-е изд. — М.: ГИХЛ, 1959. — 608 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Арнольди Л. И. Мое знакомство с Гоголем // Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников. — М.: ГИХЛ, 1952. — С.472-498.
12. Гоголь Н. В. Переписка: В 2 т. — Т. 2. — М.: Худож. лит., 1988. — 527 с.
13. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1952. Ссылка на это издание дается с указанием тома.
14. Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. — Т.1. — М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959 — 1960. — 480 с.
15. Пушкин А. С. Письма к жене. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. — 259 с.
16. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979. Ссылка на это издание дается с указанием тома.
17. Соллогуб В.А. Большой свет / Соллогуб В.А. Сочинения графа В.А. — Т.1. — СПб.: Издание А. Смирдина (сына), 1855. — 538 с.
18. Соллогуб В.А. Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба. — СПб: Афина, 1993. — 316 с.

REFERENCES

1. Belyj A. Masterstvo Gogolya: Issledovanie / A. Belyj. — M.; L.: GIHL, 1934. — 324 s. (In Russian)
2. Vinogradov I.A. Letopis' zhizni i tvorчества N.V. Gogolya (1809-1852) / I.A. Vinogradov: V 7 t. — T. 1829-1936. — M.: IMLI RAN, 2017. — 672 s. (In Russian)
3. Gogol' v russkoj kritike: Antologiya / Sost. S.G. Bocharov. — M.: Fortuna EL, 2008. — 720 s. (In Russian)
4. Dzyuba G.E. Gogol'. Doch' generala / G.E. Dzyuba. — M.: Palitra D, 2021. — 400 s. (In Russian)
5. Langer V. // Literaturnaya gazeta. — 1830, 1 apr. — № 19. (In Russian)
6. M.G. [Gille'son M. I.] Sollogub S.M. // Lermontovskaya enciklopediya. — M.: Sov. Encikl., 1981. — 784 s. (In Russian)
7. Rassadin St., Sarnov B. Rasskazy o literature / St. Rassadin, B. Sarnov. — M.: Detskaya literatura, 1977. — 351 s. (In Russian)
8. Rukoyu Pushkina: Nesobrannyye i neopublikovannyye teksty. — M.; L.: Academia, 1935. — 967 s. (In Russian)
9. Smirnova E.A. Poema Gogolya «Mertvye dushi» / E.A. Smirnova. — L.: Nauka, 1987. — 200 s. (In Russian)
10. Stepanov N.L. N. V. Gogol': Tvorcheskij put' / N.L. Stepanov. — 2-e izd. — M.: GIHL, 1959. — 608 s. (In Russian)
11. Arnol'di L. I. Moe znakomstvo s Gogolem // N. V. Gogol' v vospominaniyah sovremennikov. — M.: GIHL, 1952. — S.472-498. (In Russian)
12. Gogol' N. V. Perepiska: V 2 t. — T. 2. — M.: Hudozh. lit., 1988. — 527 s.
13. Gogol' N. V. Poln. sobr. soch.: V 14 t. — M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937-1952. Ssylka na eto izdanie daetsya s ukazaniem toma.
14. Zhukovskij V. A. Sobr. soch.: V 4 t. — T.1. — M.; L.: Gos. izd-vo hudozh. lit., 1959 — 1960. — 480 s. (In Russian)
15. Pushkin A. S. Pis'ma k zhene. — L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1986. — 259 s. (In Russian)
16. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 10 t. — L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1977-1979. Ssylka na eto izdanie daetsya s ukazaniem toma. (In Russian)
17. Sollogub V.A. Bol'shoj svet / Sollogub V.A. Sochineniya grafa V.A. — T.1. — SPb.: Izdanie A. Smirdina (syna), 1855. — 538 s. (In Russian)
18. Sollogub V.A. Peterburgskie stranicy vospominanij grafa Solloguba. — SPb: Afina, 1993. — 316 s. (In Russian)

Поступила в редакцию 25.05.2024 г.

**CRYPTOGRAPHY OF FEMALE IMAGES IN POEM "DEAD SOULS"
(STRANGER AND BLONDE)**

A.A. Korablev

The article deals with the hidden consistency of female images in the poem "Dead Souls" by N.V. Gogol. The focus is made on the images of the "stranger" and "blonde", which are associatively correlated with the prototypes of Pushkin's plot and Dante's plan. The plot of Pushkin's allusions in "Dead Souls" arises from the correlation of Gogol's and Pushkin's characters, including Eugene Onegin, Tatiana and Olga Larina, Masha Troekurova, Masha Mironova, as well as female images in the poems "Madonna", "I remember a wonderful moment..." and others. The plot of Dante's plan is expressed in the image of Beatrice, which correlates with Gogol's image of Ulinka Betrishcheva. The key importance of Madonna's allusion, which combines the Italian and Russian cultural traditions in the poem, is considered. It is suggested that the prototypes of the images in question are the mother and daughters of the Vielgorsky family.

Key words: "Dead souls", female images, prototypes, Pushkin's plot, Dante's code, Vielgorsky family, cryptography.

Кораблёв Александр Александрович.
 Доктор филологических наук, профессор.
 Донецкий государственный университет,
 Российская Федерация, г. Донецк.
 Заведующий кафедрой истории русской
 литературы и теории словесности.
 ORCID 0000-0003-1362-6283.
 E-mail: dikoepole@rambler.ru

Korablev Alexander Alexandrovich.
 Doctor of Philology, Professor.
 Donetsk State University.
 Russian Federation, Donetsk.
 Head of Department of History of Russian Literature
 and Theory of Literature.
 ORCID 0000-0003-1362-6283.
 E-mail: dikoepole@rambler.ru

Научная статья

УДК 81:272

DOI: 10.5281/zenodo.12540980

ЗАПАДНОБРЯНСКИЙ РЕГИОЛЕКТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

© 2024 С.Н. Стародубец¹, О.В. Белугина², С.П. Куркина³, К.Н. Кириченко⁴

¹⁻⁴ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени ак. И.Г. Петровского»

¹ORCID 0000-0003-3185-6678.

²ORCID 0000-0002-1081-234X.

³ORCID 0009-0001-0238-586X.

⁴ORCID 0009-0006-2658-961X.

В работе рассматривается специфика языковой ситуации западных районов Брянской области, значительная часть которых граничит с Украиной и Беларусью. Определено, что последняя обуславливает ряд базовых черт западнобрянского региолекта: древнерусскую основу группы диалектных языковых единиц, которые являются идентичными литературным номинациям украинского и белорусского языков, продуктивность в говоре украинизмов и белорусизмов. Помимо названных, зафиксированы и другие языковые черты западнобрянского региолекта, проявляющиеся в продуктивности региональных онимов, языковых единиц конфессионального характера, отражающих особенности менталитета жителей части районов, в которых старожилами являются представители Русской древлеправославной церкви – старообрядцы, уникальных языковых номинаций, связанных с катастрофой в г. Чернобыле 1986 года, различных региональных элементов языка художественной литературы.

Ключевые слова: региональная лингвокультурология, языковая ситуация, западнобрянский региолект, восточнославянская общность, украинизмы, белорусизмы, регионализмы, регионимы.

Для цитирования: Стародубец С.Н. Западнобрянский региолект как лингвокультурное образование / С.Н. Стародубец, О.В. Белугина, С.П. Куркина, К.Н. Кириченко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 19–32. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12540980>.

Введение. Известная популярность лингвистических региональных исследований привела к появлению лингворегионоведения, на основе более традиционного лингвокраеведения.

Н.Ф. Алефиренко в научной работе «Этнокультурная специфика образного слова белгородской Слобожанщины» подчёркивает: «Разработка теоретических основ новых аспектов этнолингвистики позволит заложить принципы нового лингвокультурологического направления – лингво-семиологического регионоведения, ориентированного на комплексное исследование проблемы взаимодействия лингвосомиотики, семантики, познания и культуры на уровне языка и текста» [1, с. 73]. Учёный приходит к выводу о том, наиболее точным отражением объекта исследований лингвокультурного пространства регионов всё-таки является термин *лингвокультурологическое регионоведение* или *региональная лингвокультурология* как новые направления этнолингвистики [1, с. 72–77]. Полагаем, что обоснование профессора Н.Ф. Алефиренко является вполне приемлемым, так как наиболее детально отражает задачи исследования «регионального мыслекода» и его репрезентацию в знаке.

Стабильный интерес к региональной специфике языка обусловлен варьированием языка в пространстве.

Исследованиям региональных языков посвящён ряд известных работ. При поддержке Фонда «Русский мир» авторский коллектив в составе В.И. Теркулова, Н.П. Курмакаевой, В.И. Мозгового, К.В. Першиной, И.А. Кудрейко в 2018 году опубликовал монографию «Донецкий региолект» [2].

Профессор В.И. Теркулов подчёркивает: «...в нашем представлении региолект – это не какая-то разновидность речи, не какой-то отдельный идиом, имеющий своих носителей, а определённая регионально маркированная организация всего языкового пространства региона» [2, с. 17]. Если на большинстве исследованных учёными территорий региолект «приходит на смену» существовавшему там диалекту, то донецкий региолект – продукт и результат языковой диффузии, произошедшей на территории позднего заселения мигрантами – носителями разных языков, наречий, диалектов [11].

С.А. Кошарная провела комплексное лингвокультурологическое и лексикографическое описание диалектного слова в пределах микросистем отдельных говоров и всей совокупности белгородских диалектов с вычленением из общего массива диалектизмов и регионимов – региональных слов, имеющих широкое областное распространение. Исследователь вводит в научный оборот термин «регионим», под которым понимается как особая единица диалектного членения – региолекта. Регионимы в понимании С.А. Кошарной – это территориально ограниченные, но широко употребительные в данном конкретном регионе слова с наличием в них ареальных (диалектных) черт [5, с. 22]. С.А. Кошарная убеждена, что статус регионима может быть присвоен элементу местной речи при условии, что его изоглосса очерчивает территорию, включающую не менее трети районов области. Именно такие лексемы составляют основу региолекта как языкового образования, которое возникает на основе нескольких диалектов, функционирует на территории определенного региона и используется носителями языка вне социальных, возрастных и других ограничений, в отличие от диалекта, который используется на ограниченной территории региона преимущественно сельскими жителями, то есть диалект, в отличие от региолекта, более ограничен территориально, социально и функционально.

Что касается термина «региолект», то С.А. Кошарная включает в его ряд известных понятий: диалект, полудиалект, просторечие [3, 4].

Рассматривая региональный язык Белгородчины, лингвист отмечает, что «региолект Белгородчины и белгородские говоры в основной своей массе опираются на русскоязычную основу, сформировались на базе старорусского языка», при этом речь о заимствованиях из украинского языка не идёт (как в случае с суржиком). Имеет место сосуществование двух языковых систем: русской и украинской: «В белгородских говорах, граничащих с Украиной, мы имеем не одну базовую основу в виде конкретного языка, на которую накладываются элементы другой языковой системы, а две основы, взаимодействие которых повлекло возникновение особого региолекта» [5, с. 22].

Н.П. Курмакаева в научной статье «К вопросу об объеме и уровневой стратификации регионализмов» с опорой на методику Н.Н. Соколянской предлагает включить в состав донецких регионализмов следующие составляющие: собственно регионализмы (разговорно-просторечные слова и выражения, жаргонно-сленговые, диалектные и устаревшие слова, украинизмы), относительные регионализмы (узкоупотребительную лексику и регионимы), книжные регионализмы (терминологию горного дела, элементы языка художественной литературы как маркеры реалий Донбасса) [6, с. 39–43].

Полагаем более обоснованным для обозначения региональных слов использовать термин «регионализм». Под термином «регионим» мы понимаем региональные имена собственные (= «региональный оним»).

Цель исследования – определить лингвокультурную специфику западнобрянского региолекта.

Задачи исследования:

- ✓ зафиксировать языковые составляющие западнобрянского региолекта как лингвокультурного образования;
- ✓ описать особенности выявленных системообразующих уровней;
- ✓ установить ядерные и периферийные черты.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования являются данные диалектных и литературных лексикографических источников: «Словаря народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева [17], «Брянского областного словаря» [14], «Словник української мови» в 11 томах Білодід, І.К. [13], «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» в 37 томах Булыка, А.М., А.І. Жураўскі [15], произведения Леонида Анищенко [12] и Якова Раскина [16]; записи устной речи респондентов.

Методология исследования определена описательным (реализован в приёмах интерпретации, систематизации и классификации языкового материала), сопоставительным (анализ диалектных номинаций посредством сопоставления с родственными словами украинского и белорусского языков), дефиниционным (формулирование определения понятий, связанных с техногенной катастрофой в г. Чернобыле), контекстным (в анализе специфики региональных маркеров языка художественной литературы) методами.

Всего проанализировано 607 регионализмов, среди которых 452 диалектизма (151 языковая единица из «Словаря народных говоров Западной Брянщины», 301 диалектизм из «Брянского областного словаря»), 93 регионима, 12 языковых единиц конфессионального характера, 26 номинаций, связанных с катастрофой в г. Чернобыле, 24 языковые единицы, зафиксированные в языке художественной литературы и являющиеся маркерами реалий западной Брянщины.

Основная часть. Мы рассматриваем *западнобрянский региолект* как язык региона, западных территорий Брянской области, где, по мнению профессора П.А. Расторгуева, в начале XX века был продуктивен *северско-белорусский говор*: «Воронокский, Гордеевский, Злынковский, Климовский, Клинецовский, Красногорский, Мглинский, Новозыбковский, Погарский, Почепский, Стародубский, Суражский, Унечский и Чуровичский, т.е. бывшие северные уезды Черниговской губернии» [7, с. 41]. При этом уточняем, что Воронокское сельское поселение в настоящее время является частью Стародубского района, а Чуровичское – Климовского района.

Считаем, что западнобрянский региолект имеет диалектную (не диффузную основу) [10, с. 9],

Спектр региональных языковых единиц – *регионализмов* – представлен следующими группами:

- ✓ древнерусскими номинациями диалектного характера, отражающими восточнославянскую общность языковых единиц;
- ✓ украинизмами;
- ✓ белорусизмами;
- ✓ регионимами;

- ✓ языковыми единицами конфессионального характера, которые отражают особенности менталитета населения части из названных районов, в которых длительное время живут представители Русской древлеправославной церкви – старообрядцы;
- ✓ наименованиями, связанными с катастрофой в г. Чернобыле 1986 года, отражающими специфику мировосприятия языковой личности в посткатастрофный период;
- ✓ элементы языка художественной литературы как маркеры реалий западной Брянщины.

Отметим, что ранее нами были проанализированы отдельные номинации, отражающие генетическую общность говоров западной (в том числе юго-западной) Брянщины, украинского и белорусского языков (белорусизмы *кiўшкi*, *саян*, *пасёстра*; украинизм *кращанка*: номинации *гáплик*, *рушнiк* как зафиксированные в брянских говорах, украинском и белорусском языках) [8, с. 296–298].

Кроме того, в работе «Словарь народных говоров Западной Брянщины» Павла Андреевича Расторгуева (Минск, 1973): архаичное и современное» мы приводим данные социолингвистического эксперимента, проведённого в 2019 году, на основании которого достоверно фиксируем «устойчивость употребления диалектных слов в речи школьников» [9, с. 35].

Первая группа – западнобрянские диалектизмы, генетически родственные литературным номинациям украинского и белорусского языков (см. таблицы 1, 2).

Таблица 1. – Диалектизмы, употребляемые на западном пограничье Брянской области, отмеченные как литературные слова в белорусском и украинском языках («Словарь народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева [17])

№ п/п	Русские диалектизмы	Белорусские литературные слова	Украинские литературные слова	«Словарь народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева.
1.	Бўлка	Булка	Бўлка	Пшеничный хлеб
2.	Вáрэва	Вариво, варыво	Вáриво	Бурачный рассол, горячее жидкое кушанье, овощи, заготовленные на зиму
3.	Запáрава	Заправа	Запáрава	Приправа в суп, в борщ
4.	Кóрж	Коржъ	Кóрж	Тонкая, раскатанная скалкой лепёшка из пресного теста, испечённая на сковороде; пресные из муки оладьи
5.	Кутя́	Кутья, кутия, кутя	Кутя	Каша
6.	Шмáтoк	Шматокъ	Шмáтoк	Кусок хлеба, сала и пр.

Таблица 2. – Диалектизмы, употребляемые на юго-западном пограничье Брянской области, отмеченные как литературные слова в белорусском и украинском языках («Брянский областной словарь» [14])

№ п/п	Русские диалектизмы	Белорусские литературные слова	Украинские литературные слова	«Брянский областной словарь»
1.	Дўля	Дўля	Дўля	Крупный плод груши
2.	Лiпец	Липець П	Лiпец ²	Липовый мёд или напиток из этого мёда
3.	Холоднiк, холоднiяк	Холодникъ	Холоднiк ¹	Холодный борщ; окрошка
4.	Юхá	Юха	Юхá	Уха

Вторая группа – украинские литературные номинации, коррелирующие с диалектными словами, зафиксированными в «Словаре народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева [17] и «Брянском областном словаре» под редакцией Н.И. Курганской [14] (см. таблицы 3, 4).

Таблица 3. – Диалектизмы, употребляемые на западном пограничье Брянской области (словарь П.А. Расторгуева), отмеченные как литературные слова в украинском языке

№ п/п	Русские диалектизмы	Украинские литературные слова	«Словарь народных говоров Западной Брянщины» под ред. П.А. Расторгуева
1.	Бўблик	Бўблик	Баранка
2.	Вўшки	Вўшки	Вареники с рубленным варёным мясом
3.	Галўшки	Галўшка	Резаный или рваный кусочек пресного теста, сваренный на воде или на молоке (определения в СНГЗБ нет)
4.	Мнїшки, мнўшки	Мнїшки	Сырники, запечённые в глиняной посуде
5.	Мўня	Мўня	Молоко
6.	Пўдалица, пўдалка	Пўдалка, пўдалица	Опавшие, ещё не созревшие яблоки, груши
7.	Селедёц	Селёдец	Селёдка
8.	Сїтница	Ситница	Хлеб из пеклевой муки, из муки, просеянной сквозь сито
9.	Скўрка	Скорка	Корка хлеба
10.	Скрылёк, скрыль	Скрылёк, скрыль	Тонкий ломтик, небольшие тонкие кусочки, на которые режутся ножом фрукты, круглые плоды и овощи (но только не хлеб)
11.	Узвар	Узвар	Компот

Таблица 4. – Диалектизмы, употребляемые на западном пограничье Брянской области («Брянский областной словарь»), зафиксированные в украинском языке

№ п/п	Русские диалектизмы	Украинские литературные слова	«Брянский областной словарь»
1.	Бўбка	Бўбка ¹⁰	Гриб подберёзовик
2.	Гордовїна	Гордовїна	Черноплодная рябина
3.	Кагўта, кагўт	Кагўт	Куча картофеля, корнеплодов, сложенная на земле и укрытая для длительного хранения; бург; кагат
4.	Картоплўнка	Картоплўнка. Картофельная похлёбка	Кушанье из картофеля, запеканка, суп и т.д.
5.	Кнўш	Кнїш	Хлеб из пшеничной муки, который едят горячим
6.	Красногўловец	Красногўловец	Гриб подосиновик
7.	Крўшенка	Крўшанка	Окрашенное яйцо
8.	Мўковик	Мўковик	Пирог с маком
9.	Маслўок	Маслўок	Гриб маслёнок
10.	Мўнь	Мўнь	Пресноводная рыба небольших размеров, округлой формы, плотная, тёмно-серого окраса, приятная на вкус
11.	Молочўй	Молочўй	Гриб, выделяющийся при ращламывании белый млечный сок
12.	Мўкушко, Мўкушек	Мякўшка	Мягкая часть хлеба, мякиш

Третья группа – белорусские литературные номинации, коррелирующие с диалектными словами, зафиксированными в «Словаре народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева [17] и «Брянском областном словаре» [14] (см. таблицы 5, 6).

Таблица 5. – Диалектизмы, употребляемые на западном пограничье Брянской области («Словарь народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева), зафиксированные как литературные слова в белорусском языке.

№ п/п	Русские диалектизмы	Белорусские литературные слова	«Словарь народных говоров Западной Брянщины» под ред. П.А. Расторгуева
1.	Барáнак	Баранокъ П. Тое, што і абаранокъ	Баранка.
2.	Бóхан	Бохань, бохень, бохонь. Буханка хлеба	Круглый ржаной хлеб
3.	Пры́смаки	Присмаки, прысмаки	Лакомство, сласти

Таблица 6. – Диалектизмы, употребляемые на западном пограничье Брянской области («Брянский областной словарь»), зафиксированные как литературные слова в белорусском языке.

№ п/п	Русские диалектизмы	Белорусские литературные слова	«Брянский областной словарь»
1.	Агрéст	Агрестъ	Крыжовник (с. 13)
2.	Бура́к	Буракъ	Свёкла
3.	Гуро́к, огуро́к	Гурокъ, огурокъ	Огурец
4.	Оле́й	Олей, алей	Растительное масло (чаще подсолнечное)
5.	Опе́нька	Опенка	Гриб опёнок
6.	Постоя́лка	Постоялка	Отстоявшееся молоко
7.	Росчи́на	Росчина	Закваска для хлеба или пирогов
8.	Свежи́на	Свежина, свежына	Свежее мясо
9.	Сма́лец	Смалець	Небольшой кусочек сала, обжаренный на огне (в костре, на сковороде и т.п.)
10.	Сыта́	Сыта	Медовый отвар; сладкая вода (чаще всего подслащённая мёдом)

Четвёртая группа – регионимы, региональные имена собственные, названия рек, озёр (гидронимы официальные / неофициальные), небольших природных и искусственных объектов (микротопонимы официальные / неофициальные), предприятий или организаций (эргонимы официальные / неофициальные), улиц (годонимы официальные / неофициальные), площадей (агоронимы). Например: *озеро Карна* (официальное наименование озера в г. Новозыбкове) – *Чистые Лужи* (народный гидроним, «небольшой водоём, образовавшийся естественным образом, глубокий и чистый, село Ольховка Клинцовский район); *Детский сквер* (официальный микротопоним в г. Новозыбкове) – *Танкодрод* (народный микротопоним, «участок луга, на котором во время Великой Отечественной войны находились танки», село Ольховка Клинцовский район); *научно-производственное предприятие «Экокремний»* (г. Новозыбков) (официальный эргоним) – *«Технарь»* (сельскохозяйственный техникум), *«Кубик-рубик»*, *«Коробок»* (шестиэтажное здание филиала Брянского государственного университета в г. Новозыбкове) (неофициальные эргонимы); *улицы имени Расторгуева, Ломоносова, Урицкого, Рошалья, Дыбенко* (в г. Новозыбкове)

(официальные годонимы) – *Ломоноха, Коммуна* (в г. Новозыбкове) (неофициальные годонимы); *площадь 50-летия Октября* (официальный агороним, г. Клиницы) и др.

Пятая группа – языковые единицы конфессионального характера, которые отражают особенности менталитета населения части из названных районов, в которых длительное время живут представители Русской древлеправославной церкви – старообрядцы.

На формирование западнобрянского региолекта в определенной степени оказал влияние тот факт, что на территории юго-западного региона Брянщины и граничащих с ним районов Республики Беларусь (г. Ветка и Ветковский район) находились центры старообрядчества.

Так, г. Новозыбков (и ряд населенных пунктов Новозыбковского района (с. Замишево, с. Шеломы и др.)), г. Злынка Брянской области, как и г. Ветка Гомельской области (РБ), были основаны в последней четверти XVII в. спасавшимися от преследований со стороны официального духовенства сторонниками древлеправославной веры). Город Новозыбков долгое время являлся духовным центром старообрядчества в России: здесь до 2000 года находилась кафедра Предстоятеля древлеправославной веры, а также осуществлял свою деятельность епископ Александр – будущий Древлеправославный Архиепископ Новозыбковский, Московский и всея Руси.

К середине XIX в. указанные выше населенные пункты стали авторитетными центрами раскола, распространения письменности, становления своеобразных иконописных школ, искусства резьбы по дереву.

Эти исторические факты нашли свое отражение в языке и культуре жителей данных населенных пунктов, в частности в легендах об основании городов. Так, согласно легенде, записанной нами от жителей г. Ветки, основатели города (старообрядцы) пустили по реке привязанную к ветке икону. И там, где течение ее прибило к берегу, построили город.

«Када шлі, пустілі ікону з прывязанай веткай. Какой пароды эта ветка была, я не знаю. Ну, можа быць, прывязалі ту, што в парке абламалі, каторая зялёная засохла. Ну і там, где ана астанавілася, там і аснавалі Ветку» (Записано от: Ботурко Галина Петровна, 1937 г.р., г. Ветка Гомельская область, РБ).

В народном представлении об основании г. Новозыбкова Брянской области также фигурирует элемент Божественного провидения. По одной из версий он образовался на месте ночлега спасавшихся бегством раскольников, которые утром обнаружили на растущем недалеко дереве чудесно появившуюся икону Одигитрии (греч. – «путеводительница») Божьей Матери. Древлеправославные христиане, будучи людьми глубоко верующими, сочли это «указанием свыше» и решили здесь обустроиться. Так возник город:

«Первые старообрядцы, которые пришли и потом основали наш город, остановились здесь попросту на ночлег на берегу реки Карны вот в том месте примерно, где сейчас находится каплица на территории Никольско-Рождественского храма. Утром они обнаружили на дереве – а их вокруг было множество – икону Одигитрии Божьей Матери. Ну и православные христиане, древлеправославные христиане, старообрядцы – как хотите называйте, не могли не обратить внимание или принять это как-то за там шутку или за случайность вот такое явление. Безусловно, они посчитали, что сама Богородица велит им остановиться на этом месте и здесь устроить место своего жительства. И первое, что они сделали на месте обретения иконы чудесной, они срубили небольшую часовенку, или капличку, как

называли раньше, и поместили в ней икону» (Записано от: Афоной Натальи Михайловны, 1956 г.р., г. Новозыбков, Брянская область, РФ).

В лингвистическом плане отмечается усвоение представителями старообрядчества (особенно проживающих в сельских поселениях) некоторых диалектных особенностей, характерных для южновеликорусского наречия (аканье, г-фрикативный, употребление этнографических диалектизмов и под.).

Что же касается ярких семантических особенностей описываемого региолекта, связанных со старообрядчеством, то здесь необходимо отметить изменение семантики некоторых номинативных единиц. Так, например, в качестве наименования представителей старообрядцев-беспоповцев используется лексема *рабы́ / ра́бы*. Данный семантический диалектизм является отличительной чертой в лингвистическом портрете жителей г. Злынка Брянской области. Именно так здесь именуют представителей древлеправославной веры, которые не имеют священников, а церковные службы осуществляются наиболее уважаемыми членами общины (в настоящее время это могут быть и женщины) в специальном молельном доме. Данный молельный дом местные жители (нестарообрядцы) называют «*маленький дом*», подчеркивая его отличие от церкви (как непосредственного ("большого") дома Бога на земле).

Сами носители языка наименование *рабы́ / ра́бы* могут уже не соотносить с библейским определением «рабы Божии», а называть так представителей общины, не подверженных мирским соблазнам и ведущих самый строгий канонический образ жизни. Часто данная лексическая единица используется респондентами в устной речи с подвижным ударением – *рабы́/ра́бы*: «*Есть поморцы, а мы федосеевцы... Старые люди ужэ шили ў ра́бы. И ёсли маладой вот, каторый у нас пакрестился у ётай веры и не абмиришылся (*не стал жить мирской жизнью) так сказатъ, был то́жа ра́бом ужэ. Раб называ́ётся. [А что значит быть рабом? Рабом кого?] Ну, проста называ́ётся рабо́м. Проста... называ́ли рабо́м. Мы мирские сячас. Патаму што... каудá Фёдаравну убíли, анá ещё была́ раба́, и мая́ систра́ была́ ещё раба́, но систра́ мая́ умерла́ ужэ. Так ани́ были́ ещё раба́ми. И вот мы хадíли в храм, так мы ни мау́ли перекрестíица, каудá ани́ крестя́ца. Ко́уда раба́ крестíица, мы ни имéим пра́ва пакрестíица. Петъ – по́йте, петъ – по́йте ўсе́, как хатíте. Ну, а каудá ужэ, ёсли ани́ ни крестя́ца, мы мо́жэм перекрестíица. Кто хотел, тот шёл в ра́бы. Если маладая живёт с мужем, то не может идти в ра́бы» (Записано от: Александры Тимофеевны Бирюковой, 1931 г. р., г. Злынка, Брянская область, РФ).*

Номинация *рабы́ / ра́бы* употребляется с высоким оттенком семантики представителями древлеправославной веры и в нейтральном номинативном значении остальными жителями Злынковского и соседних с ним районов юго-запада Брянщины.

Помимо описанного выше наименования староверов на территории Брянской области широкое распространение получила еще одна номинация, возникновение которой в русском языке традиционно связывают с расколом православной церкви, – *кацапы*. Данная языковая единица в отличие от лексемы *рабы́ / ра́бы* бытует только в речи представителей иных конфессиональных групп для обозначения старообрядцев и может использоваться как в нейтральном языковом статусе, так и наделяться сниженным оттенком семантики. При этом радикализма и негативной уничижительной шовинистической окраски, характерных для украинского языка в призме текущих социально-политических событий, у данного наименования не наблюдается. Так, появившиеся в информационной сфере Российской Федерации после событий на Украине в 2014 году (в частности, в ходе видеорепортажей) этнофолизмы *москаль* и *кацап* до этого времени ассоциировались у большинства жителей описываемого

региона (идентифицирующих себя русскими) не с национальной принадлежностью, а с локальной (*москали* – жители Москвы) и конфессиональной (*кацапы* – старообрядцы).

Сниженность семантики последнего наименования обуславливалась культурно-историческими причинами: недопущением отклонения от традиционных устоев быта, неприятием нового (например, советских праздников 8 Марта, 7 Ноября и т.д.) и закрытостью повседневного уклада жизни представителей древлеправославной веры (вплоть до нежелания тем или иным способом соприкоснуться с людьми, не являющимися частью их общины: отдельная кружка и посуда для гостей-нестарообрядцев и под.). В результате чего номинация *кацап* в обиходной речи жителей юго-запада Брянщины стала наделяться негативными оттенками семантики: *упрямый / не способный к компромиссу, прижимистый / жадный, нелюдิมый, суровый / злой*. Причем указанные выше качества в мировосприятии жителей описываемого региона могут носить наследственный характер: "*Ўнучка мая – кацапка упрямая, ўсё па-своіму дэлае, нікоўа ня слухае*. [Она старообрядка?] *Нее, у яё бацьки, майво зятя, бацька быв кацап, ну стравёр, а дятэй сваіх ён ужэ ў нашай цэрквы пакрастыл*. [Так Ваш зять не был старообрядцем уже?] *Нее, яўо бацька абідився на штось: ти в наслэдстве яўо радня абдыліла, ти шó ящэ... И сваіх дятэй ужэ ў нашу цэркву атнясті вялел. Ну а мы зятя ўсё равнó кацапам завем*. [А внучку Вашу вы где крестили, в старообрядческой церкви?] *Нее, тóжа у нас, эта я так уварю прóста, шó яна упрямая така, дед яё кацап быв, таўо и яна кацапка*" (Записано от: Грибачевой Александры Васильевны, 1928 г. р., с. Внуковичи Новозыбковский район, Брянская область, РФ).

В этой связи необходимо отметить, что конфессиональный антагонизм наблюдается и в "ответных" наименованиях (с очевидным презрительным оттенком значения) представителей православной церкви со стороны древлеправославной общины – *мазепы* (предатели): «*Священник рассердился вчера на нас, теперь к мазепам что ли придётся идти венчаться*» (Записано от: Румынской Елены Леонидовны, 1976 г. р., г.Новозыбков, Брянская область, РФ).

В качестве же номинативной единицы, не проецирующей сниженных оттенков значения, это наименование выступает для обозначения представителей древнеправославной веры, имеющих **священство**. Данное слово обычно употребляется жителями юго-западных районов Брянской области с целью разграничения различных характерных для описываемого региона течений в русле русской православной церкви: «*А тут ужэ ў Злынке, вiдишь, трі вёры, пацатáй: кацапы, праваслаўныя и вот...старавёры., тэ, штó рабы. Тут ужэ врёде адні ікóны, адні и прáзники, а празнуаць па-рáзнаму: в адніх – тák, в адніх – тák*» (Записано от: Тимошенко Александры Васильевны 1957 г. р., г. Злынка, Брянская область, РФ).

В основанных представителями древлеправославной веры населенных пунктах и в соседних с ними районах Брянщины старообрядчество, вступившее в духовно-культурологические отношения с православием, повлияло не только на жизнь поселений, их духовное развитие, но и повлекло процессы синтеза и сублимации в культуре, мировоззрении и идиолекте жителей данного региона.

Шестая группа – наименования, связанные с ядерной катастрофой в г. Чернобыле 26 апреля 1986 г.

Чернобыльская катастрофа – техногенная авария на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г.

Чернобыльский закон – Закон РФ от 15.05.1991 № 1244-1 (ред. от 10.07.2023) «О социальной защите граждан, подвергшимся воздействию радиации вследствие Чернобыльской АЭС».

Чернобыльские льготы – общее наименование льгот, положенных гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы.

Чернобыльские выплаты (= *чернобыльские*) – ежемесячная денежная выплата гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы (Закон РФ от 15.05.1991 № 1244-1 (ред. от 10.07.2023) «О социальной защите граждан, подвергшимся воздействию радиации вследствие Чернобыльской АЭС», статья 27.1. Ежемесячная денежная выплата гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы).

Малая радиация – ежемесячная денежная компенсация гражданам в зависимости от времени проживания (работы) на территориях зон радиоактивного загрязнения вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС [18].

Большая радиация – ежемесячная денежная выплата (ЕДВ) пострадавшим от радиационных катастроф [18].

Чернобыльский отпуск – дополнительный отпуск для пострадавших граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы.

Чернобыльская пенсия – пенсия, которую могут получить по старости граждане, подвергшиеся воздействию радиации вследствие Чернобыльской АЭС» (Закон РФ от 15.05.1991 № 1244-1 (ред. от 10.07.2023) «О социальной защите граждан, подвергшимся воздействию радиации вследствие Чернобыльской АЭС», статья 28.1. Общие условия пенсионного обеспечения граждан, пострадавших вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС).

Чернобыльское пособие – компенсации пострадавшим вследствие аварии на Чернобыльской АЭС за утраченное имущество.

Чернобыльский сертификат – льгота, представляющий собой крупную денежную сумму на покупку недвижимости для проживания с целью улучшить жилищные условия тех, кто пострадал из-за аварии, случившейся 26 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС.

Чернобыльская мафия – обобщённое наименование лиц, которые с целью получения денежных средств занимались сдачей жилья государству, прописывали людей в квартире, домах на территориях, отнесённых к «зонам отселения», «зонам с правом на отселение», «зонам с льготным социально-экономическим статусом» и др.

Чернобыльские дети – дети, пострадавшие в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

Чернобыльское сафари – путешествие в зону Чернобыльской АЭС.

Чернобыльские мутанты – люди, животные, подвергшиеся большому воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы, что повлекло за собой возникновение аномалий.

Чернобыльские ягоды – ягоды, наиболее «радиационноёмкие» – брусника, голубика, черника, клюква.

Седьмая группа – элементы языка художественной литературы как маркеры региональных реалий.

В поэзии Леонида Карповича Анищенко особое значение имеют символы Чернобыльской катастрофы: *черная бьль, черная пыль, черные слёзы, крест Чернобыля, Чернобыльский радиоактивный лес*. Стихотворение «В лесу» пронизано болью, которую испытывает автор: *Радиоактивной пылью запорошенный, / Вершинами*

касается небес, / Как прежде нежен, ласков, но заброшенный / Родной страны, родного края лес [12, с. 148].

Чернобыльский радиоактивный лес является символом глубоко трагизма. Названное понятие коррелирует с общеизвестным *Брянский лес*, которое отсылает к гимну Брянской области «Шумел сурово Брянский лес...». Брянский лес – символ настоящего и будущего малой родины, партизанского движения. Лес защищающий, согревающий, питающий... Таким он был, а стал радиоактивным: *Ещё стоит обиженный судьбою Чернобыльский радиоактивный лес* [12, с. 138].

Немаловажным для Леонида Анищенко являются и другие, знаковые и любимые автором черты родного края. Несколько стихотворений автор посвятил «Злынковской кринице», народному празднику, посвящённому малой родине, – «Голос злынковской криницы», «Праздник злынковской “Криницы”» и др.: *И ветра, и грозы, изотов пыль, / Мужество, легенда, горькой правды быль. / Косяки и стаи перелётной птицы. / Крепнет чистый голос злынковской «Криницы» ... <...> Будет город Злынка новизной блистать, / И по новым веснам будут прилетать / Косяки и стаи перелётной птицы, / Будет крепнуть голос злынковской «Криницы»* [12, с. 214].

Рассказ Якова Раскина «Судьба, или Феникс из Карховки» посвящён судьбе выжившей после расстрела в Карховском лесу г. Новозыбкова еврейской девочке Анне Лифшиц (Сухановой), которую случайно откопали местные жители из-под засыпанной земли среди расстрелянных тел (всего было убито две тысячи восемьсот шестьдесят человек – всё еврейское население города). Русская бездетная семья Татьяны и Александра Сухановых прятала её в погребе вплоть до освобождения города от немецко-фашистских захватчиков: «Десять дней она находилась в бессознательном состоянии. Когда, наконец, им удалось привести её в чувство, узнали, что её зовут Анна Лифшиц, что она, как потом оказалось, единственная, кто осталась в живых после *карховской трагедии*» [16, с. 148]. И в настоящее время *карховский лес, карховская трагедия* в сознании жителей западной Брянщины – символы бесчеловечных и зловещих событий, связанных с массовыми репрессиями еврейского населения (холокостом) во время Великой Отечественной войны.

Заключение. В работе определена специфика языковой ситуации западных районов Брянской области, значительная часть которых граничит с Украиной и Беларусью. Установлено, что последняя обуславливает ряд базовых черт западнобрянского региолекта: древнерусскую основу группы диалектных языковых единиц, которые являются идентичными литературным номинациям украинского и белорусского языков, продуктивность в говоре украинизмов и белорусизмов. Полагаем, что именно диалектная основа анализируемого региолекта определяет ядерную его составляющую – первый, второй, третий уровни. Периферийная часть представлена четвёртым, пятым, шестым, седьмым уровнями и фиксирует продуктивность региональных онимов, языковых единиц конфессионального характера, отражающих особенности менталитета жителей части районов, в которых старожилами являются представители Русской древлеправославной церкви – старообрядцы, уникальных языковых номинаций, связанных с техногенной катастрофой в г. Чернобыле 1986 года, различных региональных элементов языка художественной литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Этнокультурная специфика образного слова белгородской Слобожанщины / Н.Ф. Алефиренко // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства : сборник статей по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Ф. Новикова. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2020. – С. 72–77.

2. Донецкий региолект: монография / под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Изд-во ООО «НПП «Фолиант», 2018. – 265 с.
3. Кошарная С.А. Диалектизмы и регионализмы в речи жителей Белгородчины конца XX – начала XXI вв / С.А. Кошарная, Л.И. Плотникова / Под общ. ред. С.А. Кошарной. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2017. – 176 с.
4. Кошарная С.А. К вопросу о феномене «язык региона» : язык, речь, региолект / С.А. Кошарная // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства : сборник статей по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Ф. Новикова. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2020. – С. 32–35.
5. Кошарная С.А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование / С.А. Кошарная // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 14 (263). – С. 14–25.
6. Курмакаева Н.П. К вопросу об объеме и уровневой стратификации регионализмов / Н.П. Курмакаева // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства : сборник статей по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Ф. Новикова. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2020. – С. 39–43.
7. Расторгуев П.А. Диалектологические заметки / П.А. Расторгуев // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР. Выпуск 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 41–51.
8. Стародубец С.Н. Имя профессора П.А. Расторгуева в контексте современных диалектологических исследований восточнославянского пограничья / С.Н. Стародубец, О.В. Белугина // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 4 (47). – С. 291–304.
9. Стародубец С.Н. «Словарь народных говоров Западной Брянщины» Павла Андреевича Расторгуева (Минск, 1973): архаичное и современное / С.Н. Стародубец // Научный журнал «Новые горизонты русистики». – Донецк, 2021. – Вып. 15. – С. 33–37.
10. Стародубец, С.Н. Специфика определения статуса устной разновидности национального языка юго-западных районов Брянской области / С.Н. Стародубец // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24–26 мая 2018 г.) / Под ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. – Брянск: ООО "АВЕРС", 2018. – С. 5–10.
11. Теркулов В.И. Региолект и диалект : о соотношении понятий / В.И. Теркулов // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства : сборник статей по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Ф. Новикова. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2020. – С. 59–62.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Анищенко Л. Родниковые заводы / Л. Анищенко. – ГУП «Климовская типография», 2005. – 270 с.
13. Білодід І.К. Словник української мови. Т. 1–11. / І.К. Білодід. – Київ : Видавництво "Наукова думка", 1970–1980.
14. Брянский областной словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. Сост. Е.П. Гарбузова и др. Брянск, 2011. – 361 с.
15. Булыка А.М. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–37. / А.М. Булыка, А.І. Жураўскі. – Мінск : "Навука і тэхніка, 1982–2017.
16. Раскин Я. Судьба, или Феникс из Карховки / Я. Раскин // Зыбь. – 2016. – Выпуск 7. – С. 145–149.
17. Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины / П.А. Расторгуев. – Минск: Наука и техника, 1973. – С. 11–22.
18. Федеральная государственная информационная система "Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)" : справочно-информационный интернет-портал: сайт. – Москва, 2009. – Режим доступа: для зарегистрир. Пользователей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 31.05.2024).

REFERENCES

1. Alefirenko N.F. Etnokulturnaya specifika obraznogo slova belgorodskoj Slobozhanshiny [Ethnocultural specificity of the figurative word of the Belgorod Slobozhanshchina] / N.F. Alefirenko // Yazyk i kultura regiona kak sostavlyayushie obrazovatel'nogo prostranstva : sbornik statej po itogam III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / отв. ред. Т.Ф. Novikova. – Belgorod : ООО «Epicentr», 2020. – P. 72–77. (In Russian)
2. Doneckij regiolect : monografiya [Donetsk regionalect: monograph] / pod red. V. I. Terkulova. – Doneck: Izd-vo ООО «NPP «Foliant», 2018. – 265 p. (In Russian)

3. Kosharnaya S.A. Dialektizmy i regionimy v rechi zhitelej Belgorodchiny konca HH – nachala HHI vv. [Dialectisms and regionalisms in the speech of residents of the Belgorod region at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries] / S. A. Kosharnaya, L.I. Plotnikova / Pod obsh. red. S.A. Kosharnoj. – Belgorod : OOO «Epicentr», 2017. – 176 p. (In Russian)
4. Kosharnaya S.A. K voprosu o fenomene «yazyk regiona» : yazyk, rech, regiolekt [On the issue of the phenomenon “language of the region”: language, speech, regiolect] / C. A. Kosharnaya // Yazyk i kultura regiona kak sostavlyayushie obrazovatelno prostranstva : sbornik statej po itogam III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / otv. red. T.F. Novikova. – Belgorod : OOO «Epicentr», 2020. – P. 32–35. (In Russian)
5. Kosharnaya S.A. Regiolekt Belgorodchiny kak lingvokulturnoe obrazovanie [Regiolect of the Belgorod region as a linguocultural education] / C.A. Kosharnaya // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2017. – № 14 (263). – P. 14–25. (In Russian)
6. Kurmakaeva N.P. K voprosu ob obeme i urovnevoj stratifikacii regionalizmov [On the issue of volume and level stratification of regionalisms] / N.P. Kurmakaeva // Yazyk i kultura regiona kak sostavlyayushie obrazovatelno prostranstva : sbornik statej po itogam III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / otv. red. T.F. Novikova. – Belgorod : OOO «Epicentr», 2020. – P. 39–43. (In Russian)
7. Rastorguev P.A. Dialektologicheskie zametki [Dialectological notes] / P.A. Rastorguev // Byulleten dialektologicheskogo sektora Instituta russkogo yazyka AN SSSR. Vypusk 2. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1948. – P. 41–51. (In Russian)
8. Starodubets S.N. Imya professora P.A. Rastorgueva v kontekste sovremennykh dialektologicheskikh issledovaniy vostochnoslavjanskogo pogranichya [Professor's name P.A. Rastorguev in the context of modern dialectological studies of the East Slavic borderland] / S. N. Starodubec, O.V. Belugina // Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikaciya. – 2022. – № 4(47). – P. 291–304. (In Russian)
9. Starodubets S.N. «Slovar narodnyh govorov Zapadnoj Bryanshiny» Pavla Andreevicha Rastorgueva (Minsk, 1973): arhaichnoe i sovremennoe [“Dictionary of folk dialects of the Western Bryansk region” by Pavel Andreevich Rastorguev (Minsk, 1973): archaic and modern] / S. N. Starodubec // Nauchnyj zhurnal «Novye gorizonty rusistiki». – Doneck, 2021. – Vyp. 15. – P. 33–37. (In Russian)
10. Starodubets, S. N. Specifika opredeleniya statusa ustnoj raznovidnosti nacionalnogo yazyka yugo-zapadnyh rajonov Bryanskoj oblasti [Specifics of determining the status of the oral variety of the national language of the southwestern regions of the Bryansk region] / S. N. Starodubec // Kommunikativnye pozicii russkogo yazyka v slavyanskom pograniche: dvuyazychie i mezhyazykovaya interferenciya: Nauchnye doklady uchastnikov Mezhdunarodnogo foruma rusistov (g. Novozybkov, Bryanskaya oblast, 24–26 maya 2018 g.) / Pod red. S.N. Starodubec, V. N. Pustovojtova. – Bryansk: OOO "AVERS", 2018. – P. 5–10. (In Russian)
11. Terkulov V.I. Regiolekt i dialekt : o sootnoshenii ponyatij [Regiolect and dialect: on the relationship of concepts] / V.I. Terkulov // Yazyk i kultura regiona kak sostavlyayushie obrazovatelno prostranstva : sbornik statej po itogam III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / otv. red. T.F. Novikova. – Belgorod : OOO «Epicentr», 2020. – P. 59–62. (In Russian)

Поступила в редакцию 15.06.2024 г.

WESTERN BRYANSK REGIONALECT AS LINGUOCULTURAL PHENOMENON

S.N. Starodubets, O.V. Belugina, S.P. Kurkina, K.N. Kirichenko

The work addresses the linguistic situation in the western part of the Bryansk region, a significant part of which borders on Ukraine and Belarus. It should be pointed out that the latter determines a number of basic features of the Western Bryansk regional dialect, among which are as follows: the Old Russian basis of a group of dialectal linguistic units that are identical to the literary nominations of the Ukrainian and Belarusian languages, and the productivity of Ukrainianisms and Belarusianisms in the dialect. Besides, other linguistic features of the Western Bryansk regiolect have been traced. They manifest themselves in the productivity of regional onyms, confessional linguistic units, which reflect the peculiarities in the mentality of the inhabitants of some areas, where the old residents are representatives of the Russian Ancient Orthodox Church or Old Believers. Certain features of the regiolect under study are related to unique linguistic designations associated with the disaster in the city of Chernobyl in 1986. Various regional elements of the language of fiction are to be mentioned as well.

Key words: regional linguistic and cultural studies, language situation, Western Bryansk regiolect, East Slavic community, Ukrainianisms, Belarusianisms, regionalisms, regionym.

Стародубец Светлана Николаевна.

Доктор филологических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»,
Российская Федерация, г. Брянск.

Профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин.

ORCID 0000-0003-3185-6678.

E-mail: starodubets.madam@yandex.ru

Белугина Ольга Владимировна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Российская Федерация, г. Брянск.

Доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин.

ORCID 0000-0002-1081-234X.

E-mail: obelugina@mail.ru

Куркина Светлана Павловна.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Российская Федерация, г. Брянск.

Соискатель.

ORCID 0009-0001-0238-586X.

E-mail: curkina2009@yandex.ru

Кириченко Кристина Николаевна.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Российская Федерация, г. Брянск.

Студент.

ORCID 0009-0006-2658-961X.

E-mail: crislalila201@gmail.com

Starodubets Svetlana Nikolaevna.

Doctor of Philology, Professor.

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Russian Federation, Bryansk.

Professor at Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0003-3185-6678.

E-mail: starodubets.madam@yandex.ru

Belugina Olga Vladimirovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Russian Federation, Bryansk.

Associate Professor at Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0002-1081-234X.

E-mail: obelugina@mail.ru

Kurkina Svetlana Pavlovna.

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Russian Federation, Bryansk.

Postgraduate student

ORCID 0009-0001-0238-586X.

E-mail: curkina2009@yandex.ru

Kirichenko Kristina Nikolaevna.

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Russian Federation, Bryansk.

Student.

ORCID 0009-0006-2658-961X.

E-mail: crislalila201@gmail.com

Научная статья

УДК 811:134

DOI: 10.5281/zenodo.12541308

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
НЕФОРМАЛЬНОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА
(на материале испанского и русского языков)**

© 2024 С.Н. Безус¹, Н.В. Гурова²

¹Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» МО РФ

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»

¹ORCID 0000-0001-7051-1533

²ORCID 0000-0003-3856-8614

С одной стороны, армия определяет себя как институт, отвечающий за поддержание мира и стабильности власти. С другой, армия представляет государственный сектор, который наиболее приближен к войне, сражениям, кровопролитию или смерти. Играя важную роль в политической и общественной жизни любого государства, армия в определенной степени проецирует свою сложную систему личностных и социальных взаимоотношений на жизнь, поведение, особенности социальных процессов и коммуникацию в обществе в целом. Настоящая статья посвящена лексико-семантическим доминантам испаноязычного и русскоязычного неформального военного дискурса. В исследовании уточняется типология и структурные особенности неформального военного дискурса, выявляются основные принципы его языковой (лексико-семантической) организации. Лексические единицы неформального военного дискурса классифицируются на две группы: демилитаризованные и милитаризованные. В рамках каждой группы различаются немаркированные или нейтральные лексические единицы (ЛЕ) и маркированные ЛЕ или жаргонизмы, а также эвфемизмы. Авторы прибегают к методу сплошной выборки, синтезу, обобщению, компаративному анализу и методу количественных подсчетов.

Ключевые слова: военный дискурс, неформальный военный дискурс, милитаристская лексика, солдатский жаргон, эвфемизмы, испанский язык, русский язык.

Для цитирования: Безус С.Н., Гурова Н.В. Лексико-семантические особенности неформального военного дискурса (на материале испанского и русского языков) / С.Н. Безус, Н.В. Гурова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 33–41. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12541308>.

Введение. В мировой истории армия не только принимала непосредственное участие в разрешении военных конфликтов, но и активно участвовала в политической и общественной жизни любого государства, в определенной степени проецируя свою сложную систему личностных и социальных взаимоотношений на жизнь, поведение, особенности социальных процессов и коммуникации в обществе в целом.

Цель настоящей статьи – выявить лексико-семантические доминанты испаноязычного и русскоязычного неформального военного дискурсов. В задачи исследования входит 1) определение понятия неформального военного дискурса; 2) уточнение типологии и структурных особенностей неформального военного дискурса; 3) выявление принципов языковой (в частности, лексико-семантической) организации неформального военного дискурса.

Научная новизна работы заключается в сравнении лексико-семантических особенностей испаноязычного и русскоязычного неформального военного дискурсов.

Актуальность исследования определяется тем, что армия является одним из важнейших социальных институтов во многих государствах мира. В этой связи возникает необходимость комплексного изучения военного дискурса с последующим выявлением его структурообразующих и языковых черт.

Материалы и методы исследования. В качестве языкового фактического материала методом сплошной выборки были отобраны, исследованы и проанализированы с помощью компаративного метода и метода количественных подсчетов единицы корпуса текстовых примеров из справочной и художественной литературы (более 150 единиц), юмористических текстов (около 200 единиц), а также корпуса газетных текстов из печатных и Интернет-источников общим объемом около 400 страниц.

Основная часть. Под военным дискурсом в данном исследовании понимается совокупность устных и письменных текстов, которые ориентированы на обслуживание сферы военной коммуникации, а также определенный набор языковых средств, присущий данной сфере. Носители военного дискурса – военнослужащие, военные чиновники и гражданские лица, взаимодействующие с военными.

Исследователи военного дискурса [2, 3, 4, 5, 7, 8, 9], как правило, подразделяют его на **формальный** (уставы, директивы, приказы, официальная переписка, газетные статьи) и **неформальный** (неуставное общение военнослужащих, солдатский анекдот, неофициальная переписка, солдатские песни и т.д.). Также выделяют так называемую **«промежуточную группу»**, которая обладает *междискурсивным статусом*, в которую включают военно-художественную литературу и военно-политические материалы [6]. Они являются военными лишь по своей тематике и в основном обладают чертами, присущими всем общественно-политическим и художественным текстам.

Лексические единицы (ЛЕ), функционирующие в рамках **неформального военного дискурса**, можно условно разделить на две группы: 1) демилитаризованные; 2) милитаризованные. Внутри каждой группы различаются немаркированные или нейтральные ЛЕ и маркированные ЛЕ или жаргонизмы. Под жаргонными элементами, как правило, понимают «произвольно выбранные и видоизмененные или сконструированные по существующим правилам лексические единицы» [1, с. 122]. Подобные языковые явления не создаются специально, но возникают стихийно, естественным путем. Основная их функция – номинация предметов и явлений окружающей действительности, их качеств и свойств особым эмоционально-экспрессивным способом, которая часто содержит юмористическую или насмешливую оценку. Основное отличие нейтральной и жаргонной лексики заключается в том, что значение первой понятно любому реципиенту, т.е. не принадлежащему к данному профессиональному сообществу. Жаргонные же слова, чтобы быть воспринятыми и понятыми, требуют своеобразного «посвящения».

Военный жаргон охватывает практически все сферы военной жизни: различные виды имущества, вооружения, военной техники и т.п. имеют названия как на литературном, так и на неформальном языке. Это обусловлено необходимостью краткого обозначения предметов и явлений в быту и профессиональной деятельности военнослужащих. Также, иногда высказывается мнение о том, что военный жаргон способствует сближению военнослужащих, принадлежавших ранее к различным социальным группам.

Рассмотрим компонентный состав лексических групп неформального военного дискурса и способы образования жаргонизмов.

1) Демилитаризованные ЛЕ

К военно-немаркированным ЛЕ относятся названия предметов окружающей действительности, качества предметов, обыденные действия, единицы измерения, обозначения места, направления и т.д., использование которых характерно для любого типа дискурсов. Сюда же можно отнести профессиональные термины из других областей. Погруженные в военную тематику, такие ЛЕ (как, например, в примере ниже ‘*espermatozoide*’) создают определенный комический эффект, сравнивая «несравнимое». Ср.:

- *¿En qué se parecen los espermatozoides y los militares?... – Ambos tienen una oportunidad entre millones de convertirse en humanos.* Перевод: Чем похожи сперматозоиды и военные? – И те, и другие имеют возможность среди миллионов превратиться в людей. (Перевод с испанского языка на русский здесь и далее выполнен авторами статьи – С.Б. и Н.Г.)

В следующем примере три части света (север, восток и запад) логично требуют упоминания недостающего направления «юг», однако они неожиданно дополняются предметом экипировки – «рюкзаком». Такое нарушение логики было бы совершенно не характерно для гражданского дискурса. Однако намек на ограниченные умственные способности военнослужащих становится вполне уместным в анекдоте. Ср.:

Está un soldado en la mili y su sargento le pregunta:

- *Soldado, si delante tiene el norte, a la derecha el este y a la izquierda el oeste, ¿qué tiene detrás?* – *La mochila.* – Солдат несет службу, и сержант его спрашивает: Солдат, если впереди у тебя север, справа – восток, а слева – запад, что сзади? – Рюкзак.

К жаргонным демилитаризованным ЛЕ можно отнести лексемы, используемые военнослужащими во взаимоотношениях между собой, в повседневной деятельности и в быту.

Так, например, для обозначения «друга» в речи военнослужащих на испанском языке встречаются такие слова, как *colega*, *tronco*; для «человека» – *perico*, *menda*, *tío*, *tipo*, *titi*; для «дурака» – *primo*, *lirio* (букв.: двоюродный брат, ирис). В данных случаях налицо семантический способ словообразования, т.е. переосмысление первичных значений ЛЕ: *colega* «коллега, товарищ», *tronco* «ствол, туловище, торс»; *perico* «попугай», *menda* «собственной персоной», *tío* «дядя», *tipo* «тип, фигура, парень», *titi* – уменьшительная форма от слова *teta* «грудь, молочные железы».

В наименованиях предметов быта и помещений военнослужащих выявляются различные способы словообразования:

В испанском языке: *petardo* (букв.: петарда) – сигарета; *taquilla* (букв.: билетная касса) – персональный шкафчик; *sobre* (букв.: на – предлог) – кровать; *manducar*, *jalar*, *rapear/rapeo*, *zampar* – еда (букв. «уписывать за обе щеки, с жадностью уплетать»); *bocata*, *flauta*, *tapabocas* – бутерброды; *chusco*, *chuscati*, *tosti* – хлеб; *trompos*, *garibolos*, *porotos* – горох и блюда из него; *tigres* (букв.: «тигры») – туалет. Возможно, образование лексемы *tigres* связано с разговорным выражением *oler a tigre* «пахнуть тигром»).

В русском языке: *тундра*, *орлиное гнездо* – «стоячий туалет» с отсутствием унитаза; *мраморная комната*, *долина семи озёр* – туалет; *тошиловка* – курсантская столовая; *бытовка* – помещение в казарме, где солдаты занимаются глажением и починкой обмундирования (официальное название – «комната бытового обслуживания»); *болтанка*, *болтуха* – суп, каша; *хавчик*, *баланда* – еда (заимствовано из тюремного жаргона); *слоники* – своеобразные прямоугольные пряники с начинкой типа варенья (продаются в чипке); *бикус* – квашеная капуста в жареном виде или в виде салата; *болты*, *дробь шестнадцать* – перловая каша (нелюбимая солдатами, но

обладающая высокими вкусовыми и питательными качествами); *балабас* – какая-нибудь еда, зачастую что-то очень вкусное; *весло* – столовая ложка; *чипок* – солдатское кафе на территории военной части. Слово *чипок* является официальной аббревиатурой, введенной вместе со службой в 1927 году и упраздненной в 1963. Аббревиатура расшифровывается как *Часть Индивидуального Продуктового Обеспечения Красноармейцев*. За длительное время использования сокращение прочно прижилось, утратило первоначальное значение и теперь «передается по наследству». В быту курсантов военных учебных заведений встречаются такие аббревиатуры, как *ПХД* – парко-хозяйственный день, *СМР* – спортивно-массовая работа, *КДИ* – комната досуга и информирования и др.

Примеры жаргонизмов на испанском языке в основном демонстрируют семантический способ словообразования, однако есть образцы морфологического (суффиксального) способа (*bocata* от *boca* «рот»), словосложения (*tapabocas* = *tapar* «закрывать» + *boca* «рот») и даже престаионного способа, т.е. заимствования из иностранного языка (*tosti* от англ. *toast*). В русском языке, кроме семантического (*тундра*) и морфологического (*тошиловка* = глагол «тошнить» + суффикс существительного; *бытовка* = «быт» + суффикс), также задействован синтаксический способ (образование жаргонного элемента из двух и более нейтральных слов) и способ аббревиации (*чипок*, *ПХД*). Способ образования лексемы «хавчик» можно квалифицировать двояко: как морфологический (суффиксальный: *-чик*) и как престаионный (от англ. *have* «иметь», но *have breakfast/ lunch* «завтракать, обедать» и т.д.).

2) Милитаризованные ЛЕ

Военно-маркированные или милитаризованные ЛЕ относятся к наименованию военных объектов, техники, оружия, военных званий и т.п.

Нейтральные лексические единицы данной группы можно разделить на полноформатные и сокращенные.

▪ Полноформатные:

Испанский язык: *garitas* – сторожевая вышка; *compañía/ batería/ escuadrón* – обозначение роты (казармы); *pista americana* – полоса препятствий, которая используется для тренировок и т.п.

Русский язык: *плац, полигон, казарма, танк, автомат* и т.п.

▪ Сокращения:

Испанский язык: *capí* (от *capitán*) – капитан; *subte* (от *subteniente*) – младший лейтенант; *teco, tecol* (от *Teniente Coronel*) – подполковник; *paracas* (от *paracaídas*) – десант (На письме парашютистов часто обозначают словом *paraka*, меняя букву *s* на *k* [11]); Р.М. [ré-éme] – *policía militar* – военная полиция; Р.Н. – *Policía Naval* – морская полиция [10]; APDFA (aeródromo de partida de las fuerzas de desembarco aéreo) – аэродром вылета десантных войск; АРТ (Proyectil perforante trazador) – трассирующий бронебойный снаряд; ИТВ (intervención) – вмешательство; LAZD (límite anterior de la zona de dispersión) – передняя часть зоны рассеивания [11] и др.

Русский язык: *штрафбат* – «штрафной батальон»; *Афган* – Афганистан; *ПП* – пистолет-пулемет; *КПП* – «контрольно-пропускной пункт»; *ВВС* – военно-воздушные силы, *ЦП* – центральный проход, *ДВГ* – дежурный по военному городку, *ВПП* – военно-политическая работа и др.

Для сокращения слова/словосочетания используются различные способы. Возможно простое усечение конца или середины слова, сокращение исходных слов до первых звуков или букв, соединение начальной части первого слова с сокращенным или несокращенным вторым и т.п.

Полноформатные милитаризованные ЛЕ употребляемые, например, в анекдотах на военную тематику, не вызывают трудностей в понимании, в отличие от аббревиатур, которые требуют дополнительной декодификации. Ср.:

- *Sargento, ¿qué podemos hacer si pisamos una mina?* – *El procedimiento habitual es esparcirte en trocitos por un círculo de 30 metros.* – **Сержант**, что мы можем сделать, если наступим на **мину**? – Процедура обычная – разлететься на куски в радиусе 30 метров.

Преподаватель военной кафедры:

- **Танк** развивает скорость до 80 км/ч. Потом, **танк** теряет управление...

- А потом-то как? – с ужасом задаёт вопрос курсант.

- Что как? Все нормально, ничего страшного. Вы ведь в **танке**!

Майор вызывает к себе рядового:

- Петров, ты в загробную жизнь веришь?

- Нет, товарищ майор.

- А зря! Тебя на **КПП** бабушка ждет, к которой ты две недели назад на похороны ездил.

Гаишник останавливает капитана **ВВС**:

- Разве я превысил...?

- Нет, товарищ капитан, вы слишком низко летели.

В милитаризованных жаргонизмах выявляются несколько тематических групп:

1. Взаимоотношения между военнослужащими в зависимости от звания, должности, вида вооруженных сил, рода войск:

Испанский язык: *putada, novatada* – обидное подшучивание над новобранцами; *povedoso* – военнослужащий, недавно закончивший военное училище, «зелёный», салага; слова, также употребляемые по отношению к новобранцам – *monstruo, chinche, bicho, troncho, chivo, pollete*; к старшим – *abuelo, patriarca, veterano*; *el más antiguo* – самое старшее должностное лицо на службе, в воинской части или подразделении, «старший на месте»; *pistolos* – войска особого назначения; *bombitas* – артиллерия; *lagartos* (букв.: ящерицы) – морская пехота; *subirse a las barbas* (букв.: подняться к бородам) – «неподчинение приказам»; *ratearse* – уклоняться от исполнения служебных обязанностей (от *ratón* – «крыса»); *mosca* – будь осторожнее (*Ten cuidado*; от *mosca* – «муха»).

Русский язык: *затупок, рубанок* – солдат, который медленно соображает; *бобер* – солдат морально и физически опущенный («Бобер» всегда неаккуратно одет, грязный и склонен к унижению.); *дед* – старослужащий; *дух, черпак, салага* – «молодые» солдаты, т.е. недавно служащие; *швейцар* – часовой; *огурец* – пограничник (из уст моряка); *обезьяна* – солдат (из уст офицеров); *свинопас* – служащий роты обеспечения; *помидоры* – внутренние войска; *старлей* – старший лейтенант; *комод* – командир отделения.

Представители различных профессий также получили собственные наименования в солдатском жаргоне:

Испанский язык: *chispa* (букв.: «искра») – электрик; *aspirino* (букв.: аспирин) – медбрат; *peluca* – парикмахер (сокращение от *peluquero*).

Русский язык: *айболит, лепила* – медработник; *хлеборез* – работник кухни; *водила* – водитель; *уши* – связисты; *каптёр* (Лексема *каптёр* происходит от «каптернамус» – унтер-офицерское воинское звание, военный чин, должностное лицо по хозяйственной части, ведающее хранением и выдачей продовольствия. От него происходит слово *каптёрка* – помещение в казарме для хранения обмундирования и имущества роты.

Официально – «вещевой склад роты/батареи»; согласно Уставу – «кладовая для хранения имущества роты и личных вещей военнослужащих»).

Лексемы *chispa* и *aspirino* в испанском и *уши* в русском языке демонстрируют не только семантический способ словообразования, но также и метонимический перенос, намекая на то, что работа электрика связана с появлением искр, медика – с назначением лекарств (в частности аспирина), а связисты работают в наушниках, т.е. уши – важный орган в их работе.

2. Повседневная деятельность и быт военнослужащих:

Испанский язык: *pista americana* – полоса препятствий; *chupar guardias* (букв.: сосать охрану) – нести караул; *maco*, *pavera*, *talego*, *pelota*, *pelotón*, *chirona*, *trena*, *chopano*, *carambul*, *cárcel*, *calabozo* – названия мест для наказания; *ir de caza* (букв.: идти на охоту) – идти в увольнение; *tener vidilla* (букв.: иметь жизнь) – иметь свободное время; *pinchar* (букв.: колоть, тыкать) – делать татуировку; *dar al chau-chau*, *rajarse* – разговаривать; *ir colocado*, *pedo*, *coloqueta*, *bolinga*, *cogorza*, *llevar la papa* (букв.: нести картошку) – быть пьяным; *bolinga*, *tajao* – пьяница; *vieja* (букв.: старуха) – мать; *viejo* (букв.: старик) – отец.

Русский язык: *центряк*, *взлётка* – центральный проход в казарме; *тошиловка* – курсантская столовая; *располáга* – расположение казармы (официально – «спальное расположение»); *увольняшка* – увольнительный билет; *самоход*, *самоволка* – уйти за пределы части без разрешения; *плющить харю* – спать; *отбиться* – уснуть; *давить на массу* – спать крепким сном; *вляться* – ничего не делать, сидеть, сложа руки, отдыхать.

3. Одежда и обмундирование:

Испанский язык: *orinal* (букв.: ночной горшок) – солдатская каска; *chupita*, *chupa* – верхняя одежда; *andarinas* – обувь (от глагола *andar* «ходить пешком»); *lima* – рубашка; *jarales* – штаны; *picantes*, *pestosos*, *apestantes* – носки; *gallumbos* – трусы.

Русский язык: *пиксель*, *пикселька* – новая униформа от В. Юдашкина (введена в РФ в 2010 г.); *парадка* – парадная форма; *подменка* – сменная форма для грязной работы; *потники* – носки.

4. Вооружение, боевая техника, военные объекты:

Испанский язык: *pipa* – пистолет (заимствован из криминального жаргона); *fusa* – винтовка (сокращение от *fusil*); *novia* (букв.: невеста) – винтовка; *chopo* – длинная винтовка; *la muda* (букв.: немая) – стена, без дверей и проходов в смежные помещения (ср. в рус.: «глухая стена»); *suechera* (в Венесуэле) – ключи зажигания от транспортного средства (от англ. “to switch” – включить, переключить). Последний пример демонстрирует смешанный способ словообразования: с одной стороны – это заимствование из английского языка, с другой – использование суффикса *-era* для образования существительного.

Русский язык: *Акулина*, *Калаш*, *Калач* – обозначения автомата Калашникова; *хобот* – противогаз.

5. Состояние здоровья, части человеческого тела, медицина:

Испанский язык: *oreja* (букв.: ухо) – солдат с большими ушами (интересно, что в русском языке лексемой «уши» вербализуется род занятий/ профессия связиста, а не признак внешности); *ladrillo* (букв.: кирпич) – большой, крепкий солдат; *tarro* (горшок), *coco* (кокос), *pelota* (мяч) – голова (перенос формы обозначаемых предметов); *lanas* (букв.: шерсть) – волосы; *húmeda* (букв.: мокрый), *bistec* (букв.: бифштекс) – язык; *piños* – зубы; *dáctiles*, *manoplas* (букв.: варежки, защитные рукавицы) – пальцы; *el caca* – зад, задница (*culo*); *la de comer* (букв.: та, чтобы есть), *boquino* (от *boca*) – рот; *asfixiarse* (букв.: задыхаться) – чересчур волноваться перед увольнением; *antigripal* – лазарет.

Русский язык: *шкаф*, *лось* – большой, здоровый человек; *шнобель* – нос; *тыква* – голова (ср. с исп. выше: «кокос»); *лунатый* – человек с выпученными глазами; *дизуха* – расстройство желудка (сокращение от «дизентерия»).

Военный жаргон отображает практически все аспекты жизни и деятельности военнослужащих наряду со стандартизированным уставным языком. В образовании жаргонизмов как в испанском, так и в русском языке выявляются следующие способы: семантический (переосмысление значений слов), морфологический (аффиксальный, словосложение), синтаксический (образование словосочетаний), престационный, аббревиация (Таблица 1).

Таблица 1

Примеры основных способов образования военных жаргонизмов

Способы словообразования	Испанский язык	Русский язык
семантический	<i>lagartos, mosca</i>	<i>уши, хобот</i>
морфологический	<i>bocata, andarinas</i>	<i>тошиловка, парадка</i>
*словосложение	<i>tapabocas</i>	<i>самоход</i>
синтаксический	<i>la de comer</i>	<i>давить на массу</i>
престационный	<i>tosti, suechera</i>	<i>хавчик</i>
аббревиация	<i>fusa</i>	<i>штрафбат</i>

Наиболее продуктивными и частотными можно считать семантический и морфологический способы образования жаргонных элементов как в испанском, так и в русском языке. Аббревиация – также достаточно употребительный и эффективный способ словообразования. Аббревиатуры призваны реализовывать принцип экономии в различном его проявлении: с одной стороны, это экономия времени, с другой – экономия мыслительных ресурсов (очевидно, что длинные слова затрудняют восприятие, и, наоборот, краткие, лаконичные названия способствуют быстрому пониманию). Синтаксический способ образования военных жаргонизмов – менее частотный в обоих языках. Единичными примерами представлен престационный способ словообразования.

Germán Moya Hernández в неформальном военном дискурсе различает также эвфемизмы [10]. К эвфемизмам Эрнандес относит, например, неуставные названия военной техники, различные именные словосочетания [существительное + прилагательное / существительное + de + существительное], типа *primera sangre* «первая кровь», *bautismo de fuego* «боевое крещение» и т.п. Особенно актуальны, по словам исследователя, слова *salida* «выход/вылет» и *estrella* «звезда». Лексема *salida* приобрела большое значение в репортажах о войне, которые транслировались по телевидению во время войны в Персидском заливе. Говорилось, что американские военно-воздушные силы выполнили *двенадцать или четырнадцать боевых вылетов*. При этом не уточнялось, какого типа они были. Однако было понятно, что «вылет» является синонимом слова «атака». Слово «звезда», используемое, в частности, во множественном числе, придает высказыванию юмористический оттенок. «Звезда» используется как метонимия для обозначения офицеров, поэтому в определенных контекстах тот, кто видит *muchas estrellas* «множество звезд», проходящих перед ним, может говорить о большом скоплении начальников и высокопоставленных офицеров. Эрнандес задокументировал доведенный до крайности случай в Картахене, где жилой район военных домов до недавнего времени был известен как «Голливуд».

Заключение. В качестве выводов можно выделить следующие положения:

1. Лексический состав неформального военного дискурса может быть классифицирован на 1) демилитаризованные ЛЕ, 2) милитаризованные ЛЕ, в составе

которых различаются нейтральные ЛЕ и жаргонизмы. В отдельную группу входят военные эвфемизмы.

2. Военный жаргон обладает ярко выраженными эмоционально-оценочными и экспрессивными оттенками и образуется различными способами: семантическим, морфологическим, синтаксическим, престационным, аббревиацией. Первые два являются наиболее частотными и продуктивными в обоих языках: испанском и русском.

3. По большей части военные жаргонизмы отражают юмористическое отношение к предмету речи, которое может быть оценено как своего рода «неповиновение» суровым условиям войны и строгой дисциплине, характерной для вооруженных сил.

Проведенное исследование отражает актуальность и перспективы дальнейшего изучения специфики неформального военного дискурса в компаративном ракурсе на примере других языков и культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.С. Лексикология испанского языка / В.С. Виноградов. – М.: Высш. шк., 2003. – 244 с.
2. Дуброва Ю.Ю. Структурно-содержательная специфика многокомпонентных терминов в военном дискурсе / Ю.Ю. Дуброва // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2013. – № 8. – С. 38–44.
3. Кучинская Е.А. К вопросу о жанрах военного англоязычного дискурса / Е.А. Кучинская, Е.В. Ларченкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5 (71): в 3-х ч. Ч. 1. – С. 113–117.
4. Сдобнова Ю.Н. Некоторые особенности современного военного дискурса (на материале арготизмов-зоонимов в терминосфере Военно-Морских Сил Франции) / Ю.Н. Сдобнова // Вестник МГЛУ. – 2016. – Выпуск 12 (751). – С. 149–155.
5. Уланов А.В. Деривационная организация русского военного дискурса / А.В. Уланов // Известия Алтайского государственного университета. – № 2-2 (78). – 2013. – С. 161–164.
6. Уланов А.В. К вопросу о синтезе военного и художественного дискурсов / А.В. Уланов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2014. – № 1 (9). – С. 102–106.
7. Хомутова Т.Н. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса / Т.Н. Хомутова, К.А. Наумова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т. 14, № 3. – С. 49–53.
8. Чао Ц. Исследования военного дискурса в Китае / Ц. Чао // Политическая лингвистика. – 2021. – № 1 (85). – С. 140–148. DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_13.
9. Юсупова Т.С. Структурные особенности военного дискурса / Т.С. Юсупова // «Педагогика и психология», «Филология и искусствоведение». – 2009. – № 4 (6). – С. 1055–1057.
10. Gómez Capuz J. El lenguaje de los soldados / Capuz J. Gómez, González F. Rodríguez [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/16371526.pdf> (дата обращения: 17.03.2024).
11. Moya Hernández G. El lenguaje militar. Tabú, eufemismo y disfemismo / Hernández G. Moya // Revista electrónica de estudios filológicos [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.um.es/tonosdigital/znum1/estudios/moya.htm> (дата обращения: 17.03.2024).

REFERENCES

1. Vinogradov, V. S. (2003). *Leksikologiya ispanskogo yazyka* [Lexicology of the Spanish language]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)
2. Dubrova, Yu. Yu. (2013). *Strukturno-soderzhatel'naya specifika mnogokomponentny'x terminov v voennom diskurse* [Structural and content specificity of multicomponent terms in military discourse]. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki*, 8, 38–44. (In Russian)
3. Kuchinskaya, E. A., & Larchenkova, E. V. (2017). *K voprosu o zhanrax voennogo angloyazychnogo diskursa* [On the issue of genres of military discourse in the English language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 5 (71), vol. 1, 113–117. (In Russian)
4. Sdobnova, Yu. N. (2016). *Nekotory'e osobennosti sovremennogo voennogo diskursa (na materiale argotizmov-zoonimov v terminosfere Voенno-Morskix Sil Francii)* [Some features of modern military discourse (by the material of zoonymic argotisms in the terminology of the French Navy)]. *Vestnik MGLU*, 12 (751), 149–155. (In Russian)

5. Ulanov, A. V. (2013). Derivacionnaya organizaciya russkogo voennogo diskursa [Derivative organization of Russian military discourse]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2-2 (78), 161–164. (In Russian)
6. Ulanov, A. V. (2014). K voprosu o sinteze voennogo i xudozhestvennogo diskursov [On the issue of synthesis of military and artistic discourses]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tekhnologij*, 1 (9), 102–106. (In Russian)
7. Homutova, T. N., & Naumova, K. A. (2017). Voенно-politicheskiy diskurs kak osoby`j tip diskursa [Military-political discourse as a special type of discourse]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika»*, vol. 14, 3, 49–53. (In Russian)
8. Chao, Cz. (2021). Issledovaniya voennogo diskursa v Kitae [Research on military discourse in China]. *Politicheskaya lingvistika*, 1 (85), 140–148. DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_13. (In Russian)
9. Yusupova, T. S. (2009). Strukturny`e osobennosti voennogo diskursa [Structural features of military discourse]. «Pedagogika i psihologiya», «Filologiya i iskusstvovedenie», 4 (6), 1055–1057. (In Russian)
10. Gómez Capuz, J., & González Rodríguez, F. El lenguaje de los soldados [The language of soldiers]. Retrieved from <https://core.ac.uk/download/pdf/16371526.pdf>. (In Spanish)
11. Moya Hernández, G. El lenguaje militar. Tabú, eufemismo y disfemismo [The military language. Taboo, euphemism and dysphemism]. *Revista electrónica de estudios filológicos* [Electronic journal of philological studies]. Retrieved from <https://www.um.es/tonosdigital/znum1/estudios/moya.htm> (In Spanish).

Поступила в редакцию 30.04.2024 г.

LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES OF INFORMAL MILITARY DISCOURSE (by the example of the Spanish and Russian languages)

S.N. Bezus, N.V. Gurova

On the one hand, the army defines itself as an institution responsible for maintaining peace and stability of power. On the other hand, the army represents the public sector that comes closest to war, battle, bloodshed or death. Playing an important role in the political and social life of any state, the army projects, in this or that way, its complex system of personal and social relationships onto life, behavior, features of social processes and communications in society as a whole. The present paper is devoted to such an aspect of military discourse as informal vocabulary. The study clarifies the typology and structural features of informal military discourse, and identifies the basic principles of its linguistic (lexical and semantic) organization by the example of Spanish and Russian. The lexical units of the informal military discourse are classified into demilitarized and militarized. Within these groups there are unmarked or neutral lexical units and marked lexical units or jargon, as well as euphemisms. The authors use the method of unselected sampling, synthesis, generalization, comparative analysis and the method of quantitative calculations.

Key words: military discourse, informal military discourse, militaristic vocabulary, soldiers' jargon, euphemisms, the Spanish language, the Russian language.

Безус Светлана Николаевна.

Кандидат педагогических наук, доцент.
Военный университет имени князя Александра Невского, Российская Федерация, г. Москва.
Старший преподаватель кафедры романских языков.

ORCID 0000-0001-7051-1533

E-mail: luzazul@list.ru

Гурова Наталия Владимировна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Пятигорский государственный университет.
Доцент кафедры испанистики и межкультурной коммуникации.
ORCID 0000-0003-3856-8614
E-mail: nataliagurova@yandex.ru

Bezus Svetlana Nickolaevna.

Candidate of Pedagogy, Associate Professor.
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Russian Federation, Moscow.
Senior Lecturer of Department of Romance Languages.

ORCID 0000-0001-7051-1533

E-mail: luzazul@list.ru

Gurova Natalia Vladimirovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Pyatigorsk State University.
Associate Professor of Department of Hispanic Studies and Intercultural Communication.
ORCID 0000-0003-3856-8614
E-mail: nataliagurova@yandex.ru

Научная статья
УДК 81'373.611
DOI: 10.5281/zenodo.12541977

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ИМЕНИ

© 2024 А.В. Бутова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
ORCID 0000-0002-8357-6069.

Интернет стал неотъемлемой реальностью в коммуникативной сфере человека XXI века. Как и в реальном общении, в Интернете любой из нас должен идентифицироваться. Если для офлайн-коммуникации мы используем личные имена в официальной сфере, прозвища – для неофициальной, псевдонимы как инструмент вторичной номинации, то виртуальное пространство дает возможность для множества экспериментов при номинации пользователей посредством никнеймов. В данной статье автор анализирует интернет-имена с точки зрения их морфологического строения. Автор классифицирует собственный эмпирический материал, а также исследует мотивы создания ников, содержащие различные графические элементы. Актуальность данного исследования заключается в том, что интернет-имена требуют тщательного исследования и определения статуса как новой ономастической единицы. Цель исследования – определить, как и каким образом пользователь может себя номинировать и идентифицировать, а также какие языковые и внеязыковые символы он использует при создании ника.

Ключевые слова: никнейм, интернет-имя, неалфавитный символ, самономинация, пользователь, виртуальная личность.

Для цитирования: Бутова А.В. Морфологические особенности создания интернет-имени / А.В. Бутова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 42–51. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12541977>.

Введение. С появлением Интернета коммуникация перешла на новый уровень, а онлайн-взаимодействие стало основным средством передачи информации.

«Лингвистическое изучение и осмысление виртуального пространства и интернет-коммуникации немислимы в отрыве от функционирующих в них имен собственных, которые выступают не только своеобразными «ярлыками», но индексами объектов в Глобальной сети. Отдельный исследовательский интерес и одновременно проблему представляет отдельный класс интернет-онимов – виртуальные самономинации, призванные выполнять функции антропонимов в процессе компьютерно-опосредованной коммуникации» [5, с. 214].

Одним из ярких примеров онлайн-коммуникации являются чаты и форумы, вызывающие интерес как у пользователей, так и у исследователей [3, 10]. Для того, чтобы принять участие в чате пользователю требуется идентифицироваться посредством самономинации: выбрать себе Интернет-имя, под которым он/она и будет взаимодействовать с другими участниками чата.

Никнейм (ник, сетевое имя, Интернет-имя) – это общепризнанный маркер идентичности в виртуальном обществе. Участники онлайн-взаимодействия знают друг друга только по никам. Это может либо помочь человеку скрыть свое настоящее «Я», либо создать желаемый образ себя.

«Способы выразить свою идентичность тесно связаны с таким явлением как самопрезентация – это набор различных средств самовыражения (вербальных и невербальных), с помощью которых виртуальная языковая личность способна сформировать свой собственный индивидуальный образ и тем самым презентовать себя в Интернет коммуникации. Чтобы наладить Интернет-коммуникацию необходимо каким-то образом идентифицировать себя, презентовать свою личность, чтобы она стала узнаваемой» [6, с. 44].

С лингвистической точки зрения никнейм – это новая ономастическая единица, выполняющая номинативную и идентифицирующую функцию в онлайн коммуникации. Как языковая единица – ник схож по своим характеристикам с классическим прозвищем, которое является номинативной единицей в неофициальной коммуникативной сфере. Основным отличием никнеймов от прозвищ является номинатор. В основном прозвища даются людям другими людьми. Имядателем же ников является сам участник чата. «Основной отличительной чертой прозвищ и Интернет-имен является то, что первые указывают на то, что члены сообщества знают имена друг друга, тогда как участники различных сайтов или чатов, или же просто пользователи Интернета могут оставаться анонимными» [7, с. 23]. Интересна точка зрения А.С. Балкуновой, Э.М. Рянской, которые утверждают, что «Возникновение ников связано с новым видом коммуникации (сети Интернет) и имеет целью не столько скрыть реальную информацию о себе, сколько позиционировать себя в виртуальном мире, подчеркнув личностные черты или создав определенный образ, чаще всего придуманный. Поэтому в никах необходимы замысловатость, вычурность, изюминка, а в псевдонимах – в большей степени анонимность, тайность настоящего имени. Специфика использования и, следовательно, создания никнеймов связана с тем, что интернет-коммуникация позволяет установить не односторонний, а взаимный контакт коммуникантов» [1, с. 19].

Как и любая новая языковая единица интернет-имя необходимо исследовать с различных точек зрения. На сегодняшний момент создание ников ограничивается либо техническими условиями сайтов, либо фантазией пользователя.

Исследователи онлайн коммуникации предлагают различные классификации интернет имен, основанные как или на лингвистических, или на экстралингвистических характеристиках никнеймов.

Л. Шиманский проводит классификацию сетевых имен по их «временным» признакам. Так, исследователь выделяет группу временных ников. Их употребляют в тех случаях, когда пользователь не является постоянным участником чата, или же у него есть возможность выбора имени каждый раз, как он заходит в чат или форум. К другой группе ников относятся постоянные ники. Такой никнейм пользователь получает при регистрации и входе в чат с паролем. Следовательно, зарегистрированный ник может быть использован только при условии правильного пароля. В противном случае, согласно условиям участия, пользователь будет вынужден перерегистрироваться с новым интернет-именем [22].

Значительное количество предыдущих исследований [2, 7, 11, 17] показало, что сетевые имена представляют исследовательский интерес с разных точек зрения, особенно с точки зрения изучения семантики и информационного потенциала. Одним из самых ранних исследований в этой области является работа Х. Бехар-Израэли. Ученый разделил псевдонимы на семь категорий.

1. ники, в состав которых входит реальный оним пользователя;
2. ники, в состав которых пользователь включает личностные характеристики;
3. ники с составляющей «технология»;
4. ники с составляющей «флора и фауна»;

5. ники, в состав которых пользователь включает имена известных личностей;
6. ники с составляющей «секс, провокация»;
7. звукоподражания, перифразы [14, 15].

Вопросами семантической классификации никнеймов занимались как отечественные [4, 8, 12], так и зарубежные исследователи [19, 20].

В.А. Демьянюк, Е.В. Рочняк выделяют следующие виды никнеймов:

1. указывающие на внешность;
2. указывающие на человеческие качества, интеллектуальное или эмоциональное состояние;
3. подчеркивающие привычки, интересы;
4. указывающие на место происхождения;
5. обозначающие сферу деятельности;
6. показывающие связь с миром животных или растений;
7. подчеркивающие обладание определенным предметом;
8. никнеймы-фантазии;
9. образованные от личных имен;
10. никнеймы, включающие сразу несколько признаков;
11. никнеймы, происхождение которых понятно только их обладателям [4].

Однако, все исследователи сходятся во мнении, что сетевые имена помогают пользователям Интернета создавать свое собственное виртуальное «Я». В. Штоммель, например, подчеркивает большую роль никнеймов в создании желаемой идентичности в сетевом обществе. Это происходит благодаря тому, что участники чата не имеют непосредственного контакта лицом к лицу. В результате у них есть возможность представить себя другим так, как они хотят, чтобы их воспринимали. Исследователь приходит к выводу, что никнеймы это основной источник информации о своем носителе [21].

Соответствующего подхода придерживается А. Лакау, который изучал Интернет-имена с точки зрения способности никнеймов создавать анонимность для своего имядателя. Исследователем было замечено, что пользователи чатов, скрывающие свое реальное «Я», преследуют цель не только создать анонимную личность, но и показать другим участникам себя именно с той стороны, с какой они сами хотят. А. Лакау классифицирует никнеймы с точки зрения их информативного потенциала, приходя к выводу, что тема чата определяет выбор ников [18].

Интересным представляется исследование Т. Чиржинского, который проводит сопоставление никнеймов польских и англоязычных пользователей. Исследователь приходит к выводу, что язык и культура не оказывают влияния на создание интернет-имен. Однако, Т. Чиржинский не разделяет онлайн площадки (чат, форум, социальная сеть), хотя данный аспект очень важен при анализе ников, так как пользователи различных форм онлайн-взаимодействия преследуют разные цели, а их коммуникацию следует анализировать отдельно [16].

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили морфологические особенности никнеймов. Семантические особенности ников не рассматривались, так как, с одной стороны, данный аспект довольно хорошо изучен, с другой же стороны, в собственной картотеке (283 единицы) присутствуют единицы, взятые из различных источников и принадлежащих носителям разных языков, что может осложнить семантический анализ. В исследовании были использованы такие методы как: систематизация и классификация, а также компонентный анализ.

Основная часть. Анализ никнеймов в основном строится на их семантическом анализе, или же на описании мотивов их создания. Структурный анализ ников малоизучен, и они не квалифицированы с морфологической точки зрения.

Т.И. Колесник в статье «Графические особенности никнеймов в современной немецкой Интернет-коммуникации» приводит следующие категории никнеймов, основанных на их графических особенностях:

- прописные и строчные буквы;
- слитное написание;
- удвоение;
- цифры;
- знаки пунктуации;
- типографические символы;
- умлаут;
- эмодзи [9].

Автор приходит к выводу, что «пользователи сети Интернет имеют возможность, независимо от возраста, пола, профессии, свободно создавать свой виртуальный образ для общения, и никнейм при этом служит главным средством самопрезентации. Возрастающая популярность Интернет-коммуникации детерминирует изменения графических, семантических, структурных особенностей никнейма, что представляет несомненный научный интерес для дальнейших исследований» [9, с. 8].

Т.В. Соколова и И.В. Казанцева уточняют, что «ник можно рассматривать как способ индивидуализации личности, поэтому желание самовыразиться подталкивает людей к выдумке. В поисках новых способов для выражения уникальности, экспрессивности и оценочности виртуальных имен коммуниканты при создании никнеймов используют различные графические средства. Графические средства в интернет-коммуникации играют немалую роль, так как виртуальность исключает аудиовизуальное общение, поэтому графический способ является немаловажным в процессе общения участников сетевой коммуникации» [13, с. 152–153].

После анализа собранного материала мы взяли за основу классификацию никнеймов Л. Шиманского:

- случайные конструкции;
- конструкции, состоящие из одного слова;
- конструкции, состоящие из нескольких слов;
- конструкции, содержащие цифровые символы;
- конструкции, содержащие неалфавитные символы [22].

Случайные конструкции

Прежде всего, выделяются ники, состоящие из случайных наборов символов. Из всего собранного материала мы выделили 34 подобных ника. К этой категории относятся такие примеры, как: *фыва, PPPууу, шуца; pdhte, tysamytysa, jktczRbctkm*. Эти конструкции – непрерывная последовательность символов, которая не является языковой единицей, так как не несет никого значения. Использование строк случайных символов – характерная черта пользователей, которые не собираются становиться постоянными участниками чата или форума. При этом, следует отметить, что данный вид никнеймов встречается на Интернет-площадках, где не требуется регистрация или же аутентификация пользователя, поскольку набрать одну и ту же комбинацию символов, нажимая на кнопки клавиатуры случайным образом несколько раз подряд, вряд ли возможно. Кроме того, выбрав случайные ники, участники чата не раскрывают информацию о себе. Это помогает им достичь желаемого уровня анонимности.

Конструкции, состоящие из одного слова

Никнеймы, отнесенные к данной группе не содержат условных знаков для разделения слов. К этой категории относятся такие формы, как: *мусипуси, кошка23, ähnlich, good1980*. Эта группа составляет большую часть от всех собранных ников (143 единицы).

Высокая частотность свидетельствует о том, что однословные ники представляют собой наиболее многочисленную категорию по типу словообразования. Отсюда можно сделать вывод, что однословные конструкции являются преобладающей тенденцией в структуре интернет-имен. Этот факт связан с тем, что пользователь не готов раскрывать всю информацию о себе, а дополнительные символы, встречающиеся в никах, служат лишь для того, чтобы не повторять уже существующие никнеймы других пользователей.

Конструкции, состоящие из нескольких слов

Никнеймы, относящиеся к данной группе состоят из нескольких слов, которые разделены различными символами: *Olesya_V_Kisel, Der KØnig, ann_Бутова, Serdj333*. Стоит заметить, что все собранные никнеймы (76 единиц) не содержат пробелов, это связано с тем, что технические возможности при регистрации не предусматривают их использование.

После анализа собственной картотеки никнеймов мы заметили, что в конструкциях, состоящих из нескольких слов, почти всегда встречается собственное имя. Согласно правилам орфографии, они пишутся с заглавной буквы: *Phil34432, Masha2013, 3Ollma3*, однако, были замечены и случаи, где ники содержали заглавные буквы в середине или даже в конце слов: *СерёгаСар, дамирАриЧБ, SenyaSanya*. Морфология никнеймов, содержащих личные имена, написанные с заглавной буквы, не вызывает интереса. Орфографические «игры» с заглавными буквами в середине и конце ников требуют более глубокого анализа, так как подобные конструкции привлекают внимание и выделяются на фоне других. Нами было замечено, что:

- заглавная буква в середине слова выполняет разделительную функцию, так как пробелы для разделения слов технически невозможны;
- если интернет-имя в своем составе имеет нарицательное слово в первой позиции, то заглавная буква выполняет как разделительную, так и идентифицирующую функцию;
- в случае, если никнейм содержит разделительные знаки, то и нарицательное и собственное имя могут писаться с заглавных букв.

Следует отметить, что Л. Шиманский в своем исследовании приводит еще один пример использования заглавных букв. Исследователь выделяет такие конструкции как: *CaRmEliA, ChRaBa, HoaXed, KiiUub или RaNeZkIThEmAn*. «Такое использование заглавных и строчных букв направлено на оформление интернет-имени. Графически украшенная, такая словоформа становится более привлекательной с визуальной точки зрения. Благодаря такому построению формы никнейма выделяются на фоне других имен, написанных более условно. Таким образом чаттеры могут стремиться сделать свои идентификаторы неповторимыми, что, в свою очередь, направлено на привлечение собеседников» [22, с. 828].

Конструкции, содержащие цифровые символы

Наличие цифр и других символов не редкость в морфологической структуре никнеймов (в нашей картотеке насчитывается 57 единиц). Как и заглавные буквы, цифры встречались в начальной, средней и конечной позициях конструкций ников. Кроме того, некоторые никнеймы были созданы исключительно из цифр. Такие конструкции не являлись простым набором цифр, их создатели преследовали определенные цели и имени четкие мотивы.

Так, например, пользователь создал свой ник из личного имени и марки автомобиля: *911PorscheВасин*, название напитка: *7UP*, личного имени и названия универсальной смазки: *СанычWD-40*. Из данных примеров видно, что цифровые обозначения заимствованы из разных коммуникативных сред. Так, Л. Шиманский

приводит пример интернет – имени, указывающий на скорость интернет-соединения пользователя: *640/256(psv)Kozik* [22]. Цифры в составе никнеймов могут указывать на предполагаемый возраст пользователя. С одной стороны, пользователь может самостоятельно выбирать дату своего рождения. С другой стороны, дата может появиться при регистрации на сайте, если в регистрационной карточке обязательным условием будет указание даты рождения. В таком случае, система сама предлагает доступные ники, где год или возраст могут присутствовать в виде цифр в интернет-имени. Даты могут занимать как первую, так вторую или третью позицию в составе ников. В исследовании Л. Шиманского приведен, на наш взгляд, интересный пример никнейма: *[psv]5L4Y3R, 1K2i3r4y5s6t7o8b9u10r11a12k13, 4dv3rtiz3R или 0gi3n* мотивом создания подобной конструкции пользователь назвал оригинальность [22].

Наличие цифр в середине ника также не лишено оснований. Можно легко различить конструкции, в которых буквы были заменены цифрами схожей формы с буквами. К таким примерам относятся: *4You_1'theFirst, Я_5у5лик*. Эти приемы были направлены на то, чтобы подчеркнуть индивидуальность и игривость пользователей.

Однако, чаще всего цифры использовались в конце никнеймов. Некоторые пользователи включали в свой ник цифру или несколько цифр только для того, чтобы отличаться от других пользователей с такой же словарной составляющей: *Машиа4554*.

В данную группу включены интернет-имена, состоящие только из цифр (5 единиц): *252627, 19831980*. Мотивы создания данных ников нам не известны. Можно только предполагать, что они вызваны также, как и в исследовании Л. Шиманского, оригинальностью, уникальностью и желанием выразить свою индивидуальность. Более того, с точки зрения мотивации, подобные никнеймы можно сравнить с группой конструкций, построенных из случайно составленных символов.

Конструкции, содержащие неалфавитные символы

Помимо вышеперечисленных групп, связанных со структурой ников в чате, нами были обнаружены никнеймы, содержащие неалфавитные символы (49 единиц): *!, @, #, ^, *, _ , +, !, 2, P*. После анализа этих интернет-имен было выявлено несколько причин их использования. Основной функцией данных символов является различительная. К таким примерам относятся: *P_русский_P, @apmeФакт, mädchen_märchen^^^*.

Наблюдения показали, что, с одной стороны, чаще всего неалфавитные знаки были включены в конструкции ников с целью украшения формы. С другой же стороны, некоторые пользователи заменяют буквы на схожие комбинации символов: *ИPa, Zrik*. Структура может быть, как примером орнаментальности, так и просто нежеланием придумывать для ника какую-либо новую комбинацию символов. Как упоминает Л. Шиманский, скобки, тире и подчеркивания, и их расположение свидетельствуют о изображении головы человека. Кроме того, буквы *d* и *b* означают наушники. Такое прозвище может указывать на то, что его носитель любит слушать музыку [22].

Неалфавитные символы также использовались для манипуляций с порядком отображения никнеймов в списке пользователей. Конечно, естественным порядком отображения ников были или латинский алфавит, или кириллица. Подобные никнеймы говорят о креативности пользователей, которые пытались обмануть программу чата и использовали различные символы в начальных позициях. Более того, эта тенденция в равной степени применялась и для выражения иерархии в чате или на форуме. Обладатели ников высокого статуса (или претендентов на высокий статус) строились с неалфавитными знаками в начальной позиции. Подобные манипуляции давали приоритет в списке никнеймов, и помещались в список выше тех, что не имели подобных символов в своем составе. В результате такой практики ники появлялись

перед интернет-именами, расположенными в алфавитном порядке. Например, *_Lina_*, *##Запа*, *+Versus*.

Еще одно частое применение неалфавитных символов – разделение слов в многословных конструкциях. Данные символы заменяют обычные пробелы между словами. Однако было замечено, что подобным образом сообщается и дополнительная информация. Некоторые пользователи указывают свой предполагаемый возраст, дату или год рождения, если речь идет о рабочем чате, то это может быть и табельный номер сотрудника, например, *Юльхен_43*, *Kiska-090*. Л. Шиманский к данной группе ников относит такие как: *[pl]_mijamo_640/160* или *beleker_psv_512/128*, *poltos/ADSL/[LAN].(PL)*. *Krzs1962*, *[psv](T1_LAN) misiuniek1981* или *[Psv]Killer-lan*, которые сообщают о скорости или типе своего Интернет-соединения [22].

В нашем собранном эмпирическом материале присутствуют такие ники как: *Я@дома*, *mgn=74*, *Mo\$kvich*.

Самым частым мотивом использование неалфавитных символов является использование их в качестве связующего звена между словарными составляющими: *Galya&Yenja*, *Grif-&-Gruf*, *Банное_74* *Абзаково_74*. Также были отмечены случаи использования неалфавитных символов для создания смайликов. С одной стороны, такая практика позволяет передать настроение конкретного пользователя в разговоре с помощью отображения определенного смайлика, традиционно используемого в общении в мессенджерах. Однако, с другой стороны, использование смайликов позволяло пользователям выделять свой ник среди других, делая конструкцию уникальной и оригинальной.

Заключение. Интернет-имя – это особый тип собственного имени, поскольку носители ника сами выбирают, как их будут называть. Такая возможность подразумевает способность использовать свое воображение в процессе создания интернет-имени. Некоторые пользователи придумывают никнейм, не вкладывая в него какой-либо смысл, так как не имеют намерения долго задерживаться на форуме или в чате. Такие участники используют случайные строки символов при создании своих ников. Напротив, желающие влиться в сообщество создают ники из одного или нескольких слов, причем первый вариант преобладает. Значительная часть пользователей указывает дополнительную информацию о себе через цифровые или неалфавитные символы. Они выполняют функцию идентификации.

В формах своих ников пользователи намеренно используют заглавные буквы, цифры или неалфавитные знаки, помимо обычных букв. Нестандартное использование заглавных букв служит определенным целям, таким как: разделение слов и украшение никнейма. Кроме того, цифры используются для информирования окружающих о возрасте или являются чисто декоративными элементами. Что касается небуквенных символов, то они используются для разделения или соединения элементов информации или для украшения формы.

Помимо вышеперечисленного, неалфавитные символы используются для манипулирования порядком отображения ников в списке. Особенность программного обеспечения заключается в том, что неалфавитные символы отображаются перед буквами алфавита, поэтому они используются в начальных позициях конструкций ников. Кроме того, подобная практика позволяет собрать в одном месте ники пользователей с одинаковыми характеристиками.

Пользователи, получившие возможность самостоятельно создавать свои ники, стараются использовать этот шанс по максимуму. Они выбирают, какую информацию раскрыть в форме, с которой идентифицируется тот или иной человек. Все эти попытки

направлены на выражение индивидуальности в нике, а также позволяют пользователям представить себя в желаемом виде.

Итак, исследование морфологической структуры никнеймов показало, что ник является новой ономастической единицей с ярко выраженной прагматической составляющей. Морфологическая структура интернет-имени требует более тщательного и глубокого анализа и может внести вклад в дальнейшее исследование процессов самономинации в интернет-пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балкунова А.С. Место никнеймов в ономастике / А.С. Балкунова, Э.М. Рянская // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 3. – С. 17–22.
2. Боборыкина И.О. Классификация никнеймов (на материале англоязычных интернет-форумов) / И.О. Боборыкина, С.Е. Кузьмина // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2012. – № 7. – С. 16–24.
3. Бородулина Н.Ю. Профессиональная коммуникация в режиме онлайн (на материале французского языка) / Н.Ю. Бородулина, И.Е. Ильина, М.Н. Макеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 914–919 DOI 10.30853/phil20220127.
4. Демьянюк В.А. Классификация никнеймов немецкоязычной интернет-коммуникации / В.А. Демьянюк, Е.В. Рочняк // Язык и культура: Сборник научных трудов V Республиканской очно-заочной научной конференции (с международным участием), Макеевка, 18 ноября 2019 года. – Макеевка: Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, 2019. – С. 287–289.
5. Казяба В.В. Самономинации с функцией антропонима в Рунете / В.В. Казяба // Научный диалог. – 2022. – Т. 11, № 7. – С. 212–230 DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-7-212-230.
6. Кисель О.В. Место никнейма как знака идентификации в ономастической системе языка / О.В. Кисель // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 4 (43). – С. 43–48 DOI 10.36622/AQMPJ.2021.29.39.006.
7. Кисель О.В. Место Интернет-имени в антропонимической системе языка // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 20-29.
8. Климова М.А. Никнеймы в компьютерных играх: вопросы функционирования и варьирования / М.А. Климова // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17, № 3. – С. 293–315 DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.045. – EDN UACRXC.
9. Колесник Т.И. Графические особенности никнеймов в современной немецкой Интернет-коммуникации / Т.И. Колесник // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. – 2019. – № 1 (30). – С. 4–9.
10. Макатов З.В. Онлайн-коммуникация в контексте текучей современности: влияние цифровых технологий на межличностные отношения / З.В. Макатов, П.И. Чижик // Евразийский союз ученых. Серия: педагогические, психологические и философские науки. – 2023. – № 4 (105). – С. 17–20 DOI 10.31618/ESU.2413-9335.2023.5.105.1806.
11. Полоян А.В. О некоторых лексико-грамматических особенностях языка социальных сетей / А.В. Полоян // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2019. – № 1. – С. 131–137.
12. Рянская Э.М. Сетевое имя (никнейм) как языковой знак / Э.М. Рянская, А.С. Балкунова // Вестник НВГУ. – 2011. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoe-imya-nikneym-kak-yazykovoy-znak> (дата обращения: 15.04.2024).
13. Соколова Т.В. Семантические и графические особенности ников как средства самопрезентации личности в немецкоязычной интернет-коммуникации / Т.В. Соколова, И.В. Казанцева // Актуальные проблемы романо-германской филологии и преподавания европейских языков в школе и вузе : сборник статей V заочной Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 18–20 марта 2016 года. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2016. – С. 147–153.
14. Bechar-Israeli H. From "Bonehead" to "cLoNehEAd": Nicknames, Play and Identity on Internet Relay Chat / H. Bechar-Israeli // Journal of Computer-Mediated Communication. – 1995. – № 1 (2) <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x>
15. Bechar-Israeli H. Nicknames, Play and Identity on Internet Relay Chat / H. Bechar-Israeli // Journal of Computer-Mediated Communication, 1995. – № 1 (2) <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x>
16. Chyrzyński, T. Tendencje w tworzeniu pseudonimów internetowych przez użytkowników polsko- i

anglojęzycznych – analiza porównawcza. Media, Kultura, Komunikacja Społeczna: 2009ю 5, 118–131.

17. Labinaz P., Sbisà M. Speech acts and the dissemination of knowledge in social networks // Approaches to Internet Pragmatics: Theory and practice. Edited by Chaoqun Xie, Francisco Yus and Hartmut Haberland 2021. 146–172

18. Lakaw, A. Hiding behind nicknames. A linguistic study of anonymity in IRC chatrooms. Student thesis, Växjö University. <http://http://lnu.diva-portal.org/smash/get/diva2:206935/>

19. Mashiri P. More than Mere Linguistic Tricks: The Sociopragmatic Functions of Some Nicknames Used by Shona-speaking People in Harare // Zambezia. 2002. № 31 (1). Pp.22-45.

20. Reyhan Yu.H. The Role of the Proper Names on the Internet- Communication // Journal of Critical Reviews. 2020. Vol. 7. Is. 4. Pp. 906-908.

21. Stommel, W. Mein Nick bin ich! Nicknames in a German Forum on Eating Disorders. Journal of Computer-Mediated Communication 13/1. <http://jcmc.indiana.edu/vol13/issue1/stommel.html>

22. Szymański L. Aspects of morphology and character choice motivation in Internet nickname constructions // Numele și numirea. Actele Conferinței Internaționale de Onomastică. Ediția a II-a: Onomastica din spațiul public actual 2013, p. 822.

REFERENCES

1. Balkunova, A.S. (2010) Mesto niknejmov v onomastike. [Place of nicknames in onomastics]. Vestnik Nizhneartovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta, 3, 17–22. (In Russian)

2. Boborykina, I. O., Kuz'mina S. E. (2012) Klassifikacija niknejmov (na materiale anglojazychnykh internet-forumov) [Classification of nicknames (on the material of English-language Internet forums)] Teoreticheskie i prikladnye aspekty izuchenija rechevoj dejatel'nosti, 7, 16-24. (In Russian)

3. Borodulina, N.Ju., Il'ina I. E., Makeeva M. N. (2022) Professional'naja kommunikacija v rezhime onlajn (na materiale francuzskogo jazyka) [Professional communication online (on the material of French language)] Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Vol.15. 3, 914-919. – DOI 10.30853/phil20220127. (In Russian)

4. Dem'janjuk, V. A., E. V. Rochnjak (2019) Klassifikacija niknejmov nemeckojazychnoj internet-kommunikacii [Classification of nicknames of German-speaking Internet communication]. Jazyk i kul'tura: Sbornik nauchnykh trudov V Respublikanskoj ochno-zaochnoj nauchnoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem), Makeevka, 18 nojabrja 2019 goda. Makeevka: Donbasskaja nacional'naja akademija stroitel'stva i arhitektury. 287-289. (In Russian)

5. Kazjaba, V. V. (2022) Samonominacii s funkciej antroponima v Runete [Self-nominations with the function of an anthroponym in Runet] Nauchnyj dialog. 11, 7, 212-230. DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-7-212-230. (In Russian)

6. Kisel', O. V. (2021) Mesto niknejma kak znaka identifikacii v onomasticheskoj sisteme jazyka [x] Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 4(43), 43-48. DOI 10.36622/AQMPJ.2021.29.39.006. (In Russian)

7. Kisel' O.V. (2021) Mesto Internet-imeni v antroponimicheskoj sisteme jazyka [The Place of the Internet Name in the Anthroponymic System of the Language]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2021, 11(4): 20–29 (In Russian)

8. Klimova, M.A. (2020) Niknejmy v komp'juternykh igrakh: voprosy funkcionirovanija i var'irovanija [Nicknames in computer games: issues of functioning and variation]. Voprosy onomastiki. Vol. 17, 3, 293-315. – DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.045. (In Russian)

9. Kolesnik, T.I. (2019) Graficheskie osobennosti niknejmov v sovremennoj nemeckoj Internet-kommunikacii [Graphic features of nicknames in modern German Internet communication]. Vestnik Luganskogo nacional'nogo universiteta imeni Tarasa Shevchenko. Vol. 1(30), S. 4-9. (In Russian)

10. Makatov, Z.V., Chizhik P.I. (2023) Onlajn-kommunikacija v kontekste tekucej sovremenosti: vlijanie cifrovych tehnologij na mezhlichnostnye otnoshenija [Online communication in the context of fluid modernity: the impact of digital technologies on interpersonal relationships]. Evrazijskij sojuz uchenyh. Seriya: pedagogicheskie, psihologicheskie i filosofskie nauki. Vol. 4(105),17-20. – DOI 10.31618/ESU.2413-9335.2023.5.105.1806. (In Russian)

11. Polojan A.V. (2019) O nekotorykh leksiko-grammaticeskikh osobnostjakh jazyka social'nyh setej [About some lexico-grammatical peculiarities of the language of social networks] Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 1,131-137. (In Russian)

12. Rjanskaja Je.M, Balkunova A.S. (2011) Setevoe imja (niknejm) kak jazykovoj znak [Network name (nickname) as a linguistic sign] Vestnik NVGU. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoe-imya-niknejm-kak-yazykovoy-znak> (data obrashhenija: 15. 04.2024).

13. Sokolova, T.V., Kazanceva I.V. (2016) Semanticheskie i graficheskie osobennosti nikov kak sredstva samoprezentacii lichnosti v nemeckojazychnoj internet-kommunikacii [Semantic and graphic features of nicknames as a means of self-presentation of personality in German-language Internet communication] Aktual'nye problemy romano-germanskoj filologii i prepodavanija evropejskih jazykov v shkole i vuze : sbornik statej V zaochnoj Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoj konferencii, Joshkar-Ola, 18–20 marta 2016 goda. – Joshkar-Ola: Marijskij gosudarstvennyj universitet, 147-153. (In Russian)
14. Bechar-Israeli, H. (1995) Nicknames, Play and Identity on Internet Relay Chat. Journal of Computer-Mediated Communication, 1 (2) <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x> (In English)
15. Bechar-Israeli, H. (1995) From "Bonehead" to "cLoNehEAd": Nicknames, Play and Identity on Internet Relay Chat. Journal of Computer-Mediated Communication, 1 (2) <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x> (In English)
16. Chyryński, T. (2009). Tendencje w tworzeniu pseudonimów internetowych przez użytkowników polsko- i anglojęzycznych – analiza porównawcza. Media, Kultura, Komunikacja Społeczna 5: 118–131. (In English)
17. Labinaz P., Sbisà M. (2021) Speech acts and the dissemination of knowledge in social networks. Approaches to Internet Pragmatics: Theory and practice. Edited by Chaoqun Xie, Francisco Yus and Hartmut Haberland. 146–172 (In English)
18. Lakaw, A. (2006). Hiding behind nicknames. A linguistic study of anonymity in IRC chatrooms. Student thesis, Växjö University. <http://http://lnu.diva-portal.org/smash/get/diva2:206935/> (accessed June 8, 2013). (In English)
19. Mashiri P. (2002). More than Mere Linguistic Tricks: The Sociopragmatic Functions of Some Nicknames Used by Shona-speaking People in Harare, Zambia. № 31, 22-45. (In English)
20. Reyhan Yu. H. (2020) The Role of the Proper Names on the Internet- Communication //Journal of Critical Reviews. Vol. 7. Is. 4, 906-908. (In English)
21. Stommel, W. (2007). Mein Nick bin ich! Nicknames in a German Forum on Eating Disorders. Journal of Computer-Mediated Communication 13/1. <http://jcmc.indiana.edu/vol13/issue1/stommel.html> .In English)
22. Szymański L. (2013) Aspects of morphology and character choice motivation in Internet nickname constructions. Numele și numirea. Actele Conferinței Internaționale de Onomastică. Ediția a II-a: Onomastica din spațiul public actual, 822. (In English)

Поступила в редакцию 15.06.2024 г.

MORPHOLOGICAL FEATURES OF INTERNET NAME CREATION

A.V. Butova

The Internet has become an integral reality in a person's communicative sphere in the 21st century. As well as in real communication, each of us must identify oneself in the Internet. Personal names are used in the formal offline communication. Nicknames are resorted to in the informal communication. Pseudonyms serve as a tool for secondary nomination. The virtual space provides the opportunity of experimenting in nominating users through nicknames. In the article, the author analyzes Internet names from the point of view of their morphological structure. The empirical corpus is classified, with the motives for creating nicknames containing various graphic elements being considered. The relevance of this study is accounted for by the fact that the Internet name requires careful research and identification of its status as a new onomastic unit. The study objective is to determine the way a user can nominate and identify himself. Linguistic and extra-linguistic symbols used to create a nickname are considered, too.

Key words: nickname, Internet name, non-alphabetic character, self-nomination, user, virtual personality.

Бутова Анна Владимировна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова.
Доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям.
ORCID 0000-0002-8357-6069.
E-mail: annb.79@mail.ru

Butova Anna Vladimirovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Nosov Magnitogorsk State Technical University.
Associate Professor of Foreign Languages in Engineering Department.
ORCID 0000-0002-8357-6069
E-mail: annb.79@mail.ru

Научная статья

УДК 811.1/.8

DOI: 10.5281/zenodo.12542494

СИТУАЦИЯ ОБЩЕНИЯ В ДИАДЕ «МАТЬ – РЕБЕНОК» КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ РЕБЕНКА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ГРУПП ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

© 2024 *О.Н. Варламова*

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»

ORCID 0009-0002-7352-1555.

Цель исследования: на примере неблизкородственных языков (французского и русского) выявить в материнской речи ситуации общения, обуславливающие формирование в лексиконе ребенка определенных групп языковых единиц. Материал исследования: авторский корпус видеозаписей речевого взаимодействия женщин-представительниц русской и французской лингвокультур со своими детьми в возрасте до 1,5 лет на русском и французском языках общей продолжительностью более 12 часов. На основе критериев ведущей деятельности, детерминирующей характер общения матери и ребенка, и места взаимодействия матери и ребенка в режиме дня выделены 6 ситуаций общения (ситуация пробуждения, подготовки ко сну, проведения гигиенических процедур, массажа, повседневных дел, развития и обучения). Посредством семантического анализа для обеих лингвокультур определены ситуации – источники формирования в лексиконе ребенка тематических групп знаменательных слов. Низкий коэффициент лексической вариативности и высокий процент многократно употребленных лексических единиц, вычисляемые для каждой диады, позволили определить ситуации массажа, развития и обучения и проведения гигиенических процедур как наиболее продуктивные для освоения определенных лексико-семантических групп: соматизмов, глаголов двигательной активности, числительных и др.

Ключевые слова: материнская речь, речь, обращенная к детям, речь матери, семантизация лексики, онтолингвистика, ситуация общения, семейная коммуникация, регистр общения с детьми.

Для цитирования: Варламова О.Н. Ситуация общения в диаде «мать – ребенок» как основа для формирования в ментальном лексиконе ребенка определенных групп языковых единиц / О.Н. Варламова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 52–62. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12542494>.

Введение. В последние десятилетия изучение семейной коммуникации, и в частности общения матери и ребенка, все чаще становится предметом исследования лингвистической науки. Речевая среда является тем определяющим фактором, который приобщает ребенка к жизни в социуме [1, с. 5], а материнская речь считается главным источником усвоения знаковой системы родного языка [8, с. 66]. В отечественной науке используются близкие номинации, обозначающие интересующий нас феномен: речь, обращенная к детям [2, с. 10], регистр общения с детьми РОД [2, с. 11; 7, с. 3], материнская речь [10, с. 6; 8, с. 66], язык матери в общении с ребенком [14, с. 30]. Для нашего исследования актуально оперирование сочетанием *материнская речь*, поскольку материал исследования предполагает взаимодействие женщин с собственными детьми в рамках диад «мать-ребенок». Среди отечественных ученых, наиболее детально изучающих различные аспекты речевого взаимодействия матери и ребенка, отметим Санкт-Петербургскую школу онтолингвистики, а именно труды С.Н. Цейтлин, посвященные описанию процесса освоения детьми родного языка через

призму конструктивистского подхода и особенностям речевых проявлений речи взрослых, обращенной к ребенку [14, с. 9–237], обобщению ведущих идей и деятельности школы онтолингвистики [15, с. 182–192], исследования М.Д. Воейковой, посвященные описанию этапов усвоения именной морфологии родного языка [6, с. 14–273], лонгитюдное исследование Е.Е. Ляксо, описывающее различные аспекты речевого развития ребенка [13, с. 57–88]. Среди других подходов к исследованию речевого взаимодействия «мать-ребенок» отметим А.В. Колмогорову, описавшую с позиции когнитивной лингвистики релевантные модели поведения, которые посредством материнской речи формируются в когнитивном опыте ребенка [10, с. 59–160]. Исследования последних лет, посвященные коммуникации матери и ребенка, затрагивают также вопросы лингвокультурного характера, такие как формирования социально-релевантных моделей поведения ребенка посредством колыбельных песен [5, с. 349–350], акустических характеристик коммуникации с ребенком, таких как описание просодических особенностей речи, обращенной к ребенку [2, с. 11–22], особенностям полимодального взаимодействия взрослого с ребенком [3, с. 1–8], а также особенностям пренатального взаимодействия матери с ребенком [9, с. 101–102].

Настоящее исследование посвящено изучению речи матери через призму онтолингвистики и имеет следующую **цель**: на примере неблизкородственных языков (французского и русского) выявить в общении матери и ребенка ситуации, которые наиболее продуктивны для семантизации групп языковых единиц. Для достижения поставленной цели обозначены следующие задачи: 1) на основе критериев ведущей деятельности и места в режиме дня разграничить записи материнско-детского взаимодействия в соответствии с ситуациями общения с ребенком; 2) определить релевантные параметры для анализа лексики в выявленных ситуациях общения и потенциал каждой ситуации для освоения лексики; 3) выявить и описать лексические группы и языковые структуры, семантизирующиеся в каждой ситуации общения. **Актуальность** настоящего исследования определяется его вписанностью в два перспективных направления лингвистики: одной стороны поставленные задачи соотносятся с проблемным полем лингвоперсонологии, подчеркивая важность влияния ситуативно обусловленной специфики коммуникации на речевые проявления женщины в социальной роли матери, а также раскрывают межкультурный аспект данного вопроса. С другой стороны, рассмотрение коммуникативной ситуации общения и характера взаимодействия матери и ребенка как фактора семантизации лексики способствует решению вопросов онтолингвистики. Результаты исследования, раскрывающие перспективу коммуникативных ситуаций для освоения тех или иных групп языковых единиц, определяют **практическую значимость** данной работы для специалистов по развитию речи. **Новизна** предпринятого научного исследования заключается во введении в научное пространство оригинального языкового материала, репрезентирующего речь женщины в социально-релевантной роли матери, а также в рассмотрении факторов, влияющих на перспективу освоения ребенком лексики в коммуникативном взаимодействии с матерью на примере двух неблизкородственных языков. **Теоретическая значимость** проекта заключается в выявлении универсальных и культурно специфичных факторов, детерминирующих потенциал семантизации языковых единиц ребенком в русском и французском языках.

Многими исследователями, описывающими материнскую речь, отмечается, что одной из ее отличительных особенностей в плане лексики являются повторы [10, 8]. Обратив внимание на вариативность лексики матери в одних бытовых ситуациях и тенденции повтора в других, мы определили ситуации, в контексте которых происходит

семантизация определенных лексических групп. На основе критериев *ведущей деятельности*, определяющей характер общения матери со своим ребенком в возрасте до 1,5 лет, и *места* в режиме дня, нами определены 6 ситуаций общения:

- 1) ситуация пробуждения;
- 2) повседневных дел;
- 3) проведения гигиенических процедур;
- 4) подготовки ко сну;
- 5) развития и обучения;
- 6) массажа.

Для описания и измерения лексической составляющей речевого взаимодействия в указанных ситуациях мы определили основные параметры для описания [4, с. 90–91], которые высчитывались для каждой диады:

• *коэффициент вариативности лексики* – отношение различных словоформ к общему количеству словоформ (от 0 до 1). Повышение данного показателя, соответствует снижению количества повторов в речи;

- однократно употребленные ЛЕ;
- многократно употребленные ЛЕ;
- доля многократно употребленных;
- среднее количество повторов.

Материалы и методы исследования: материалом служит авторский корпус видеозаписей речевого взаимодействия женщин со своими детьми в возрасте до 1,5 лет на русском и французском языках общей продолжительностью более 12 часов. В качестве основных методов исследования использованы метод лексико-семантического анализа, контекстуального, коммуникативно-прагматического, а также качественно-количественный метод. Для настоящей статьи основным критерием для выявления потенциала семантизации лексики и описания особенностей актуализации лексических групп в речи матери относительно ситуации общения будет *коэффициент лексической вариативности*.

Показатели лексической вариативности по каждой ситуации представлены в таблице:

Таблица 1 – показатели коэффициента лексической вариативности речи матери в ситуациях общения

Ситуация общения	Коэффициент лексической вариативности
Пробуждение ребенка	0,56–0,73
Выполнение повседневных дел	0,4–0,7
Подготовка ребенка ко сну	0,4–0,5
Проведение гигиенических процедур	0,37–0,63
Ситуация развития и обучения	0,28–0,48
Ситуация массажа	0,24–0,32

В таблице 1 продемонстрированы показатели лексической вариативности по каждой ситуации общения от большего к меньшему, что соответствует дифференциации ситуаций от наименьшего потенциала семантизации лексики к большему. Представим результаты проведенного анализа.

Основная часть.

1. Ситуация пробуждения определяется режимом дня и реализуется при пробуждении ребенка после ночного или дневного сна. Это ситуация, в которой ребенок не готов активно воспринимать новую информацию, что отражается на лексических показателях: коэффициент лексической вариативности находится в диапазоне 0,56–0,73

и составляет самый высокий показатель по ситуациям. Среднее количество повторов лексических единиц в данной ситуации составляет от 2 до 2,7 раз, что снижает потенциал семантизации лексики. Однако анализ семантики единиц, подверженных повторам, и регулярная повторяемость самой ситуации с похожим сценарием позволяют определить ситуацию пробуждения как источник усвоения следующих групп лексики и речевых формул:

– глаголов констатации состояния:

Это кто проснулся? Это Катенька проснулась?

– глаголов, инициирующих действий ребенка:

Давай вставай, Катенька. Ручками давай потянемся, потянемся, потянемся.

В данном примере релевантными являются ЛЕ *давай*, реализующая модальное значение (*давай потянемся*), а также императивная форма глагола, представленная двумя способами: формой 2-го лица ед. числа (*вставай*), 1 лица мн. числа (*потянемся, потянемся*).

– этикетных реплик:

Доброе утро, Катюша! Доброе утро, да?

Сousou, ma petite. Ça va? Ouai? Tu as bien dormi aujourd'hui? (Привет, моя маленькая. Как дела? Ты сегодня хорошо поспала?)

Следует также отметить группу **соматизмов**. Ввиду малого количества повторов и короткого времени ее реализации ввиду перехода общения матери и ребенка от ситуации пробуждения к ситуации проведения гигиенических процедур или ситуацию массажа, наполненность группы соматизмов в рамках данной ситуации будет достаточно ограниченной: *носик, кулачок, сёчки, животик* и др.; *un pouce (большой палец), des yeux (глаза)* и др. Чаше других повторяются в данной ситуации лексические единицы, номинирующие руки (с вариациями уменьшительно-ласкательных суффиксов -чк, -еньк), поскольку после ситуации пробуждения ребенка мать берет его на руки и ситуация сменяется проведением гигиенических процедур или другой:

Вставай, рученьки давай маме. Давай ручки.

В рамках данной ситуации мать старается мягко перевести ребенка в состояние бодрствования, настроив его на позитивный эмоциональный ряд и не заостряя внимание на научении. Указанные лексические группы и речевые формулы актуализируются при этом контекстуально.

2. Ситуация повседневных дел. Ситуация повседневных дел не является детерминированной ведущей деятельностью, ни определенной направленностью коммуникации, ни временем реализации. Под ней мы понимаем выполнение женщиной повседневно-бытовых действий таких как готовка, уборка, прогулка с ребенком, в связи с чем используемая лексика достаточно разнообразна. Коэффициент лексической вариативности в данной ситуации средний и составляет 0,4-0,7.

Ввиду максимально широкого контекста взаимодействия с ребенком группы лексики, семантизирующиеся в рамках данной ситуации оказываются специфичны в зависимости от образа жизни семьи, режима дня ребенка, степенью взаимодействия матери и ребенка, а также реализации определенных действий в присутствии ребенка. Однако есть несколько лексических групп, которые находят отражение в большинстве диад, представленных в рамках данной ситуации, а также отличаются достаточно широкой наполненностью:

Соматизмы: *головка, бородушка, глазки, кулачки, пальчики* и др.; *une bouche (рот), des doigts (пальцы), des mains (кисти рук)* и др. В данной ситуации группа соматизмов актуализируется либо при переодевании ребенка, называя части тела при

прикосновении, либо окказионально, в контексте фатического общения с тактильным либо зрительным контактом.

Междометия: *агу, ай-яй-яй, гав-гав, пи-бии, прыг, тыг-дыг-дыг* и др.; *hop là (хон)*, имеющие денотативную соотнесенность с действием либо с лицом, выполняющим действие: при виде проходящего мимо животного или его изображения на картинке мать вокализует номинацию животного как *гав-гав* или *ко-ко*. Также действия ребенка, например, прыжки, также сопровождаются в материнской речи междометиями *hop là* и *прыг* в функции номинации действия.

3. Ситуация подготовки ко сну реализуется во взаимодействие матери и ребенка преимущественно в вечернее время суток перед укладыванием ребенка спать. Она представляет собой особый ритуал, организуемый с учетом гигиены сна. Отмечается, что нарушения данного ритуала, изменения эмоционального фона способны существенно нарушить сон ребенка [11, 12]. Поэтому регулярность определенного набора подготовительных действий, в том числе речевых, влияет на психоэмоциональное состояние ребенка. В данной ситуации действия должны с одной стороны представлять знакомый набор, дабы успокаивать его нервную систему и подготовить к отдыху, о чем с другой стороны – должны настраивать на положительный эмоциональный фон.

В данной ситуации коэффициент вариативности лексики для русских диад значительно ниже, чем в ситуации пробуждения ребенка (0,4–0,5). Это свидетельствует о значительном количестве повторяющейся лексики в речи матери и высоком потенциале ситуации для семантизации лексики, поскольку значительная часть слов и словоформ повторяются многократно. Установлено, что в среднем слово в данной ситуации в речи матери повторяется 3,7–4,09 раза, при этом диапазон повторов составляет от 2 до 13 употреблений, что свидетельствует о высоком потенциале узнаваемости ребенком лексики.

Ситуация подготовки ко сну фиксирует в языковом опыте ребенка следующие группы лексики:

– **глаголы действия и движения**, посредством которых в речи матери комментируются производимые ребенком действия: *двигаться, закрывать, кусать* и др.; *aller (идти), s'asseoir (садиться)* и др.:

Кто кусает маму, а? Кто кусает?

On va au lit ? (идем в кровать?);

– **лексико-тематическую группу сна**. Так, из примеров приведем следующие лексические единицы: *ложиться, спать, ночь, кровать* и др.; *dormir (спать), le lit (кровать), bercer (баюкать)* и др.

Тематическая группа сна, составляющая лексическую основу данной ситуации, обусловлена самим контекстом и прагматической целью – успокоить ребенка и создать условия для его перехода ко сну. Поэтому повторяемость лексических единиц данной группы в материнской речи постепенно способствует их трансформации в маркеры уже сформированных в социо-когнитивном опыте ребенка определенных ритуальных действий подготовки ко сну. Данные действия позволяют распознать ситуацию как некоторый воспроизводимый сценарий, последовательность которого ребенок по мере взросления может не только распознавать, но и прогнозировать.

Эмоционально-маркированная лексика. Отметим, что в контексте ситуации подготовки ко сну нам встретились как отрицательно, так положительно маркированные единицы. Отрицательно маркированные обращения являются окказиональными в использовании и представляют собой элементы высказываний, реализующих прием игровой агрессии, который подробно описан нами в [4]. Так, обращения к ребенку *зараза,*

козявка, а также глаголы с семантикой причинения боли в высказываниях типа *po pompe* буду бить, *colotit* не несут прямую угрозу, а выполняют развлекательную функцию, настраивая ребенка на положительный эмоциональный фон.

Приведем примеры положительно маркированных обращений: *minette* (котенок), *petit roussin* (маленький цыпленочек), *mon petit quinquin* (мой кроха), а также лексическую группу с семантикой эмоциональной близости: *целовать*, *жалеть* и др.; *câliner* (приласкать), *faire un câlin* (ласкать) *faire un bisous* (целовать) и др.

Отметим, что упомянутые лексические средства являются универсальной характеристикой речевого взаимодействия в анализируемой ситуации и отражены в каждой диаде ситуации, которые главной прагматической целью – уложить ребенка спать.

– **Соматизмы.** Приведем примеры некоторых лексических единиц данной группы: *бочок*, *лобик*, *носик*, *пузико* и др.; *un nez* (нос), *des yeux* (глаза), *des pieds* (ноги), *des oreilles* (уши) и др. Использование данной группы лексики обусловлено ситуацией общения: в процессе подготовки ребенка ко сну мать переодевает его, укладывает в кроватку, поглаживает и целует, называя части тела ребенка:

Щас в носик поцелую, можно? А в щечки?

Помимо лексического наполнения речи описываемая ситуация общения способствует также усвоению грамматической формы повелительного наклонения глаголов:

Спи давай, глазки закрывай и спи!;

Fais dodo, mon cheri (Спи, мой дорогой).

4. Ситуация проведения гигиенических процедур находит свое отражение в процессе купания ребенка, умывания и др., которые могут проводиться как в вечернее время, перед подготовкой ко сну, так и утром и в течение дня. Коэффициент вариативности лексики в данной ситуации достаточно низкий и находится в диапазоне от 0,37 до 0,63.

Отметим группы лексики, которые актуализируются в рамках данной ситуации.

Лексика с семой чистоты, представленная лексическими единицами: *ванна*, *мочалка*, *постригать*, *чистить*, *чистый* и др.; *une baignoire* (ванна), *se laver* (мыться), *laver* (мыть), *une douche* (душ) и др.

Данная лексико-семантическая группа составляет более 40% от общего количества лексических единиц, используемых в рамках в данной ситуации. Их выбор в данном случае обусловлен самой ситуацией общения, в рамках которой женщина, купая и умывая ребенка, комментирует свои действия:

И на ножках наши маленькие пальчики тоже надо протереть, да. Раз-два, вот так. Вот носки обтираем.

Лексика с семой «вода»: *барахтаться*, *водичка*, *плескаться*, *плыть* и др.; *chaud* (горячий), *l'eau* (вода), *une goutte* (капля) и др.

Данная группа лексики семантически детерминирована деятельностью матери в ситуации общения и наряду с семантической группой чистоты составляет основной лексический набор материнской речи в рамках реализации ситуации. Чаще всего актуализируется в комментариях к действиям ребенка, положению его тела или местонахождению:

Дельфинчик мой в водичке плескается, да? Ох как мы ножками дрыгаем, ох, ох! Поплыл!;

Tu veux aller dans l'eau ? (ты хочешь в воду?).

Соматизмы: *глазки*, *головушка*, *губки*, *пузико*, *зубоньки*, *пупочек*, *рожища*, *ушеньки* и др.; *les mains* (кисти рук), *la tête* (голова), *les pieds* (ноги) и др.

Комментируя свои действия, мать часто называет часть тела ребенка и проводимую манипуляцию, сочетая таким образом соматизмы в одном контексте с

лексикой с семантикой чистоты, например:

Илюша сейчас умоется, чистенький будет сидеть. Щечки все вытрём щас.

Лексика с семантикой положительной оценки: *здорово, умница, молодец, super, bravo, c'est bien.* Данная лексика отражает позитивную эмоциональную реакцию матери на проявление ребенком речевой, либо двигательной активности. Кроме того, данная реакция подкрепляет и закрепляет в сознании ребенка положительную ассоциативную связь «чистое тело=хорошо».

5. Ситуация развития и обучения реализуется через общение с ребенком, имеющее прагматической целью пополнить его словарный запас, представляющее собой различные развивающие игры (тактильные, с развивающими карточками, с игрушками), чтение сказок и стихотворений, а также в формате рассказа матери об окружающих предметах в квартире или на прогулке. Отметим, что эта ситуация характеризуется достаточно низким коэффициентом лексической вариативности 0,28-0,48, а соответственно – высокой степенью ее повторяемости, и наиболее высоким потенциалом ее семантизации, что соответствует прагматической цели самой ситуации – обучить ребенка игровым сценариям, бытовым действиям, развивать его словарный запас и пополнять знания об окружающем мире.

Через повторы в речи матери актуализируются следующие группы слов.

Лексико-семантическая группа глаголов **перцепции и речевой продукции:** *говорить, посмотреть, потрогать* и др.; *dire (сказать), regarder (смотреть).*

Данная лексическая группа используется в речи матери для инициирования ребенка к познанию мира через тактильные ощущения и визуальное восприятие, а также для побуждения ребенка к речевой продукции:

Comment tu dis «papa»? «Papa»? Et «tata»? Comment tu dis manger? (Как ты говоришь «папа»? «Папа»? А «мама»? Как ты говоришь «есть?»).

Отметим, что в нашем исследовательском корпусе подобные высказывания предполагают ответную реакцию ребенка, в том числе речевую, когда он вокализует повторяемое женщиной слово, при этом показывая/подавая названный предмет, закрепляя таким образом денотативные связи.

Лексико-семантическая **группа зооморфизмов** представляет собой номинации представителей животного мира, в том числе и звукоподражательные: *гав-гав, гусеничка, киса, лошадка, щенок* и др.; *un lion (лев), un crocodile (крокодил), un miaou («мяу»- кот), un chat (кот), un hi-han («и-аа» – осел)* и др. Отметим, что указанная группа обусловлена процессом познания ребенком окружающего мира в рамках данной ситуации. Она характеризуется достаточно широким набором входящих в нее лексических единиц, которые, в основном, характеризуются не более 3-4 повторами в каждой диаде. Отметим при этом в качестве типичной структуры вопросительные предложения типа «кто?/qui?», «где?/où?», «как?/comment?»:

Regarde le lion. Comment fait le lion? Comment fait le lion? (Посмотри на льва. Как делает лев? Как делает лев?)

А кто это? Дельфин? Это дельфин?

Номинации **ближайшего окружения ребенка** таких как члены семьи: *братик, мама, папа, tata, papa* и др. в зависимости от числа лиц входящих в семью и часто контактирующих с ребенком.

C'est qui? C'est ton frère? Il est là, ton frère? Et papa? (Кто это? Это твой брат? Там твой брат? А папа?)

Высказывания матери, в которых упомянут член семьи, номинацию которого ребенок распознал на слух, часто вызывают у ребенка стремление продемонстрировать

воссозданную денотативную связь – указать на человека, которого он узнал, повернуться к нему либо протянуть к нему руки.

Тематическая группа «игрушки». Данную группу составляют номинации игрушек, их деталей, а также совместных действий ребенка и матери, совершаемых в процессе игры: *вагончик, деталь, крепить, лего, фары* и др.; *un camion (грузовик), un volant (руль), jouer (играть)* и др.:

C'est quoi? C'est un camion? Un camion? (Это что? Грузовик? Грузовик?).

Тематическая группа «творчество» включает в себя наименование предметов и действий, реализующихся в творческом процессе: *кисточка, ножницы, наклеить, раскрашивать, художник* и др. Актуализируясь в речи матери, лексические единицы данной группы именуют важные действия, направленные как на развитие мелкой моторики, так и на творческое мышление ребенка:

Наклей! Ой как пальчикам интересно, да? Прижми картинку ладошкой.

Тематическая группа «чтение»: *азбука, буквы, книга* и др.; *une image (картинка), un livre (книга), une page (страницы).*

Примечательно, что данная группа хоть и не отличается широкой наполняемостью, однако же является ситуативно обусловленной: процесс чтения книг ребенку является неотъемлемой частью процесса его обучения. Объем лексических единиц в данной группе в рамках исследовательского корпуса достаточно ограничен. Это объясняется тем, что мать в процессе чтения акцентирует внимание не на номинации средств и действий процесса чтения, а на визуальном сопровождении (картинках) и сюжете.

Отдельными тематическими группами стоит отразить **глаголы перцепции** *смотреть, трогать* и прилагательные группы **тактильных ощущений**, отражающие развитие тактильных ощущений малыша и мелкой моторики: *ладенький, горячий, колючий* и др. Актуализируется данная группа лексики в речи матери в контексте развития мелкой моторики или познания окружающего мира. Глаголы указанной группы чаще всего употребляются в форме повелительного наклонения и отражают непосредственно задание матери в адрес ребенка с целью освоения ощущений, а прилагательные нацелены на их категоризацию в сознании ребенка и семантизацию:

Какой колючий ежик, да? А теперь смотри, а вот тут какая ладенькая подушка. Потрогай, какая ладенькая подушечка. Видишь, какая гладкая. А здесь какая? А здесь другая, да? Здесь скользкая такая. Давай!

6. Ситуация массажа характеризуется особыми лексическими показателями: самым низким коэффициентом лексической вариативности из всех представленных ситуаций (0,24-0,32) и самыми высокими показателями повторяемости ЛЕ, что определяет ее как наиболее продуктивную для усвоения лексики ребенком.

Данная ситуация реализуется чаще всего в первой половине дня либо в середине дня, и проводя массажные манипуляции мать часто сочетает их с приемами гимнастики, соответствующими возрасту ребенка. Отметим, что внимание женщины в данной ситуации фокусируется на корпусе ребенка и его физических возможностях, именно поэтому релевантными лексическими группами, актуализирующимися в данной ситуации являются следующие:

– **лексика с семантикой двигательной активности:** *бегать, велосипед, крутить, разминать, пинаться* и др.; *courir (бежать), danser (танцевать), vite (быстро)*;

– **соматизмы:** *бочок, бровки, зубик, коленочка, позвоночник, пяточка* и др.; *des dents (зубы), des mains (кисти рук), des pieds (ступни), un poing (кулак)* и др.

Данные группы лексики, как и в ситуации проведения гигиенических процедур, используются женщиной, сопровождая ее прикосновения к ребенку, поглаживания и

массажные манипуляции, как бы акцентируя внимание ребенка на границах его тела, его возможностях и прививая положительное отношение к собственному телу. При этом обе приведенные группы лексики обычно используются в одном контексте с еще одной лексической группой – **числительными**:

Давай вот так постигаем – раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Ой, как ножки сгибаются, да, сынуля? Пять, шесть, семь, восемь!

Отметим, что использование числительных в анализируемой ситуации отличается определенной спецификой. Так, для вокального сопровождения некоторых упражнений мать использует ограниченный ряд числительных: от одного до восьми. При этом некоторые числительные имеют свою прагматическую специфику. В частности, единица *раз* может использоваться изолированно, без продолжения нумерации действий. Может также использоваться ряд *раз-два*. При этом произнесение числительного *раз* сопровождает приведение части тела ребенка в необходимое непривычное положение, а числительное *два*, нередко употребляющееся с ним в паре, соответствует приведению тела ребенка в исходное положение. Если процедура массажа предполагает повторение какого-либо упражнения, то и ЛЕ, сопровождающие их, аналогично повторяются:

Р-раз-два-а! А, косолатик мой, дочь. Давай, раз-два! Ну, ну, молодец, молодец.

Таким образом данная ситуация общения обладает наиболее высоким потенциалом для семантизации лексики, а группами лексических единиц, продуктивным для формирования и закрепления денотативных связей в рамках данной ситуации являются соматизмы, глаголы двигательной активности и числительные.

Заключение. Подводя итог исследованию отметим, что каждая из шести выявленных ситуаций общения имеет свою специфику лексической наполненности, что обуславливает потенциал к семантизации тех или иных групп языковых единиц. Так, по критерию повторяемости лексики наиболее высоким потенциалом в русской и во французской лингвокультурах обладают ситуации массажа, развития и обучения и проведения гигиенических процедур. Это объясняется максимальной степенью внимания матери, направленного на взаимодействие с ребенком либо в форме активного тактильного контакта (ситуация массажа и проведения гигиенических процедур), либо в ситуации, имеющей прагматическую целью собственно обучение ребенка (ситуация развития и обучения) в противовес ситуации повседневных дел, когда некоторая степень внимания женщины переходит на решение бытовых задач. Отметим также, что ситуации общения с высоким потенциалом семантизации лексики предполагают включенность ребенка во взаимодействие в часы его активности, в то время как ситуации пробуждения, подготовки ко сну предполагают низкую степень эмоционального возбуждения ребенка.

Указанные показатели зависят также от возраста ребенка: так, с детьми других возрастных групп показатели лексической вариативности речи матери будет меняться ввиду освоения ребенком речи и расширения его круга действий. Изучение механизмов и факторов семантизации лексики у детей более старшего возраста может составить перспективу дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Л.Ю. Семейная речевая среда как условие гармоничного присвоения вербального опыта детьми младенческого и раннего возраста / Л.Ю. Александрова // Вестник ЧГПУ. – 2009. – № 11. – С. 5–20.
2. Андреева Е.А. Просодические особенности речи взрослого, обращенной к ребенку (на материале британского варианта английского языка) / Е.А. Андреева // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2020. – Вып. 1 (830). – С. 9–23

3. Андреева Е.А. Речь, обращенная к ребенку, как полимодальный феномен при формировании эффективной коммуникации / Е.А. Андреева // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – №4 (40) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.23> (дата обращения: 30.03.2024).
4. Варламова О.Н. Речевой портрет женщины в социально-релевантной роли матери (на материале французского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / О.Н. Варламова. – Красноярск, 2018. – 180 с.
5. Варламова О.Н. Особенности формирования социально-релевантных моделей поведения ребенка в дискурсе колыбельных песен (на материале французского и русского языков) / О.Н. Варламова // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 2 (99). – С. 349–352.
6. Воейкова М.Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка / М.Д. Воейкова. – М.: Знак, 2011. – 328 с.
7. Гаврилова Т.О. Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Т.О. Гаврилова. – СПб, 2002. – 181 с.
8. Гайкова Ю.С. Индивидуальный вклад характеристик материнской речи в речевое развитие ребенка первого года жизни / Ю.С. Гайкова, Е.Е. Ляксо // Вестник СПбГУ. – 2011. – Вып. 3. – С. 66–74.
9. Григоренко Н.Ю. Возможность и необходимость общения матери со своим будущим ребенком в пренатальный период в ходе нормальной и проблемной беременности / Н.Ю. Григоренко // Педагогическое образование в России. – 2020. – № 2. – С. 99–105.
10. Колмогорова А.В. «Мамин язык»: практики материнского общения в контексте распределенной модели языка и когниции: монография / А.В. Колмогорова. – М.: Наука, Флинта, 2013. – 168 с.
11. Корабельникова Е.А. Лечение и профилактика инсомний у детей раннего возраста / Е.А. Корабельникова // Российский психиатрический журнал. – 2012. – № 3. – С. 62–70.
12. Корабельникова Е.А. Влияние детско-родительского эмоционального взаимодействия на сон детей раннего возраста / Е.А. Корабельникова, Я.М. Акинкина // Российский вестник перинатологии и педиатрии. – 2021. – № 66 (2). – С. 92–100.
13. Ляксо Е.Е. Становление звукового состава речи ребенка: лонгитюдное исследование / Е.Е. Ляксо // Речь ребенка: Проблемы и решения / Под ред. Т.Н. Ушаковой. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – 352 с.
14. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Освоение ребенком родного языка / С.Н. Цейтлин. – М.: Владос, 2017. – 240 с.

REFERENCES

1. Aleksandrova, L.Yu. (2009). Semeinaya rechevaya sreda kak uslovie garmonichnogo prisvoeniya verbal'nogo opyta det'mi mladencheskogo i rannego vozrasta [Domestic Vocal Environment as a Condition of Harmonious Appropriation of Verbal Experience by Children of Neonatal and Tender Age], Vestnik ChGPU [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 11, 5–20. (In Russian)
2. Andreeva, E.A. (2020) Prosodicheskie osobennosti rechi vzoslogo, obrashchennoi k rebenku (na materiale britanskogo varianta angliiskogo yazyka) [Prosodic particularities of child-directed speech (based on the British variant of the English language)], Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 1 (830), 9–23. (In Russian)
3. Andreeva, E.A. (2023) Rech', obrashchennaya k rebenku, kak polimodal'nyi fenomen pri formirovanii effektivnoi kommunikatsii [Child-directed speech as a multimodal phenomenon in establishing effective communication], Russian Linguistic Bulletin, 4(40), <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.23> (In Russian)
4. Varlamova, O.N. (2018) Rechevoi portret zhenshchiny v sotsial'no-relevantnoi roli materi (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov), PhD dissertation. Siberian Federal University. (In Russian)
5. Varlamova, O.N. (2023) Osobennosti formirovaniya sotsial'no-relevantnykh modelei povedeniya rebenka v diskurse kolybel'nykh pesen (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov) [Features of formation of socially relevant models of childrens behavior in the discourse of lullabies (on the material of the French and Russian languages)], Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture and education], 2 (99), 349–352. (In Russian)
6. Voeikova, M.D. (2011) Rannie etapy usvoeniya det'mi imennoi morfologii russkogo yazyka [Early stage of learning nominal morphology of the Russian language by children]. Moscow: Znak. (In Russian)
7. Gavrilova, T.O. (2002) Registr obshcheniya s det'mi: strukturnyi i sotsiolingvisticheskiy aspekty (na materiale russkogo yazyka) (PhD dissertation). European university at St. Petersburg, St. Petersburg. (In Russian)
8. Gaikova, Yu.S., Lyakso E.E. (2011) Individual'nyi vklad kharakteristik materinskoi rechi v rechevoe razvitie rebenka pervogo goda zhizni [Individual contribution of mother's speech characteristics into child's

speech development during the first year of life]. Vestnik SPbGU [Vestniks of Saint Petersburg University], 3, 66–74. (In Russian)

9. Grigorenko, N.Yu. (2020) *Vozможnost' i neobkhodimost' obshcheniya materi so svoim budushchim rebenkom v prenatal'nyi period v khode normal'noi i problemnoi beremennosti* [Possibility and necessity of communication of the mother with his future child in the prenatal period during normal and problem pregnancy]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. 2, 99–105. (In Russian)

10. Kolmogorova, A.V. (2013) «Mamin yazyk»: praktiki materinskogo obshcheniya v kontekste raspredelennoi modeli yazyka i kognitsii. Moscow: Nauka, Flinta, 2013. (In Russian)

11. Korabel'nikova, E.A. (2012) *Lechenie i profilaktika insomnii u detei rannego vozrasta* [Treatment and prevention of insomnia in infants and young children], *Rossiiskii psikiatricheskii zhurnal* [Russian journal of psychiatry]. 3, 62–70. (In Russian)

12. Korabel'nikova, E.A., Ya.M. Akinkina (2021) *Vliyanie detsko-roditel'skogo emotsional'nogo vzaimodeistviya na son detei rannego vozrasta* [Influence of child-parent emotional interaction on the sleeping of young children], *Rossiiskii vestnik perinatologii i pediatrii* [Russian bulletin of perinatology and pediatrics], 66 (2), 92–100. (In Russian)

13. Lyakso, E.E. (2008) *Stanovlenie zvukovogo sostava rechi rebenka: longitudnoe issledovanie* In T.N. Ushakova (Ed.) *Rech' rebenka: Problemy i resheniya*, Moscow: Institut psikhologii RAN [Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences]. (In Russian)

14. Tseitlin, S.N. (2017). *Yazyk i rebenok. Osvoenie rebenkom rodnogo yazyka* [Language and child. Learning native language by child]. Moscow: Vados. (In Russian)

15. Tseitlin, S.N., Voeikova, M.D. (2019) [Saint Petersburg school of ontolinguistics], *Voprosy psihologvistikii* [Journal of Psycholinguistics], 1 (39), 182–205. (In Russian)

Поступила в редакцию 03.04.2024 г.

**COMMUNICATIVE SITUATION “MOTHER – CHILD”
AS SOURCE OF FORMATION OF CERTAIN GROUPS OF LINGUISTIC UNITS
IN CHILD’S MENTAL LEXICON**

O.N. Varlamova

The article deals with the results of the study aimed at identifying communicative situations in maternal speech that determine the formation of certain groups of language units in the child’s vocabulary. The research is carried out on the material of the French and Russian languages. The author’s corpus is constituted by 12 hour video recordings of speech interaction between women, who represent the Russian and French linguistic cultures, with their children under the age of 1.5 years in Russian and French. Based on the criteria of the leading activity that determines the nature of mother and child communication and the place of their interaction in the daily routine, six communicative situations have been singled out, among which are as follows: the situation of waking up, getting ready for bed, carrying out hygiene procedures, massage, daily routine, development and learning. By means of the semantic analysis, the situations that proved to be the sources of the formation of thematic groups of notional words in the child’s vocabulary have been identified in both linguistic cultures. The low coefficient of lexical variability and the high percentage of the frequently used lexical units, calculated for each dyad, made it possible to determine the situations of massage, development and training, and carrying out hygiene procedures as the most productive for acquisition of certain lexical-semantic groups, among which are somatisms, verbs of motor activity, numerals, etc.

Key words: mother’s speech, speech addressed to children, vocabulary semantization, ontolinguistics, communicative situation, family communication, register of communication with children.

Варламова Ольга Николаевна.

Кандидат филологических наук.

Сибирский федеральный университет.

Доцент кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики.

ORCID 0009-0002-7352-1555.

E-mail: olga-varlamova@mail.ru

Varlamova Olga Nikolaevna.

Candidate of Philology.

Siberian Federal University.

Associate Professor at Department of Theory of Germanic and Romance Languages and Applied Linguistics.

ORCID 0009-0002-7352-1555.

E-mail: olga-varlamova@mail.ru

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.12542899

ГОРОДСКИЕ МЕМЫ КАК СЛЕДСТВИЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА¹

© 2024 Н.В. Гладкая

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0000-0003-3903-4438.

Работа посвящена исследованию урботекста через городские интернет-мемы, что позволит понять, какие культурные и социальные аспекты отражаются в сетевых сообществах города. Такой подход также позволит увидеть, как цифровая среда влияет на формирование локальной идентичности и какие новые формы самовыражения появляются в сети. Для исследования мы использовали теоретические методы анализа (анализ теоретической базы по данной тематике, синтез и классификация), практические методы (описательный и эмотивный анализ) и собрали эмпирические данные в сети Интернет, включая группы социальной сети «ВКонтакте» и мессенджера «Телеграм» посвященные донецким мемам. Актуальность работы заключается в уникальности мемной культуры каждого региона, отражающейся в национальных особенностях, традициях, поведении и образе жизни людей. Изучение городских мемов остается малоисследованным направлением в научной литературе, это определяет новизну данного исследования. Сделанные выводы доказывают, что изучение донецких интернет-мемов может помочь выявить уникальные черты города, которые присущи только данному региону. Такой анализ позволит не только расширить понимание цифровой культуры, но и поможет лучше понять, как городская среда формирует лингвокультурные практики и взаимодействие между горожанами. В конечном итоге, изучение городских интернет-мемов поможет расширить знания о влиянии цифровой среды на городскую культуру и общество в целом. Такой анализ может быть полезен для развития стратегий коммуникации в городе, формирования городского имиджа и понимания уникальных аспектов жизни в конкретном регионе.

Ключевые слова: интернет-мем, интернет-коммуникация, прецедентный текст, когнитивный потенциал, лингвокультурный потенциал, самоидентичность, социальный мем, декодирование.

Для цитирования: Гладкая Н.В. Городские мемы как следствие самоидентификации жителей Донбасса / Н.В. Гладкая // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 63–73. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12542899>.

Введение. Современная интернет-коммуникация представляет собой разнообразие дискурсов, многие из которых уникальны и существуют исключительно в онлайн-пространстве. Сегодня интернет – это не только глобальный источник информации, но и пространство для общения. Развитие виртуального дискурса определяется общими тенденциями интернет-коммуникации, включая краткость текста, обратную связь, возможность оценки и объединение текста с изображениями. К примеру, интернет-мем – это интернет-феномен с определенной стандартизированной формой (текст и изображение либо изображение с конкретно угадываемой эмоцией или ситуацией) и специфическими прагматическими функциями, обладающий целостностью и завершенностью. В узком лингвистическом смысле интернет-мем

¹Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

рассматривается как форма полимодального дискурса в рамках интернет-коммуникации, где используется более одного канала передачи информации, например, вербального и невербального.

Напомним, что изначально теорию мемов разработал профессор, биолог, этолог Ричард Докинз в книге «Эгоистичный ген». Ученый выдвинул теорию о схожести мема и гена, так мем стали рассматривать как «единицу передачи культурного наследия, единицу имитации» [4, с.188]. Р. Докинз считал, что «примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мимы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [4, с. 189]. Мемы конкурируют между собой в интернет-среде, следуя одной цели – репликации, при этом невозможно предсказать последствия их движения.

Теорию Р. Докинза продолжает Томас Бретт в своей работе «Руководство по мемам: путеводитель пользователя по вирусам сознания» [1]. Ученый считает, что «мемы – это фундаментальные воспроизводящие единицы культурной эволюции... Отдельные слоганы, лозунги-заклинания, музыкальные мелодии, визуальные изображения, изобретения, мода – типичные мемы» [1, с. 25]. Таким образом, мем представляется универсальной культурной единицей, способной к саморепликации и являющейся двигателем культурной эволюции. Психолог Клер Грейвз подмечает, что мемы проявляются в мировоззрении, системе убеждений, ценностей, уровне психологического бытия, организующих принципах, способе мышления и образе жизни индивида [10, с. 215]. Дуглас Рашкофф рассматривает мемы как скрытый идеологический код, способный оказывать влияние на человека, как медиавирус [6, с. 138]. Р. Броуди анализирует мемы как представление знания, необходимое для того, чтобы у людей возрастало количество копий, а сами мемы считаются репликаторами, воплощающими процесс мышления [2, с. 127]. Ю.В. Щурина выделяет следующие типы интернет-мемов: 1) текстовые мемы; 2) мемы-картинки; 3) видеомемы; 4) креолизованные мемы, хотя аудио-мемы не учитываются в данной классификации [8, с. 165].

Мемы, как разновидность прецедентных текстов, могут мгновенно передавать культурно значимую информацию в компактной форме. Распространение мема, согласно Френсису Хейлингену, происходит через четыре этапа: ассимиляция (когда человек становится носителем мема), сохранение (когда мем сохраняется в памяти), выражение (когда человек использует мем в своей речи) и трансмиссия (передача мема другому человеку). Согласно Ф. Хейлингену, наиболее актуальные и быстро распространяющиеся мемы называются «сильными мемами» [12, с. 202].

Учитывая прецедентный характер мемов, пользователи социальных сетей должны уметь корректно их декодировать, для этого нужно обладать определенной культурной базой, т.е. «мемы являются способом определить наше онлайн "племя", или наше представление о нем в данный момент времени» [9, с. 12]. Так, при передаче мемов, прежде всего учитывается способность адресата к раскодированию пересылаемой информации. Мемы могут реализовываться в обществе, распространяться, трансформироваться, транслировать определенную точку зрения, т.е. благодаря своей простоте и скорости распространения быть проводниками «идеального дискурса» [11, с. 113].

Однако не каждый информационный повод способен стать мемом и быстро распространяться в сети. В интернете мемы конкурируют друг с другом, стремясь к

репликации, их движение и последствия непредсказуемы. Обычно мемы возникают как проявление творческого потенциала пользователей социальных сетей и могут быть реакцией на социальные изменения. По мнению Н.В. Гладкой, их распространению способствуют простота воспроизведения и восприятия, юмористический элемент, актуальность обсуждаемой темы. Количество дериватов и репликатов определяет успешность мема [3, с. 30–35].

Примечательно, что мемам не обязательно иметь конкретного создателя, т.к. в современной лингвистике мы рассматриваем мемы как жанр интернет-фольклора, т.е. жанр созданный и распространяемый благодаря коллективности и народности. Некоторые мемы могут стать широко известными и использоваться в различных контекстах, в то время как другие могут быстро устареть и забыться и на данном этапе пока не представляется возможным достоверно предположить период существования мема.

Мемы играют важную роль в цифровой культуре, они могут создавать общие точки соприкосновения и способствовать общению в онлайн-сообществах. Они также могут отражать текущие события и тенденции, являясь своеобразным зеркалом общественного мнения. Мемы могут быть источником юмора и развлечения, а также использоваться для анализа социокультурных явлений, в интернет-мемах проявляются процессы глобализации информационно-культурного контента.

Основная часть. В нашем исследовании анализируем урботекст города Донецка, включая устную городскую речь, письменные тексты и городские номинации. Лингвокультурная «биография» города формируется как в реальном мире, так и в виртуальном пространстве.

Хештеги и интернет-мемы играют важную роль в формировании имиджа города и передаче ценностей его жителей. Мы считаем, что интернет-мемы, отражающие символическую реальность города, могут быть эффективным средством формирования имиджа и воспитания нового поколения.

Методы и материалы исследования. Для исследования мы использовали теоретические методы анализа (анализ теоретической базы по данной тематике, синтез и классификация), практические методы (описательный и эмотивный анализ) и собрали эмпирические данные в сети интернет, включая группы социальной сети «ВКонтакте» и мессенджера «Телеграм» посвященные донецким мемам.

Цель данной работы – анализ городских интернет-мемов с лингвокультурологической точки зрения. Городской интернет-мем рассматривается как креолизованный текст, объединяющий вербальные и иконические элементы.

Современная лингвистика изучает все существующие интернет-жанры, включая интернет-мемы. Они могут оказывать как положительное, так и деструктивное влияние на языковые процессы, но в целом признаются как важное явление в современном обществе. Анализ интернет-мемов позволяет понять языковые и культурные особенности современного интернет-общения.

В статье анализируются различные креолизованные мемы, которые являются популярными в донецком интернет-пространстве. Уникальные для каждого региона мемы отражают национальные особенности и традиции, иллюстрируя различия в поведении и образе жизни людей, это отражает **актуальность** проведенного исследования. Изучение городских мемов остается малоисследованным направлением в научной литературе, это определяет **новизну** данной работы.

Образ Донецка в виртуальном пространстве, созданный с помощью интернет-мемов, характеризуется противоречивостью восприятия города. С одной стороны, Донецк – это

город шахтерской славы, город-труженик, промышленный гигант, несмотря на относительно молодой возраст, обладающий достаточным количеством узнаваемых за пределами города достопримечательностями. Часто этот статус гиперболизируется, что вполне объяснимо: образы Донца и Донбасса увековечены в поэтических и прозаических произведениях. В то же время Донецк представлен как израненный войной город, борющийся за свою свободу и стремящийся отвоевать свое законное место.

Интернет-мем выражает подсознательное желание дончанина видеть родной город мегаполисом мирового уровня. В то же время есть чувство сожаления, что из-за продолжительных военных действий Донецк не мог полноценно развиваться в течение 10 лет, поэтому пока не соответствует статусу столицы (Рисунок 1, 2, 3).

Рисунок 1

Рисунок 2

«Городская» информация может накладываться на прецедентный текст – запоминающийся кадр из фильма. Так, эпизод из культового российского фильма «Брат 2» стал основой для мема, символизирующего город (и регион) как место куда несмотря ни на что горожане будут возвращаться (Рисунок 4). Герои обращаются к стюарду с просьбой: мальчик, водочки нам принеси. Мы в Донецк едем. Один из героев смотрит на адресата укоризненным взглядом, который усиливается в вербальной части заменой слова «летим» на слово «едем», т.к. после начала военного конфликта возможности пользоваться авиасообщением у города нет.

Рисунок 3

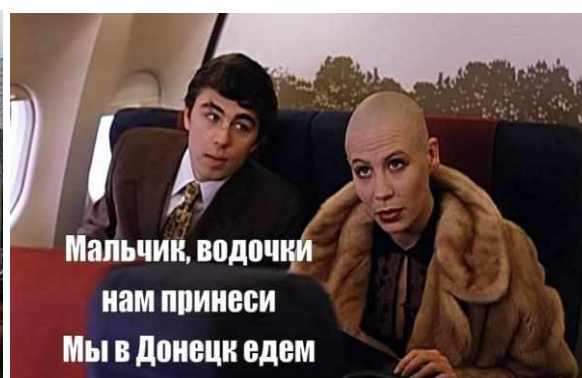

Рисунок 4

Городские интернет-мемы строятся на прецедентных именах и образах, связанных с историей города и региона. Так, многие мемы содержат отсылку к местам и героям, которые хорошо известны жителям (Рисунок 5). Так, для жителей Донецка первой ассоциацией со словом «кольцо» или «золотое кольцо» будет не изделие из драгметалла, и не туристический маршрут, а название торгового центра. Также «кольцом» жители города называют всю прилегающую к торговому центру территорию, поэтому выражения «встретимся на кольце», «выхожу на кольце», «поедем на кольцо» в речи дончан встречаются довольно часто и не вызывают сложности в декодировании информации.

Рисунок 5

Рисунок 6

Также характерными образами для городских мемов становятся современные городские реалии (например, комендантский час, сепаратизм и проч. (Рисунок 7,8)). После начала СВО украинская сторона лишила горожан постоянного водоснабжения, это дало толчок к созданию огромного количества мемов, отражающих данную проблему (Рисунок 6, 9). В большинстве мемов использовался популярный образ американского актера Роберта Дауни Младшего и его жест, известный как «Роберт Дауни разводит руками», который он часто использует на премьерах и интервью. Этот жест стал символом непринужденной уверенности и самоиронии.

Как правило, мемы, где «Роберт Дауни разводит руками» используются, чтобы показать крутость в любой ситуации, часто подразумевается ирония. Например, если человек делает что-то обыденное или не очень впечатляющее, но при этом ведет себя, как будто он сделал что-то удивительное, его изображение может быть сопровождено этим жестом.

Таким образом, «Роберт Дауни разводит руками» стал не только символом стиля и крутости, но и ироничным элементом в интернет-культуре, который используется для подчеркивания самоиронии и сарказма. Большой популярностью пользуются и другие изображения актера.

Рисунок 7

Рисунок 8

Рисунок 9

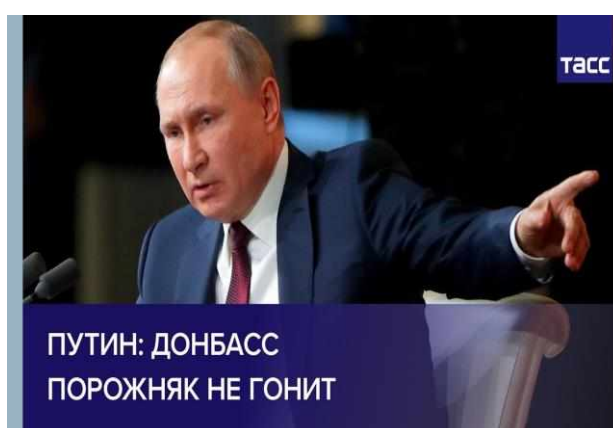

Рисунок 10

Мемы – это идеальная площадка для выражения любого мнения: поддержки какой-либо идеи или направления, утверждения своей идентичности, недовольства социальными, политическими проблемами и проч. Интернет-пространство старается привлечь внимание местных властей. Социальный интернет-мем может возникнуть после высказывания политических лидеров, известных личностей и др. Так, в интернет-пространстве часто можно встретить выражение «Донбасс порожняк не гонит» (Рисунок 10). Эту прецедентную фразу, ставшую популярным мемом в своей речи использовали как политические лидеры (В.В. Путин, В.Ф. Янукович и др.), так и простые граждане. Фраза, зародившаяся в речи шахтеров, имеет свою сложную историю, начиная с позитивного значения в 50-х годах до её отрицательного оттенка в 2000-х. В данной концепции использования выражения, упомянутого Виктором Януковичем, содержится оттенок нелепости и бессмыслицы. Этот сдвиг в значении привел к тому, что фраза стала означать неосновательные и беспочвенные утверждения. Интересно, что фраза «гнать порожняк» на сегодняшний день означает «говорить чушь, нелепицу» и является синонимом фразы «не отвечать за слова». В целом, эволюция значения фразы «Донбасс порожняк не гонит» и её синонимов является ярким примером того, как с течением времени выражения приобретают новые оттенки и становятся частью культурного наследия региона.

Смена идентичности и переосмысление себя в новой реальности приводят к острой психологической напряженности и конфликтам в обществе. Население Донбасса сталкивается с необходимостью определить свою принадлежность и свое место в мире, что вызывает эмоциональные реакции и затяжные внутренние дискуссии. Неопределенность и нестабильность в собственной самоидентификации могут влиять на психологическое состояние людей и общественные отношения в целом. Выработка новых лингвистических конструкций и терминов для описания различных групп и сообществ также отражает сложность современной ситуации и стремление людей к ясности и ясному определению своей принадлежности. Однако, важно помнить, что язык – всего лишь инструмент в общении и строительстве идентичности, и его значение и смысл всегда определяют люди.

Социально-культурные изменения, происходящие в Донбассе в результате вооруженного конфликта, требуют серьезного изучения и понимания для разработки путей урегулирования и восстановления раздираемых общественных уз. Важно учитывать не только политические и экономические аспекты конфликта, но также антропологические последствия и изменения в менталитете и самоидентификации населения.

Так, для многих людей в регионе термины «вата», «ватник», «сепар», «колорады», «щенемерлики», «вежливые люди», «хунта», «укропы», «кондиционеры взрываются», «сами себя обстреливают», «Работайте, братья!» и др. оказали существенное влияние

на восприятие людьми новой реальности и способствовали укреплению коллективной идентичности определенных социальных групп. Выбор стороны в этом конфликте стал самоопределением и показателем лояльности к определенным ценностям и идеалам. Но при этом, такая жесткая дихотомия создает напряженность и разделение в обществе, что делает невозможным объединение на основе общих целей и интересов.

Самоидентификация жителей Донецка прослеживается и в региолектных мемах, т.е. мемах, в которых отражены местные, региолектные особенности номинаций и произношений (Рисунок 11, 12).

Рисунок 11

Рисунок 12

Мемы, созданные украинской стороной для унижения жителей Донецка, стали вопреки изначальному замыслу оплотом идейного противостояния и самоидентификации по категориям «наши», «свой – чужой» (Рисунок 13, 14).

Рисунок 13

Рисунок 14

Категория «наши» не только объединяет людей по принципу сопротивления и защиты общих идеалов, но также внутри себя содержит сложности и разногласия. Внутренние конфликты и разногласия могут возникать даже среди тех, кого обычно относят к общей категории «наши». Это свидетельствует о том, что идентичность и принадлежность не всегда являются однозначными и статичными понятиями.

Тем не менее, даже в условиях трагического одиночества и неопределенности, жители региона продолжают ощущать себя частью одной общности. Возможно, именно в моменты кризиса и испытаний они находят те качества, которые соединяют их и подтверждают их принадлежность к определенной группе. Возможно, в этих моментах они осознают, что их идентичность определяется не только внешними признаками, но и внутренними убеждениями и ценностями.

Фраза из стихотворения «Клятва» П. Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени, и никому поставить не дано» стала символом сопротивления жителей Донбасса во время вооруженного конфликта на востоке Украины. Она выражает гордость и самоуважение людей этого региона, отвергающих идею о том, что им можно управлять

или подчиняться каким-то внешним силам. Для многих жителей Донбасса это стало не просто фразой из стихотворения, а манифестом их собственного достоинства.

По мнению многих аналитиков, именно эта самоотверженность и гордость донбасского народа стали одной из основных причин, почему конфликт на востоке так долго не может быть разрешен. Люди, которые утверждают, что «Донбасс никто не ставил на колени», не готовы смириться с положением вещей и показать, что они не позволят себя унижать и ударять по их достоинству.

Этот мем стал также символом солидарности и единства между жителями Донбасса, которые несмотря на все трудности и разногласия, продолжают объединяться в трудные времена. Это напоминает о силе духа и готовности людей бороться за свои права и свободу, несмотря на любые препятствия. В конечном итоге, эта фраза указывает на непоколебимость и силу жителей Донбасса, несмотря на все испытания и трудности, с которыми им приходится сталкиваться (Рисунок 15).

Рисунок 15

Отделение от «чужих» и формирование самосознания на основе региональной идентичности также оказывают влияние на взаимоотношения между жителями Донбасса. В результате этого процесса возникают конфликты и разногласия не только с украинцами и россиянами, но и внутри самого региона. Например, различия в представлении о том, кто является «настоящими» дончанами и какие критерии определяют эту принадлежность. Так, стереотипно в мемах образ Донецка и его жителей передается с коннотацией суровости, стойкости и отчасти жесткости характера, определяющегося окружающей действительностью (Рисунок 16, 17, 18, 19). Эти внутренние противоречия могут быть вызваны политическими, социальными или культурными факторами, что дополняет сложность общей картины самосознания жителей Донбасса.

Рисунок 16

Рисунок 17

Рисунок 18

Рисунок 19

Важно отметить, что процесс формирования и изменения идентичности на Донбассе подвержен внешним воздействиям и манипуляциям. Политические структуры, социальные группы и средства массовой информации могут активно влиять на установление определенных стереотипов и представлений о самом себе и о других. Это создает дополнительные сложности в поиске единства и взаимопонимания среди жителей региона, особенно в условиях конфликта и военных действий.

Донбасс и его жители ощущают себя отчужденными как от Украины, так и от России. Категории «мы» и «они» стали основными маркерами идентичности населения региона в условиях конфликта, это разделение отчетливо прослеживается и в мемах о Донецке и Донбассе (Рисунок 20). С точки зрения жителей Донбасса, украинская национальная идентичность навязывается им и не принадлежит им, вместо этого они укрепляют свою донецкую русскую идентичность.

Рисунок 20

Теоретическая и практическая значимость исследования. Идентификация себя как «настоящих» дончан, переживающих трагедию войны на своей земле, становится важным элементом самодостаточности и самопонимания жителей Донбасса. Несмотря на многообразие мнений и идей в регионе, существует общность культурных и языковых ценностей, которая объединяет людей вокруг их общей травматической судьбы. В целом, исследование показывает на примере мемов сложное иерархическое строение региональной идентичности на Донбассе. Безусловно, исследование в данной сфере нужно продолжать и в перспективе возможно создание базы региональной мем-культуры для знакомства с лингворегionalными особенностями идентификации местных жителей.

Заключение. Таким образом, исследование и анализ динамики мемного интернет-пространства с учетом самосознания и идентичности жителей Донбасса являются важными для понимания современной политической и социокультурной

ситуации в этом регионе. Необходимо учитывать сложность и многообразие факторов, влияющих на формирование и изменение идентичности, чтобы развивать диалог и взаимопонимание между различными группами населения и способствовать урегулированию конфликтов и созданию мирной и стабильной общественной среды на Донбассе.

Мемы и различные речевые высказывания в социальных сетях позволяют проследить эволюцию мнений и переживаний жителей Донбасса в контексте событий. Исследование показывает, что самосознание жителей региона через призму мемов остается оторванным от украинцев и россиян, и происходит постепенное формирование региональной донбасской идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бретт Т. Руководство по мемам: путеводитель пользователя по вирусам сознания / Томас Бретт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2012/10/28/6333> (дата обращения: 12.04.2024).
2. Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание / Р. Броуди. – М.: Поколение, 2007. – 304 с.
3. Гладкая Н.В. Влияние интернет-мемов на формирование общественного мнения: теоретический аспект / Н.В. Гладкая // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2021. – № 4. – С. 30–35.
4. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М.: Мир, 1993. – 318 с.
5. Зиновьева Н.А. Анализ процесса конструирования смысла Интернет-мема / Н.А. Зиновьева // Дискуссия. – 2019. – № 9 (39). – С. 133–137.
6. Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф // Пер. с англ. Д. Борисова. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 368 с.
7. Шомова С.А. Мемы как они есть / С.А. Шомова – М.: Аспект Пресс, 2020. – 136 с.
8. Шурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю.В. Шурина // Филология. – 2012. – № 3. – С. 160–172.
9. Burgess T. Friday Fun: What Different Types of Memes Say About IT Service Management Professionals. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blog.samanage.com/friday-fun/friday-fun-what-different-typesof-memes-say-about-it-service-managementprofessionals> (дата обращения: 12.04.2024).
10. Graves C.W. An Emergent Theory of Ethical Behavior Based Upon / C.W. Graves. – An Epigenetic Model. – New York: Schenectady, 1959. – P. 215.
11. Habermas J. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie / J. Habermas, N. Luhmann // Was leistet die Systemforschung? – 1971. – P. 101–141.
12. Heylighen F. Selfish Memes and the Evolution of Cooperation / F. Heylighen // Journal of Ideas. – 1992. Vol. 2. – P. 202.

REFERENCES

1. Brett T. Rukovodstvo po memam: putevoditel polzovatelya po virusam soznaniya / Tomas Brett [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.stihi.ru/2012/10/28/6333> (12.04.2024). (In Russian)
2. Broudi R. Psihicheskie virusy. Kak programmiruyut vashe soznanie. — M.: Pokolenie, 2007. – 304 s. (In Russian)
3. Gladkaya N.V. Vliyanie internet-memov na formirovanie obshestvennogo mneniya: teoreticheskij aspekt. – Vestnik DonNU. Ser. D: Filologiya i psihologiya. – 2021. – №4. – S. 30-35. (In Russian)
4. Dokinz R. Egoistichnyj gen / R. Dokinz – M.: Mir, 1993. – 318 s. (In Russian)
5. Zinoveva N.A. Analiz processa konstruirovaniya smysla Internet-mema /N.A. Zinoveva // Diskussiya. – 2019. – № 9 (39). – S. 133—137. (In Russian)
6. Rashkoff D. Mediavirus! Kak pop-kultura tajno vozdejstvuet na vashe soznanie / D. Rashkoff // Per. s angl. D. Borisova. – M.: Ultra. Kultura, 2003. – 368 s. (In Russian)
7. Shomova S. A. Memy kak oni est / S.A. Shomova – M.: Aspekt Press, 2020. – 136 s. (In Russian)
8. Shurina Yu.V. Internet-memy kak fenomen internet-kommunikacii // Filologiya. – 2012. – № 3. – S. 160-172. (In Russian)
9. Burgess T. Friday Fun: What Different Types of Memes Say About IT Service Management Professionals. – URL: <http://blog.samanage.com/friday-fun/friday-fun-what-different-typesof-memes-say-about-it-service-managementprofessionals>. (In English)

10. Graves C. W. An Emergent Theory of Ethical Behavior Based Upon – An Epigenetic Model. – New York: Schenectady, 1959. – R. 215. (In English)
11. Habermas J., Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie // Was leistet die Systemforschung? – 1971. – R. 101-141. (In English)
12. Heylighen F. Selfish Memes and the Evolution of Cooperation// Journal of Ideas. – 1992. Vol. 2. – P. 202. (In English)

Поступила в редакцию 21.05.2024 г.

URBAN MEMES AS CONSEQUENCE OF DONBASS RESIDENTS' SELF-IDENTIFICATION

N.V. Gladkaya

The work deals with the study of an urban text through urban Internet memes, which enables to identify the corresponding cultural and social aspects, that are reflected in the city online communities. Such an approach makes it possible to consider the way the digital environment influences the local identity formation, as well as the new forms of self-expression emerging online. The analysis of the topic theoretical basis, including synthesis and classification, descriptive, and emotive analysis have been used in the course of the research. The empirical corpus of Donetsk memes have been collected in the Internet from social network groups «VKontakte», and the messenger «Telegram». The relevance of the study is accounted for by the uniqueness of the meme culture in each region, reflected in the national characteristics, traditions, behaviour and people lifestyles. The phenomenon of urban memes remains understudied in the scientific literature, which determines the study topicality. The conclusions drawn prove that the study of Donetsk Internet memes can help identify distinctive features of the city that are unique to this region. Such an analysis will not only expand the understanding of digital culture, but will also help better understand how the urban environment shapes linguistic and cultural practices and interactions between citizens. Ultimately, studying urban Internet memes will help expand knowledge about the impact of the digital environment on urban culture and society as a whole. The suggested approach can be useful for developing city communication strategies, shaping the city image, and understanding the unique aspects of life in a particular region.

Key words: Internet meme, Internet communication, precedent text, cognitive potential, linguistic and cultural potential, self-identity, social meme, decoding.

Гладкая Наталья Витальевна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
Российская Федерация, г. Донецк.
Доцент кафедры русского языка.

ORCID 0000-0003-3903-4438.

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University.
Russian Federation, Donetsk.
Associate Professor at Department of the Russian
Language.

ORCID 0000-0003-3903-4438.

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Научная статья

УДК 81.42

DOI: 10.5281/zenodo.12550069

СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ СОСТАВЛЯЮЩИХ «Я-КОНЦЕПЦИИ» ПОСРЕДСТВОМ НИКНЕЙМА

© 2024 *О.В. Кисель¹, К.С. Бутов²*

¹⁻²*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»*

¹*ORCID 0000-0001-8503-9948*

²*ORCID 0009-0009-2205-7773*

Современная антропонимическая система претерпевает изменения, связанные с реалиями XXI века. Интернет является неисчерпаемым источником новой категории онимов – никнеймов. В статье никнейм определен как форма идентификации пользователей в виртуальном пространстве. В исследовании применялись такие методы как: систематизация материала, семантический и компонентный анализ. Материалом исследования послужили около 200 Интернет-имен. Актуальность данного исследования заключается в том, что никнейм довольно новая ономастическая единица, которая является средством самопрезентации в виртуальном обществе. Цель исследования определить, как составляющие «Я-концепции» выражаются в процессе идентификации пользователя посредством никнейма в виртуальном пространстве. В исследовании никнеймы группируются по семантическим и структурным признакам. Автор приходит к выводу, что никнейм является новой ономастической категорией, требующий дальнейших психологических, социологических и лингвистических исследований.

Ключевые слова: самопрезентация, личное имя, никнейм, ник, ономастическая система языка, «Я-концепция», прозвище, личное имя.

Для цитирования: Кисель О.В. Способ реализации составляющих «Я-концепции» посредством никнейма / О.В. Кисель, К.С. Бутов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 74–82. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12550069>.

Введение. Виртуальный мир стремительно развивается и становится реальностью человека XXI века. Личность существует параллельно как офлайн, так и онлайн. Проблемы и вопросы, связанные с онлайн существованием, вызывают интерес как отечественных, так и зарубежных ученых из различных областей науки: психологии, социологии, лингвистики. Основными объектами исследований выступают: Интернет-коммуникация, самопрезентация, самоидентификация, виртуальная языковая личность, никнейм.

Современные исследования, касающиеся Интернета, делятся на два направления. Представители первого [5, 6, 7, 10, 13, 21] описывают коммуникацию в виртуальном обществе с различных позиций: лингвистической, социологической, психологической. Объектом исследователей второго направления [1, 4, 11, 12, 16] является виртуальная личность как особый тип адресата и адресанта.

О.В. Кожевникова, Н.А. Кононенко, З.Н. Шавалеева в своем исследовании утверждают, что процессы самопрезентации следует рассматривать как комплексное явление. Описание закономерностей данного феномена приведет к более глубокому

пониманию коммуникационных процессов, а также поможет в создании детального портрета современного Интернет пользователя [9].

А.С. Балкунова, Э.М. Рянская в статье «Место никнеймов в ономастике» определяют статус никнейма как нового ономастического феномена. Авторы описывают отличительные признаки ников в сопоставлении с кличками, прозвищами, псевдонимами [3].

Интересной представляется работа К.А. Алексеевой. В исследовании описаны особенности процесса самопрезентации и ее границы, которые могут быть размыты в реальном и виртуальном мире [1].

В статье «Самопрезентация в интернете как один из феноменов виртуальной реальности» Е.А. Махрина и А.А. Катунин рассматривают феномен самопрезентации с психологической точки зрения. Авторы приходят к выводу, что «Основная особенность виртуальной самопрезентации – это возможность создания одной или нескольких виртуальных (сетевых) идентичностей, порой кардинально отличных от реальной» [12, с. 193].

Интернет-имя – это довольно новая реалия, которая заслуживает тщательного описания, исследования и классификации. Наше исследование посвящено различным аспектам самоиминации в Интернете, а также связи данного явления с «Я-концепцией». Основным инструментом данного процесса является никнейм.

Материалы и методы исследования. В данном исследовании изучается типология используемых в общении никнеймов на Telegram каналах о здоровье, где зарегистрированных имен пользователей насчитывается около двух тысяч. Большинство из которых, по-видимому, никогда не использовались или использовались только один раз. Для анализа были выбраны только ники пользователей с более чем 10 сообщениями. Предполагается, что они действительно предназначены для интенсивного общения и, таким образом, для самопрезентации. Методы, использованные в исследовании это: систематизация материала, семантический и компонентный анализ.

Основная часть. Влияние Интернета на мировую культуру беспрецедентно. Из среды общения он превратился в среду обитания, где человек совершенно по-новому строит свою «Я-концепцию», представление и отношение к миру как к способу взаимодействия с другими людьми. Реальность все меньше и меньше изображается и имитируется, но все больше и больше выстраивается на основании требований пользователей. Уникальная особенность идентификации в сети заключается в том, что она зависит от предпочтений виртуальной личности. Пользователи могут контролировать информацию о себе, оперировать своей идентичностью, создавать и поддерживать свой образ, который будет демонстрироваться другим члена виртуального общества. «В виртуальном пространстве важнейшей функцией является коммуникативная и, прежде всего, такая ее разновидность, как контактоустанавливающая. Прагматизм предполагает наличие коммуникативных потребностей, к которым относят: формирование собственной идентичности, желание произвести впечатление, реализовать свои творческие возможности, сыграть роль и т.д. Из всех коммуникативных потребностей чаще выделяют намерение автора виртуального имени произвести впечатление на коммуникантов» [14, с. 75]. Самопрезентация – это наиболее заметный и активный способ участия личности в социальной жизни. Ее можно определить как попытки человека передать окружающим информацию о себе [8].

Теория самопрезентации предусматривает реализацию различных составляющих «Я-концепции» в процессе самоидентификации. Виртуальная среда является плодотворной

почвой для различного рода манипуляций как самого процесса самопрезентации, так и средств ее выражения. Нематериальность онлайн-взаимодействия означает, что некоторые перманентные аспекты идентичности в офлайн среде (например, пол, возраст, раса) в Интернете становятся легко изменяемыми.

Самопрезентация – это процесс управления впечатлениями других людей. Именно данный процесс несет ключевое значение при создании коммуникации. Чтобы создать положительный образ люди выборочно предоставляют информацию о себе и тщательно корректируют ее. Интернет-средства предоставляют новые возможности для самопрезентации. В Интернете пользователи позиционируют себя с помощью различных способов коммуникации, начиная с использования обычного текста для сообщения личной информации, заканчивая обменом большим количеством изображений.

Самопрезентация в Интернете начинается с процесса самоописания. Оно может быть, как описанием реального «Я», так и присвоением себе не существующих характеристик. В этом случае можно считать, что при создании Интернет – имени, пользователь руководствуется таким мотивом как оригинальность.

Хотя люди строго придерживаются своих ником, иногда они изменяют или меняют их на время, чтобы «просто поиграть» или «пошутить». Это более или менее похоже на участие в карнавале и последующее возвращение к нормальной жизни. Все интернет-взаимодействия напоминают карнавал, если кто-то на время меняет имя пользователя, а потом возвращается к «постоянному» (или, по крайней мере, «более стабильному») нику, это не значит, что в остальное время нет игры с идентичностью, а личность, стоящая за ником, и реальное «Я» совпадают. По мнению В. Нестерова и Е. Нестеровой виртуальное пространство предоставляет уникальные возможности, которых нет в реальности, а чаты и форумы – это не что иное, как карнавал – реальная жизнь, но на другой лад [15]. Интернет-среда уже была описана разными авторами как «место, где сбываются желания», где «идеальное Я» появляется на свет, поэтому Интернет воспринимается как место для экспериментов и импровизации, а также как показатель креативности пользователя [18, 21].

Х. Бехар-Израели в своем исследовании подчеркивает важность интернет-прозвищ для пользователя как часть его виртуального «Я» [19]. Следует, однако, разграничивать особенности прозвищ в офлайн и онлайн среде. Характеристики и закономерности функционирования прозвищ при реальной коммуникации способны показать развитие конкретного общества. По мнению Х. Бехар-Израели, современный Интернет – это одновременно культура «языковой виртуозности» и «ненависти к языковым нормам». Это сильная культура, связанная с технологиями, которая развивается как «благодаря», так и «независимо» от предпочтений интернет-пользователя [20]. В офлайн среде участники коммуникации знают официальные имена друг друга, при общении и презентации себя в Интернете пользователь остается загадкой и может сохранять анонимность до тех пор, пока сам не захочет официально себя идентифицировать. Х. Бехар-Израели в своем исследовании выдвигает гипотезу о том, что интернет- прозвища могут пролить свет на виртуальное общество [20]. На наш взгляд, данное утверждение довольно спорно, так как данный тип общества и новый вид коммуникации существуют по другим законам, отличным от законов гражданского общества, и, следовательно, не могут быть описаны и встроены в обычную знакомую нам систему ценностей.

В нашем исследовании мы разграничиваем понятие никнейм и прозвище. Никнейм или интернет-имя новая ономастическая единица, существующая и функционирующая только в виртуальном пространстве. Прозвище – это антропонимическая категория, функционирующая наряду с официальным именованием человека и обладающая большим

коннотативным потенциалом. «Таким образом, ключевым свойством прозвищ является то, что они являются результатом взаимодействия, тогда как Интернет-имена необходимы для взаимодействия. Никнеймы являются элементами первого впечатления и могут влиять на решение о начале взаимодействия» [8].

В работах исследователей нет четкой классификации никнеймов. Т.В. Аникина предлагает следующую структурную классификацию никнеймов:

- антропонимические;
- нарицательные
- ники смешанного типа [2].

В.С. Хорикова в своем исследовании «Когнитивный анализ никнеймов пользователей сети Интернет», предлагает классификацию схожую с классификацией Х. Бехар-Израели, в которую входят 7 групп никнеймов. Данная классификация основана семантическом анализе ников:

1. Ники, в которых пользователи используют свое реальное имя.
2. Ники, в которых пользователи указывают свои личные качества.
3. Ники, связанные с технологиями и данными.
4. Ники, связанные с флорой и фауной.
5. Ники, связанные с известными личностями.
6. Ники, несущие сексуальный и провокационный характер.
7. Звукоподражания, перифразы [17].

Х. Бехар-Израели акцентирует, что «наиболее значимой категорией является та, которая касается самого себя. Имена, связанные с другими фигурами, вымышленными или реальными, в которых люди указывают на идентификацию с этой фигурой, составили всего 6% от общего числа, а ники, связанные с сексом и провокацией, составили самую маленькую категорию – чуть менее 4%» [18].

Для нашего исследования актуальной является классификация никнеймов исследователя Т.В. Аникиной. Если исходить из различных составляющих «Я-концепции», а именно: когнитивной, оценочной и поведенческой, то можно соотнести данные группы с составляющими самопрезентации.

Группа **антропонимических** никнеймов соответствует первой составляющей самопрезентации – когнитивной. Никнеймы, относящиеся к данной группе, составляют 25% от общего количества эмпирического материала. Такие никнеймы как: *Ярик Ильин, Olga S. Ibragimova, Herbert Rauf* воспринимаются привычно. Пользователи, использующие подобные ники, не скрывают своей личности в виртуальном обществе, а в социальных сетях, как правило, имеют открытые аккаунты. С точки зрения морфологической составляющей данного вида никнеймов можно отметить отсутствие таких специальных символов, как, например: *_*; *#*, *%*, *\$*. Исключением будут лишь случаи, если в чате или на форуме есть пользователь с таким никнеймом. В этом случае следует применять дополнительные символы, но это связано лишь с правилами идентификации, но никак не с самоиминацией.

В группу антропонимических никнеймов были отнесены ники, в состав которых входят имена персонажей (из литературы или кино), имена исторических деятелей, дериваты личных онимов (уменьшительно-ласкательные формы). В данную категорию не входят названия материальных объектов, торговых марок, географических или астрономических объектов. Основное внимание уделяется интернет – именам, которые отражают акт самоидентификации или попытку человека отождествить себя с другим человеком. В эту же группу входят ники, содержащие описание личности, указание на этническую или политическую принадлежность, а также на профессию: *Я Русский*,

Stalevar1973, Studenten2von5Heute, Petrovich. В нашем исследовании сказочные персонажи сгруппированы вместе с мифическими и религиозными понятиями. Это связано с тем, что они отражают общую, групповую картину мира или предопределены религиозным мировоззрением. Имена персонажей из литературы или кино – это отражение вымышленных идей и точек зрения одного человека, которые являются дополнительными и не всегда отражают мировоззрение пользователя. В группу антропонимических никнеймов нами были отнесены онимы, номинирующие различных персонажей. Следует уточнить, что это имена положительных героев: *Штурлиц, van_helsing*. И так, антропонимические никнеймы представляют собой довольно большую группу. Необходимо отметить, что личные онимы в их классическом употреблении (имя, фамилия, отчество) используются в тех случаях, когда пользователь хочет идентифицировать себя без какой-либо анонимности.

Когнитивная составляющая «Я-концепции» связана с устойчивыми тенденциями в поведении пользователей. Антропонимические никнеймы демонстрируют тесную связь офлайн и виртуальной личности, поэтому правомерно будет утверждать, что именно данная группа ников является отражением когнитивной составляющей.

Группа **нарицательных** никнеймов является отражением оценочной составляющей «Я-концепции». Данная группа ников составляет 17% от общего числа анализируемых ономастических единиц. Люди, использующие нарицательные слова для создания ников, как правило, соотносят семантику апеллиатива и значение никнейма. Мотивы, которыми руководствуется пользователь, включая в свой ник имя нарицательное, могут быть: стремление к анонимности, присвоение себе отличительных черт, придания значения того или иного явления или вещи в жизни пользователя. «Создавая никнеймы подобным образом, человек обретает возможность увидеть себя таким, каким он хочет сам и утвердиться в данном качестве. Семантика таких ников практически всегда хорошо «читаема» и понятна окружающим» [2, с. 129].

При систематизации собственной выборки интернет-имен, группа нарицательных никнеймов была разделена на такие группы как:

- никнеймы, относящиеся к играм, названиям автомобилей и ники, связанные с интернет-технологиями: *Craw test&, Ужелезный кулак, ShadowWarrior*;
- анаграммы и игра слов, если они легко узнаваемы: *=laptop machines= (Apple Macintosh), mOOn starer (astronomer)*;
- название брендов, торговых марок: *Rafaello, Фрутоняня, SuperMario®*;
- никнеймы, в состав которых входят название или обозначения химических элементов: *CuO, o2, Ketamine*;
- ники относящиеся к предметам или действиям из повседневной жизни: *mirror_, Makeover*;
- никнеймы, составными членами которых являются название географических объектов: *be lake4me, <Geo, grapher>, summer_rain*.

Оценочная составляющая «Я-концепции» не постоянна, она может меняться в зависимости от ситуации общения или же от личных предпочтений пользователя, которые отражаются в никнеймах. Границы нарицательных ников открыты. В данном виде виртуальных онимов ярко проявляется не столько прагматическая, сколько коннотативная составляющая. Именно коннотация связывает данную группу с оценочной составляющей «Я-концепции».

Поведенческая составляющая «Я-концепции» может быть соотнесена с группой никнеймов **смешанного** типа. Данный тип ников двусоставные: собственное имя и имя нарицательное. «Оба элемента имеют одинаковое значение: антропонимический элемент

(одно из подлинных имён человека) является главным индивидуализатором, а нарицательный элемент характеризует его по каким-либо внешним или деятельностным признакам» [2, с. 128]. К данной категории нами были отнесены никнеймы, в состав которых входят нарицательные слова с психологическими или физиологическими понятиями: *Maйя_instinkt*, *Mary IQ120#*, *foRmidaBle Max*. Интересен тот факт, что почти 46 % собранных нами никнеймов содержат в своем составе нарицательные слова, связанные с человеком (эмоции, состояния, характеристики) или с именем, чертой или характеристикой человекоподобного существа (божества, мифологического героя или сказочного персонажа). Если в никнейме присутствуют характеристики личности, то это может указывать на то, что, с одной стороны, пользователь хочет привлечь внимание именно к данной черте характера или же внешности. С другой стороны, если идентификация подобным ником происходит в тематическом чате, то дополнительные именованья могут быть связаны именно с отношением к теме чата. При создании собственной картотеки никнеймов мы столкнулись с тем, что некоторые из них можно отнести сразу к нескольким категориям. Например, *Vera_23_Q* может быть как личным именем, так и апеллятивом. Интересным наблюдением в отношении выборки является то, что схожие или аналогичные ники довольно часто регистрируются разными методами, чаще всего с использованием одинаковых кириллических и латинских букв, цифр или знаков препинания. Кроме того, интернет-имя – это способ презентации себя перед другими пользователями, но при этом не обязательно, чтобы оно вызывало у каждого адресата абсолютно одинаковые ассоциации. Зачастую, коннотации, которые создатель ника вкладывает в него, не соответствуют ассоциациям других членов виртуального сообщества. Например, *Надежда* может восприниматься и как женское имя, и как существительное с положительными коннотациями. В данном случае, для более четкого самоопределения пользователю необходимо применить компоненты для уточнения статуса никнейма, например, *Надежда_из Москвы* или же *Надежда_на_Чудо*.

Из собранного материала нами были выделены ники, состоящие из случайного набора букв или цифр: *S%){b}l©*, *455002*, *AbcDL*. Данная группа составляет 12% от общего количества анализируемых никнеймов. Данные ники действительно интересны, но их анализ невозможен без дополнительной информации от создателей.

Заключение. Никнеймы в Интернете являются важнейшим инструментом самопрезентации. Это связано с тем, что, с одной стороны, они первое, что привлекает внимание, а с другой – возможности самопрезентации очень ограничены из-за специфики глобальной сети. Для многих пользователей их интернет-имена имеют большое значение, поэтому они придумывают их специально. В одних случаях они призваны вызывать определенные ассоциации, в других – это просто игра. В интернет-взаимодействии никнеймы – это основной способ не просто рассказать о себе, но и намекнуть окружающим, каким вы хотите, чтобы они вас видели. Это происходит потому, что другие не могут получить никакой информации, кроме той, которую пользователь сам им предоставляет.

Разнообразие никнеймов дает богатый научный материал для психологических, социологических, антропологических и лингвистических исследований. То, как имена и прозвища используются в реальном мире, может выявить некоторые характеристики и определить тенденции развития того или иного общества, а интернет-имена могут пролить свет на некоторые тенденции и явления, характерные для виртуального пространства.

Таким образом, полное отсутствие телесности и материальности в Интернете позволяет пользователю создать образ, на основе своих предпочтений. Вступая в виртуальное общество, человек получает полную свободу самоидентификации в том

виде, в котором он сам определяет, поэтому в виртуальном пространстве коммуникация проходит не между реальными людьми, а между придуманными виртуальными личностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева К.А. Самопрезентация в киберпространстве: границы реального и выдуманного / К.А. Алексеева // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 2. – С. 175–186. – DOI 10.23683/2227-8656.2019.2.13.
2. Аникина Т.В. Структурная классификация никнеймов (на примере англо-, русско- и франкоязычных чатов) / Т.В. Аникина // Ономастика и общество: язык и культура: материалы Первой Всероссийской научной конференции, Тамбов, 14–15 октября 2010 года / отв. ред. А.С. Щербак. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 127–131.
3. Балкунова А.С. Место никнеймов в ономастике / А.С. Балкунова, Э.М. Рянская // Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 3. – С. 17–22.
4. Бутова А.В. Самопрезентация субъекта в масс-медийном дискурсе / А.В. Бутова // Современные проблемы и перспективы развития науки, техники и образования. Материалы I Национальной научно-практической конференции. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2020. – С. 1134–1136.
5. Галичкина Е.Н. Концептуализация "приватного" и "публичного" в сетевом дискурсе / Е.Н. Галичкина // Язык в межкультурном пространстве XXI века: взгляды и научные исследования, перспективы развития: Материалы Международной научно-практической конференции, Астрахань, 1–31 января 2021 года / Сост. Е.Н. Горбачева, Е.М. Торбик. – Том Выпуск 1. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом "Астраханский университет", 2021. – С. 169–176. – EDN ZEDCDN.
6. Гудкова В.С. Реальная и виртуальная идентичность молодежи / В.С. Гудкова, А.С. Жага, Е.А. Меркулова // Студенческая наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 29 декабря 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 106–112.
7. Дворянкин О.А. Кто находится по ту сторону социальной сети в Интернете / О.А. Дворянкин // Национальная Ассоциация Ученых. – 2023. – № 89-2. – С. 49–56.
8. Кисель, О. В. Место Интернет-имени в антропонимической системе языка / О. В. Кисель // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 20-29.
9. Кожевникова О.В. Особенности самопрезентации и личностные свойства участников интернет-коммуникации / О.В. Кожевникова, Н.А. Кононенко, З.Н. Шавалеева // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2011. – № 2. – С. 149–161.
10. Лысак И.В. Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры / И.В. Лысак, Л.Ф. Косенчук. – Москва: ООО "Издательство "Спутник+", 2016. – 147 с. – ISBN 978-5-9973-3909-8.
11. Махортов К.А. Самопрезентация в цифровой сфере / К.А. Махортов, Е.А. Васенкова // Национальные экономические системы в контексте трансформации глобального экономического пространства: Сборник научных трудов / Под общей редакцией З.О. Адамановой. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 399–401.
12. Махрина Е.А. Самопрезентация в Интернете как один из феноменов виртуальной реальности / Е.А. Махрина, А.А. Катунин // Modern Science. – 2022. – № 5-4. – С. 189–194.
13. Палкова А.В. Сетевая идентичность: психолингвистические аспекты / А.В. Палкова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2022. – № 2 (73). – С. 108–115. – DOI 10.26456/vtphilol/2022.2.108.
14. Рянская Э.М. Сетевое имя (никнейм) как языковой знак / Э.М. Рянская, А.С. Балкунова // Вестник НВГУ. – 2011. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoe-imyа-nikneym-kak-yazykovoy-znak> (дата обращения: 08.04.2024).
15. Нестеров В. Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов / В. Нестеров, Е. Нестерова. – 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/nesterov/com/1> (дата обращения: 27.03.2024).
16. Сергеев Д.И. Цифровая личность: трансформация или удостоверение / Д.И. Сергеев, А.Л. Прочко, В.И. Тищенко // Системные исследования: Методологические проблемы. Том XIII, выпуск IX. – Москва: Поли Принт Сервис; Федеральный исследовательский центр «Информатика и

управление», 2020. – С. 117–150. – DOI 10.14357/SRMP201920203906.

17. Хорикова В.С. Когнитивный анализ никнеймов пользователей сети Интернет / В.С. Хорикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – № 3. – С. 64–68.

18. Reyhan Yusif Habibli The Role of the Proper Names on the Internet-Communication / Yusif Habibli Reyhan // Journal of Critical Reviews. – 2020. – Vol 7, Issue 4. – pp. 906–908.

19. Bechar-Israeli H. Nicknames, Play and Identity on Internet Relay Chat / H. Bechar-Israeli // Journal of Computer-Mediated Communication, 1995. – № 1 (2) <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x>

20. Bechar-Israeli H. From "Bonehead" to "cLoNehEAd": Nicknames, Play and Identity on Internet Relay Chat / H. Bechar-Israeli // Journal of Computer-Mediated Communication. – 1995. – № 1 (2) <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x>

21. Labinaz P. Speech acts and the dissemination of knowledge in social networks / P. Labinaz, M. Sbisà // Approaches to Internet Pragmatics: Theory and practice. Edited by Chaoqun Xie, Francisco Yus and Hartmut Haberland, 2021. – pp. 146–172.

REFERENCES

1. Alekseeva, K.A. (2019) Samoprezentacija v kiberprostranstve: granicy real'nogo i vydumannogo [Self-presentation in cyberspace: the boundaries of the real and fictitious]. Gumanitarij Juga Rossii, vol. 8, 2, 175–186 <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.2.13> (In Russian)

2. Anikina, T.V. (2010) Strukturnaja klassifikacija niknejmov (na primere anglo-, rusko- i frankojazychnyh chatov) [Structural classification of nicknames (on the example of English-, Russian- and French-language chat rooms)]. Onomastika i obshhestvo: jazyk i kul'tura: materialy Pervoj Vserossijskoj nauchnoj konferencii Tambov, October 14-15, 2010] (127–131). Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina. (In Russian)

3. Balkunova, A.S. (2010) Mesto niknejmov v onomastike [Place of nicknames in onomastics]. Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 3, 17–22. (In Russian)

4. Butova, A.V. (2020) Samoprezentacija sub'ekta v mass-medijnom diskurse [Self-representation of the subject in mass-media discourse]. Sovremennye problemy i perspektivy razvitija nauki, tehniki i obrazovanija. Materialy I Nacional'noj nauchno-prakticheskoi konferencii. Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorsk. gos. tehn. un-ta im. G.I. Nosova. (1134–1136). (In Russian)

5. Galichkina, E.N. (2021) Konceptualizacija "privatnogo" i "publichnogo" v setevom diskurse [Conceptualization of "private" and "public" in the network discourse]. Jazyk v mezhkul'turnom prostranstve XXI veka: vzgljady i nauchnye issledovanija, perspektivy razvitija: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, Astrahan', 1–31 janvarja 2021 goda. Astrahan': (169–176) (In Russian)

6. Gudkova, V.S. (2023) Real'naja i virtual'naja identichnost' molodezhi [Real and virtual identity of youth]. Studencheskaja nauka: aktual'nye voprosy, dostizhenija i innovacii: sbornik statej XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, Penza, 29 dekabnja 2023 goda. Penza: (106–112). (In Russian)

7. Dvorjankin, O.A. (2023) Kto nahoditsja po tu storonu social'noj seti v Internete [] Nacional'naja Asociacija Uchenyh, 89-2, 49–56. (In Russian)

8. Kisel', O. V. (2021) Mesto Internet-imeni v antroponimicheskoi sisteme jazyka [The Place of the Internet Name in the Anthroponymic System of the Language (Comparative Analysis)]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika. 11(4), 20–29 (In Russian)

9. Kozhevnikova, O.V. (2011) Osobennosti samoprezentacii i lichnostnye svojstva uchastnikov internet-kommunikacii [Who is on the other side of the social network on the Internet?]. Filosofskie problemy informacionnyh tehnologij i kiberprostranstva, 2, 149–161. (In Russian)

10. Lysak, I.V. (2016) Formirovanie personal'noj identichnosti v uslovijah setevoj kul'tury [Formation of personal identity in the conditions of network culture]. Moskva: OOO "Izdatel'stvo "Sputnik+". (In Russian)

11. Mahortov, K.A. (2023) Samoprezentacija v cifrovoj sfere [Self-presentation in the digital sphere] (399–401). Nacional'nye jekonomicheskie sistemy v kontekste transformacii global'nogo jekonomicheskogo prostranstva: Cbornik nauchnyh trudov. Simferopol': Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju «Izdatel'stvo Tipografija «Arial». (In Russian)

12. Mahrina, E.A. (2022) Samoprezentacija v Internete kak odin iz fenomenov virtual'noj real'nosti [Self-presentation in the Internet as one of the phenomena of virtual reality]. Modern Science, 5-4, 189–194. (In Russian)

13. Palkova, A.V. (2022) Setevaja identichnost': psiholingvisticheskie aspekty [Network identity: psycholinguistic aspects] Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. 2 (73), 108–115. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2022.2.108>. (In Russian)

14. Rjanskaja, Je.M. (2011) Setevoe imja (niknejm) kak jazykovoj znak [Network name (nickname) as a

linguistic sign] Vestnik NVGU, 4 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoe-imya-nikneym-kak-yazykovoy-znak> (data obrashhenija: 08.04.2024). (In Russian)

15. Nesterov, V., Nesterova, E. (1999) Karnaval'naja sostavljajushhaja kak odin iz faktorov kommunikativnogo fenomena chatov [Carnival component as one of the factors of the communicative phenomenon of chats] [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/nesterov/com/1> (data obrashhenija: 27.03.2024). (In Russian)

16. Sergeev, D.I., Prochko, A.L., Tishhenko, V.I. (2020) Cifrovaja lichnost': transformacija ili udostoverenie [Digital personality: transformation or identification]. Sistemnye issledovanija: Metodologicheskie problemy. Moskva: Poli Print Servis; Federal'nyj issledovatel'skij centr «Informatika i upravlenie». (In Russian)

17. Horikova, V.S. (2010) Kognitivnyj analiz niknejmov pol'zovatelej seti Internet [] Voprosy kognitivnoj lingvistiki, 3, 64–68. (In Russian)

18. Reyhan, Yusif Habibli (2020) The Role of the Proper Names on the Internet-Communication. Journal of Critical Reviews. – Vol 7 (4), 906–908. (In English)

19. Bechar-Israeli, H. (1995) Nicknames, Play and Identity on Internet Relay Chat. Journal of Computer-Mediated Communication, 1 (2) <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x> (In English)

20. Bechar-Israeli, H. (1995) From "Bonehead" to "cLoNehEAd": Nicknames, Play and Identity on Internet Relay Chat. Journal of Computer-Mediated Communication, 1 (2) <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x> (In English)

21. Labinaz, P. (2021) Speech acts and the dissemination of knowledge in social networks. Approaches to Internet Pragmatics: Theory and practice. Edited by Chaoqun Xie, Francisco Yus and Hartmut Haberland. (In English)

Поступила в редакцию 10.04.2024 г.

SELF-CONCEPT: WAY TO IMPLEMENT COMPONENTS THROUGH NICKNAME

O.V. Kisel, K.S. Butov

The modern anthroponymic system undergoes profound changes related to the realities of the 21st century. The Internet is an inexhaustible source of such a new category of onyms as nicknames. A nickname is defined as a form of user identification in the virtual space. The following methods have been applied in the research: systematization of material, semantic analysis, and componential analysis. The empirical corpus is constituted by 200 Internet names. The relevance of the study is accounted for by the fact that a nickname is a fairly new onomastic unit. It is a means of self-presentation in a virtual society. The study objective is to determine the way the self-concept components are expressed in the process of user identification by means of a nickname in the virtual space. In the study the nicknames are grouped according to their semantic characteristics. The authors come to the conclusion that a nickname is a new onomastic category that requires further psychological, sociological and linguistic research.

Key words: self-presentation, personal name, nickname, onomastic system of language, self-concept.

Кисель Олеся Владимировна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Российская Федерация, г. Магнитогорск
Доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям.
ORCID 0000-0001-8503-9948

E-mail: olesja-kisel@rambler.ru

Бутов Кирилл Сергеевич.

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова.
Российская Федерация, г. Магнитогорск.
Студент.
ORCID 0009-0009-2205-7773.

E-mail: kirillb.04@mail.ru

Kisel Olesya Vladimirovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Russian Federation, Magnitogorsk.

Associate Professor of Foreign Languages in
Engineering Department.

ORCID 0000-0001-8503-9948

E-mail: olesja-kisel@rambler.ru

Butov Kirill Sergeevich.

Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Russian Federation, Magnitogorsk.

Student.

ORCID 0009-0009-2205-7773.

E-mail: kirillb.04@mail.ru

Научная статья
УДК 81'28 (076)
DOI: 10.5281/zenodo.12550900

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ²

© 2024 *Н.П. Курмакаева*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0009-0005-3472-0203.*

Статья является продолжением изучения феномена региональной языковой личности донбассовца, которое начато в 2017 году, а первые результаты обобщены в коллективной монографии «Донецкий региолект» (2018) [4]. Рассматривается третий уровень структурной организации языковой личности – прагматический (мотивационный), который остается наименее разработанным в лингвистике, в том числе в лингворегиеоноведении. Этим объясняем актуальность данного исследования. Региональная языковая личность (РЯЛ) признается основой субэтнуса, центром регионального коммуникативного пространства, творцом текстов, отражающих мотивы, интенции, цели коммуникативной деятельности индивида как части субэтнуса региона. Выявление единиц прагматикона, осуществленное на основе анализа текстов, принадлежащих разным типам РЯЛ, позволяет сделать предварительные выводы: анализ мотивационной стороны РЯЛ открывает возможности для глубинного осмысления регионально значимой ситуации и ментальных предпочтений их транслятора, для адекватного понимания созданных и хранимых субэтносом региона культурных кодов, языковых символов и ценностных ориентиров.

Ключевые слова: региональная языковая личность; прагматический аспект; региональный дискурс; прагматикон; субэтнос; коммуникативное пространство; речевое поведение; ценностные приоритеты.

Для цитирования: Курмакаева Н.П. Прагматический аспект региональной языковой личности / Н.П. Курмакаева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 83–93. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12550900>

Введение. Феномен языковой личности в отечественных лингвистических исследованиях сохраняет свою актуальность уже несколько десятилетий, если условно начало отсчета вести от монографии Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность»: «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, конкретной языковой личности» [6, с. 5]. А в последовавших затем трудах таких известных лингвистов, как Г.И. Богин, Л.Г. Веденина, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, А.А. Ворожбитова, Н.Д. Голев, Е.В. Иванцова, В.И. Карасик, Л.П. Клобукова, В.В. Красных, М.Л. Макаров, Ю.Е. Прохоров, Т.Б. Радбиль, К.Ф. Седов, С.А. Сухих, Л.А. Шестак и мн. др., он получил развитие в русле самых разных направлений междисциплинарных исследований, исповедовавших концепцию антропоцентризма в языке, в частности в психолингвистическом (Красных, 2010; Норман, 2011 и др.), лингвокультурологическом (Маслова, 2001; Воркачев, 2001; Карасик, 2004, 2013, 2019; Красных, 2003 и др.), персонологическом (Голев, 2006, 2015; Иванцова, 2010; Абросимова, 2011 и др.), коммуникативном (Иссерс, 2006; Седов, 2004; Лутовинова,

² Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

2014; Путина, 2022 и др.), дискурсивно-концептологическом (Карасик 2002, 2010; Шестак, 2003 и др.), лингводидактическом (Богин 1984; Башкова 2011; Клобукова 1997; Воробьев 2019), лингворегионоведческом (Ворожбитова, 2008; Просвиркина, 2005; Харченко, 2017; Курмакаева, 2018, 2021, 2022, Шульгина, Бугаенко, 2014; Буевич, Маслова, Муратова, 2017 и др.) и ряде других. Это позволяет присоединиться к выводам Е.В. Иванцовой: «исследование языковой личности входит в число наиболее актуальных направлений современной лингвистики», а «понятие “языковая личность” уже причисляется к ключевым в культурологии, социологии, психологии, педагогике, литературоведении, неориторике. Изучение языка сквозь призму “человека говорящего” чрезвычайно значимо и для самой лингвистики» [5, с. 4–5].

Языковая личность признана не просто предметом изучения наряду с языком и речью, а центром (ядром) коммуникативного пространства, его «силовым полем». Язык, вопреки сосюрговскому представлению о нем как о замкнутой, самоорганизующейся системе, сегодня понимается как форма и способ «жизнедеятельности человека», способ «вербализации человеческого опыта и его осознания» и т. п. [15, с. 217], это одна из ключевых разновидностей человеческой деятельности, а значит, она не отделима от деятеля, человека говорящего – языковой личности.

Языковую личность (ЯЛ), с одной стороны, определяют как «продукт общественного развития», а с другой – видят в ней «активно действующего участника общественной трудовой и познавательной деятельности», который осознает «свое место в мире людей, свое отношение к ним» и к себе как личности, со своими достоинствами и недостатками [15, с. 217]. В этой ипостаси выступает не просто ЯЛ, а коммуникативная личность – коммуникант, продуцент и творец текстов. О коммуникативной личности в последние годы тоже немало написано. Есть работы, в том числе диссертационные, посвященные диалектоносителям, носителям студенческого жаргона, элитарным личностям, художникам слова, пользователям соцсетей и участникам интернет-общения (список можно продолжить; см., например, работы У.Д. Агакишиевой, Г.В. Беспамятной, О.С. Иссерс, Ш.Р. Кучкаровой, Е.В. Милосердовой, И.Г. Паршиной, О.В. Сыровой и др.). Однако следует отметить: 1) региональная языковая личность (РЯЛ) пока представлена в науке недостаточно, не считая личность диалектоносителя различных диалектных групп; 2) есть утверждения исследователей, что наименее разработанным остается прагматикон ЯЛ (тем более, как нам представляется, региональной ЯЛ). Хотя еще Ю.Н. Караулов придавал большое значение мотивационному уровню ЯЛ, говоря, что «через прагматикон язык формирует человека, раскрывая содержание третьего уровня в структуре языковой личности и добавляя в вербально-грамматический – «ЯЗЫК» – и в когнитивный – «МИР» – третью, прагматическую составляющую структуры – «Я В МИРЕ». Позиция автора (говорящего) «Я В МИРЕ» определяется, прежде всего, его оценками и самооценками» [7, с. 12].

В наших исследованиях, посвященных РЯЛ, уже были представлены лексико-семантический и в определенной мере тезаурусный уровни РЯЛ (см., например [10, 11]). В данной работе ставим целью вскрыть ее специфику с позиций прагматики. В качестве материала исследования привлечены разножанровые тексты о событиях и личностях регионального уровня, входящие составной частью в региональный дискурс, а их содержание – это полноценный фрагмент региональной языковой картины мира. В текстах в том или ином виде представлена коммуникативная деятельность (речь) РЯЛ, позволяющая вскрыть в определенной степени прагматическую сущность «человека говорящего», выявить его мотивационную базу, осмыслить речевое поведение и ценностные приоритеты индивида в проекции на субэтнос.

Основная часть. К настоящему времени понятия *прагмалингвистический, прагматический, коммуникативно-деятельностный, коммуникативно-прагматический аспекты* изучения языковой личности применяются в науке как синонимичные и предполагают наблюдение и анализ речевого поведения «человека говорящего» или субъектов коммуникации, выявление причин и стереотипов такого поведения, вскрытие и систематизацию стратегий и тактик ЯЛ в связи с её намерениями, целями и ситуацией общения. РЯЛ в этом плане интересна тем, что через посредство своего речевого воплощения являет образ амбивалентной личности – этнической и субэтнической одновременно. «На *мотивационном уровне структуры* региональную языковую личность отличает соответствующий специализации, общей политико-экономической обстановке, духовно-нравственной атмосфере региона набор деятельностно-коммуникативных потребностей, ведущая из которых – обеспечение максимально комфортной и эффективной жизнедеятельности в геоментальных условиях именно данного региона» [3, с. 131]. Изучение речевого дискурса коммуникативной личности с прагмалингвистических позиций, как считает А.А. Пушкин, позволяет выявить многочисленные «прагмемы – единицы разных уровней языка..., предназначенные для регуляции человеческого поведения» [14, с. 46]. РЯЛ – часть регионального дискурса, она реализуется в регионально обусловленной коммуникации, она выбирает и следует стратегиям и тактикам общения, исходя из ситуации в регионе, и актуализирует те прагматические, языковые и экстралингвистические средства из общенационального, регионально отмеченного и индивидуального репертуара, которые диктуются ситуацией и намерениями коммуниканта. В условиях десятилетнего военного противостояния, как утверждают ученые В.И. Теркулов [17], Т.Ю. Власкина [2] и др., в Донбассе сложился «язык войны», с четким разграничением по линии «свой – чужие», с жесткой прагмалингвистической дифференциацией предметно-оценочных и экспрессивно-коннотативных номинатов в региональном дискурсе. В качестве иллюстрации приведем пример поста из соцсетей: *В эти дни как раз сравнялось 10 лет нашей войны. 12 апреля 2014 был дан старт АТО. Пастор издал указ и подписал его. И понеслось. Эти с*ки украли у нас 10 лет жизни. А уж сколько жизней как таковых.. До полномасштабных боевых действий оставался ещё месяц с небольшим. Но напряжение уже было заоблачным. Ещё почти три недели до Одессы. И уже запольхал Славянск. Завтра была война...* (Ирина Белокопос. ВК. Режим доступа: https://vk.com/wall309674800_45690. Дата обращения: 14.04.24).

Текст однозначно принадлежит РЯЛ Донбасса, которая маркирует донбасскую действительность и ее жителей местоимениями *нашей* (войны), *украли* у нас. Проводя аналогию со спортом, блогер метафоризирует: *дан старт АТО*, явно подразумевая в подтексте известные для сообщества фоновые знания: «антитеррористическая операция против собственного мирного населения». Неуважительное *пастор* по отношению к тогдашнему первому лицу Украины нередко сопровождается оценочно-экспрессивным адъективом *кровавый*. В выражении *издал указ и подписал его* преднамеренно опущен делибератив (о чём?), поскольку для жителя Донбасса его содержание запечатлено на внешнем облике населенных пунктов (имплицитно представленные фоновые знания). Отношение автора к тем, кто развязал войну, наглядно реализовано в инвективе. Стилистически сниженное безличное *и понеслось* образно вбирает в себя всё остальное, случившееся после, заставляет, как в калейдоскопе, сменяться событиями и фактам. *Одесса* в качестве прецедентного феномена олицетворяет одесскую трагедию с сожжением людей в Доме профсоюзов. За выражением *запольхал Славянск* кроется не менее трагическая ситуация с обстрелом города Славянска и гибелью его защитников. Резюмирующая текст фраза *Завтра была война* – еще один прецедентный феномен, которым РЯЛ охватывает все последующие события десятилетнего периода в Донбассе. Именно на основании таких

текстов приходится в наше время судить об особенностях современной РЯЛ Донбасса, в том числе о ее прагматической составляющей: о способности оценивать локальную ситуацию и ее участников; о специфичности восприятия действительности и отношении к окружающему; о степени соблюдения узуальных норм и правил речевого поведения и причинах отступления от них; о причинах нарушения конвенциональных установок; об эмоционально-экспрессивном своеобразии речевых действий и их обусловленности; о характере продуцента данного и подобных текстов.

Анализ речевого поведения РЯЛ может способствовать уточнению некоторых характеристик общенациональной ЯЛ, если сделать акцент на разнообразии социально-экономических, культурно-исторических, военно-политических событий, в которых социализировался, инкультурировался, функционировал и продолжает себя активно проявлять «человек говорящий» (в частности, РЯЛ Донбасса) и которые определяли и определяют интересы, мотивы, интенции, цели коммуникативной деятельности как индивида, так и субэтноса в целом как части всего этноса. В процессе и в результате активной коммуникативной деятельности РЯЛ формировались ценностные категории, узуальные нормы и правила речевого поведения, в определенных условиях не вполне совпадающие с общепринятыми в социуме. У жителя Донбасса при первом приближении улавливается специфичность мышления, некоторые конвенциональные различия, эмоционально-экспрессивное своеобразие речевых действий, нередко с «эффектом обманутого ожидания» (по Р.О. Якобсону).

Согласно Р.А. Будагову, общее проявляется в индивидуальном, национальный язык реализуется в форме индивидуальных языков его носителей. Каждый носитель вправе по своему усмотрению обращаться с общенародными языковыми ресурсами. Индивидуальные коммуникативно-речевые способности «человека говорящего» с определенного времени (со второй половины XX в.) стали приоритетным объектом лингвистики и смежных наук. В лингводидактике цель изучения ЯЛ сформулировал Г.И. Богин: «Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [1, с. 3]. Одной из задач прагматики также определяется языковая способность человека говорящего, которая реализуется в речи, в коммуникации. Следует согласиться с тем, что «при изучении речи коммуниканта как языковой личности важно учитывать не только его социальную, но и прагматическую роль, под которой понимается выражение коммуникативной цели и интенции, направленной на последующее воздействие на партнера по коммуникации» [13, с. 4].

Введение в лингвистический обиход понятия «региональная языковая личность» позволяет осмыслить язык этноса как язык, принадлежащий каждому ее носителю как уникальной личности, которая осознает себя составной частью, с одной стороны, всего этноса (сходно мыслит, говорит с ним на одном языке, разделяет общее культурное пространство), а с другой – неотъемлемой частью той региональной общности, которая исторически осваивала определенные территории. Это, как правило, территории с ярко выраженной спецификой, наложившей заметный отпечаток на образ жизни человека: быт, традиции, практическую деятельность, в том числе речевую, восприятие действительности, отношение к окружающему, ментальность. Не зря актуальной в дореволюционное время была поговорка «Уголь рубаем, а хлеба не знаем», через глубинное содержание которой эксплицируется отношение РЯЛ к ситуации действительности как неприемлемой с точки зрения социально-экономической, требующей изменения положения дел в регионе. Совсем иное отношение к углю, к шахтерскому труду и в целом к Донбассу зафиксировано в паремиях советского периода, полностью меняющих ценностную картину мира донбасского субэтноса: *Шахтерский*

забой – фронт передовой; Будь в лаве как в бою, прославь родину свою; Донбасс порожняк не гонит, свидетельствующих о намеренных изменениях в приоритетах, в нормах жизни, а значит – и поведения (речевого в том числе) в обществе.

РЯЛ – основа субэтноса. Очевидно, что РЯЛ – это не просто продуцент накопленного речетворческого опыта, но и творец, создатель нового дискурсивного пространства в процессе исторических и социокультурных изменений в жизни субэтноса на определенных этапах развития региона. Поэтому важным понятием в теории региональной языковой личности является понятие *региональный дискурс*, который имеет сложную структуру и представляет собой комплексное единство результата речевого акта (высказывания, текста) с его регионально обусловленной пресуппозицией, интенциями РЯЛ, речевыми шагами и ходами, коннотациями, эмоциональным фоном и, безусловно, лексико-грамматической нагрузкой (региолектными чертами) и стилистикой. Представленный выше текст хорошо это демонстрирует, поскольку содержательная сторона базируется на регионально важном событии, описание которого всецело поддерживается прагматической составляющей, во многом субъективно окрашенной и одновременно передающей настрой всего «национально-лингво-культурного сообщества» (в терминах В.В. Красных) региона. Перлокутивный эффект такого рода текстов может быть достигнут только в том случае, если речевые ходы и коннотативно-экспрессивный уровень дискурса получают адекватное восприятие реципиента.

Совершенно очевидно, чтобы сложить мнение об участнике коммуникации, необходимо включить его в диалог либо услышать его монологическую речь. Вообще прагматический аспект анализа ЯЛ предполагает исследование текста в качестве некоего инструмента взаимодействия общающихся [16]. В результате получаем прагматическую интерпретацию текста (см., например, у И.П. Сусова [15, с. 219–224]). В любом случае коммуникативное действие того или иного типа РЯЛ имеет как итог уникальный текст, эксплицирующий все признаки регионально и личностно ориентированного. Более того, для лингвистического исследования крайне важным является не просто семантика и логика созданного РЯЛ текста (высказывания), важен так называемый *концепт текста*, под которым мы вслед за В.В. Красных понимаем «глубинный смысл, изначально максимально и абсолютно свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста» [8, с. 127]. У автора это схематизируется следующим образом: ситуация → мотив → интенция как воплощение мотива → концепт как воплощение интенции [8, с. 130].

Концепт регионального текста может актуализировать регионально значимую ситуацию, за которой в тексте стоит РЯЛ ее транслятора, автора текста, с его мотивом, намерениями, способом воплощения и достигнутым перлокутивным эффектом. Например, в книге Е. Ясенова «Прогулки по Донецку» один из многочисленных эпизодов посвящен историческому реликту – «донецким линиям»: *Чем ближе к заводу, тем дряхлее и тревожнее. Здесь настолько ощутима древняя «юзовщина», что кажется: вот сейчас из-за угла выйдут пацаны в сапогах по моде начала века, в кепках блином. Выйдут и спросят – за красных мы или за белых. А мы в ответ – по-чапаевски: «А Ленин за кого?»*

Но нет, народ доброжелательный и очень простой. Хотя и настороженный. Фотоаппарат Сергея Ваганова вызывает живой интерес: «А чего снимаете?» Благодаря именно такому вопросу знакомимся с Вадимом. Он тоже не коренной дончанин, привезен родителями из Липецкой области, с тех пор – «на линиях»: сначала жил на Заречной, потом, после женитьбы, оказался на Коваля. В «линии» не так чтобы уж очень влюблен,

но переселяться никуда не хочет, потому что потеряет сад и огород. Нынешнее жилье называет «и дом, и дача». Жутковато даже представить, какие баклажаны вырастают на его плантации: экология способствует в основном выведению мутационных форм. Как у Цоя – алюминиевые огурцы на брезентовом поле... [19, с. 16].

Чем с прагматической точки зрения интересен и полезен данный текст? Во-первых, важна выбранная автором исторически обусловленная локальная ситуация: донецкие линии – свидетельство прежнего присутствия в городе западных стандартов в планировке улиц. Во-вторых, любой текст должен оказывать коммуникативное воздействие. Сила и уровень воздействия зависят напрямую от коммуникативной установки ЯЛ, от его намерений и от самого концепта текста. В публицистическом тексте, как правило, особо зримо совмещаются рациональное и эмоционально-оценочное для создания ситуации коммуникативного воздействия на реципиента, что вполне профессионально применил автор. Экспрессивы, гротескные формы, субъективную оценочность с конвенциональных позиций можно оценить как имеющие целью создание «доброжелательной атмосферы общения» (по Б.Ю. Норману), но не равнодушного отношения к сообщаемому факту. То, что Е. Ясенов предстает в этом тексте как региональная ЯЛ, не должно вызывать сомнений: у текста богатейшая пресуппозиционная основа, опирающаяся на глубокие краеведческие познания писателя, а также на его знания социальных, экологических и прочих проблем промышленного региона в целом и описываемого района г. Донецка в частности. Однако намерение автора не в том, чтобы поднять проблему экологического неблагополучия (ее в Донецке знают все: селиться вблизи металлургического завода небезопасно для жизни и здоровья), а в том, чтобы на эмоциональном уровне эксплицировать ситуацию и отношение к проблеме, связанной с этим, не только самого автора как наблюдателя, но и участников ситуации – с одной стороны, жителя проблемного района, а с другой – читателя. Реализуя глобальную познавательно-развлекательную стратегию «прогулок по Донецку», автор выбирает соответствующие тактики: непринужденность, занимательность, легкость, самовыражение через оценочность суждений, ироничность, доходящую до гротеска, самокритичность. Последние из перечисленных качества особенно характерны для дончан: сколько иронических, шутливо-оценочных донецких изречений, характеризующих жителя региона, хранит память народная: *Караванная по нему плачет; Дальше Щегловки не отвезут; Что скривился, как угля наелся? Наколотился, как проходчик; Ты что, с террикона рухнул? Устал, как в шахте уголь рубал* и многие другие.

Дискурс не может быть охарактеризован как лингвистическое явление вне языковой личности, которая не только создает и ведет его, но и моделирует ситуацию общения, добивается своей коммуникативной цели, применяет различные приемы и тактики. В качестве примера приведем диалог двух личностей особого масштаба: русского писателя З. Прилепина и Главы ДНР А. Захарченко:

- Ты никогда не задумывался, отчего с той стороны однажды начали считать, что вы здесь, на Донбассе, темные люди? – спросил я.

- Мы ватники и бандиты, мы все сидевшие, и все необразованные, ничего у нас нет, и театры у нас плохие, - как сто раз слышанное повторил Захарченко... - *Смотри: если из человека в глазах другого человека сделать неуча, ниже его по классу и статусу, то, к примеру, крестьянин из Полтавской области будет сидеть в дерьме, но думать, что он сидит на золоте... <...> Затем они сказали: мы образованные, мы хотим в Европу, а эти неучи хотят быть ближе к России...*

- А донецкий характер? Есть такая штука? Что в этом характере главное?

- Самопожертвование. На знамени организации, которую я создавал – «Оплот Донбасса», – написано: «Нет уз святее товарищества». Друг – за друга, благодаря этому и держались.

- Отношение к своему народу за полтора года изменилось?

- Гордость – она всю жизнь была за Донецк. Я могу проехать по любой улице и сказать, где какой дом когда строился, кто его строил. Почти все памятники – я знаю архитекторов. Я тебе расскажу, какие цветы здесь посажены, какое количество роз у нас. Какие бои шли в 41-м году, какие в 42-м, какие в 43-м. На Украине только два города таких. Львовяне гордятся своим Львовом, дончане гордятся Донецком. Запад и Восток. Всё – больше на Украине таких городов нет.

- А самоопределение – мы донецкие или мы русские, – как с ним было у вас?

- Мы всегда воспринимали себя русскими. Всю жизнь. [18, с. 32–33].

Концепт приведенного текста, безусловно, неординарная фигура лидера нового типа, возвращенного Донбассом в период военного противостояния и искренне преданного своей земле. Загадочность своего персонажа писатель пытается понять и осмыслить через многочисленные интеракции.

В качестве уточнения классификации речевых актов Дж. Остина необходимо сказать, что в данном тексте мы имеем тип речевых актов лично ориентированных. З. Прилепина как писателя интересует, помимо самой обстановки в Донбассе, его люди, личность «вожака», его отношение к событиям. Кооперативная стратегия общения предписывает взаимное уважение собеседников, соблюдение принципов и постулатов: инициатор беседы формулирует корректные вопросы; реципиент дает честные, по-простому, без пафоса выстроенные ответы в духе грайсовского постулата правдивости. Тема и вся структура вопросно-ответной беседы подчеркивают в Захарченко региональную неэлитарного типа личность, которую сознательно и целенаправленно вводят в регионально маркированный дискурс, ставят достаточно острые политически окрашенные вопросы, желая получить прямые ответы как от человека, возвращенного этим социумом, погруженного в происходящие события, ставшего первым лицом мятежного региона, а потому имеющего на всё совершающееся в Донбассе свою точку зрения. В результате интеракции мы видим, что реципиент как сильная личность, владеющая речевой ситуацией, временами поднимается над ней и задает «необходимое направление в развитии дискурса», т.е. «она творит этот дискурс» [15, с. 224]. Иными словами, РЯЛ показана в диалоге как творец современного регионально обусловленного дискурса, соединенного с темпераментом, силой убежденности, волевыми качествами личности лидерского типа. Потому в ответных репликах персонаж так нестандартно реализует собственную интенцию (осознанно или неосознанно – можно спорить) определённым образом воздействовать на слушающего посредством своих рассуждений, являя индивидуальный прагматикон, «определяющий языковые показатели и смысл индивидуального существования» [12, с. 79], настойчиво добивается коммуникативной цели через применение таких приемов и тактик, как «разоблачительная самоидентификация» и жесткая оценочность (*Мы ватники и бандиты, мы все сидевшие, и все необразованные...*), гротеск и самоирония как тактика неприятия (*крестьянин из Полтавской области будет сидеть в дерьме, но думать, что он сидит на золоте... <...> Затем они сказали: мы образованные, мы хотим в Европу, а эти неучи хотят быть ближе к России*), самопрезентация (*Мы всегда воспринимали себя русскими*) и др., что приводит к достижению необходимого перлокутивного эффекта.

РЯЛ выступает как знаток и участник региональных событий, проявляя себя в межличностной риторике и в целом в дискурсе в одной из двух ипостасей – либо как доминантная, контактная, коммуникабельная личность со своей позицией и собственными ментальными установками. Она может в этой роли показать себя как жесткая, прямолинейная, рассудочная, предельно эмоционально-экспрессивная личность, способная отстаивать свою точку зрения, свои идеалы и убеждения вопреки даже универсальным принципам Кооперации (в духе Дж.Н. Лича), нарушая законы Вежливости, Толерантности, либо как ведомая, некоммуникабельная, неконтактная, замкнутая в себе, мягкая или лавирующая, эмоционально зависимая и податливая, стремящаяся ни при каких условиях не нарушать общепринятых норм поведения, в том числе речевого. Современная социально-политическая ситуация, сложившаяся в Донбассе, выдвинула на ведущие позиции представителей первого типа личностей, сильных, харизматичных, с высокой внутренней мотивацией. Вот как З. Прилепин репрезентирует своего героя на основе неоднократного частного общения с персонажем своего романа: *Захарченко был человек эмоции, причём эмоции его – долгие, они не перегорали. Эмоциональность Захарченко не была завязана на его «я»: им двигали вещи, которые вне его, не связанные с ним лично. <...>*

Если ему было смешно – он смеялся. Если было ему очень обидно или очень неприятно – он ни секунды не думал и бил либо рукой, либо любимым находящимся поблизости предметом по объекту своей неприязни.

Про Захарченко знали в московских и минских кабинетах, что на проявленное к нему или его стране неуважение он может немедленно ответить физически. <...>

Он не трибун был.

Захарченко, как правило, уверенно держался, но точно не был мастером жеста; публичные интервью, общение с журналистами – всё это выводило его из себя, никакого удовольствия от этого он не получал. Самое важное для него было: оказаться в естественной среде, быть естественным. Он ненавидел политику именно за узаконенное фарисейство, за весь этот политес. <...>

Отцы, деды, прадеды – они завещали определенный тип поведения, землю, язык, веру. Можно преступить многое, можно – очень многое, – но память – нельзя. [18, с. 195–198].

В этом речевом портрете, написанном преимущественно по результатам коммуникации с персонажем (своего рода «текст в тексте»), предстает абсолютно прагматичная личность по поведению, с полным набором эмоционально-экспрессивного заряда. Человек дела и данного им слова, личность неординарная, убежденная в правоте своего дела, готовая к ответственности и реальному действию, воспитанная на лучших традициях предков, сформировавшаяся как лидер в региональных условиях военного конфликта.

«Минусы» в коммуникативных практиках своего персонажа З. Прилепин видит в специфическом его поведении: *... он не очень любил долго слушать, мог перебить собеседника, – но это объяснялось совсем иным ритмом жизни: так долго нельзя размышлять, излагать, обсуждать – говорил весь вид Захарченко, – короче, ребята, надо вот так сделать. Возражения? – не стоит; идите, выполняйте. Впрочем, он даже не говорил: идите, – он сразу отворачивался, у него уже другое дело. <...>*

Каждый выход на публику Захарченко – становился отказом от работы по сценарию, импровизацией и сломом канона. [15, с. 199–200].

Косвенно и имплицитно представленные речевые акты РЯЛ как отдельные фрагменты коммуникативных событий, происходящих в разной обстановке общения и

с разным «энергетическим зарядом», способствуют наращиванию так называемого «силового поля» (в терминологии И.П. Сусова) этого участника коммуникации, усиливают эффект лидерских качеств РЯЛ, когда личные интересы и мотивы гармонизируются с общественными стимулами деятельности, несмотря на то что выбранные речевые тактики и приемы общения нередко отличаются своим некооперативным характером, что оправдывается экстремальными условиями, в которых пребывают в описываемые моменты коммуникации РЯЛ.

Заключение. Таким образом, вполне соглашаясь с выводами В.В. Красных о том, что **прагматический уровень** «обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» [9, с. 195], мы вправе внести некоторые уточнения, связанные с объектом и предметом нашего исследования.

1. Анализ мотивационной стороны региональной языковой личности открывает возможности для глубинного осмысления регионально значимой ситуации, для лучшего понимания созданных субэтносом региона культурных кодов, языковых символов и ценностных ориентиров и для трансляции их всему «национально-лингво-культурному сообществу» (В.В. Красных).

2. В прагматическом кластере регионального дискурса максимально воплощаются присущие РЯЛ черты характера, темперамент, истинные намерения и способность к реальному действию, проявляется отношение к ситуации, складывается личностная оценка положения дел, что производит, помимо содержательной стороны текста, значительный воздействующий эффект на реципиента.

3. Учет и понимание прагматических факторов помогает не только лучше разобраться в логике и характере коммуникативных событий регионального уровня, которые мы черпаем из разных источников, но и адекватно соотносить их с реально существующим положением дел в действительности на определенном этапе развития жизни как региона, так и страны в целом.

4. Данные выводы определяют перспективность дальнейших наблюдений в означенном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богин Г.И. Современная лингводидактика / Г.И. Богин. – Калинин: Калининский государственный университет, 1980. – 61 с.
2. Власкина Т.Ю. Язык войны: современные речевые практики Донбасса / Т.Ю. Власкина // Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в. : историко-антропологические очерки. Ростов-на-Дону, изд-во ЮНВ РАН, 2019. – С. 402–419.
3. Ворожбитова А.А. Региональная языковая личность и лингворегиология как область научного поиска / А.А. Ворожбитова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2008. – № 11. – С. 22–29.
4. Донецкий региолект: монография / под ред. В.И. Теркулова ; ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет" ; Фонд "Русский мир". Донецк : [ООО "НПП Фолиант"], 2018. – 264 с.
5. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учебное пособие / Е.В. Иванцова. – Томск: Изд-во Томского университета, 2010. – 160 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Отв. ред. член-кор. Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1987. – 263 с.
7. Караулов Ю.Н. Современные источники формирования русской языковой личности / Ю.Н. Караулов // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Пятый межвузовский семинар по лингвострановедению. Сб. ст. В 2 ч. Ч.1. – М.: «МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ», 2008. – С. 9–25.
8. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

9. Красных В.В. Основы психолингвистики: Лекционный курс. Изд. 2-е, дополненное / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2012. – 333 с.
10. Курмакаева Н.П. Вербально-семантический потенциал региональной языковой личности Донбасса / Н.П. Курмакаева // Вестник ДонНУ. Сер.Д: Филология и психология. – 2018. – № 3–4. – С.35–45.
11. Курмакаева Н.П. Региональная языковая личность Донбасса: опыт обобщенного лингвоперсонифицирования / Н.П. Курмакаева // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье / Под ред. С.Н. Стародубец и др. – Брянск: ООО «АВЕРС», 2019. – С. 56–62.
12. Маслова В.А. Языковая личность и языковой портрет жителя Витебщины / А.А. Бувевич, В.А. Маслова, Е.Ю. Муратова // Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов. Коллективная монография. – Минск: УП «Энциклопедикс», 2017. – С. 71–116.
13. Путина О.Н. Речевая коммуникация: прагматический аспект / О.Н. Путина, С.В. Балакин // Общие вопросы языкознания. Евразийский гуманитарный журнал. – 2022. – № 1. – С. 4–9.
14. Пушкин А.А. Прагматические характеристики дискурса личности / А.А. Пушкин // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: Калининский университет, 1989. – С. 45–53.
15. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – Винница: Нова Книга, 2009. – 272 с.
16. Сухих С.А. Личность в коммуникативном процессе / С.А. Сухих. – Краснодар: Изд-во Южного института менеджмента, 2004. – 155 с.
17. Теркулов В.И. Словарь языка войны в Донбассе: лингвистические и лингвокультурологические особенности / В.И. Теркулов // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье / Редкол. С.Н. Стародубец и др. – Брянск, 2022. – С. 25–29.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

18. Прилепин Захар. Всё, что должно разрешиться... Хроника почти бесконечной войны. 2013–2021 / Захар Прилепин. – Москва: Изд-во АСТ, 2021. – 541 с.
19. Ясенов Е.Ю. Прогулки по Донецку / Е.Ю. Ясенов. – Донецк: Издательский дом «Edit», 2021. – 538 с.

REFERENCES

1. Bogin, G. I. (2019). *Sovremennaja lingvodidaktika* [Modern linguodidactics]. Kalinin: Kalinin State University. (In Russian)
2. Vlaskina, T. Ju. (2019). *Jazyk vojny: sovremennye rechevye praktiki Donbassa* [The language of war: modern speech practices of Donbass]. In *Vojny i naselenie Juga Rossii v XVIII – nachale XXI v. : istoriko-antropologicheskie ocherki* [Wars and the population of the South of Russia in the XVIII – early XXI century. : historical and anthropological essays] (pp. 402–419). Rostov-on-Don, ed. by UNV RAS. (In Russian)
3. Vorozhbitova, A. A. (2008). *Regional'naja jazykovaja lichnost' i lingvoregionologija kak oblast' nauchnogo poiska* [Regional linguistic personality and linguoregionology as a field of scientific search]. In *Lingvitoricheseskaja paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Linguoritory paradigm: theoretical and applied aspects], 11, pp. 22–29. (In Russian)
4. *Doneckij regiolekt: monografija* [Donetsk regiolect: a monograph] (2018). Edited by V. I. Terkulov. Donetsk State University, Fund "Russkij mir". (In Russian)
5. Ivancova, E. V. (2010). *Lingvopersonologija: Osnovy teorii jazykovoj lichnosti: uchebnoe posobie* [Linguopersonology: Fundamentals of the theory of linguistic personality: textbook]. Tomsk: Tomsk University Publishing House. (In Russian)
6. Karaulov, Ju. N. (1987). *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Ed. by D.N. Shmelev. Moscow: Nauka. (In Russian)
7. Karaulov, Ju. N. (2008). *Sovremennye istochniki formirovaniya russkoj jazykovoj lichnosti* [Modern sources of the Russian language personality formation]. In *Lingvostranovedenie: metody analiza, tehnologija obuchenija. Pjatyj mezhvuzovskij seminar po lingvostranovedeniju* [Linguostranology: methods of analysis, teaching technology. Fifth interuniversity seminar on linguocountry studies]. In 2 ch. Ch.1., pp. 9–25. "MGIMO-UNIVERSITY". (In Russian)
8. Krasnyh, V. V. (2003). «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? ["One's own" among "strangers": myth or reality?]. Moscow: "Gnosis". (In Russian)
9. Krasnyh, V. V. (2012). *Osnovy psiholingvistiki: Lekcionnyj kurs* [Fundamentals of psycholinguistics: Lecture course]. Ed. 2nd. Moscow: Gnosis. (In Russian)
10. Kurmaeva, N. P. (2018). *Verbal'no-semanticheskij potencial regional'noj jazykovoj lichnosti Donbassa* [Verbal-semantic potential of the regional linguistic personality of Donbass]. In *Vestnik DonNU*.

Ser.D: Filologija i psihologija [Donetsk State University Bulletin. Ser.D: Philology and psychology]. № 3–4, pp. 35–45. (In Russian)

11. Kurmakaeva, N. P. (2019). Regional'naja jazykovaja lichnost' Donbassa: opyt obobshhennogo lingvopersonificirovanija [Regional linguistic personality of Donbass: the experience of generalized linguopersonification]. In *Idiolekt russkoj jazykovoj lichnosti kak otrazhenie lingvokul'turnoj situacii v slavjanskom pogranič'e* [Idiolect of the Russian linguistic personality as a reflection of the linguocultural situation in the Slavic borderland] (pp. 56–62). Bryansk: "AVERS". (In Russian)

12. Maslova, V.A. (2017). Jazykovaja lichnost' i jazykovoj portret zhitelja Vitebshhiny [Language personality and language portrait of the resident of Vitebshchina]. In *Slavjanskije cennosti v kommunikativnom prostranstve regionov. Kollektivnaja monografija* [Slavic values in the communicative space of regions. Collective monograph] (pp. 71–116). Minsk: "Encyclopedix". (In Russian)

13. Putina, O. N. (2022). Rečevaja komunikacija: pragmatičeskij aspekt [Speech communication: pragmatic aspect]. In *Obshhie voprosy jazykoznanija. Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal* [General issues of linguistics. Eurasian humanitarian journal]. № 1, pp. 4–9. (In Russian)

14. Pushkin, A. A. (1989). Pragmalinvističeskie harakteristiki diskursa lichnosti [Pragmalinvistic characteristics of personality discourse]. In *Lichnostnye aspekty jazykovogo obshhenija* [Personality aspects of language communication] (pp. 45–53). Kalinin: Kalinin University. (In Russian)

15. Susov, I. P. (2009). Lingvističeskaja pragmatika [Linguistic pragmatics]. Vinnitsa : Nova Knyga. (In Russian)

16. Suhij, S. A. (2004) Lichnost' v kommunikativnom processe [Personality in the communicative process]. Krasnodar: Publishing house of the Southern Institute of Management. (In Russian)

17. Terkulov, V. I. (2022). Slovar' jazyka vojny v Donbasse: lingvističeskie i lingvokul'turologičeskie osobennosti [Dictionary of the language of the war in Donbass: linguistic and linguocultural features]. In *Russkie tradicii bytovoj lingvokul'tury v slavjanskom pogranič'e* [Russian traditions of everyday linguoculture in the Slavic borderland] (pp. 25–29). Bryansk. (In Russian)

Поступила в редакцию 14.05. 2024 г.

PRAGMATIC ASPECT OF REGIONAL LINGUISTIC PERSONALITY

N.P. Kurmakaeva

The article is a contribution to the study of the phenomenon of the regional linguistic personality of the Donbass speaker. The research was started in 2017, with the first results being summarized in the collective monograph "Donetsk Regionlect" (2018) [4]. The third, pragmatic (motivational), level of the structural organization of linguistic personality, which remains the least developed in linguistics, including linguoregional studies, is considered. It accounts for the relevance of this study. The regional linguistic personality (RLP) is recognized as the basis of the subethnos, the centre of the regional communicative space, the creator of texts reflecting motives, intentions, goals of communicative activity of an individual as a part of the region subethnos. The identification of pragmatic units, carried out on the basis of the analysis of texts belonging to different types of RLP, enables to draw a number of conclusions. The analysis of the motivational side of RLP opens up opportunities for deep reflection of the regionally significant situation and mental preferences of their transmitter, for adequate understanding of the cultural codes, linguistic symbols and values created and stored by the subethnos of the region.

Key words: regional linguistic personality, pragmatic aspect, regional discourse, pragmaticon, subethnos, communicative space, speech behavior, value priorities.

Курмакаева Нина Петровна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет.
Российская Федерация, г. Донецк.
Доцент кафедры русского языка.

ORCID 0009-0005-3472-0203

E-mail: kurmakayeva@mail.ru

Kurmakaeva Nina Petrovna.

Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor.
Donetsk State University
Russian Federation, Donetsk.
Associate Professor of the Russian Language
Department.

ORCID 0009-0005-3472-0203

E-mail: kurmakayeva@mail.ru

Научная статья
УДК 811.111+81'33+81'37
DOI: 10.5281/zenodo.12551279

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ РЕАЛИИ СФЕРЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ С ПОМОЩЬЮ ОНЛАЙН-СЛОВАРЕЙ ТЕЗАУРУСНОГО ТИПА

© 2024 *О.А. Максимчик*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет»
ORCID 0009-0002-7412-0032.*

Задача совмещения уникальных отечественных подходов к обучению и воспитанию с лучшими общемировыми практиками в создаваемой системе высшего образования приводит к необходимости всестороннего описания сферы образования различных стран. Несмотря на продолжающийся интерес лингвистов к исследованиям в области образования, до сих пор не осуществлен комплексный анализ языковых единиц, отражающих искомую семантику. Их значительное количество при отсутствии унификации ставит вопрос о способе их упорядочивания. Цель статьи – предложить подход к систематизации англоязычных реалий системы высшего образования посредством онлайн-словарей тезаурусного типа. Материалом для исследования послужили около 2000 образовательных реалий, отобранных методом сплошной выборки с применением дефиниционной методики, сравнительного анализа и лингвокультурного комментирования из 5 онлайн-словарей. В статье обоснованы преимущества онлайн-словарей тезаурусного типа как эффективного инструмента отбора и упорядочивания исследуемых единиц. Совмещение идеографического и тезаурусного подходов к систематизации лексики позволяет достаточно полно охватить образовательные реалии и показать смысловые связи между ними. Предлагаемый подход к систематизации языковых единиц на основе онлайн-словарей тезаурусного типа представляется универсальным.

Ключевые слова: иностранный язык, английский язык, термин, реалия, предметная область, образование, система образования, высшее образование, словарь, тезаурус, словарь тезаурусного типа.

Для цитирования: Максимчик О.А. Англоязычные реалии сферы высшего образования: систематизация с помощью онлайн-словарей тезаурусного типа / О.А. Максимчик // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 94–110. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12551279>.

Введение. Интерес к образовательной сфере вызван прежде всего ее важнейшим значением как базовой культурной ценности и показателя уровня развития современного общества, а также необходимостью изменения системы российского образования после отхода от Болонской системы. При этом возрождение лучших образовательных практик уникальной отечественной системы образования не может не учитывать достижения в этой области других национальных сообществ. Особенно актуальными становятся исследования, посвященные реалиям стран изучаемых языков, поскольку они позволяют осветить наиболее эффективные образовательные модели, которые возможно адаптировать и реализовать в процессе пересмотра структуры высшего образования в РФ. При этом обращение к сфере образования других национальных сообществ осложнено постоянным появлением новых терминов, значительной разницей в образовательных системах, наличием непереводаемых на родной язык реалий, что создает объективные трудности для исследователей.

Продолжается интерес лингвистов к изучению языковых единиц, в том числе терминологических, как элементов различных предметных областей. Warburton отмечает важность «предметных полей» (subject fields) в качестве терминологических ресурсов [23] из-за возможности включения единиц в семантически-связанные группы. Описаны категориально-понятийная модель терминосферы предметной области «Дополнительное образование» [18]; и категориально-понятийное структурирование терминологии предметной области «Высшее образование» [2]. Исследователи отмечают расширение терминосферы образования за счет межотраслевого заимствования [11, 19]; ведутся разработки по составлению терминологических словарей [16]. В фокусе внимания остаются вопросы описания языковых единиц в качестве средств реализации отдельных концептов или элементов концептосферы: термин «учитель» рассмотрен в качестве ядерного компонента концептосферы «образование» [22]; концепты Teacher и Student описаны в американском медиадискурсе [21]; элитарное образование в Великобритании рассматривается в качестве важного компонента концепта Education [15]. Что касается исследований англоязычных единиц сферы образования, для нас особый интерес представляют работы, в которых выявлен культурный компонент их значения [20]; описана национальная специфика [13]; отмечено несоответствие культурных реалий в области лингводидактической терминологии в русском и английском языках [7]; рассмотрены проблемы функционирования английского языка в современном российском высшем образовании [8]. По-прежнему актуальны исследования, посвященные вопросам лексикографирования языковых единиц, в том числе в цифровом формате [3, 6], и тезаурусному подходу к их систематизации [4, 14, 12].

Вышеизложенное свидетельствует о неослабевающем интересе к образовательной сфере и способах ее изучения в лингвистическом аспекте проблемы. Вместе с тем необходимо отметить отсутствие исследований, посвященных комплексному описанию реалий сферы образования англоязычных стран, а обращение к онлайн-словарям тезаурусного типа не рассматривалось как возможный способ их систематизации.

Цель настоящей статьи – описать подход к систематизации англоязычных реалий сферы образования с помощью онлайн-словарей тезаурусного типа. Важным нам представляется обоснование предлагаемого подхода как эффективного универсального инструмента отбора и упорядочивания языковых единиц.

Материалы и методы исследования. *Объектом* настоящего исследования стали реалии сферы высшего образования англоязычных стран, прежде всего Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее – Великобритания) и Соединенных Штатов Америки (США), а также Канады, Австралии и Новой Зеландии. *Материалом* для исследования послужили словарные статьи, списки слов (Word Lists, Topics) и «облака слов» (Word clouds) 5 англоязычных онлайн-словарей: Cambridge English Dictionary (CAE) [25], Collins English Dictionary (CED) [26], Longman Dictionary of Contemporary English (LDOCE) [27], Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD) [29], Merriam-Webster Dictionary (MWD) [28]. Из этих источников методом сплошной выборки отбирались языковые единицы, отражающие образовательную сферу англоязычных стран. Дефиниционная методика и сравнительный анализ применялись для извлечения культурного компонента значения единиц, отражающих национальные системы образования, а лингвокультурный комментарий – для их описания. В общей сложности анализу были подвергнуты около 2000 образовательных реалий.

Основная часть. *Гипотеза* исследования состояла в следующем: большое количество и отсутствие тематического подхода к упорядочиванию англоязычных

реалий сферы образования осложняет их изучение; обращение к онлайн-версиям словарей в эпоху цифровизации представляется адекватным способом отбора языковых единиц, а идеографический и тезаурусные подходы облегчают их систематизацию. Для проверки гипотезы необходимо решить ряд задач: обосновать используемую терминологию, составить корпус языковых единиц сферы образования на основе ряда англоязычных онлайн-словарей, рассмотреть их преимущества для отбора и упорядочивания англоязычных реалий высшего образования.

Несмотря на то, что описание *реалий* как языковых единиц, отражающих национально-культурную специфику, имеет многолетнюю историю, в лингвистике до сих пор однозначно не решен вопрос о содержании этого понятия и не существует общепринятого определения реалий. Исследователи указывают на двоякую природу реалий: они обозначают и сами предметы (явления), присущие национальной общности, а значит обладающие национальным колоритом, и их наименования: слова (словосочетания), используемые для обозначения таких понятий, которые, как правило, не имеют точных лексических соответствий в других языках [17, с. 10]. При более широком подходе к определению объема понятия «реалия», которого мы придерживаемся, в круг исследуемых единиц возможно включать как языковые единицы, которые отсутствуют или полностью отличаются в сопоставляемых языках (и являются по сути безэквивалентными), так и языковые единицы с частичными отличиями (которые отличаются семантическими долями лексических значений).

Нерешенным также остается вопрос о соотношении языковых реалий и *терминов*, точнее о том, могут ли термины обладать национальной спецификой. Для нас определяющим для разграничения терминов и реалий является специальный характер терминов, которые преимущественно создаются искусственно, чтобы охватить определенную область научного знания, характеризуются точностью и системностью, стремятся к однозначности, обладают интернациональностью и универсальностью. Примерами терминов интересующей нас сферы образования могут быть такие единицы, как *student, university, higher education*. Реалии же возникают в ходе естественного развития языка, обозначают предметы, явления и понятия определенной лингвокультуры, а значит характеризуются национальным колоритом, обладают образностью, могут быть стилистически окрашены и не всегда переводимы на другой язык (*grammar school – in the UK, a school that clever children over 11 years old can go to if they pass a special exam*; средняя школа (в Великобритании)); *another word for elementary school (= a school for children from the ages of five to eleven in the US)*; начальная школа (в США) [25]. Именно эти свойства языковых реалий позволяют включить в нашу выборку не только отдельные слова, но и словосочетания, в том числе устойчивые, и целые предложения (паремии, цитаты, слоганы образовательной тематики). Кроме того, наш подход не оставляет за рамками исследования ономастические единицы, включая топонимы с культурно-историческими ассоциациями и антропонимы – имена реальных личностей, связанных со сферой образования, наименования важных событий в истории образования и официальных документов, названия учреждений образования и т.п., и которые, конечно, не могут считаться терминами.

С другой стороны, несмотря на то, что общие понятия образовательной сферы универсальны (например, деление системы образования на уровни, такие типы образовательных учреждений, как школы и университеты), а значит вполне понятны представителям разных лингвокультур, а также переводимы, даже эти понятия, преломляясь в контексте национальной системы образования, обладают

определенными лингвокультурными особенностями. Так, английская единица *faculty* имеет, по крайней мере на первый взгляд, лексическое соответствие в русском языке «факультет» (учебное, научное и административное подразделение вуза, объединяющие кафедры и осуществляющее подготовку студентов и аспирантов по определенной специальности), однако более пристальное рассмотрение дефиниций *faculty* раскрывает национальную специфику этой единицы: *Faculty* – 1. *a department or group of related departments in a college or university*; 2. *all the teachers in a faculty of a college or university*; 3. *(often the faculty) (North American English) all the teachers of a particular university or college*; 4. *any of the physical or mental abilities that a person is born with*; 5. *faculty of /for (doing) something (formal) a particular ability for doing something* [29]. Таким образом, *faculty* в зависимости от передаваемого значения и варианта языка может обозначать подразделение(я) колледжа или университета (*the Faculty of Science / Arts*), а также преподавательский состав (*a faculty member*), и даже умственные способности (*sharpen someone's critical faculties*) [25], что свидетельствует о национальной специфичности языковой единицы, а значит она представляет интерес для настоящего исследования.

Ю.Б. Цверкун, вслед за В.А. Иконниковой, определяет единицы, в значение которых входит информация о реалиях культуры отдельного территориального сообщества, как «терминологические единицы с культурным компонентом значения» [19, с. 110]. Несмотря на то, что такой подход к выделению особой группы терминов представляется нам любопытным, а с учетом того, что многие рассматриваемые единицы имеют территориальные пометы в лексикографических источниках (*British, North American English, in the US, in England, at Oxford, etc.*), в некоторой степени даже оправданным, все же, учитывая отсутствие унифицированной образовательной терминологии (даже в рамках вариантов английского языка, не говоря уже об отсутствии лексических эквивалентов для многих единиц в русском языке), для задач настоящего исследования считаем приемлемым использование более широкого понятия «реалия». Под *реалиями сферы образования* мы понимаем слова (словосочетания), обозначающие понятия, отражающие национальное своеобразие (специфику) систем образования лингвокультурных сообществ, и, как правило, не имеющие точных соответствий в сопоставляемых языках. Таким образом, основной терминологический вопрос оказывается решенным.

Определив объект исследования в виде англоязычных реалий сферы образования, мы должны ограничить поле исследования и определить их инвентарь. К сфере нашего интереса относится *предметная область* «Образование», которая как часть объективно существующего реального мира (включающая множество его фрагментов, объектов, процессов, явлений, свойств и отношений между ними), связанная с определенной профессиональной сферой и подлежащая изучению, подразумевает прежде всего комплекс общекультурных знаний о специфике образовательных систем, а также лингвистических знаний о реалиях, отражающих эту специфику в языке. *Систематизацию* знаний о предметной области можно представить как построение системы понятий определенной профессиональной сферы на основе анализа всего комплекса существующих знаний о той или иной части мира (жизнедеятельности человека) путем создания ее понятийно-категориального аппарата. В процессе систематизации происходит упорядочение понятий и терминов (языковых знаков), структурирование отобранных специальных единиц предметной области (по сути – специальности) в виде организованной совокупности, с выделением иерархических логико-семантических связей между его элементами.

Следующая проблематика, которая стоит перед исследователями лексических единиц образовательной сферы, это определить, какие языковые реалии наиболее полно и адекватно отражают специфику национальных образовательных систем англоязычных стран. Попытка разрешить возникающую сложность отбора языковых единиц осложнена их значительным количеством, постоянным появлением новых терминов, отсутствием унификации в системах образования англоязычных стран и разницей с образовательной системой своей страны, поиском способов передачи непереводаемых на родной язык реалий. Значительное количество реалий искомой тематики ставит вопрос об их упорядочивании, однако приходится констатировать отсутствие авторитетного лексикографического источника, который был бы посвящен образовательным реалиям англоязычных стран и рассматривал их комплексно с учетом национального своеобразия. Преимущественно алфавитный способ группировки образовательных реалий в рамках различных списков слов и глоссариев не способствует их лучшему осмыслению и не отражает системный подход к лексике. Вышеописанные проблемы изучения иноязычных реалий сферы образования создают объективные трудности для исследователя, а значит возникает проблема отбора и систематизации искомых единиц. Наша попытка предложить классификацию реалий школьного образования представлена в [9].

Структурирование лингвистической информации, в том числе в виде системного лексикографического упорядочивания посредством словарей-тезаурусов, имеет давнюю историю, со времен тезауруса П. Роже. При этом представление о тезаурусе как о словаре, «который в явном виде фиксирует семантические отношения между составляющими его единицами» [5, с. 148], и для которого характерна подача лексики семантическими рядами с перекрестными ссылками [1, с. 27], расширяется за счет появления терминологических тезаурусов, которые отражают определенную предметную область [1, с. 27] и позволяют очертить границы терминологического поля отдельной профессии [10, с. 197], а позже – электронных информационных баз, когда тезаурус понимается как «полный систематизированный набор данных о какой-либо области знания, позволяющий человеку или вычислительной машине в ней ориентироваться» [24]. Для задач настоящего исследования интерес представляют не специализированные (терминологические) тезаурусы, а более объемные общеязыковые тезаурусы, которые содержат не только преимущественно существительные-термины, а весь лексический состав языка, включая устойчивые сочетания, стилистически маркированные единицы.

В современную цифровую эпоху, в период активного развития компьютерной, корпусной и онлайн-лексикографии тезаурусы все чаще представлены не словарями синонимов или терминологическими глоссариями определенной профессии, а частями более мощных электронно-информационных ресурсов, элементами комплексных, интегрированных словарей [3, с. 189], которые мы предлагаем называть *словарями тезаурусного типа*. При этом важным для нас для признания словаря словарем тезаурусного типа является то, что такой словарь содержит лексические единицы с указанием семантических связей (синонимических, родо-видовых, ассоциативных и др.) между ними и который, по причине построения «от значения к слову» и «от слова к значению» и возможности структурирования схожих по смыслу языковых единиц, тематически объединяет слова в рамках определенной предметной области, тем самым способствуя формированию целостного представления о ней. Кроме того, такие словари чаще всего имеют учебную направленность. В нашем определении *учебный словарь тезаурусного типа* – это предназначенный для учебных целей словарь, в

котором помимо дефиниций слов, наглядно представлены логико-семантические отношения между лексемами, в том числе определенной предметной (тематической) области.

Попробуем обосновать, как учебные словари тезаурусного типа отражают системный подход к лексике и обозначим те преимущества, которые они имеют при реализации в цифровой среде. Прежде всего это удобство для пользователя из-за охвата большего объема информации, облегченного и ускоренного поиска, наглядности в подаче материала. Далее, их учебный характер, направленность на помощь в освоении иностранного языка, способствует эффективному усвоению иноязычной лексики, в том числе тематической, а следовательно, расширению словарного запаса. Это становится возможным за счет фиксации синтагматических связей (линейных отношений в потоке речи) через наличие в словарных статьях примеров коллокаций с изучаемым словом, иллюстративных предложений его использования из СМИ, языкового корпуса. Кроме того, мультимедийная фонологическая информация укажет на различия вариантов произношения. Включение графических изображений объектов задействует образную составляющую. Возможность дополнения словарной статьи энциклопедическим материалом позволяет более подробно рассмотреть фрагмент предметной области. Фиксация парадигматических связей через вкладки Synonyms / Thesaurus, перекрестные и гиперссылки делает более наглядными семантические отношения между лексическими единицами (отношения синонимии, паронимии, омонимии, гипонимии и гиперонимии). Наличие специально созданных тематических подборок или «облаков слов» (Word Lists, Topics, Word clouds) отражает системный подход к лексике, а включение общеязыковой лексики, в том числе стилистически маркированной, позволяет лучше представить содержание и структуру определенной предметной области, чем это возможно в узконаправленных терминологических тезаурусах. Это позволяет расширить границы терминологического поля, представленного в основном слово-терминами, за счет рассмотрения фразеологизмов, афоризмов и т.п. Вышесказанное позволяет нам рассматривать онлайн-словари тезаурусного типа в качестве инструмента отбора и упорядочивания языковых единиц определенной предметной области.

Проиллюстрируем возможности онлайн-словарей тезаурусного типа для систематизации образовательных реалий на материале 5 англоязычных онлайн-словарей: Cambridge English Dictionary (CAE) [25], Collins English Dictionary (CED) [26], Longman Dictionary of Contemporary English (LDOCE) [27], Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD) [29], Merriam-Webster Dictionary (MWD) [28]. В соответствии с принятым подходом из указанных лексикографических источников мы отобрали языковые реалии, отражающие образовательную сферу англоязычных стран. При этом наш подход позволяет преодолеть ограничения терминологического словаря, состоящего из узкоспециальных слов определенной профессиональной сферы, и рассмотреть не только лингвокультурные реалии, отражающие национально-культурную специфику и содержащие соответствующие пометы, но и общенаучную и общеупотребительную лексику, которая используется в профессиональном общении, а также стилистически маркированную лексику, фразеологизмы, идиомы и т.п. При этом имеющиеся на сайтах онлайн-словарей тематические подборки слов облегчают процесс составления корпуса реалий, отражающих особенности образовательных систем англоязычных стран, предлагая изучить единицы, упорядоченные в рамках отдельных тем и подтем.

На сайте CED есть возможность изучения «списков слов» через вкладку Word Lists (доступ к Word Lists в алфавитном порядке по ссылке: <https://www.collinsdictionary.com/browse/word-lists/wordlists-starting-with-a>). Сферы образования отражают 3 тематические подборки, содержащие в общей сложности 436 единиц: 1) Education terms (всего 278 единиц), 2) Degree (74), 3) Schools, colleges, and universities (84). Во всех 3х подборках есть реалии сферы высшего образования, однако их необходимо отделить от реалий школьного, профессионального или дополнительного образования, при этом некоторые реалии характеризуют более одного типа образования (*college – a school or an institution providing specialized courses or teaching*). Языковые единицы в подборках представлены в алфавитном порядке, содержат кликабельные ссылки на более подробные словарные статьи, сопровождаются краткими дефинициями (*alma mater – one's school, college, or university*), однако иногда приведенная дефиниция не соответствует значению лексемы в контексте тематической группы (*degree – a stage in a scale of relative amount or intensity*; вместо *a course of study that you take there, or the qualification that you get when you have passed the course*); или дано только одно значение (*junior – of or relating to schoolchildren between the ages of 7 and 11 approximately*; без указания *(in the US) a student in the third year of a high school or university course*). Для некоторых единиц указана страна использования: *civic university (British)*; *A bursary (New Zealand)*; *full professor (US, Canadian)*. Также даны стилистические пометы: *academe (literary)*; *university or (informal) uni*. В подборках реалии могут быть выражены аббревиатурами (их особенно много в Degree: *LLB, MD, MTech, DLitt*). Кроме того, встречаются достаточно разноплановые единицы: конкретные и абстрактные существительные, относящиеся к тематике образования (*dean, grant, subject, homework, education*), прилагательные (*academic, educational*), глаголы (*accredit, comedown, educate*), наречия (*summa cum laude*), словосочетания, в том числе имена собственные (*land grant university, Doctor of Letters, Open University*).

Языковые единицы, даже сгруппированные в рамках одной из трех подборок, могут отражать различные тематические подгруппы. Помимо квалификаций и научных степеней (преимущественно представленных в подборке Degree) (*baccalaureate, honours, BA, Master of Arts, Doctor of Medicine*); а также типов учебных заведений и их подразделений (преимущественно в Schools, colleges, and universities) (*campus university, grant-maintained, college of advanced technology, department*); представлены: системы оценивания и экзамены (*continuous assessment, test, flunk, Greats, prelims, invigilator, proctor*); наименования обучающихся и выпускников (*commoner, fresher, mature student, postgraduate, alumnus*); администрация, преподаватели и работники учебных заведений (*chancellor, assistant, lecturer, senior, visiting professor, supervisor, bedder, porter*); курсы, программы и формы обучения (*sandwich course, curriculum, coursework, lecture, seminar*); время обучения (*Hilary term, semester, session*); плата за обучение и гранты (*tuition, bursarship, grant-in-aid*); официальные собрания и церемонии (*convocation, graduation*); академическая одежда (*gown, hood*) и др.

На сайте LDOCE языковые единицы сферы образования представлены в 4х подборках (общим количеством 590 единиц) (доступ к разделу Browse topics по ссылке: <https://www.ldoceonline.com/browse/topics.html>): 1) Education (всего 234); 2) Pre school (8); 3) School (173); 4) College (175). Для отбора реалий сферы высшего образования были проанализированы 1я и 4я из них. Единицы в тематических подборках кликабельны, даются в алфавитном порядке, представлены словами разных частей речи (*educator, professorial, read, third, cum laude*), аббревиатурами (*U., Univ., coed, dorm, IQ*),

словосочетаниями (*hall of residence, business studies*), стилистически маркированными единицами (*Big Man on Campus informal; coed old-fashioned; uni spoken*). Реалии подборки освещают такие подтемы, как: виды занятий, учебная деятельность и методы обучения (*practical, tutorial, case study*); предметы и курсы (*subject, elective, major, sandwich course, history, computer science*); изучение языков (*ESL, ESP*), экзамены (*midterm, oral, blue book*); почетные звания и ученые степени (*Cantab, doctorate, master's, first class, BSc, MBA, PHD*); администрация и преподавательский состав (*vice-chancellor, associate professor, don, tutor, chair*); студенты, студенческие сообщества (*dean's list, major, undergraduate, upper class woman, sophomore, Phi Beta Kappa, student union*); финансы (*financial aid, scholarship*); учебные заведения и их части (*grad school, medical school, the OU, polytechnic, dormitory, hall*); учебное и каникулярное время (*quarter, term, spring break, vacation*); и т.п. При этом одну единицу можно включить в разные подгруппы в зависимости от значения: *class – a group of students who are taught together* (группа Обучающиеся); *one of the three levels of a university degree* (Научные степени); *period of time during which someone teaches a group of people* (Время обучения); *a series of classes in a particular subject* (Обучение); *informal a high level of style or skill in something* (Навыки).

На сайте OALD доступ к «тематическому словарю» Topic Dictionary осуществляется через вкладку Word Lists (<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/topic/>). Интересующие нас языковые единицы находятся в подразделе Education более крупного раздела People (<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/topic/category/people>). Тематический блок Education представлен 11 подгруппами (общим количеством 580 единиц). Искомые реалии сферы высшего образования (иногда наряду с реалиями, отражающими школьное и профессиональное образование) обнаруживаем в 7 из них: 1) Access to education (всего 41 единица), 2) Degrees (37), 3) Exams and Assessment (83), 4) Subject and courses (75), 5) Teaching and learning (68), 6) Universities and colleges (37), 7) University people (39). Остальные 4 подборки относятся к школьному образованию: In school (42), People in schools (47), School life (69), Types of school (42). Несмотря на более дробное членение, только единицы в подборке University people (*dean, don, fellow, provost, academic, prof*) относятся к сфере высшего образования, или преимущественно высшего образования, как в подборках Degrees (*BA, dissertation, first class, doctorate*) и University and colleges (*fraternity, sorority, lecture theatre, tenure, red-brick*). В 4х оставшихся единицы могут относиться к системе образования в целом, или должны быть дифференцированы от реалий другого вида образования: Access to education (*attendance, admission, dropout, expulsion, enrolment*); Exams and Assessment (*Ofsted, assessor, candidate, F, invigilation, revise*); Subject and courses (*cross-disciplinary, compulsory, elective, foundation course, business studies, ICT*); Teaching and learning (*academic freedom, blended learning, learning difficulty, flipped classroom, Makaton™, VLE*).

Единицы внутри подгрупп даны в алфавитном порядке, есть возможность их упорядочивания по уровню языковой сложности от A1 (*class, book, test, practise, course*) до C2 (*alumni, commencement, EdTech*). Единицы представлены не только конкретными или абстрактными существительными (*absentee, absenteeism*) и словосочетаний с ними (*core competency, grade point average*), аббревиатурами (*ESOL, SEN, Hons, STEAM*), но и словами других частей речи: глаголами (*ditch, matriculate*), прилагательными (*collegiate, postdoctoral*), наречиями (*pass-fail*), фразовыми глаголами (*drop out, major in, mark down, swot up on*), а также именами собственными (*Oxbridge*).

Сайт CAE не содержит специальных тематических подборок, однако в словарные статьи включена опция SMART Vocabulary: related words and phrases, позволяющая создавать объемные семантически связанные «облака слов». Для случайно отобранных единиц *education, higher education, student, teacher, exam, degree, college, class, subject, learn, skill, language* доступны такие «облака слов», как: Teaching in general (*didactic, hothouse, interactive whiteboard, Moodle, self-education*); Types of education (*asynchronous, CAL, distance education, hybrid, m-learning, virtual learning environment*); University & college education (*Cantabrigian, Oxon, town and gown, unselective*); Students & pupils (*LEP, postgraduate, undergrad*); Teachers (*academician, educationalist, non-faculty*); Exams, tests & exercises (*achievement test, get through, examinee, sit, TOEFL, viva*); Qualifications: university & college (*emerita, pass degree, postdoc, tripos*); Organizations, Societies & clubs (*Assoc., collegium, insignia*); Classes & courses (*academic year, access course, HyFlex, set text*); Subjects & disciplines (*civics, Divinity, EAP, Germanist, hard science*); Learning & knowing (*acquisition, associative learning, be no stranger to something, cram*); Skill, talent and ability (*accomplishment, capability, command, endowment, know your stuff, proficiency*); Linguistic terms & linguistic style (*anaphoric, colloquial, folk etymology, lexeme, semantics*). Таким образом, возможность поиска «облаков слов» ограничена лишь умением исследователя делать правильный запрос. В подборках представлены слова разных частей речи, включая аббревиатуры (*ents, UCAS, IELTS, UTC*), словосочетания (*centre of excellence*), фразеологизмы (*come down, teach someone to the ropes, the groves of academe*), имена собственные (*Eton, the Ivy League*). При выборе варианта English-Russian в опции Choose a dictionary появляется возможность перевода единиц (но не всех), так, в зависимости от значения слово *college* переводится как *колледж, старшие классы средней школы (a sixth-form college, a teacher-training college)*, как *университетский колледж (Cambridge / Oxford colleges)* и как *университет*.

Таким образом, идеографический подход к систематизации лексики в рассмотренных онлайн-словарях тезаурусного типа реализуется за счет ее тематического упорядочивания (наличие вкладок Topics / Wordlists или возможность построения «облака слов»), что способствует составлению корпуса реалий сферы высшего образования англоязычных стран и их первоначальному распределению в рамках тематических групп. Тематический подход к систематизации единиц намного удобнее их алфавитного представления, и, на наш взгляд, способствует лучшему их усвоению. Однако, для создания иерархии внутри совокупности образовательных реалий понадобится их более дробное членение. Так, в рамках крупной темы University education можно выделить подтему People in Universities and Colleges, которая в свою очередь может быть разделена на такие группы и подгруппы, как University Staff: Administration; Teachers at University; Service staff; Students and learners: General; Age; Good Students; Bad Students; Groups of students; Language Learners; etc. Кроме того, в рассмотренных подборках мало представлены ономастические реалии и не представлены реалии афористического уровня: паремии, цитаты, слоганы и т.п. Есть лишь некоторые цитаты, например, в словарных статьях *education, university* в разделе Quotations CED (E.g. *Ask me my three main priorities for government and I tell you: education, education, education. Tony Blair*). Вышесказанное свидетельствует о недостаточности обращения лишь к тематическим подборкам слов для составления полноценного корпуса реалий сферы высшего образования англоязычных стран.

Отметив недостатки онлайн-словарей тезаурусного типа, рассмотрим их преимущества в части эксплицитного указания на синтагматические и

парадигматические отношения между единицами, на примере случайно отобранной единицы *college*. Нас интересовали прежде всего следующие значения: *college – (US) a university where you can study for an undergraduate (= first) degree; one of the separate and named parts into which some universities are divided* [25]. Сочетаемость и контекстуальные возможности слов раскрываются в таких частях словарной статьи или отдельных вкладках, как Collocations и Examples / Sentences.

Примеры использования лексем в предложении даются как в самой словарной статье (некоторые из которых можно прослушать, например в CED, LDOCE), так и в отдельных вкладках (Sentences, Examples, Extra examples), включая примеры из языкового корпуса: в LDOCE, CAE (Cambridge English Corpus), CED (the Collins Corpus), в том числе примеры из СМИ: в CED из таких авторитетных газет, как *The Guardian, Sunday Times, etc.* (есть отдельная вкладка Sentences в поисковой строке); в MWD – из *CNN, NBC News, etc.* (раздел Recent Examples on the Web). Так, в CAE для *college* в общей сложности представлено свыше 100 иллюстративных предложений.

Относительно примеров коллокаций, в LDOCE раздел Collocations встроен в словарную статью, единицы распределены по частям речи, и каждое словосочетание сопровождается примером. Так, для *college* доступны сочетания verb + college (*attend (a) college*), adjectives / noun + college (*a tutorial college*), college + noun (*a college student / teacher / lecturer*). Кроме того, дополнительная вкладка More results справа словарной статьи вводит некоторые реалии американской (*Vassar College, Dartmouth College*) и британской (*Imperial College, the Royal College of Art, the Royal College of Music, the Royal College of Nursing*) сфер высшего образования, названия экзаменов (*College Boards*), частей учебных заведений (*King's College Chapel*), благотворительной организации (*United Negro College Fund*).

В OALD коллокации представлены как внутри словарной статьи после дефиниций (выделены жирным шрифтом) (*out of college, a college student / graduate / professor*), так и через вкладки SEE ALSO и Other results, в которых обнаруживаем дополнительные реалии, в том числе названия колледжей Англии (*Imperial College London, King's College, Cambridge, University College, London*), США (*Vassar College (also Vassar)*). Среди сочетаний обнаруживаем идиому с *college* (*work your way through college*). Кроме того, дополнительная вкладка Collocations по теме Education содержит разделы со словосочетаниями, тематически связанными с получением высшего образования (при необходимости указан вариант английского языка и дана стилистическая помета): University (*apply to / get into / go to / start college / (BrE) university; (both AmE) major / minor in biology / philosophy*); Work and exams (*take / (both BrE) do / sit a test / an exam; pass / fail / (esp. AmE, informal) flunk a test / an exam / a class / a course / a subject*); Learning (*hold / run / conduct a class / seminar / workshop*).

В CAE, помимо представленных и выделенных жирным шрифтом в словарной статье коллокаций (*in college, go to college college professor*), дополнительные словосочетания представлены во вкладке More meanings (*liberal arts college*). Здесь также указаны производные слова (*non-college, post-college, sub-college*).

В CED список словосочетаний с *college* дан в разделе COBUILD Collocations (*college dorm, college graduation, college textbook, residential college*). При переходе по кликабельной ссылке приведены примеры их использования в предложении, и дан начальный отрывок словарных статей для отдельных слов в составе словосочетания. Недостатком является то, что это может быть другое словарное значение, отличное от используемого в словосочетании. Так, для сочетания *college credit* предлагаемое в

отрывке значение *credit* (*If you are allowed credit, you are allowed to pay for goods or services several weeks or months after you have received them*) не может считаться адекватным. При переходе на полную словарную статью находим подходящее значение: *A credit is a successfully-completed part of a higher education course. At some universities and colleges you need a certain number of credits to be awarded a degree.* Тем не менее, наличие таких подборок, как COBUILD Collocations значительно облегчает изучение образовательных реалий. Более того, словарь предоставляет еще одну возможность пополнить список словосочетаний, где искомое слово является начальным, за счет поиска через опцию Browse alphabetically (*college alumni, college attendance, college library*). Для большинства из них приводятся примеры использования и даются дефиниции отдельных слов, но для некоторых представлены словарные определения всего словосочетания (*college graduate, college of advanced technology, college radio*), в том числе идиоматического характера (*college try*). Интерес представляют и производные единицы (*college-bound, college-preparatory*). И, наконец, есть еще одна возможность пополнить корпус реалий за счет специального раздела Related terms, который предлагает список терминов, тематически связанных с искомым словом, данных с дефинициями (*city college – an educational institution providing higher education and lower-level tertiary education in the US and Canada*). Однако и здесь для некоторых единиц представлено определение ключевого слова, а не всего словосочетания, что затрудняет понимание (*top university – a university is an institution where students study for degrees and where academic research is done*).

MWD в составе словарных статей искомого слова *college* предлагает незначительное количество кликабельных единиц через опции Phrases Containing college (*apply for college, college / student deferment, cow college, give it the old college try, state college, teachers college*), некоторые из которых являются не словосочетаниями, а производными словами (*pre-college, sub-college*) или не относятся к сфере высшего образования (*electoral college, sixth form college*). Несмотря на то, что на этом ресурсе также есть доступ к алфавитному представлению единиц через вкладку Dictionary Entries Near college, число предлагаемых единиц с начальным элементом *college* незначительно (*university college, College Board, college scrip, college spirit*) и не все из них относятся к теме образования (*college ice, college of arms (or college of heralds)*).

Таким образом, несмотря на некоторые сложности в отборе единиц с искомым значением, приведенные примеры коллокаций и предложений на сайтах словарей тезаурусного типа позволяют значительно пополнить корпус образовательных реалий.

Помимо вышеуказанных логико-семантических связей между единицами, некоторые из рассмотренных словарей предоставляют возможности сравнивать искомые единицы в группе схожих единиц через встроенные тезаурусы (CAE, LDOCE, CED, MWD). В LDOCE раздел Thesaurus является частью словарной статьи: так, разница между смежными единицами *university* и *college* показана в разделе Thesaurus словарной статьи *university: university – a place where you can study a subject at a high level to get a degree; college – in Britain, a place where you can study after you finish secondary school, especially to train for a job. In the US, a place where you can study and get a bachelor's degree.* При выборе в поисковой строке опции Thesaurus в CAE для существительного *college* доступно 5 синонимов (*university, seminary, academy, institute, lyceum*). MWD в разделе Synonyms & Similar Words предлагает 65 синонимов для лексемы *college* в значении *as in organization (a group of persons formally joined together for some common interest)* (опция Thesaurus в поисковой строке). При этом интенсивность цвета указывает на большую семантическую схожесть слов (*institution,*

institute, organization, association, board, fraternity society). Хотя в CED есть опция выбора между Dictionary и Thesaurus при поиске слова, синонимы к *college* отсутствуют. Для сравнения поиск синонимов к *school* оказался более успешным, словарь предлагает развернутую систему синонимов для целого ряда значений лексемы *school* (*in the sense of academy, group, class, doctrine, institution, seminary, etc.*). Так, для значения *in the sense of institute* (*an organization set up for a specific purpose, especially research or teaching*) приведены такие синонимы, как *establishment, body, centre, school, university, society, association, college, institution, organization, foundation, academy, guild, conservatory, fellowship, seminary, seat of learning*; а для *in the sense of institution* (*a large important organization such as a university or bank*) – *establishment, body, centre, school, university, society, association, college, institute, organization, foundation, academy, guild, conservatory, fellowship, seminary, seat of learning*.

OALD не имеет подобной функции выбора между словарем и тезаурусом, но тем не менее словарные статьи в нем также организованы в виде гипертекста, что позволяет детально сравнивать языковые единицы за счет дополнительных опций (синонимов, ассоциаций, смысловых коррелятов и т.п.). Так, словарные статьи *university* и *college* во вкладке British / American содержат описание различий между этими лексемами в британском и американском вариантах английского языка: In both British English and North American English a *college* is a place where you can go to study after you leave secondary school. In Britain you can go to a college to study or to receive training in a particular skill. In the US you can study for your first degree at a college. A *university* offers more advanced degrees in addition to first degrees. In North American English *college* is often used to mean a university, especially when talking about people who are studying for their first degree. Схожую функцию имеет вкладка More about, также раскрывающая лингвокультурную (региональную) информацию и разницу между значениями единиц в вариантах английского языка (*student, undergraduate, graduate, postgraduate*). Небольшой справочный текст о разнице в значениях реалий *college* и *university* также доступен на сайте MWD (<https://www.merriam-webster.com/grammar/difference-between-lawyer-attorney-college-university-lager-ale>).

Единицы в OALD могут объединяться в группы по разным основаниям. Так, вкладка Wordfinder соотносит слово *education* с обширной группой смежных слов: *course, distance learning, exam, further education, graduate, higher education, qualification, study, tertiary; degree, dissertation, hall of residence, lecture, major, seminar, tutorial, university*. Позволяет подобрать более точную единицу среди синонимов использование вкладок Synonyms (*right or correct; examine, analyse, review, study, discuss; check, inspect, go over*) и Vocabulary Building (Learning – *learn, study, revise, practise, rehearse; Teach and teachers – teach, educate, instruct, train, coach, tutor; teacher, instructor, trainer, coach, tutor*). Во вкладке Homophones приведены примеры омофонов искомого слова (*principal vs. principle*); а вкладка Which Word фокусирует внимание на различиях т.н. confusable words (*continuous vs. continual*). Вкладки Express Yourself и Language Bank помогают развивать устную и письменную речь за счет включения слова в группу единиц, выражающих схожую функцию (*Giving examples, Saying what a text is about*). Вкладка Word family вводит однокоренные слова (*able adjective (≠ unable), ability noun (≠ inability)*).

Кроме того, в словарях может быть представлена историко-культурная информация через обращение к этимологии слова (вкладки Word Origin – в OALD, CED; Origin – в LDOCE; Word History – в MWD): *college – late Middle English: from Old French, from Latin collegium ‘partnership’, from collega ‘partner in office’, from col-*

'together with' + *legare* 'depute' [29]. Дополнительная лингвокультурная информация в OALD содержится в разделе Culture в виде небольшой справки (*state university* – (*AmE also state school*) *a university that is managed by a state of the US. Culture: State universities are supported by state taxes. Every state has a main university, usually with the state's name, such as the University of Alabama or the University of Colorado. Most states also have other state universities, and all have several state colleges*) или целого развернутого страноведческого текста энциклопедического характера (*Higher education, the Ivy League, Oxbridge, Student life*). При этом содержащиеся в текстах реалии выделены, некоторые снабжены кликабельными ссылками, позволяющими перейти к соответствующей словарной статье и детально изучить их значение. Наличие справочной информации в виде целого текста с выделением реалий значительно упрощает осмысление их этнокультурной специфики.

Таким образом, мы показали, какие существуют возможности для отбора и упорядочивания англоязычных реалий сферы образования посредством учебных онлайн-словарей тезаурусного типа. Систематизация сведений о предметной области «Образование» происходит за счет группировки реалий в составе тематических групп и подгрупп и эксплицитных указаний на семантические отношения между языковыми единицами. Переход к соответствующему разделу (*Dictionary / Thesaurus*) словаря или навигация внутри словарной статьи, система перекрестных и гиперссылок, позволяют пользователю сформировать детальное представление о лексеме, ее лингвокультурных особенностях, логико-семантических связях с другими языковыми единицами и месте в совокупности смежных единиц. Полученные результаты подтверждают гипотезу исследования, что обращение к онлайн-словарям тезаурусного типа представляется адекватным способом изучения языковых единиц сферы образования. Это становится возможным благодаря удобному отбору реалий из существующих тематических подборок и пополнения выборки за счет эксплицитных семантических связей между схожими по разным основаниям единицами. Дальнейшее иерархическое упорядочивание специально отобранных единиц в рамках подробной тематической классификации будет способствовать целостному представлению об изучаемой предметной области.

Заключение. Итак, целью настоящего исследования было предложить способ систематизации англоязычных реалий сферы образования. Был обоснован подход к наименованию исследуемых единиц реалиями, а не терминами, что позволяет охватить больше разнородных языковых единиц. К основным проблемам изучения мы отнесли их значительное количество, отсутствие унификации и тематического упорядочивания, территориальные различия, несоответствие понятий в родной и иноязычной культурах. Мы предложили подход к упорядочиванию реалий образовательной сферы через обращение к онлайн-словарям тезаурусного типа. Определив понятие «словарь тезаурусного типа», мы последовательно описали преимущества 5 онлайн-словарей английского языка как инструмента отбора и систематизации образовательных реалий, основными из которых, помимо большого объема материала и удобства для пользователя, считаем возможности включения единиц в тематические группы и эксплицитное указание на семантические связи между ними. В общей сложности наша выборка составила около 2000 единиц, охватывающих системы образования англоязычных стран, что вполне репрезентативно для задач настоящего исследования. Идеографический подход к систематизации лексики в рассмотренных источниках реализуется через тематические рубрики, а тезаурусный подход позволяет показать смысловые связи в пределах определенной предметной области и изучить близкие по

смыслу единицы в группировках по разным основаниям. В отличие от обычного словаря, к которому мы обращаемся, когда хотим узнать значение конкретного слова, онлайн-словари тезаурусного типа помогают найти новое слово (словосочетание) со схожим значением и значительно пополнить корпус исследуемых единиц. Мы отметили пользу готовых тематических подборок единиц, доступных на сайтах рассмотренных словарей, возможности эксплицитного представления логико-семантических отношений между единицами, однако, по необходимости, указали на некоторые недостатки.

Предлагаемый подход к описанию англоязычных реалий посредством учебных онлайн-словарей тезаурусного типа позволяет достаточно полно охватить систему высшего образования и комплексно рассмотреть, и систематизировать образовательные реалии, с учетом их национального своеобразия, а значит способствует более глубокому представлению о системах образования англоязычных стран, их структуре и составных элементах. Таким образом предлагаемый подход к систематизации языковых единиц определенной предметной области на основе онлайн-словарей тезаурусного типа представляется обоснованным и подкрепленным полученными результатами, а значит является универсальным и может быть использован для описания единиц других тематических групп и предметных областей. Перспективу исследования видим в уточнении инвентаря реалий высшего и других этапов образования и создании подробной тематической классификации англоязычных реалий образовательной сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмукевич И.В. Моделирование двуязычного терминологического тезауруса по авиации / И.В. Асмукевич // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 11 (29): В 2 ч. Ч. II. – С. 26–30.
2. Борисова Т.Г. Терминология предметной области «Высшее образование»: специфика категориально-понятийного структурирования / Т.Г. Борисова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 4. – С. 186–192 <http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.23>.
3. Воронцова И.А. Современные практики англоязычной онлайн-лексикографии / И.А. Воронцова // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 1 (28). – С. 186–194 <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-186-194>.
4. Жучкова И.И. Преимущества компьютерной реализации гипертекстового тезауруса английских терминов по лингвистике текста / И.И. Жучкова // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: материалы V Междунар. научной конференции. – Тольятти: Тольяттинский гос. ун-т, 2015. – С. 232–238.
5. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 363 с.
6. Карпова О.М. Цифровая лексикографическая парадигма (на материале новых словарей английского языка) / О.М. Карпова // Современная германистика и западноевропейская литература. – Вып. 4. – М.: Флинта, 2022. – С. 273–294.
7. Копыловская М.Ю. Лингводидактическая терминология: проблемы и вызовы современности / М.Ю. Копыловская // Универсальное и национальное в языковой картине мира. – Минск: МГЛУ, 2022. – С. 179–181.
8. Кренева И.В. Обзор современных реалий использования английского языка как среды преподавания в системе российского высшего образования / И.В. Кренева, А.А. Купряхина // Проблемы модернизации языкового образования. Иностранные языки. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2022. – С. 78–82.
9. Максимчик О.А. Англоязычные реалии системы образования: классификация и систематизация посредством учебного тематического глоссария / О.А. Максимчик // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2024. – Вып. 10, № 1. – С. 124–143.
10. Марчук Ю.Н. Компьютерная лингвистика / Ю.Н. Марчук. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 317 с.

11. Мирошникова О.Х. Коммерциализация высшего образования как фактор пополнения общенаучной терминосферы университетского дискурса / О.Х. Мирошникова // Научный диалог. – 2015. – № 9 (45). – С. 84–99.
12. Мишланова С.Л. Проектирование русско-английского словаря-тезауруса цифровой дидактики / С.Л. Мишланова, Е.И. Хорошева, П.А. Мартынова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2022. – № 2. – С. 18–34. 10.15593/2224-9389/2022.2.2.
13. Нарожняя П.И. Различительные особенности языковых реалий в системе образования англоязычных стран / П.И. Нарожняя // Актуальные исследования языка и культуры: теоретические и прикладные аспекты: материалы III Всерос. студенческой науч.-практ. конф. – СПб: Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 30–32.
14. Орехова Г.Е. Англо-русский тезаурус по образовательному дискурсу / Г.Е. Орехова, И.И. Жучкова. – Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2019. – 96 с.
15. Островская Т.А. Меритократическая элита и место концепта «образование» в современном английском дискурсе / Т.А. Островская // Актуальные проблемы гуманитарного образования / глав. ред. О.А. Воробьева. – Минск: Изд-во Белорусского гос. ун-та, 2021. – С. 284–290.
16. Тимофеева М.К. Междисциплинарный сопоставительный словарь терминов / М.К. Тимофеева // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2023. – Вып. 9, № 1. – С. 143–158 https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_143.
17. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению / Г.Д. Томахин. – М.: Высшая школа, 1988. – 238 с.
18. Цанян И.С. Категориально-понятийная модель терминосферы предметной области «Дополнительное образование» / И.С. Цанян // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – Т. 9. – № 3. – С. 519–525 DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.18.
19. Цверкун Ю.Б. Особенности межотраслевого заимствования как способа пополнения англоязычной терминологии сферы образования / Ю.Б. Цверкун // Вестник Самарского ун-та. История, педагогика, филология. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 109–115.
20. Цверкун Ю.Б. Специфика терминообразования единиц с культурным компонентом значения, входящих в терминосистемы высшего образования Великобритании / Ю.Б. Цверкун // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9, № 3 (32). – С. 341–344.
21. Черкасова И.А. Лингвистическое исследование ценностей в американском медиадискурсе об образовании / И.А. Черкасова // Общие и частные вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурного взаимодействия. – Чебоксары: Изд-во Чувашского гос. пед. ун-та, 2021. – С. 125–131.
22. Astapenko E.V. Updating the synonyms of the term «teacher» in the vocabulary of modern English (from missionary to zoom tutor) / E.V. Astapenko // Russian Linguistic Bulletin. – 2021. – № 1 (25). – P. 38–44.
23. Warburton K. Subject Fields in Termbases – Their Design, Use and Representation / K. Warburton. CEUR Workshop Proceedings. – 2022. – Vol. 3161.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

24. Тезаурус // Новый словарь иностранных слов (НСИС) онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsis&wi=16013> (дата обращения: 10.04.2024).
25. CAE – Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения: 28.04.2024).
26. CED – Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 28.04.2024).
27. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 28.04.2024).
28. MWD – Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 28.04.2024).
29. OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 28.04.2024).

REFERENCES

1. Asmukovich, I. V. (2013) Modelirovanie dvuyazychnogo terminologicheskogo thesaurusa po aviatcii [Aviation Bilingual Terminological Thesaurus Compiling]. Philological Sciences. Problems of Theory and Practice, 11 (29), 26–30. (In Russian)
2. Borisova, T. G. (2021) Terminology of the «Higher education» subject area: Specifics of conceptual and categorical structuration. Humanities and law research, 4, 186–192. <http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.23>. (In Russian)

3. Vorontsova, I. A. (2022) Modern practices of English online lexicography. *Verhnevolzhskii philological bulletin*, 1, 186–194. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-186-194> (In Russian)
4. Zhuchkova, I. I. (2015) Preimushstva komp'yuternoi realizatsii hypertextovogo thesaurusa angliiskih terminov po lingvistike teksta [Advantages of computer realisation of hypertext thesaurus of English terms of text linguistics]. In *Text: filologicheskii, sociokul'turnyi, regional'nyi i metodologicheskii aspekti* [Text: philological, sociocultural, regional and methodical aspects]: V Inter. science conf. (pp. 232–238). Tol'yatti: Tol. State Iniversity. (In Russian)
5. Karaulov, Yu. N. (1981) *Lingvisticheskoye konstruirovaniye i thesaurus literaturnogo yazyka* [Linguistic Construction and Thesaurus of Literary Language]. Moscow: Nauka. (In Russian)
6. Karpova, O. M. (2022) Tcifrovaya leksikograficheskaya paradigma (na materiale novykh slovarei angliiskogo yazyka) [Digital Lexicographic Paradigm (based on new English dictionaries)]. In *Sovremennyya germanistika i zapadnoevropeiskaya literature* [Modern German studies and Western European Literature] (pp. 273–294). Moscow: Flinta. (In Russian)
7. Kopylovskaya, M. Yu. (2022). *Lingvodidakticheskaya terminologiya: problemi i vyzovy sovremennosti* [Lingvodidactic terminology: problems and challenges of modern time]. *Universal'noye i natsionalnoye v yazykovoy kartine mira* [Universal and national in linguistic picture of the world] (pp. 179–181). Minsk: Minsk State Linguistic University Press. (In Russian)
8. Kreneva, I. V., Kupriakhin, A. A. (2022). *Obzor sovremennykh realiy ispolzovaniya angliyskogo yazyka kak sredey prepodavaniya v sisteme rossiyskogo vysshego obrazovaniya* [Modern realities of English as a medium of instruction (EMI) within Russian higher education system]. *Problemi modernizatsii yazykovogo obrazovaniya. Inostrannyye yazyki* [Problems of modernization of language education. Foreign languages] (pp. 78–82). Syktyvkar: Syktyvkar State University Press. (In Russian)
9. Maksimchik, O. A. (2024). *Angloyazychnyye realii sistemy obrazovaniya: klassifikatsiya i sistematsiyatsiya posredstvom uchebnogo tematicheskogo glossariya* [English realia of education system: Classification and student's thematic glossary]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 10 (1), 124–143. (In Russian)
10. Marchuk, Yu. N. (2007) *Komp'yuternaya lingvistika* [Computer linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad. (In Russian)
11. Miroshnikova, O. Kh. (2015). *Kommertsializatsiya vysshego obrazovaniya kak faktor popolneniya obshenauchnoy terminosferi universitetskogo diskursa* [Higher Education Commercialization as Factor of General Scientific Terminology Replenishment in University Discourse]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 9(45), 84–99. (In Russian)
12. Mishlanova, S. L., Khorosheva, E. I., Martynova, P. A. Design of the Russian-English dictionary-thesaurus for digital didactics. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2022, 2, 18–34 (In Russian)
13. Narozhnyaya, P. I. (2020). *Razlichitel'nyye osobennosti yazykovykh realii v sisteme obrazovaniya angloyazychnykh stran* [Distinctive features of linguistic realia in the system of education of English-speaking countries]. *Aktual'nyye issledovaniya yazyka i kulturi: teoreticheskie i prikladnye aspekti* [Current research of language and culture: Theoretical and applied aspects]: III All-Russia student conf. proc. (pp. 30–32). St Petersburg: Pushkin Leningrad State University Press. (In Russian)
14. Orekhova, G. E., Zhuchkova, I. I. (2019) *Anglo-russkiy thesaurus po obrazovatel'nomu diskursu* [English-Russian Thesaurus of Educational Discourse]. Ul'yanovsk: Ul'yanovsk State Pedagogical University. (In Russian)
15. Ostrovskaya, T. A. (2021). *Meritokraticheskaya elita i mesto kontsepta obrazovanie v sovremennom angliyskom diskurse* [Meritocratic elite and the place of “education” concept in modern English discourse]. In O. A. Vorob'eva (Ed.), *Aktual'nyye problemy gumanitarnogo obrazovaniya* [Current issues of humanitarian education] (pp. 284–290). Minsk: Belarusian State University Press. (In Russian)
16. Timofeeva, M. K. (2023). *Mezhdistsiplinarnyy sopostavitel'nyy slovar' terminov* [Interdisciplinary contrastive-comparative terminological dictionary]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9(1), 143–158. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_143 (In Russian)
17. Tomakhin, G. D. (1988). *Realii-amerikanizmy: posobie po stranovedeniyu* [Realia-americanisms: A guide to country studies]. Moscow: Vysshaya Shkola Press. (In Russian)
18. Tsanyan, I. S. (2022) *Categorial and concept model of the terminosphere of the subject area «additional education» // Humanities and law research*. 2022, 9 (3), 519–525. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.18 (In Russian)
19. Tsvetkun, Y. B. (2022). *Osobennosti mezhotraslevogo zaimstvovaniya kak sposoba popolneniya angloyazychnoy terminologii sfery obrazovaniya* [Specifics of interdisciplinary borrowing as a source of the

Anglo-American education terminology enrichment]. Vestnik Samarskogo u-ta. Istoriya, pedagogika, filologiya [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 28(2), 109–115. (In Russian)

20. Tsverkun, Y. B. (2020). Spetsifika terminoobrazovaniya yedinit s kulturnym komponentom znacheniya vkhodyashikh v terminosistemi vysshego obrazovaniya Velikobritanii [The formation peculiarities of the British higher education terminological units with the cultural component of meaning]. Baltiiskiy gumanitarnyy zhurnal [Baltic Humanitarian Journal], 9, 3 (32), 341–344. (In Russian)

21. Cherkasova, I. A. (2021). Lingvisticheskoe issledovanie tsennosti v amerikanskom mediadiskurse ob obrazovanii [Linguistic study of values in American media discourse about education]. Obshie i chastnye voprosy filologii i perevodovedeniya v kontekste mezhkulturnogo vzhaimodeistviya [General and specific issues of philology and translation studies in the context of cross-cultural interaction] (pp. 125–131). Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University Press. (In Russian)

22. Astapenko, E. V. (2021). Updating the synonyms of the term “teacher” in the vocabulary of modern English (From missionary to zoom tutor) // Russian Linguistic Bulletin, 1 (25), 38–44. (In English)

23. Warburton, K. (2022) Subject Fields in Termbases – Their Design, Use and Representation. CEUR Workshop Proceedings. 2022. Vol. 3161. (In English)

Поступила в редакцию 28.04.2024 г.

ENGLISH REALIA OF HIGHER EDUCATION SYSTEM: SYSTEMATIZATION BASED ON ONLINE THESAURUS-TYPE DICTIONARIES

O.A. Maksimchik

The task of combining unique Russian approaches to education and upbringing with the best world practices in the new system of higher education requires a comprehensive description of education spheres in different countries. Despite linguists' sustained interest in education sphere research, a comprehensive analysis of the language units under consideration has not yet been performed. Their significant number and the lack of unification raise the question of their systematization. The aim of the article is to propose an approach to the systematization of English-language higher education system realia on the basis of online thesaurus-type dictionaries. The empirical corpus is constituted by 2000 educational realia selected by the method of continuous sampling from 5 online dictionaries. The analysis of definitions, as well as the comparative analysis and linguocultural commentary, have been used in the course of the research. The advantages of online thesaurus-type dictionaries as an effective tool for selecting and organizing the units under study have been outlined. The combination of ideographic and thesaurus approaches to their systematization enables a comprehensive coverage of educational realia. The suggested approach to the systematization of language units based on online thesaurus-type dictionaries seems to be universal.

Key words: foreign language, the English language, term, realia, subject field, education, education system, higher education, dictionary, thesaurus, thesaurus-type dictionary.

Максимчик Оксана Александровна.

Кандидат филологических наук.

Самарский государственный социально-педагогический университет, Российская Федерация.

Доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации.

ORCID 0009-0002-7412-0032.

E-mail: maxana75@mail.ru

Maksimchik Oksana Aleksandrovna.

Candidate of Philology.

Samara State University of Social Sciences and Education, Russian Federation.

Associate Professor at Department of English Philology and Cross-cultural Communication.

ORCID 0009-0002-7412-0032.

E-mail: maxana75@mail.ru

Научная статья

УДК 81'373.45

DOI: 10.5281/zenodo.12564923

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВАРВАРИЗМОВ В ТЕКСТАХ ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКИ

© 2024 А.И. Михайлова, Т.И. Бочарова

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский технический университет связи и информатики»

¹0009-0001-6219-0001,

²0000-0002-7230-4068

Статья посвящена проблеме увеличения количества иностранной лексики в русскоязычных текстах. В работе рассматриваются варианты использования варваризмов в современных отечественных популярных песнях, являющихся частью развлекательного песенного дискурса. Авторами описаны некоторые особенности данного дискурса, выступающие в качестве предпосылок к появлению большого числа иноязычной лексики, в частности стремление к следованию речевым трендам. Также кратко очерчено содержание понятий варваризма, иноязычного вкрапления и приведены различные точки зрения по данному вопросу; сформулированы общие критерии отбора и классификации анализируемых лексических единиц. Анализу подвергались популярные песенные тексты, созданные с начала 2000-х годов, находящиеся в свободном доступе в сети Интернет. Большую часть отобранного языкового материала составляют английские иноязычные вкрапления, записываемые латиницей, в связи с чем анализ осуществлялся с опорой на англо-русские словари.

Ключевые слова: песенный текст, песенный дискурс, варваризмы, иноязычные вкрапления, англицизмы, английские заимствования.

Для цитирования: Михайлова А.И. Использование варваризмов в текстах популярной музыки / А.И. Михайлова, Т.И. Бочарова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 111–118. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12564923>.

Введение

Вопросы экологии языка на сегодняшний день являются остро актуальными, в частности исследователей и общественность волнует обилие речевой агрессии в публичных дискурсах, либерализация норм литературного языка, оскудение словарного запаса молодежи, а также большой поток заимствований. В современной коммуникации, особенно неформального характера, зачастую происходит немотивированная замена слов, принадлежащих русскому литературному языку, словами иноязычного происхождения, по большей части англицизмами. Для молодежи, использующей своего рода международный сленг, базирующийся на английских корнях, это способ проявления социальной аутентичности; так, сегодня употребление англицизмов и собственно английского языка является трендом.

Среди слов иностранного происхождения можно выделить лексические единицы, полностью освоенные русским языком и адаптированные к его грамматической системе, и неадаптированные, воспринимаемые как чужеродные. Последнюю группу как правило относят к варваризмам. Содержание понятия «варваризма» изменялось в разные периоды развития языкознания, также и сегодня можно говорить об отличных точках зрения на определение данного термина. Так, согласно определению Словаря лингвистических терминов 1976 года, варваризмы представляют собой иноязычные слова или выражения, не до конца освоенные заимствующим языком, чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения, например *авеню, денди, мадам* и т.д. [9].

Впоследствии стандартное представление о варваризмах несколько сужается. Б.Н. Головин рассматривает варваризмы прежде всего с позиции культуры речи и отмечает, что, по его мнению, это такие заимствования, употребление которых не оправдано [3]. Л.П. Крысин говорит о том, что варваризмы по сути еще не могут быть названы полноценными заимствованиями, так как они не вошли в систему языка, не фиксируются в академических словарях и им свойственна вариативность написания (с применением средств графики русского или иностранного языка). Смежным явлением считаются иноязычные вкрапления, определяемые автором как «слова, словосочетания, отрезки текста, которые не усвоены заимствующим языком: используются билингвами с сохранением всех присущих им в языке-доноре свойств» [5]. Безусловно, сегодня, когда мы говорим, в основном, об английском языке, ставшем международным и являющемся главным источником пополнения русского языка новыми словами, человеку не обязательно полноценно владеть им на высоком уровне, для того чтобы понимать те или иные иноязычные вкрапления.

Д.Е. Хохонин пишет: «Варваризмы могут выступать как неологизмы (если они выражают новые понятия), экзотизмы (если они номинируют культурную реалию), жаргонизмы (если они проникают в общение отдельной социально-профессиональной группы), иноязычные вкрапления (в виде устойчивых фраз на иностранном языке) [12]». Так, варваризмы часто используются в какой-то определенной социальной разновидности языка, при этом, могут позднее, преодолев первый этап освоения, войти в литературный язык. Варваризмам противопоставлены экзотизмы, называющие реалии быта чужой страны и не имеющие аналогов в русском языке [1].

Методы и материалы

В данной работе представляется уместным объединение понятий варваризма в узком смысле и иноязычного вкрапления. Проанализировать особенности написания выделенных речевых единиц с точки зрения использования графики английского или русского языка при изучении песенного дискурса как правило не представляется возможным, потому что материалом является звучащий текст, положенный на музыку. Письменная фиксация примеров осуществлялась с использованием средств английского и русского языков в зависимости от вида варваризма, пунктуация и орфография не являются авторской, звучащие тексты записаны авторами статьи в соответствии с правилами русского языка.

В качестве варваризмов рассматривались такие слова и выражения, которые соответствуют следующим критериям: 1. Относятся к лексике английского языка, которая может быть переведена на русский ср.: «пати» (party) – вечеринка; особую группу представляют так называемые «гибриды», особенно легко образуемые в разговорной речи и жаргоне, представляющие сочетание английского корня и русского аффикса [6], ср.: «чикса» (от англ. chicks – «цыпочка») или «герла» (от англ. girl – девочка, девушка). Пример: *Давай сменим вид на город на вид на горы, / Светофоры все с красного на зеленый, / Ведь я же знаю, ты любишь такие party (Мари Краймбрери, «Не в адекват»)*. 2. Отсутствуют в основных толковых и орфографических словарях русского языка (но могут быть представлены в словарях нелитературного языка, например, молодежного сленга). 3. Выступают в качестве вторичных, неосновных способов именования того или иного предмета, явления, так как в русском литературном языке существуют единицы, имеющие аналогичное или сходное лексическое значение.

В качестве объекта исследования был выбран популярный песенный текст, так как песня представляется весьма удачным материалом для изучения различных аспектов

современной языковой картины мира и разговорной разновидности языка, таких как изменение языковых норм, в том числе стилистических, содержание представленных в развлекательных дискурсах концептов, транслируемые ценностные установки и т.д.. Популярная песня совмещает черты художественного и медийного текста, в ней проявляется как индивидуально-авторское начало, так и нечто общее, актуальное для определенной социальной группы или общества в целом, она адекватно отражает современное состояние языка и особенности социума, использующего этот язык. Как отмечает В.А. Панченко, «песенные тексты можно рассматривать как источник национально обусловленной информации о современном состоянии общества и языка» [8]. Е.В. Нагибина считает, что «облик современной популярной лирической песни отражает некоторые негативные черты культурно-речевой ситуации в современной России», среди них семантические неточности, нарушение грамматических норм, речевая агрессия, рост количества просторечных слов и жаргонизмов, злоупотребление иноязычной лексикой [7]. Таким образом исследование популярной музыки может отобразить реальные существующие тенденции к изменению лексического запаса носителей языка, в том числе в плане использования иноязычной лексики.

Актуальность проблемы использования варваризмов в песенном тексте также связана с повышенным влиянием языка поп-музыки на речь адресатов, а особенно молодежи, подростков. Исследователи отмечают две главных причины такого влияния: 1) популярная песня предполагает некритичное восприятие, так как является прежде всего развлекательным продуктом [4], 2) при наметившейся тенденции к либерализации языковых норм общественность все реже воспринимает в качестве образцовой речь художественную или научную, в настоящее время источником формирования представлений о норме становятся средства массовой информации и развлекательный дискурс. В качестве требований к такому тексту выступают отнюдь не соответствие языковым нормам, смысловая цельность и логичность, а скорее высокая эмоциональность, наличие ярко выраженного пафоса, обращение к актуальным темам и общечеловеческим ценностям. Популярный песенный текст использует многочисленные повторы, междометия, вставные конструкции, призванные придать ему ритмичность и эмоциональность. Среди особенностей песенного текста также можно выделить совмещение стихотворной формы и актуальных для лирики приемов и стилистических фигур с элементами, в основном чуждыми поэтическому тексту: например, в песнях используются просторечия, многочисленные междометия, слова-звукоподражания и т.д. Таким образом здесь проявляет себя слияние традиционных функциональных стилей речи, свойственное современной речевой культуре, с превалированием особенностей раскрепощенного разговорного стиля, включающего элементы просторечия, жаргона и молодежного сленга.

Стоит также отметить, что для популярной музыки характерно стремление к актуальности, так, в песенных текстах отражаются веяния языковой моды: используются современные неологизмы, слова, называющие реалии сегодняшнего дня, и, конечно, так называемый «общий жаргон», включающий наиболее часто употребляемые экспрессивные элементы различных социальных диалектов [11].

В качестве материала для данного исследования были использованы популярные песни отечественных исполнителей последних 10-15 лет, размещенные на таких сайтах, как ВКонтакте, ЯндексМузыка, YouTube и т.д. Тексты представлены в нашей записи с звучащего материала или в отдельных случаях взяты в готовом виде из открытых источников. По сравнению с текстами более ранних периодов количество варваризмов в песенном дискурсе значительно возросло. Не имея цели выделить точное количество

таких текстов, мы можем сказать, что к ним относится как минимум половина всех представленных на музыкальных сервисах «хитов», то есть наиболее популярных на данный момент композиций.

Основная часть

Как уже говорилось, основную массу иностранных вкраплений составляют слова из английского языка. Как правило, это слова, которые используются и в других дискурсах, например, рекламном, функционируют в первозданном или измененном виде в молодежном сленге – одним словом, известные даже тем, кто не владеет английским языком: *И никому о нем не говори, / Смотри его из **memory** [память – здесь и далее пер. наш] (В. Дайнеко, «Смотри его из memory»); Миллионы праворульных жигулей / Заполняют пространство японских хайвеев, / Россия впереди планеты всей. / **No future** [нет будущего] – это не наша идея («Noze MC», «No future»); Убежала бы куда-нибудь, да разве помогает перемена мест, / Перемалывала десять раз, но снова понимала, что все-таки он **the best** [лучший] («ВИА ГРА», «Антигейша»); Кусай меня, как яблоко раздора, / Сжигай меня, смотри, я невесома, / Мы инь и ян, начало и конец, / **Dance** [танцуй] ... («Винтаж», «Виктория»).*

Рассмотрим другие варианты использования варваризмов в современном популярном песенном тексте.

1. Варваризмы проявляют себя здесь в уникальном качестве – в роли «идеофонов» или неких песенных междометий И.П. Валуйцева называет их «слуховыми впечатлениями» в мультимодальном дискурсе, действенными по причине легкого запоминания и понятности для межнациональной аудитории [2], ср.: *Ха-ха! Наоми я бы Кэмпбэлл! / О! Наоми я бы Кэмпбэлл! / Я бы, wow, wow, я бы, я бы, я бы..! // ... **Yeah, yeah, yeah** [да-да...!] / Ах! / Эй, кстати, две! («Бандэрос», «Наоми я бы Кемпбел»); **Хэй, хэй**. / Тёмные полосы, светлые полосы, не спи... / И свою судьбу ты узнаешь по голосу. / Хэй, хэй. / Добрые новости, плохие новости – / Не грусти, сосчитай до десяти, / Это просто жизнь пишет разные повести («Бандэрос», «Полосы»); Где же твоя страсть? / Ну, возьми меня за запястья! / Я тебя слышу, но только отчасти, / Ты меня не слышишь — наслушалась Асти // **oh, my...** [о, мой..] (Фогель, «Истеричка»).*

Сходную функцию выполняют побудительные производные междометия, не являющиеся идеофонами, они выступают в качестве фрагментов текста, не входящих ни в куплет, ни в припев, часто повторяющихся дважды или несколько раз между частями песни, и используются для подбадривания публики, призыва совершать танцевальные движения или иные действия, ср. ... *проигрши / **Yeah! Check it out! Check it out!** [Да! Посмотри, «зацени» - сленг.] / Куплет: Смелее, крошка, держи его крепче, / Он очень удобный и модный на вид, / Он словно живой тебе что-то нашепчет, / О самом интимном наговорит («Шпильки», «Штучка»).* Отметим, что в текстах, рассмотренных в данном абзаце и далее, используются слова и выражения, помеченные в переводных англо-русских словарях как неофициальные, разговорные, часть их относится к английскому сленгу, например, частотное *yeah*: 1) общая лексика: типа того (*разговорное, молодёжный сленг*) – угу, ага, ну да; ...2) сленг.: да [10].

Среди других популярных вставных элементов с побудительным значением можно выделить выражения *come on* [давай], *hand's up* [руки вверх] и т.д., ср.: *Давай с тобой потанцуем что ли, / Сейчас не время скучать по школе. / Ты будешь моя Анджелина Джоли, / А я буду твой Ален Делон! // **Come on, come on** [давай, давай!] («УмаТурман», «Камон»).* Такие вставные элементы в своем первозданном виде позаимствованы из англоязычной популярной музыки, где они играют аналогичную дополняющую роль:

устанавливают контакт с аудиторией, добавляют динамики, экспрессивности, реализуют вербальное заполнение проигрыша или переход от него к куплету.

2. Следующая группа текстов использует словосочетания из 2-3 английских слов, ср.: *Аву поставлю, где я на пляжу / Тина в естественной позе лежу. / Сфоткаю море и свой **happy face** [счастливое лицо], / А то, что в первый день сгорела / И все семь дней пролежала в номере, / Никому не скажу (Бьянка, «Весна-лето»)*. Предположительно, в текст включаются словосочетания, являющиеся устойчивыми в английском языке, так здесь «happy face» это также «смайли», желтый кружок со схематическим изображением улыбки [10]. Или: *No stress [сленг.: не волнуйся], / хаваем как M&M's, / **dance-dance** [танцуй-танцуй]. // Кис-кис, вдыхай меня через кэс, через кэс (Элджей, «Розовое вино»); Не хочу твои рассказы о любви, / Я по мегаполису ловлю ноты R'n'B, / Всё, что раньше написала, разорви, / **kill me** [убей меня], *kill me, kill me (Мари Краймбрери, «Ты меня не стоишь»)*.*

3. Кроме этого в песенных текстах могут быть использованы целые фразы на английском языке, обычно расположенные в рамках одного стиха, ср.: ***Lonely, lonely, oh, yes, I'm lonely** [одинок, да, я одинока], / Ты Венера, я Земля, / Ева, я любила тебя («Винтаж», «Ева, я любила тебя»); **I saw you dancing** [я увидел, как ты танцуешь], / Я увидел, как ты танцуешь с ним. / **I saw you dancing**. / Я увидел: ты целуешься с другим (Потан и Настя Каменских, «Разгуляй»)* – здесь в выделенной фразе содержится как музыкальная, так и текстовая отсылка к одноименной англоязычной песне популярной шведской группы «Yaki-Da».

В особых случаях русскоязычный песенный текст включает полный фрагмент (припев или куплет) на английском языке, ср.: *Не знаю, чего ты ждёшь, / Кидаю, закрыты двери. / Припев.: **Why you leave me, / why you lied so much, / why you feel me, / why you can't touch** («Нервы», «Why you»)*. Примечательно, что в данном примере с грамматической точки зрения представлен разговорный вариант английского языка. Определить мотивы такой замены русскоязычного припева или куплета довольно сложно, кроме случаев формирования интертекстуальных связей с известными англоязычными композициями, как, например, в приведенной выше песне «I saw you dancing». Также в качестве припева песни «Мелодия лета» группы «Отпетые мошенники» использован припев ретро-хита «I can lose my heart tonight» группы «С.С. Catch» в оригинальном исполнении, современная композиция полностью посвящена старой.

4. Наименьшую по количеству группу составляют тексты, в которых использованы варваризмы не английского происхождения, например, немецкие: *He процу, и едет голова... / Я хочу им подобрать слова-а-а-а! // **Eins, zwei, drei, шукешуке Schwein** [раз, два, три, ...свинья – нем.]! О-о! («Глюкоза», «Швайне»); Наши деды стреляли друг в друга в упор, / А мы в Берлине бармену говорим «**danke schön** [большое спасибо – нем.]». / Дети жертв войны живут с мыслью о мире, / Но черви делают дыры в нём, как в голландском сыре (С. Бабкин, «Люди»)*.

Часть из них относится к словам, освоенным русским языком – особенно это касается французских заимствований, при этом все же проявляющим свою чужеродность, часто у таких слов есть соответствующие пометы в толковых словарях, например, «а-ля, предлог (фр. à la) – наподобие чего-то». Такая лексика характерна преимущественно для книжных стилей, но в песенном тексте сочетается со сниженной, в итоге играя роль в создании особого разговорно-поэтического стиля, проявляющегося не только в поп-музыке, но и, например, в рэпе, ср.: *Ты сделал все, чтоб остаться со мной **тет-а-тет**, / Но я нашла в себе силы сказать тебе «нет»! // Ты убил меня круто, ты убил меня люто, / Ты убил меня круче, чем Билл!.. (А. Мухина, «Я убью тебя»); Все твои фокусы вторичны,*

не уместен косплей. / Меня давно не цепляет твой цирк а-ля **du Soleil** (NoDasha, «Du Soleil»); Ты девочка **rock-and-roll**, / А я ведь просто беда. / Важней не кто потерял, / А чья была тут игра (О. Майами, Леша Свиг, «Не вспоминай»); Всё, бэби [детка], всё, / **Hasta la vista!** [До свидания – исп.; «Hasta la vista, baby» – крылатая фраза из фильма «Терминатор»] / Всё, бэби, всё, / Это жесткое диско («Рефлекс», «Все, беби, все»).

В завершение разговора о варваризмах мы также хотели бы обратить внимание на одну особенность популярной музыки, косвенно касающуюся собственно текстов – это названия отечественных поп-групп или псевдонимы сольных исполнителей. Весомая их часть на обложках альбомов, официальных сайтах и т.п. записывается латиницей, причем в различных музыкальных чартах (рейтингах исполнителей) 2024 года англоязычные названия преобладают над русскоязычными. Номинация может осуществляться с использованием 1) переводимых английских слов и словосочетаний: «White gallows» [белые виселицы], «The hatters» [шляпники], «DEAD BLONDE» [мертвая блондинка]; «Aquaneon» [водный неон]; 2) английских имен или прецедентных имен (ср.: Molly, Mona, Dan); 3) собственно русских или относящихся к языкам ближнего зарубежья имен и фамилий (Misha Marvin, Anna Baston, Artem Shilovets, Taras, Amirchik, Mujeva), а также русских нарицательных существительных в транслитерации (Shaman); 4) окказиональных лексических единиц, в частности образованных из элементов английского и русского языков, где последние записаны латиницей (группа «ESTRADARADA», «M-Band», «Artik&Asti», Instasamka, NoDasha, «Holidayboy», Feduk – Федор Инсаров). Данный способ наиболее распространен, причем порой трудно определить принципы наименований того или иного музыкального коллектива, ср.: «DIN», «Fortuna812», также в подобных названиях используются различные дополнительные символы, актуальные для латиницы, к примеру, «собака», знак доллара и т.д.: ср. «Gayazov\$ Brother\$», «AP\$ENT», «Toxi\$» и др. Кстати, в русскоязычных песенных текстах также представлены в качестве прецедентных имена зарубежных, чаще американских музыкальных исполнителей и актеров, см. название русской поп-группы «УмаТурман», название песни группы «Бандэрос» «Наоми я бы Кемпбэл» и т.д.

Заключение

Итак, в современном русскоязычном песенном дискурсе представлено огромное количество варваризмов и иноязычных вкраплений, они используются в названиях музыкальных коллективов, альбомов, песен, а также собственно в песенных текстах. Среди используемых названий растет число русскоязычных, записанных с помощью латиницы. Число неадаптированных англоязычных лексических единицы в песенных текстах также постоянно растет. На наш взгляд, все перечисленное может свидетельствовать о тревожных тенденциях: обращение к иноязычной лексике и графике происходит без выраженной коммуникативной необходимости и в большинстве случаев не является художественным приемом, оно ухудшает понимание вербальной составляющей песенного произведения, это может свидетельствовать о снижении значимости текста в популярной музыкальной культуре.

Использование варваризмов в песенном дискурсе, как и в других сферах массовой культуры, является следствием действия языковой моды, маркирует молодежную направленность, подчеркивает актуальность, современность творчества исполнителя. В отобранных для анализа текстах преобладают варваризмы английского происхождения, причем как представляющие собой литературные слова, так и относящиеся к американскому молодежному сленгу. Так, иноязычные вкрапления могут служить средством формирования интертекстуальных и культурных связей отечественной и западной англоязычной музыки.

Перспективным станет изучение дополнительных функций англицизмов не только в развлекательных дискурсах, но и в рекламном, медийном и других.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блюмина О.В. Понятие варваризма. Постановка вопроса / О.В. Блюмина // Восточнославянская филология: Языкознание, 2015. – № 1 (27). – С. 62–69 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43106805> (дата обращения: 19.03.2024).
2. Валуйцева И.И. Фонетические способы оформления текста как приёмы речевого воздействия песенного дискурса (на примере композиций конкурса евровидение XXI века) / И.И. Валуйцева, Д.А. Князьков // Вопросы прикладной лингвистики, 2020. – № 37. – С. 29–53 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43105705> (дата обращения: 19.03.2024).
3. Головин Б.Н. Как правильно говорить: Заметки о культуре речи: сб. статей / Б.Н. Головин. – М. : Высшая школа, 1988. – 160 с.
4. Кожухова О.В. Современный песенный текст как культурно-языковой феномен / О.В. Кожухова // Научный диалог: вопросы гуманитарных исследований, 2017. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://interactive-plus.ru/ru/article/462505/discussion_platform (дата обращения: 17.03.2024).
5. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л.П. Крысин // Вопросы языкознания, 2002. – № 6. – С. 27–34 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2002-6/27-34> (дата обращения: 23.03.2024).
6. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка: учеб. пособие / Е.В. Маринова. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 295 с.
7. Нагибина Е.В. Содержательные и языковые особенности текстов современных эстрадных песен : автореф. дис. ... канд. филологич. наук (10.02.01) / Елена Владимировна Нагибина. – Ярославль, 2002. – 24 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/soderzhatelnye-i-yazykovye-osobennosti-tekstov-sovremennykh-estradnykh-pesen> (дата обращения: 15.03.2024).
8. Панченко В.А. Исследование песенного текста: жанрово-исторический аспект / В.А. Панченко // Система і структура східнослов'янських мов : Збірник наукових праць : М-во освіти і науки України, Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова. – 2015. – Вип. 9. – С. 138–144.
9. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
10. Универсальный англо-русский, русско-английский словарь / под ред. В. Алексиевой. – М. : Рипол Классик, 2012. – 1200 с.
11. Хорошева Н.В. Русский общий жаргон: к определению понятия / Н.В. Хорошева // Изменяющийся мир. – Пермь, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/khorosheva-02.htm> (дата обращения: 22.03.2024).
12. Хохонин Д.Е. Специфика функционирования варваризмов в русской речи / Д.Е. Хохонин, К.В. Овсянникова // Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2017. – № 2 (25) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-funktsionirovaniya-varvarizmov-v-russkoy-rechi> (дата обращение: 18.03.2024).

REFERENCES

1. Blyumina, O.V. (2015). Ponyatie varvarizma. Postanovka voprosa [The concept of barbarism. Statement of a question]. Vostochnoslavjanskaya filologiya: Yazykoznanie (pp. 62–69). Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43106805> (In Russian)
2. Valujceva, I.I. (2020). Foneticheskie sposoby oformleniya teksta kak priyomy rechevogo vozdejstviya pesennogo diskursa (na primere kompozicij konkursa evrovidenie XXI veka) [Phonetic methods of text design as methods of speech influence of song discourse (using the example of compositions of the Eurovision competition of the 21st century)]. In D.A. Knyaz'kov (Ed.). Voprosy prikladnoj lingvistiki (pp. 29–53). Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43105705>. <https://doi.org/10.25076/vpl.37.02> (In Russian)
3. Golovin, B.N. (1988). Kak pravil'no govorit': Zametki o kul'ture rechi [How to speak correctly: Notes on the culture of speech]. Moscow: Vysshaya shkola (In Russian)
4. Kozhukhova, O.V. (2017) Sovremennyy pesennyj tekst kak kul'turno-yazykovoj fenomen [Modern song text as a cultural and linguistic phenomenon]. Nauchnyj dialog: voprosy gumanitarnykh issledovanij. Cheboksary: CNS «Interaktiv plyuS». Retrieved from https://interactive-plus.ru/ru/article/462505/discussion_platform (In Russian)

5. Krysin, L.P. (2002). Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom yazyke poslednikh desyatiletij [Lexical borrowing and tracing in the Russian language of recent decades]. Voprosy yazykoznanija (pp. 27–34). Retrieved from <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2002-6/27-34> (In Russian)
6. Marinova, E.V. (2019). Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka [Foreign language vocabulary of modern Russian language]. Moscow: FLINTA (In Russian)
7. Nagibina, E.V. (2002). Soderzhatel'nye i yazykovye osobennosti tekstov sovremennykh ehstradnykh pesen [Content and linguistic features of the texts of modern pop songs] (Abstract of the candidate's dissertation) Retrieved from <https://www.dissercat.com/content/soderzhatelnye-i-yazykovye-osobennosti-tekstov-sovremennykh-estradykh-pesen> (In Russian)
8. Panchenko, V.A. (2015). Issledovanie pesennogo teksta: zhanrovo-istoricheskij aspekt [Study of song text: genre-historical aspect]. Sistema i struktura skhidnoslov'yans'kikh mov (pp. 138–144) (In Russian)
9. Rozental' D.E.H. (Ed.) (1976). Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: Posobie dlya uchitelej [Dictionary-reference book of linguistic terms: A manual for teachers]. Moscow: Prosveshchenie (In Russian)
10. Aleksieva, V. (2012). Universal'nyj anglo-russkij, russko-anglijskij slovar' [Universal English-Russian, Russian-English dictionary]. Moscow: Ripol Klassik (In Russian)
11. Khorosheva, N.V. (2002). Russkij obshchij zhargon: k opredeleniyu ponyatiya [Russian general jargon: to the definition of the concept]. Izmenyayushchij mir. Retrieved from <http://www.philology.ru/linguistics2/khorosheva-02.html> (In Russian)
12. Khokhonin, D.E. (2017). Specifika funkcionirovaniya varvarizmov v russkoj rechi [Specifics of the functioning of barbarisms in Russian speech] In K.V. Ovsyannikova (Ed). Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. Retrieved from cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-funktsionirovaniya-varvarizmov-v-russkoj-rechi (In Russian)

Поступила в редакцию 05.05.2024 г.

USE OF BARBARISMS IN POPULAR MUSIC TEXTS

A.I. Mihaylova, T.I. Bocharova

The article addresses the problem of increasing the amount of foreign vocabulary in Russian-language texts. The use of barbarisms in modern domestic popular songs is considered. The authors describe some features of this type of discourse, which act as prerequisites for the emergence of a large amount of foreign language units, in particular the desire to follow speech trends. The content of the concepts of barbarism and foreign language inclusions is briefly outlined. Various points of view on the issue are provided. General criteria for the selection and classification of the lexical units under analysis are formulated. Popular song lyrics created since the early 2000s, freely available on the Internet, have been analyzed. Most part of the presented language material consists of English foreign language inclusions written in Latin script. Therefore the analysis has been carried out on the basis of English-Russian dictionaries.

Key words: song text, song discourse, barbarisms, foreign language inclusions, Anglicisms, English borrowings.

Михайлова Алена Игоревна.

Кандидат филологических наук.

Ордена Трудового Красного Знамени Московский технический университет связи и информатики.

Доцент кафедры философии, истории и межкультурных коммуникаций.

ORCID: 0009-0001-6219-0001

E-mail: a.i.mihaylova@mtuci.ru

Бочарова Татьяна Ивановна.

Кандидат педагогических наук, доцент.

Ордена Трудового Красного Знамени Московский технический университет связи и информатики.

Доцент кафедры философии, истории и межкультурных коммуникаций.

ORCID: 0000-0002-7230-4068

E-mail: t.i.bocharova@mtuci.ru

Mihaylova Alena Igorevna.

Candidate of Philology.

Moscow Technical University of Communication and Informatics.

Associate Professor of Department of philosophy, history and intercultural communications.

ORCID: 0009-0001-6219-0001

E-mail: a.i.mihaylova@mtuci.ru

Bocharova Tatyana Ivanovna.

Candidate of Pedagogy, Associate Professor.

Moscow Technical University of Communication and Informatics.

Associate Professor of Department of philosophy, history and intercultural communications.

ORCID: 0000-0002-7230-4068

E-mail: t.i.bocharova@mtuci.ru

Научная статья

УДК 81'25:791

DOI: 10.5281/zenodo.12565377

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ СУБТИТРОВАНИИ

© 2024 Л.А. Пасечная¹, Г.С. Стренадюк²

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»

¹ORCID: 0009-0006-3659-6178.

²ORCID: 0000-0002-2522-3791.

Статья посвящена выявлению переводческих трансформаций, используемых при передаче эмоционально-оценочной лексики в сериале «Германия 83» при субтитровании. Актуальность исследования обусловлена тем, что субтитрование является одним из наиболее распространенных видов перевода в кино и предъявляет к переводчику ряд особых требований как лингвистического, так и технического плана. Авторы анализируют лексические единицы, имеющие различные оттенки эмоциональной окраски. По мнению авторов, определенные трудности при переводе эмоционально-оценочной лексики возникают из-за нестандартной контекстуальной зависимости эмоционально-оценочной лексики и ее ассоциативной обусловленности. В процессе исследования выявлялись значения слов и их отношения с другими словами в тексте оригинала и перевода. В результате анализа реплик, содержащих эмоционально-оценочную лексику, определены грамматические трансформации и лексические приемы перевода, которые позволили адекватно передать информацию, сохранить ее объем, а также художественно-эстетическое воздействие на реципиента.

Ключевые слова: субтитры, субтитрование, эмоционально-оценочная лексика, экспрессивность, комплексные переводческие технологии, переводческая трансформация, словарный эквивалент, грамматическая замена, модуляция.

Для цитирования: Пасечная Л.А. Особенности перевода эмоционально-оценочной лексики при субтитровании / Л.А. Пасечная, Г.С. Стренадюк // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 119–128. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12565377>.

Введение. В настоящее время уделяется большое внимание переводу эмоционально-оценочной лексики в художественном тексте. Эмоционально-оценочная лексика является объектом изучения многих лингвистов [1, 6, 8, 9]. Для каждого языка характерны свои особые эмоционально-оценочные языковые средства. Они выражают субъективное отношение говорящего к тому или иному предмету высказывания в определенной ситуации, а также отражают его личные чувства, эмоциональную реакцию на происходящее [10]. Экспрессия и эмоциональная окраска слов придают произведению большую выразительность, и их грамотная стилистическая передача влияет на конечный результат перевода. Поэтому крайне важным в этом свете является мастерство переводчика.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужил немецкий телесериал «Германия 83» Анны Вингер 2015 года выпуска, который отображает многие события времен холодной войны. Методом сплошной выборки были отобраны 20 реплик, содержащих эмоционально-оценочную лексику, для анализа которой использовались описательный метод, метод лингвистического анализа, а также сравнительно-описательный метод.

Основная часть. Эмоционально-оценочная лексика употребляется в художественной и разговорной речи в связи с созданием эмоциональности и для выражения отношения говорящего к действительности, содержанию или адресату сообщения [5]. При переводе необходимо передавать информацию не только на тематическом уровне, но и сохранять атмосферу и эмоциональную окраску, присущую оригиналу, поэтому перевод этого лексического пласта представляет определенные трудности.

Перевод в кино, согласно В.Е. Горшковой, представляет собой разновидность художественного перевода, поскольку он ориентирован на оказание художественно-эстетического воздействия и достижение прагматического эффекта [2].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что одним из наиболее распространенных видов перевода в кино является субтитрирование. Под субтитром понимается «текст, одновременно появляющийся на экране в конкретный промежуток времени, содержащий перевод речи персонажей либо надписей в кадре; либо: описание шумомузыкального ряда» [7]. Субтитрирование – это сокращенный перевод диалогов фильма, который отражает их основное содержание и выражается в виде печатного текста, находясь, в большинстве случаев, в нижней части экрана.

В процессе работы переводчику приходится принимать во внимание как лингвистический, так и технический аспект субтитров. Особый интерес при этом вызывает адекватная передача сообщения с учетом несовпадения языковых картин мира зрителей, смотрящих фильм на исходном и переводном языке. Сохранение объема информации также является немаловажной задачей при переводе. Субтитрирование имеет определенные ограничения, поскольку текст ограничен определенным количеством знаков, слов и строк, субтитры привязаны к смене планов в кадре, так как любая рассинхронизация мешает восприятию перевода [3].

В современном мире к субтитрам появился ряд дополнительных требований. Кино и сериалы все чаще смотрят в пути или дома с экранов мобильных устройств, которые имеют свои ограничения в аппаратном и программном обеспечении. Таким образом, переводчику необходимо учитывать также и платформу для просмотра, адаптировать видео и субтитры к ней таким образом, чтобы даже на маленьких экранах просмотр был комфортен.

Вышеупомянутые трудности позволяют сделать вывод, что перевод эмоционально-оценочной лексики требует привлечения особой комплексной переводческой технологии. Данный подход должен учитывать не только «уровни переводческих соответствий», но и обращать особое внимание на экстралингвистический аспект переводимой единицы.

Целью данного исследования явилось выявление приемов и средств перевода эмоционально-оценочной лексики при субтитрировании сериала «Германия 83».

Анализ эмоционально-оценочных слов проводился в три этапа: во-первых, выявлялось, какое значение имеет эмоционально-оценочное слово в оригинальном тексте и его переводах, выполненных для субтитрирования, и несет ли оно эмоционально-оценочную нагрузку. Во-вторых, какую конкретную переводческую трансформацию, какой способ перевода применяли переводчики в каждом отдельном случае. И, в-третьих, в каких отношениях находится слово в оригинальном тексте со словом в тексте перевода. Было установлено, что при переводе эмоционально-оценочной лексики может происходить как сохранение ее эмоционально-оценочного значения без смысловых потерь, сохранение значения с частичными смысловыми потерями или же нейтрализация эмоционально-оценочного значения в целом. В

некоторых случаях наблюдался процесс обратный нейтрализации, когда стилистически нейтральному слову в немецком языке в русском подбирался эквивалент из эмоционально-оценочной лексики. Для анализа способов перевода эмоционально-оценочной лексики за основу взята классификация переводческих трансформаций, предложенная В.Н. Комиссаровым [4].

Рассмотрим примеры использования переводческих трансформаций при передаче эмоционально-оценочной лексики в сериале «Германия 83» при субтитровании.

Scheiß-Kommunist!

Мразь коммунистическая!

Значение префикса *Scheiß-* содержит явную отрицательную оценку, отрицательную эмоцию, которая выражается в русском языке как черт, дерьмо, ерунда, чепуха и другими нецензурными словами. «*Scheiß*» переводят как «мразь», это не словарный эквивалент, однако благодаря компенсации отрицательная оценка сохраняется, не происходит никаких смысловых потерь. Помимо этого, слово «*Kommunist*» исходя из контекста этой фразы, произнесенной одной героиней сериала, тоже имеет отрицательную коннотацию. Для перевода используется грамматическая трансформация, а именно грамматическая замена части речи: немецкое существительное «*Kommunist*» становится в русском прилагательным «коммунистическая».

Ich muss Ihnen leider mitteilen, dass Sie gestern Abend ziemlich betrunken waren.

С прискорбием сообщаю, что вчера вы были в стельку.

В данном примере интерес вызывает словосочетание «*ziemlich betrunken*», рассмотрим его составные части. Это прилагательное «*betrunken*», которое означает «*von Alkohol berauscht*» и переводится как «пьяный», и наречие «*ziemlich*» со значением «*in verhältnismäßig hohem, großem, reichlichem o. ä. Maße*» и переводящееся как «изрядно, довольно». Таким образом, «изрядно пьяный» при помощи модуляции в субтитрах превращается в устойчивое сочетание разговорно-сниженной окраски «*быть в стельку*». В оригинале словосочетание не несет в себе яркой отрицательной оценки в отличие от субтитров.

Schaukeln Sie die Kinder weg. Пусть разгонят этих детишек.

В немецком языке глагол «*wegschaukeln*» сам по себе не содержит никакой оценочной коннотации, его значение согласно словарю – «*durch Schaukeln entfernen*». В русском языке можно подобрать словарный эквивалент «разгребать лопатой, отгребать». Однако в контексте ситуации, сложившейся в сериале на момент произнесения этой фразы, и глагол, и существительное «*Kinder*» становятся носителями яркой отрицательной оценки со стороны генерала Эделя. У военной базы бундесвера собралась группа митингующих, выступающих против учений НАТО, а также против размещения ракет Першинг 2 на территории Германии. Именно этих митингующих генерал называет презрительно «*детишки*» и отдает приказ полиции разогнать демонстрантов. Переводчиками употребляется компенсация для того, чтобы зрителям стал понятен метафорический образ, созданный в оригинале. При переводе сохраняется эмоционально-оценочное значение фразы, не наблюдается смысловых потерь. Однако, образ, представленный средствами немецкого языка, является более метафоричным.

Das ist lecker. Пальчики оближешь.

Оценочной коннотацией в данном случае обладает прилагательное «*lecker*» и означает «*besonders wohlschmeckend*». В русском языке предлагаются следующие эквиваленты «*вкусный, лакомый, аппетитный*». В субтитрах же предлагается

вариант «пальчики оближешь». Согласно фразеологическому словарю русского литературного языка данный фразеологизм относится к разговорной экспрессивной лексике. Фраза произносится в домашней обстановке друзьями, обедающими за одним столом. Из этого следует, что использование разговорной лексики в близком кругу вполне оправдано. Переводчики используют смысловое развитие или модуляцию для передачи эмоционально-оценочного значения слова «lecker». Смысл фразы не меняется при переводе.

Kolibri ist grün. Он ещё зелен.

Интерес для нас представляет прилагательное «grün». В словаре Duden одним из его значений является «noch wenig Erfahrung und geistige Reife besitzend», а также оно отмечается пометой «oft abwertend». Что говорит нам об использовании этого слова для уничижительной, пренебрежительной оценки говорящим объекта обсуждения. Колибри – это псевдоним Мартина Рауха в штази, а фраза произносится одним из высокопоставленных лиц в ГДР. Так как Мартин является новичком в разведке, все его донесения подвергаются сомнениям. Он заявляет, что ФРГ не планирует начинать войну с ГДР, однако чиновники не верят ему и называют его «зеленым», чтобы подчеркнуть его неопытность и молодость. В русском языке прилагательное «зеленый» имеет переносное значение – «молодой, неопытный, плохо знающий жизнь» и относится к разговорной лексике. Значения слов совпадают в обоих языках, поэтому переводчики используют словарный эквивалент для передачи оценочного суждения. При этом сохраняется и эмоционально-оценочное значение фразы и заложенный в ней смысл.

...Krieg, der uns aufgezwungen wurde.

... ведение навязанной нам войны.

По своей сути глагол «aufzwingen» уже содержит в себе эмоционально-оценочное значение «gewaltsam auferlegen; zwingen, etwas anzunehmen», потому что речь идет о навязывании чего-то путем применения силы. В данной фразе речь идет о возможном начале войны между НАТО и Советским Союзом. Американский генерал подчеркивает, что не хочет войны, что она навязывается со стороны СССР. Чтобы показать его отрицательное отношение к этой возможной войне используется словарный эквивалент «навязанный», который полноценно передает заложенное в оригинальной фразе эмоционально-оценочное значение.

Und du bei dem Affentheater ganz vorn mit dabei? А у тебя ведущая роль в этом балагане?

Согласно словарю Duden «Affentheater – im Zusammenhang mit einer bestimmten Angelegenheit stehendes, als unsinnig, lästig oder übertrieben empfundenes Tun» и выделяется пометой «umgangssprachlich abwertend». Эти слова произносит генерал Эдель в отношении своего сына и его участия в демонстрациях, направленных против развертывания ракет Першинг 2 на территории ФРГ и военных учений НАТО. Генерал бундесвера является ярким сторонником всего того, против чего нацелены демонстрации, поэтому он отрицательно к ним относится. Мы с самого начала можем заметить то презрение, которое испытывает генерал к делам сына, его уничижительное отношение к нему. Деятельность Алекса генерал Эдель называет балаганом. Переводчики используют словарный эквивалент, который в полной мере передает эмоционально-оценочное значение исходного слова. Передача происходит без смысловых потерь.

Die lieben diese Scheiße.

Они обожают подобное дерьмо.

Перед началом военных учений НАТО лейтенант Эдель говорит о том, что генералам нравится воевать и использовать оружие. Обобщая свою речь, он и произносит эту фразу, в которой заложена его оценка действительности.

«Scheiße» означает «*Kot*» в прямом смысле этого слова или «etwas sehr Schlechtes, Unerfreuliches, Ärgerliches» в обоих случаях использование этих слов обозначено пометой «*derb oder derb abwertend*». Так как слово «Scheiße» содержит в себе полноценную оценку со стороны Алекса военных учений, переводчики используют словарный эквивалент «*дерьмо*», которое несет в себе такой же посыл, что и слово в оригинале.

Die nützlichen Idioten, deine Pazifisten... Эту краснобай, дурни-пацифисты...

«*Die nützlichen Idioten*» – это пропагандистское клише. В 80-е годы существовало такое понятие как «полезный идиот». Слово использовалось западными политиками для обозначения людей, которые считали себя союзниками Советского Союза или других социалистических стран. Так как демонстрацию, о которой идет речь в момент произнесения фразы, генерал Эдель считает проплаченной коммунистами, значит и все, кто принимают участие в ней, автоматически становятся приверженцами идей коммунизма и Советского Союза, политику против которого поддерживает Эдель.

Для перевода используется слово «*краснобай*», которое в русском языке имеет осуждающий ироничный оттенок и обозначает пустого говоруна. Помнению генерала Эделя демонстрации не являются хорошим способом поддержания мира, он выступает за размещение ядерного оружия в Европе как средства сдерживания Советского союза. Применяется такая лексическая трансформация как модуляция.

Слово «*пацифисты*», произнесенное генералом, тоже имеет отрицательную оценку в контексте данной фразы. Мы уже знаем, что Вольфганг Эдель – генерал бундесвера, и его позиция в отношении ядерного оружия и политики ясна. Он не принимает взглядов своего сына, своей дочери, для него любое мнение, отличное от его, – ложное. Переводчики используют словарный эквивалент, так как это слово и в оригинале, и в переводе передает мнение Эделя, его оценку. Примечательно, что при переводе с субтитрами переводчики добавляют к слову «*пацифисты*» слово «*дурни*» для усиления отрицательной оценки. На наш взгляд это сделано потому, что у актеров дубляжа есть возможность при помощи интонации, произношения передать презрение Эделя к людям, выступающим за мир и антимилитаризм, в то время как субтитры зрители читают сами. Поэтому в субтитрах необходимо в некоторых случаях дополнительно подчеркивать заложенную в словах отрицательную коннотацию, добавляя специальные усилители оценки, чтобы не ввести зрителей в заблуждение.

Ihre Seite ist genau von Scheißdialektik gefangt wie die beim Bund. A no cyti, vaiš trėn такой же гнилой, как и в армии.

Ярким примером эмоционально-оценочной лексики является сложное существительное «*Scheißdialektik*», которое произносит Алекс Эдель в разговоре с представителями движения Раджниш. Молодой лейтенант самовольно покидает армию в поисках лучшей жизни и ищет приюта в вышеуказанном сообществе, однако, находит там лишь разочарование, так как он не может понять идей и стремлений участников движения. Поэтому в пылу разочарования он использует грубую лексику. Диалектика – это искусство ведения диалога, но переводчики хотят избежать использования положительно окрашенной лексики и, чтобы подчеркнуть негативную окраску слова, употребляют грубое, просторечное, фамильярное слово «*трєп*». Сложное существительное переводится как словосочетание существительное+прилагательное посредством таких переводческих трансформаций

как калькирование и модуляция. При таком приеме перевода первая часть композита, как правило, переводится определением. Переводчикам удастся в полной мере справиться с задачей качественного перевода эмоционально-оценочного значения исходного слова.

...bevor eure Mutter und die dazu gehörige bekloppte Schwester hier auftaucht...

...прежде чем ваша мать и ее чокнутая сестра сюда заявятся...

В данном примере интерес вызывает прилагательное «*bekloppt*», которое в словаре Duden определяется следующим образом «*nicht [ganz] bei Verstand, verrückt*» с пометой «*salopp*». В субтитрах для перевода используется прилагательное «*чокнутая*», что является словарным эквивалентом. Использованное слово носит негативный, высмеивающий характер, показывает фамильярное отношение персонажа, а именно генерала Эделя, к сестре своей жены. Переводчики справляются с передачей прагматического эффекта оригинала, благодаря чему на реципиента текста перевода оказывается такое же влияние, что и на реципиента исходного варианта фразы.

Ihr zwei, ihr seid Traumpaar. Вы идеальная пара.

Согласно словарю Duden «*Traumpaar*» это «*ideales Paar*» с пометой «*emotional*». В субтитрах переводчиками используется функциональное соответствие, уже существующий в русском языке эквивалент «*идеальная пара*». В сериале эти слова говорятся двум лейтенантам, которые во время военных учений отвлекаются, не выполняют задания старшего офицера. Поэтому он с сарказмом говорит «*идеальная пара*», чтобы высмеять их, так как в значении этого словосочетания заложены романтические отношения.

Ich habe die Schnauze langsam voll. Я уже сыт по горло.

Генерал Эдель звонит домой, чтобы отыскать своего сына Алекса, который самовольно покинул службу, однако не находит его и, поэтому говорит эту фразу. Он взбешен, разочарован и разгневан, поэтому использует более грубый вариант фразеологизма «*die Nase voll haben*» со словом «*die Schnauze*». Перевод обоих фразеологизмов гласит «*быть сытым по горло*», однако второй вариант более грубый, в словаре он выделен пометой «*salopp*» и означает «*keine Lust mehr haben, einer Sache überdrüssig sein*». Для перевода используется словарный эквивалент, который в полной мере передает эмоции говорящего и его оценку действий другого персонажа.

Verpiss dich schön! Пошёл ты!

Начальник Рауха Тишбер убивает секретаря, который узнал, что Раух тайный агент. За свои действия Тишбер просит у Рауха благодарности. В данном примере интерес также вызывает прилагательное «*schön*», которое на русский язык, к сожалению, не передается, однако в оригинальной фразе появляется из-за немецкого «спасибо», а именно «*Danke schön*». Раух недоволен убийством Линды и вместо спасибо говорит «*Verpiss dich*». В словаре Duden это слово обозначает «*sich [heimlich] entfernen, [unbemerkt] davongehen; sich davonmachen*» с пометой «*salopp*». В русском языке словарным эквивалентом является «*пошел ты*», который переводчики и используют. Однако при переводе теряется слово «*schön*», которое в оригинальной фразе передает издевку Морица Рауха над своим начальником и его действиями. Эмоционально-оценочное значение фразы при переводе сохраняется, однако происходит частичная смысловая потеря из-за отсутствия в русском варианте иронии оригинала.

Linda ist tot, Sie verdammter Wichser! Линда мертва, козёл ты такой!

Секретарь Линда, которая узнала, что Раух является секретным агентом ГДР, убита Тишбером, чтобы скрыть этот факт. Раух в порыве гнева называет своего

начальника «*verdammter Wichser*», однако с иронией он сохраняет вежливое обращение к вышестоящему человеку «*Sie*». Слово «*Wichser*» является очень грубым словом и выделяется пометой «*derb abwertend*». Для данного ругательства мы нашли словарный эквивалент «*ну ты и сволочь*». Однако переводчики используют близкое по значению «*козел ты такой*», которое в достаточной мере передает эмоции Рауха в связи с убийством Линды. Но переводчики отказываются в субтитрах от передачи насмешливого обращения Рауха на Вы к своему начальнику, при этом теряется ироничная окраска фразы. Для перевода ругательства переводчики используют компенсацию.

Wir sind keine Kriegstreiber. Мы не разжигаем войну.

В данном примере к эмоционально-оценочной лексике можно отнести существительное «*Kriegstreiber*», которое в орфографическом словаре немецкого языка Duden обозначает «*Person, die zum Krieg aufhetzt*» и выделено пометой «*abwertend*». В субтитрах используется грамматическая замена. Существительное «*Kriegstreiber*» заменяется словосочетанием «*не разжигаем войну*», однако это никаким образом не влияет на значение и оценочный оттенок высказывания. Эту фразу произносит генерал НАТО во время обсуждения размещения ядерных ракет в Европе как средства сдерживания Советского Союза. Слово отображает негативную эмоциональную окраску, которая сохраняется при переводе.

Hören Sie auf, mir in die Suppe zu pinkeln und zu sagen Sie wollen sie nur abkühlen.

Не надо ссать в мой суп и говорить, что так быстрее остынет!

Генерал Эдель очень резкий человек, который не стесняется использовать грубую лексику в своей речи. Данное высказывание выражает негативную оценку слов Тишбера. В словаре Duden основным значением слова «*pinkeln*» является «*urinieren*» и отмечается, что слово используется в разговорной речи, а именно «*umgangssprachlich*». Для перевода используется словарный эквивалент «*ссать*», который относится к вульгарной лексике согласно толковому словарю. В субтитрах важно подчеркнуть силу и яркость эмоционально-оценочного значения слова, так как зрителям самим нужно будет разобраться в содержании оценки, которая при дублированном переводе сериала может передаваться через интонацию актеров дубляжа.

...Enthauptungsschlag auf Moskau.

...обезглавит Москву атакой.

Во время дешифровки документов, принадлежащих НАТО, секретные агенты ГДР узнают, что планируется атака на Москву. При этом в сериале используется сложное слово «*Enthauptungsschlag*». Для его перевода переводчики используют такую трансформацию как калькирование. Происходит перевод составных частей сложного слова, при этом используется грамматическая замена. Так как из композита после перевода получается словосочетание «*глагол+существительное*». В немецком языке само слово

«*Enthauptungsschlag*» происходит из военной доктрины о ядерной стратегии, которая составляет основу стратегии ведения ядерной войны.

Nicht genug, dass ich mich mit den kommunistischen Maulwürfen befassen muss.

Мало мне кротов-коммунистов на собственной базе.

«Maulwurf» в словаре Duden – Agent, der über lange Zeit im Hinter-oder

Untergrund bleibt. Можно подобрать словарный эквивалент «*крот*». И в немецком, и в русском языках слово относится к жаргонизмам. Крот – агент, глубоко инкорпорированный в структуру противоположенных сил, как правило, поставляющий особо важную, засекреченную информацию.

Также интерес вызывает прилагательное *«kommunistisch»*. В субтитрах используется грамматическая трансформация, а именно замена части речи. На наш взгляд, это сделано для удобства составления субтитров, так как получившаяся фраза короче, чем та, что используется при дубляже. Однако переводческая трансформация не влияет на эмоционально-оценочное значение фразы в целом. Переводчикам удалось решить прагматическую задачу перевода.

Du wirst im Knast verrotten...Ты сгниёшь в тюрьме...

Данная фраза произносится Раухом его сослуживцу Алексу Эделю, который в момент драки с американским генералом становится соучастником убийства. Чтобы привести в чувство Эделя и увести его с места убийства, Раух использует данные слова. Переводчики используют словарные эквиваленты для передачи коннотативного значения оригинальной фразы. Глагол *«verrotten»* означает *«faulen, modern und sich zersetzen»* и переводится на русский как *«гнить»*, что само по себе вызывает отрицательные чувства у реципиентов перевода. Существительное *«Knast»* в немецком языке используется в разговорной речи, у него есть более литературный синоним *«Gefängnis»*. Чтобы передать негативную оценку, нет необходимости заменять это слово, так как у людей понятие «тюрьма» вызывает отрицательную оценку. Эквивалентный перевод в данном случае в полном мере передает эмоционально-оценочное значение, заложенное в оригинальной фразе.

Заключение. Всего было рассмотрено 20 реплик, содержащих эмоционально-оценочную лексику, и их субтитрированный перевод. Проведя сравнительно-сопоставительный анализ, было выявлено, что при переводе такой лексики наиболее частым является применение эквивалентного перевода для сохранения экспрессивности высказывания. Он используется в 10 из 20 случаев. Второй по частотности использования является модуляция или смысловое развитие. Также переводчиками использовалась компенсация как способ передачи эмоционально-оценочного значения слова и фразы в целом. Наиболее редко переводчики применяли калькирование и грамматическую замену.

Результаты анализа позволили сделать заключение, что при переводе эмоционально-оценочной лексики главным способом при субтитрировании выступает подбор словарного соответствия. Это обосновывается задачей переводчика воссоздать при переводе влияние на реципиента, равноценное тому, которое оказывает на зрителя оригинальное аудиовизуальное произведение. Помимо этого, на выбор способа перевода влияют также экстралингвистические факторы и особенности, присущие разным видам аудиовизуального перевода.

Например, для субтитров характерны более компактные фразы, так как они должны возникать одновременно с началом высказывания и исчезать с ее окончанием, помимо этого, субтитры не должны превышать размера 2 строк, или же 40 символов на экране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлас И.А. Синтаксические средства выражения эмоциональной оценки [Электронный ресурс] / И.А. Атлас // Вестник БГУ. – 2012. – № 11. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksicheskie-sredstva-vyrazheniya-emotsionalnoy-otsenki> (дата обращения: 21.12.2021).
2. Горшкова В.Е. Перевод в кино: дублирование vs субтитры / В.Е. Горшкова // Вестник СибГУ. – 2006. – № 7. – С. 25–32.
3. Закирова Д.Р. Трудности перевода немецких субтитров (на материале сериала «В розыске») / Д.Р. Закирова // Научный аспект. – Самара, 2020. – № 2. – С. 950–954.

4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – Москва: Высш. шк., 1990. – 216 с.
5. Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка / О.А. Кострова. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2004. – 240 с.
6. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке / Т.В. Маркелова // Учеб. пособие по спецкурсу. – М.: Изд-во МПУ, 1993.
7. Специалист в области перевода и медиадоступности: в рамках компетенций / А.В. Козуляев [и др.]. – Казань: Бук, 2021. – 46 с.
8. Фадеева Л.В. Эмоционально-оценочная лексика как элемент субъективной информации (на материале немецкого языка) / Л.В. Фадеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. - № 7. – С. 178–185.
9. Фомина З.Е. Эмоционально-оценочная лексика в русском и немецком языках / З.Е. Фомина // Очерки по русско-немецкой контрастивной лингвистике: лексика, синтаксис. – 1995. - № 7. – С. 4–28.
10. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: ЛКИ, 2008. – 280 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва: URSS, 2021. – 576 с.
12. Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: Свыше 12000 слов / В.Д. Девкин. – Москва: Русский язык, 1994. – 768 с.
13. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с. – С. 125.
14. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Аз, 1996. – 734 с.
15. Duden. Onlinewörterbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения: 27.10.2021).

REFERENCES

1. Atlas, I. A. Sintaksicheskie sredstva vyrazheniya ehmocional'noj ocenki [Syntactic means of expressing emotional assessment] [Elektronnyj resurs] / I. A. Atlas // Vestnik BGU. – 2012. – № 11. – Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/sintaksicheskie-sredstva-vyrazheniya-emosionalnoy-otsenki> – 21.12.2021. (In Russian)
2. Gorshkova, V. E. Perevod v kino: dublirovanie vs subtitry [Translation into cinema: dubbing vs subtitles] / V. E. Gorshkova // Vestnik SiBGU. – 2006. – № 7. – S. 25-32. (In Russian)
3. Zakirova D. R. Trudnosti perevoda nemeckikh subtitrov (na materiale seriala «V rozyskE») [Difficulties in translating German subtitles (based on the series “Wanted”)] / D. R. Zakirova // Nauchnyj aspekt. – Samara, 2020. – № 2. – S. 950-954. (In Russian)
4. Komissarov, V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Theory of translation (linguistic aspects)]: Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. / V. N. Komissarov. – Moskva: Vyssh. shk., 1990. – 216 s. (In Russian)
5. Kostrova, O. A. Ehkspressivnyj sintaksis sovremenogo nemeckogo yazyka [Expressive syntax of the modern German language] / O. A. Kostrova. – M.: Moskovskij psikhologo-social'nyj institut, 2004.–240 s. (In Russian)
6. Markelova, T.V. Semantika ocenki i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke [Semantics of evaluation and means of its expression in Russian] / T.V. Markelova // Ucheb.posobie po speckursu. – M.: Izd-vo MPU, 1993. (In Russian)
7. Specialist v oblasti perevoda i mediadostupnosti: v ramkakh kompetencij [Specialist in the field of translation and media accessibility: within the scope of competence] / A. V. Kozulyaev [i dr.]. – Kazan': Buk, 2021. – 46 s. (In Russian)
8. Fadeeva, L. V. Ehmocional'no-ocenochnaya leksika kak ehlement sub"ektivnoj informacii (na materiale nemeckogo yazyka) [Emotional-evaluative vocabulary as an element of subjective information (based on the material of the German language)] / L.V. Fadeeva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. - № 7. – S. 178- 185. (In Russian)
9. Fomina, Z. E. Ehmocional'no-ocenochnaya leksika v russkom i nemeckom yazykakh [Emotional-evaluative vocabulary in Russian and German languages] / Z. E. Fomina // Ocherki po russko-nemeckoj kontrastivnoj lingvistike: leksika, sintaksis. – 1995. - № 7. – S. 4-28. (In Russian)

10. Shmelev, D. N. Problemy semanticheskogo analiza leksiki [Problems of semantic analysis of vocabulary] / D. N. Shmelev – М.: LKI, 2008. – 280 s. (In Russian)

Поступила в редакцию 26.05.2024 г.

FEATURES OF TRANSLATING EMOTIONAL-EVALUATIVE VOCABULARY DURING SUBTITLING

L.A. Pasechnaya, G.S. Strenadyuk

The article is devoted to identifying translation transformations used in the transmission of emotional and evaluative vocabulary in the series “Germany 83” during subtitling. The relevance of the study is due to the fact that subtitling is one of the most common types of translation in cinema and imposes a number of special requirements on the translator, both linguistic and technical. The authors analyze lexical units that have different shades of emotional connotation. According to the authors, certain difficulties in translating emotional-evaluative vocabulary arise due to the non-standard contextual dependence of emotional-evaluative vocabulary and its associative conditionality. In the process of research, the meanings of words and their relationships with other words in the original and translation texts were revealed. As a result of the analysis of remarks containing emotional and evaluative vocabulary, grammatical transformations and lexical translation techniques were identified, which made it possible to adequately convey information, preserve its volume, as well as the artistic and aesthetic impact on the recipient.

Key words: subtitles, subtitling, emotional-evaluative vocabulary, expressiveness, complex translation technologies, translation transformation, dictionary equivalent, grammatical replacement, modulation.

Пасечная Людмила Алексеевна.

Кандидат педагогических наук, доцент.
Оренбургский государственный университет,
Российская Федерация, г. Оренбург.
Доцент кафедры немецкой филологии и
методики преподавания немецкого языка.

ORCID: 0009-0006-3659-6178.

E-mail: lyudmila-pasechnaya@yandex.ru

Стренадюк Галина Сергеевна.

Кандидат педагогических наук.
Оренбургский государственный университет,
Российская Федерация, г. Оренбург.
Доцент кафедры немецкой филологии и
методики преподавания немецкого языка.

ORCID 0000-0002-2522-3791.

E-mail: light63@mail.ru

Pasechnaya Lyudmila Alekseevna.

Candidate of Pedagogy, Associate Professor.
Orenburg State University, The Russian Federation,
Orenburg.
Associate Professor of the Department of German
Philology and Methods of Teaching German
Language.

ORCID: 0009-0006-3659-6178.

E-mail: lyudmila-pasechnaya@yandex.ru

Strenadyuk Galina Sergeevna.

Candidate of Pedagogy.
Orenburg State University, The Russian Federation,
Orenburg.
Associate Professor of the Department of German
Philology and Methods of Teaching German
Language.

ORCID 0000-0002-2522-3791.

E-mail: light63@mail.ru

Научная статья
УДК 811.16+811.135
DOI: 10.5281/zenodo.12566596

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА ЯССЫ
(ДР.-РУС. ЯСЬСКИЙ ТОРГЪ, РУМ. IĂȘI, ВЕНГ. JÁSZVÁSÁR, БОЛГ. ЯШ И ДР.)

© 2024 Н.Л. Сухачёв¹, М.Д. Королькова²

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт лингвистических исследований российской академии наук»

¹ORCID 0009-0008-4179-0017.

²ORCID 0000-0003-4368-154X.

В статье обобщены итоги этимологизирования топонима *Iăși*, включая так называемую народную этимологию. В частности, уделено внимание гипотезам, относящим рассматриваемое название к антропотопонимам или к этнотопонимам. Приводятся сведения об этимологически тождественных или гетерогенных, но фонетически соотносимых с рассматриваемым названием и типологически значимых формах. Авторы полагают, что для корректной постановки вопроса о происхождении тех или иных топонимов необходимо по возможности выявлять исторические реалии, оценивая их временную и территориальную близость, а также считаться с разбросом написаний (и произношения) этимологически тождественных форм.

Ключевые слова: Балканский полуостров, балканистика, история, Карпатская зона, межэтнические контакты, ономастика, топонимия, этимология

Для цитирования: Сухачёв Н.Л. К этимологии топонима *яссы* (др.-рус. *ясьскый торгъ*, рум. *iăși*, венг. *jászvásár*, болг. *яш* и др.) / Н.Л. Сухачёв, М.Д. Королькова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 129–138. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12566596>.

Введение. Этимология слова как учение о его истинном значении (др.-греч. ἔτυμον – истина и λόγος – слово) требует от исследователя максимальной непредвзятости при сборе материала. Нередко беспристрастная каталогизация версий открывает новые стороны в происхождении загадочных слов и названий.

Как отмечал О. Винцелер, уже в начале XX в. Г. Гибэнеску писал об обилии литературы, посвященной названию г. *Яссы* [3, с. 120]³. В. Богря⁴, констатируя, что этимологию *Ясс* «искали даже в печенежском (от орды *Ясы-хубан* (*Jasy-huban*)⁵ – Томашек (ср. *gyász ország* в народных песнях секуев), и куманском – *Шэиняну*)» [10, с. 302]⁶, предпочел этим поискам народную этимологию Д. Кантемира: «Особую

³ Ср.: «Начало Ясс неведомо. Бывшая столица Молдовы издавна привлекала внимание историков, так что сегодня мы имеем обширную литературу по этому вопросу» [Ghibănescu 1903. P. 1]. Гибэнеску в основном оспаривал мнения венгерских коллег о связи формы *Iăși* с упоминаниями в латинских источниках язигов и ассов (Daci Iazyges, Daci Iassones, как и Iazyges Hungari) [ibid. P. 9–10 ss.]. Автор возводит рассматриваемый топоним к слав. *ясень*: “*Iăși înseamnă doar frășineț*” «*Яссы* означает всего лишь *ясень*» [ibid. P. 63].

⁴ В статье «Некоторые соображения о румынской топонимии» (1-я публ.: *Câteva considerații asupra toponimiei românești* // *Dacoromania*. 1920-1921. Vol. I. P. 210–219.

⁵ Ср. далее раздел: 3.2.

⁶ Богря ссылается на В. Томашека и Л. Шэиняну по [Bogdan 1913. P. 13 и сл.]

авторитетность свидетельству Кантемира и Бандини⁷ придает тот факт, что оно опирается на народную традицию. Это не означает, правда, что народную традицию следует соблюдать в целом и что, в частности, название *Ясс*, не может быть более древним⁸» [там же]. Богря упоминает Бандини и Кантемира, имея в виду бытование легенд о происхождении г. *Яссы* во второй половине XVII – начале XVIII вв.

Материалы и методы исследования. Осуществленный С.Р. Тохтасевым мастерский анализ негреческих слов в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» [5], к сожалению, вышедший в свет после ухода автора из жизни, показывает, что, когда речь идет о происхождении имен собственных в пределах многоязычных регионов и, соответственно, об этимологиях, привлекающих разнородную иноязычную лексику, не всегда можно опираться на строгие фонетические критерии.

Основная часть.

1. Город Яссы.

Рум. *Iăși*, 47°09'44" с. ш. 27°35'20" в. д., также книж. *Iășii*, *Târgu Ieșilor* (калька с др.-рус.), лат. *Iassi*, столица кн. Молдова (в 1564–1862 гг.), центр. ист. обл. Молдова, центр *Ясского у.*, Румыния. Город расположен на р. Бахлуй (пр. р. Жижия) между *Ясским* хребтом и долиной реки Жижия⁹, с XV в. он становится известным как ремесленный, торговый и таможенный пункт.

Грамматически рум. *Iășii* pl. ← *Iăși* (эта исходная форма уже содержит показатель *-i* pl. – в названии *Târgu Ieșilor*, он подкреплён постпозитивным определённым артиклем: мн. ч., род. *-lor*). Отмечен также вариант *Iaş* sg., который А. Филиппиде считал аналогическим образованием от *Iăși* pl. [13, с. 730]. Варьирующие написания в основном представлены формой множественного числа: *Iassi*, *Iassy*, *Iasy*, *Iășai*, *Iășe*, наряду с *Eșii* (1776), *Eășii* (1837).

Впервые *Яссы* упоминаются в списке «А се имена всимъ градомъ рускимъ, далнимъ и ближнимъ» в приложении к «Новгородской первой летописи»: *Ясьскыи торгъ на Прутъ рѣчь* [16] – условная датировка этой записи между 1388 и 1391 гг.; ср.: [18, с. 151]. В соответствующем списке к «Новгородской четвертой летописи» (ок. 1437–1447 гг.) читаем: *Асіускыи торгъ на Прутъ рѣчь*¹⁰ [16, с. 623–624], ср. рум. *Târgu Ieșilor*.

Первое упоминание *Ясс* в румынских источниках отмечено 18 октября 1408 г. – в привилегии, выданной господарем Молдовы Александром Добрым¹¹ купцам из Львова. Упоминание города в 1424 г. связано «...с преданием о возвращении домой баварского кавалера Шилтбергера¹² из турецкого рабства» [3, с. 121]. В 1564 г. Александру Лэпушняну¹³ перенес столицу княжества из Сучавы в *Яссы*.

⁷ Марко Бандини – католический миссионер. Его труд «*Visitatio generalis omnium ecclesiarum catholicarum romani ritus in Provincia Moldaviae*» (1646–1648; изд.: *Memoriile Academiei Române. Seria 2. 1895. V. 16.*) содержит описание 33 н. п. Молдовы, в том числе г. Яссы, в котором автор был несколько раз (ему посвящена глава XLI). Бандини также упомянул, что тот, кто дал г. Яссы, был пастухом.

⁸ Археологические находки в пределах территории *Ясс* подтверждают наличие на ней поселений, начиная с античного времени.

⁹ Определяется и как «город на семи холмах» [Constantin 2011, 151], явно не без культурных аллюзий на столицу Римской империи, что отметил уже М. Бандини.

¹⁰ Условность локализации топонима в данном случае можно игнорировать.

¹¹ Рум. Alexandru cel Bun, господарь Молдовы в 1400–1432 гг.

¹² И. Шилтбергер (Johannes Schiltberger, 1381 – ок. 1440 или 1450), солдат и путешественник из Баварии, автор записок о пребывании в плену у турок и монголов (1-я публ.: 1475). См.: Путешествие Ивана Шилтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / Пер. с нем. и снабдил примеч. Ф. Брун // Зап. имп. Новороссийского университета. 1867. Т. 1 (переизд.: Ереван, 2012).

¹³ Рум. Alexandru Lăpușeanu, господарь Молдовы в 1552–1561 и в 1564–1568.

1.1. Катайконим. рум. *ieșean(că)* m. (f.) ← *Iăș-* + *-ean* (+ *-că*); pl.: *ieșeni* m., *ieșene* f., но также *iasiot* ← *Iăși-* / *-ot*, *Iăș-* + *-i ot* [20, с. 122], что для румынского языка непривычно.

2. Этимологически тождественные и гетерогенные формы.

2.1. Антропонимы. *Esanu*, *Eseanu*, [21, с. 253], *Eșanu* = *Ешану*, *Езяну* л. и. рум. *Ezeanu* [Jordan] ср.: *Езень*.

2.1.2. Яша рус. л. и., м., dim., *Яши* pl. ← *Яков* ← др.-рус. *Иаковъ* < др.-греч. *Ἰακώβος* < ивр. *Ya'aqov* 'Яков, Иаков' (библ.); белор. *Яку́б* < польск. *Jakób* < лат. *Jacobus*; рум. *Iăș* (< (?) рус.) (ср.: *Яссы*). Речь идет о народной этимологии, сблизившей антропоним с рассматриваемым топонимом.

2.2. Этнонимы. **2.2.1. Языги** pl., также *язиги* – название одного из кочевых сарматских племён. Этот этнос и следующие ниже *ясы* и *яси* в источниках явно контаминируют, ср.: «...между Данувием и Герцинским лесом вплоть до Паннонских зимних стоянок Карнунта и границы германцев, поля и равнины занимают **языги-сарматы**, а даки, изгнанные ими – горы и леса до реки Патисс» [15, с. 805]. И далее: «Южную границу составляют: **языги метанасты** (переселенцы) от южного предела Сарматских гор до начала горы Карпата, которая находится под 46° -48°30', и соседняя Дакия около той же параллели до устья реки Борисфена...» [там же: V, 6].

2.2.2. Яс, яси pl. (др.-греч. *Ἰας*, *Ἰασαί*, *Ἰασσιοί*, лат. *Iasi*) [23].

2.2.3. Ясин, яси pl. – старое название осетин, др.-рус. *яси* *Ἰαανοί*, прилаг. *ясьскъ* [22, с. 16]; *Ясьскийи търг* "Яссы в Румынии" <...> др.-ир., авест. *āsu-* 'быстрый', нов.-перс *āhū* 'газель' <...> из др.-русск. происходит венг. *Jász*¹⁴ <...> рум. *Iăși* 'Яссы'...» [6: IV, с. 564–565].

2.2.4. Ясы pl. венг. *jászok*, лат. *Jasones* – этническая группа, обитающая в исторической области *Ясшаг*.

2.3. Хоронимы. **2.3.1. Ясшаг**, также *Языгия*, (венг. *Jászság*, *Jazygia*, мед. *Яс-Надькун-Сольнок*, Венгрия), ист. обл. в центральной части Среднедунайской равнины, в междуречье Тисы и Задьвы. Название возводится к ясам или аланам [2, с. 253–254].

2.3.2. Ясский у. (лат. *Ager Iassiensis*, рум. *Județul Jași*) [14, с. 176], ср.: *Яссы*.

2.4. Топонимы. *Iăși* 1, с 1569 г. ← (?) л. и. *Iăș* (< др.-рус. *Jasi* = *Яси* 'аланы') [1]. По фонетическим соответствиям возведение топонима к антропониму допустимо, но уменьшительное *Яша* (← *Иаков*, *Яков*) – это славянская форма *Iăși*, в том числе в восприятии румын. Она встречается и применительно другим н. п., в том числе в составных образованиях: *Iășii de Jos* букв. «Нижние Яссы»; *Iășii de la Curteni* «Яссы Придворных», ком. Бузоешть и др. Фонетические варианты: *Iășu*; *Iăși*, н. п., у. Брашов; *Iăși-Gorj*, н. п., у. Горж; *Iășu*, н. п., у. Харгита; *Cerbureni-Iășul*, ком. (ок. 1785 г. – до 1950: до 1864 г. – владения монастыря Арджеш). Дер. *Cerbureni* 45°12'26" сев. ш. 24°41'42" вост. долг. (упом. в дарственной грамоте монастырю Арджеш от 1 июня 1475 г.), расположена на возв. Dealul Cerbilor букв. 'Гора Оленей' (рум. *cerb(uri)* m. (pl.) 'олень' < лат. *cervus id.*). Коммуна включает дер. Чербурень и *Валя Яшулуй* (букв. *Долина Яс*) [26].

Valea Iășului дер. (упом. в дарственной грамоте Басараба Старого монастырю Арджеш от 4 апреля 1523 г.), ком. (с 1950 г. – 9 деревень) 45° 9' с. ш. 24°42' в. д., быв. ком. *Cerbureni-Iășul*, с.-з. у. Арджеш, на левом берегу р. Арджеш,

Iasi, уезд Брашова, *Jaas* – 1534¹⁵, *Jaas* – 1590,

Jaad – 1630, *Jaas* – 1633, *Jaas*, *Jaasi* – 1668, *Ias* – 1640,

Jass – 1733, *Iasch* – 1750, *Jats* – 1760–1762, *Jaz* – 1850,

Jaas, *Ias* – 1854. *Iasul* Одорхей,

¹⁴ Ссылка на: Гомбоц 3. (Gombocz: 107).

¹⁵ Здесь и далее в этом параграфе – дата первого упоминания.

Jastjafalwa – 1566, *Jastffalwa* – 1567, *Jastfalva* – 1576, *Jasdfalva* – 1602, *Jasfalva* – 1712, *Iasfalva* – 1805, *Jasfalva*, *Iasfalau* – 1854. [Suciu 1966. I, 301].

2.4.1. *Езень*, рум. *Ezeni* с. (ком. Филипештий де Тырг); ранее относилось к ком. Дэрмэнешть (с 1887), Брэтэшанка (в 1931–1932), Дитешть (с 1932). Также имение (ком. Филипештий де Тырг) < pl. col. л. и. *Ezeanu* [19, с. 3].

2.4.2. *Яськый Дедеяков* г., XIII в., Северный Кавказ (местонахождение не установлено): «Князь же Ростовский Глеб Василькович <...> и иные князи мнози с бояры и слугами поехаши на войну с царем Менгутемером¹⁶, и поможе бог князем русским, взяша славный град **Яськый Дедеяков**, зиме месяца февраля в 8 <...> а супротивных без числа оружием избиша, а град их огнём пожгоша» (Летопись Симеоновская, кон. XV в., под 6785–6786 = 1277–1278 гг.) [16, с. 75].

2.4.3. Предположительно начальный формант *Jász-* (*Яс-*) представлен в названиях 15 населенных пунктов в пределах *Ясшага* (медье *Яс-Надькун-Сольнок*, Венгрия) [4]; *Яш-* (*Яш-*) с палатализованным *-s-* (в позиции перед *-i*)

Ясаго дер., р-н *Ясберень* (венг. *Jászágó*, 47° 35' 26" с. ш. 19° 51' 55" в. д.);

Ясанати г. (венг. *Jászapáti*, 47° 31' с. ш. 20° 8' 60" в. д.);

Ясароксаладани (венг. *Jászárokszállás*, 47° 37' 59,8828" с. ш. 19° 58' 59,8773" в. д.);

Ясароксалаш, см. *Ясфеньсару*;

Ясберень г., центр р-на (венг. *Jászberény*, , упом. с XIII в., 47°30' с. ш. 19°55' в. д.);

Ясболдогаза дер., р-н *Ясберень* (венг. *Jászboldogháza*, 47° 22'14" с. ш. 19° 59'51" в. д.);

Ясдожа дер., р-н *Ясанати* (венг. *Jászdózsa*, 47° 34' 00" с. ш. 20° 01' 00" в. д.);

Яскисер г. (венг. *Jázkisér*, 47° 27' 18" с. ш. 20° 12' 6 в. д.);

Ясладань дер., р-н *Ясанати* (венг. *Jászladány*, 47° 21' 53" с. ш. 20° 09' 52" в. д.);

Ясивани дер., р-н *Ясанати* (венг. *Jászivány*, 47° 32' 00" с. ш. 20° 15' 00" в. д.);

Яссентандраш н. п. сельск. (венг. *Jaszszentándras*, 47°34'58" сев. ш. 20°10'24" вост. д.);

Ястелек с., венг. *Jásztelek* (мед. *Яс-Надькун-Сольнок*, 47° 28' 56 " с. ш. 20° 00' 04" в. д.);

Ясфеньсару г., р-н Дьёр-Мошон-Шопрон, также *Ясароксалаш* (венг. *Jászfényszaru*, 47° 57' 22" с. ш. 19° 71' 94" в. д.);

Ясьякохальма дер., (венг. *Jászáköhalma*, 47° 31' 19" с. ш. 19° 59' 20,8" в. д.).

В 1239 г. король Бела IV разрешил поселение куманов (половцев) во главе с ханом Котяном, а также ясов в Венгрии – в центральной части Альфёльда. Численность ясов среди половцев была незначительной, поэтому их не воспринимали как особый народ. Впервые этноним *ясы* (лат. *jazon*) встречается в 1323 г. в грамоте Карла I Роберта (Шаробера), закреплявшей автономию *Ясшага* и обязывавшей его жителей к исполнению воинской повинности. В XVII в. ясы полностью перешли на венгерский язык.

В миграцию куманов в Придунавье и на Балканский полуостров, могла быть вовлечена и какая-то часть ясов. Вряд ли она могла оставить на географической карте столь же частые следы, как и куманские. Примечательно само свидетельство о совместных передвижениях ираноязычного и тюркоязычного этносов. Об их сосуществовании в Причерноморской степи можно судить и по восточнославянским источникам. К тому же языковые «следы» венгерских *ясов* (*ассов*) в Карпато-Балканском регионе, могли пересекаться и наслаиваться не только на более ранние «следы» скифского (аланского) происхождения, но и на гетерогенные онимы.

На Дунайской равнине и в сопредельных областях сохранились ономазиологические свидетельства пребывания не только ясов (аланов), но, возможно, и ясов-кельтов в Иллирии, ср.: «*Iasi** этнос Ст. В. *Ιασι* *Ἰλλυρίας* *μέρος* *οἱ* *οἰκουντες* *Ιασαι*; Плин. III 147: *Iasi*; Птол. II 14, 2: *Ἰασσοι*...» [24, с. 216].

¹⁶ Менгу-Тимур (ум. ок. 1282), хан Золотой Орды.

2.4.3. Гетерогенные формы. **2.4.3.1.** *Municipium Iasorum*¹⁷ г., *Муниципиум Ясорум*, а также Аква Балиссае, Джаси, Джазора, в пределах или близ совр. г. Дарувар «CIL, III 4000: *r(es) p(ublica) Ias(orum)* <...> Situla (Ljubliana) 8 1965, p. 107: *m(unic) Iasorum* <...> *Municipium Iasorum* располагался в Дураваре» [24, с. 216].

Это название, похоже, вызвало подделку, оставившую след в истории идей, связанных с названием *Ясс*: «Большую сенсацию вызвала гипотеза о существовании, якобы, текста, содержащего название *Municipium-Dacorum-Iassiorum*, что говорит о наличии в Молдавии муниципалий еще во времена римлян. Эта гипотеза довольно стара и имела многочисленных сторонников. Она была пущена в обращение в конце XVI века и подробно обоснована Стефаном Замосчусом, опубликовавшим надписи относительно какого-то *Praefectus-Municipii-Dacorum-Iassiorum*¹⁸» [3, с. 121].

2.4.3.2. *Яськи с.*, 46°30'54" с. ш. 30°05'03" в. д., основано на р. Турунчук (рукав Днестра) в 1780 г., ныне Биляевский р-н, Одесская обл. = рум. *Iási*¹⁹. Явно это сближение осуществлено Никитой Смокинэ по созвучию с др.-рус. *Ясьскыи торг*. Можно даже допустить, что он следовал версии Н. А. Богдана, который «указывал, что на самом деле *Аскый торг* не идентифицируется с молдавским городом *Яши*, а это относится к большому селу за Днестром, в Одесской области»²⁰ [3, с. 123].

2.4.3.3. дер. *Яссы*, Алольская вол., Пустошинский р-н Псковской обл. (ср. оз. *Яское*) *Яськи дер.*, 55°49'24" с. ш. 30°26'52" в. д., на р. Сенница, Усвятский р-н, Псковская обл., Россия. Эти формы в силу своего географического положения являются омофонами (случайными созвучиями) названия г. *Яссы*; предположительно, они могли бы восходить к *Ясь-* ← др.-рус. *вьсь* 'деревня', ср.: *Вёска* дер. 57°15'14" с. ш. 29°23'24" в. д., на р. Милья, Новоржевский р-н, Псковская обл.

2.4.3.4. *Ясы*²¹ город-крепость, 43°18'00" с. ш. 68°14'37" в. д., Туркестанская обл., Казахстан, также *Яссы*, XII–XV вв., до XII в., каз. *Yassy* – Шавгар, Шавагар (с X в.); после XV в. – Туркестан. В городе отмечено несколько микропонимов, включающих формант *Яссы*. В письменных источниках это название впервые появляется в середине XIII в. в связи с поездкой в 1255 г. армянского царя Гетума в ставки монгольских ханов Батия и Мунке. *Ясы* как *Асон* упоминается в числе других крупных городов, через которое проехало посольство Гетума на обратном пути. Оним возводят к др.-монг. *яссы* 'счастливей', что ничем не подкрепляется, кроме звукового совпадения. По легенде это название принадлежит одному из монгольских вождей XV–XVI вв. Когда он остановился во главе войска у озера на ночлег, ему было видение, что на противоположном берегу его ждёт русское войско (что и было на самом деле) и он погибнет. На рассвете вождь приказал повернуть назад, назвав озеро «Счастливым».

Нельзя исключить, что данный топоним отражает тюрк. *йасы* / *yassi* 'плоский; ровный; широкий' (турк. *jasy*, азерб. *jasty*, тат. *jassy*, уйг. *йеси* и др.) [7, с. 155–156].

2.5. Ороним. *Valea Iasului* sg., букв. *Ясская долина*.

Gura Iasului sg., букв. *Ясский пот* = проход (вход в долину)

¹⁷ Этот элемент предположительно подразумевает кочевых языгов (*lazyges Metanstae*) или сарматов, в I в. до н. э. обосновавшихся между Тиссой и Дунаем.

¹⁸ Имеется в виду публикация: *Zamosius (Zamoscius) St. Analecta lapidarum vetustorum nonnolorum Dacia antiquitarum. Frankfurt am Main; Padova, 1513* (2-е изд.: 1593).

¹⁹ См. карту, составленную Н.П. Смокинэ «Заднеэстровские румыны»: *Români Transnistreni / N.P. Smochină. [1940]*.

²⁰ О. Винцелер продолжает «По нашим информациям, пока никто не возражал против этого мнения, но и не подтвердил его» [Винцелер 1992. С. 123], ссылка на: Bogdan 1913. P. 31.

²¹ В нем жил и похоронен Ходжа Ахмед Ясави (1103–1166), философ, исламский проповедник и суфийский поэт, известный и как Хазрет Султан. Сохранился воздвигнутый над его могилой мавзолей.

Ясский хребет – явно вторичное образование (по г. *Яссы*, близ которого расположен); также *Ясские горы* – похоже искаженный перевод рум. *Codrii Jaşului*, букв. *Ясский лес*, ср. болг. гора «лес», серб. гора «гора; лес».

2.6.1 Гидроним. *Ясы оз.*, также *Яссы*, на р. Торопа, Васильевское сельское поселение, Торопецкий р-н, Тверская обл. [17, с. 462].

2.6.2. Яссы р., также *Джасы*, кирг. *Džasy*, впадает в Андижанское вдхр. Ошская обл., Киргизия [17, с. 115]

2.6.3. Яское оз., также *Яссы*, *Ясы*, Алольская волость Пустошкинского р-на, Псковская обл. По восточному берегу проходит граница с Щукинской вол.; на берегу расположена среди прочих дер. *Яссы* (ср. выше), что дает основание считать гидроним производным от его названия. Возможно, эти гидронимы являются отражением упомянутого выше ст.-слав. *вьсь* «деревня», др.-иран. *viš* «дом», лат. *vicus* «селение» и др. [6, с. 305]. Для Псковской обл. можно допустить и связь или контаминацию с др.-рус. *Весь* – прибалтийско-финская народность к востоку от Новгорода < фин. *Vepsä* **Vepsi* ‘вепсы’ (форма на -ь предположительно собирательное имя) [там же], ср. например, *Весьегонск*, стар. *Весь Егонская* ← этноним + р. Егна [там же].

Венгерское соответствие индоевропейских форм, скорее всего, заимствованное из латыни дало еще один рефлекс, отмеченный в качестве одного из названий ком. *Брынковенешть*, у. Муреш, Трансильвания, рум. *Brâncoveneşti* (46°52' с.ш. 24°46' в.д.), бывшее *Ечиу* (*Ieciu*) и *Делавранча* (*Delavrancea*), венг. *Марошвеч* (*Marosvécs*, [mɒroʃve:tʃ]) или *Веч* (*Vécs*, нем. *Wetsch*). Композит *Ieciu-Brâncoveneşti, castrum Wechen* (sic! но похоже на опечатку) определяется как крестьянское укрепление в комитате Турда, существовавшее до XV в. [18, с. 158].

2.7. Переводы исходной формы. В 20-х гг. XV в. «...в хрониках отмечается *Ясбазар* (*Яссы*)²². В форме *Ясмаркт* или *Иосмаркт* город появляется в хронике Ульриха фон Рихенталя в 1415²³, а *Ясский господарский двор* отмечен в 1434 году²⁴» [3, с. 121].

3. Этимологические гипотезы.

3.1. Антропотопоним. Д. Кантемир в «Описании Молдавии» (1716) приписывает основание г. *Яссы* господарю Штефану Великому²⁵: «До времени его правления [на месте города] стояла нищая деревня, где жили трое или четверо крестьян и стояла мельница, которой владел некий старик-мельник, по имени *Иоанн*, или уменьшительное *Яши*²⁶. Господарь захотел, чтобы город, который он намеревался построить, сохранил имя старика» [14, с. 176].

3.2. Этнотопоним. В комментариях Валентины и Андрея Ешану²⁷ к изданию Стурдзовского списка «Описания Молдовы» (1762–1764) уточняется: «Если одни историки согласны с мнением Д. Кантемира, другие полагают, что название города восходит к имени *iasî*, данному восточными славянами алланским племенам» [14, с. 300].

²² Ссылка на: *Istoria orasului Iasi*, vol. I, Iasi, 1980, 46.

²³ Составление «Хроники Констанцского собора» А. фон Рихенталя датируется «не позже 1421 г.». Известно 16 списков (1-е изд.: 1483, по списку 1467 г.).

²⁴ Ссылка на: *Istoria orasului Iasi*, vol. I, Iasi, 1980, 46–47.

²⁵ Рум. Ştefan III cel Mare, господарь Молдовы в 1457–1504 гг.

²⁶ Эту форму соотносят и с именем Яков (Iacob).

²⁷ По случайному совпадению патроним *Ешану* (рум. написание *Eşanu*) восходит к катаякониму *ieşeán* «житель города (или уезда) *Яссы*», явно, видоизмененному в результате передачи кириллической графикой, традиционно использовавшейся в Бессарабской губ. и официально принятой в Молдавской АССР в составе УССР (1924–1938 гг.) и в Молдавской ССР (с 1938 по 1989 гг.). В пределах Румынии антропоним встречается в форме *Ieşani*.

Правдоподобность второй из этих этимологий высока. В портулануме, составленном в 1320 г. генуэзцем Джованни из Кариньяно²⁸, территория Молдовы именовалась *Аланией* (ит. *Alania*) [11, с. 42–46]. Тюркский (куманский) источник названия г. *Яссы* допускал В. Томашек, который был уверен, что у Константина Багрянородного обнаруживается «...упоминание о городе *Яссы* в имени *Яси Хубан* (Recte *Giazi Норон*²⁹). Речь идет о периоде X в., когда Молдавия на самом деле находилась под печенежским господством. Однако, как выяснилось позже, название печенежского племени не имеет ничего общего с названием города» [Винцелер 1992. С. 122].

3.4. Природная реалья. По мнению Г. Гибэнеску, в основе топонима *Яссы* «...лежит славянское слово *ясень*. Объясняется это, якобы, тем, что около старого города находился ясеневый лес» [Винцелер 1993. С. 125³⁰]. И на той же странице Гибэнеску допускает, что в названии города «нельзя видеть ни куманское *Yasz* (*яс*), ни аланское *яси*, названные таким образом, быть может, славянскими племенами по луку из ясеня, который аланы носили в качестве обычного оружия» [там же]. Такая версия противоречит хотя бы летописному др.-рус. *Ясьскыи торгъ* = рум. *Târgu Ieşilor*

3.3. Историзм. «Из других мнений представляет интерес гипотеза татаро-монгольского происхождения – от *iasah*, документ о сборе дани, выдаваемый ханом, или славянского – от *jaseni* [8]³¹» [В. и А. Ешану в кн.: 14, с. 300].

«Одна из последних теорий относительно происхождения названия молдавского города *Яши* принадлежит ясскому топонимисту Михаю Лозбэ, который исследуя выводы археологов и историков, установил, что на месте нынешнего города было село. <...> он подчеркивает, что исследователь должен иметь в виду историю всей дакорумынской территории до нашего тысячелетия, и по VII–X вв., когда туземное население вступило в контакт с древними славянами. Имя *Яши*, по его мнению, датируется с этого времени. Его происхождение лежит в старославянском слове и означает “деревня, селение, крепость, укрепление, дом, построенный на холме, пристанище; убежище, поместье, помещичий двор”» [3, с. 126³²].

4. Исторические и лингвистические данные

Свидетельство М. Бандини о присутствии в Молдове значительного числа выходцев из Венгрии соотносится с исторически прослеживаемой куманской миграцией из области *Куншаг*³³ (венг. *Kunság*, то есть *Кумания*), где язычники *куманы* приняли католичество, через Трансильванию и Дунайские княжества на Балканский п-ов. С ними вполне могли перемещаться и яссы. Чередование *Ja-* / *Je-* в восточнославянском отмечено ок. XV в.

²⁸ Giovanni da Carignano, также Johannes de Mauro de Carignano (ок. 1250 – 1329), священник, один из первых картографов. Оригинал его труда был утрачен в 1943 г. Несколько фоторепродукций с него воспроизведены в: Ongania F. Raccolta di mappamondi e carte nautiche dal XIII al XVI secolo. Venezia, 1875–1882. N.3.

²⁹ У Константина Багрянородного: Γιάζι-χολόν < печенеж*(-)q/карап ‘кабан’ но допустимы и другие решения [5, с. 221–222, ср. 168, примеч. 670].

³⁰ Винцелер даёт ссылку на: Ghibănescu 1903. P. 489.

³¹ Мнение А. Андроника (Iaşi < тат.-монг. (sic!) *iasah* ‘документ о сборе налога’) не представляется приемлемым.

³² Винцелер даёт ссылку на: Lozba 1982, 207.

³³ Куншаг подразделяется на Надькуншаг (венг. Nagyunság = Большая Кумания) к востоку от г. Сольнок вдоль течения Тисы, и Кишкуншаг (венг. Kiskunság = Малая Кумания) между Дунаем и Тисой. В настоящее время Надькуншаг входит в медье Яс-Надькун-Сольнок (см. 2.4.2), а Кишкуншаг — в медье Бач-Кишкун Венгерской республики.

Заключение. Подводя итоги, можно заключить, что с оглядкой на исторические реалии наиболее правдоподобной представляется именно гипотеза, связывающие название г. *Яссы* с частичной миграцией *ясов* (вместе с *куманами*) из Венгрии – из области Альфельда, на юг Балканского полуострова. Примечательна фонетическая контаминация этнотопонимов и названий, восходящих к слав. *vesь* «деревня» (ст.-слав. *вьсь*) [б: 1, с. 305].

Предложенный материал демонстрирует глубину и разнообразие топонимических этимологических концепций и решений с одной стороны, и предостерегает от бритвы Оккама – с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках / А. Алемань. – М.: Менеджер, 2003. – 614 с.
2. Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.) / О.Б. Бубенок. – Киев: Истина, 2004. – С. 253–254.
3. Винцелер О.К. вопросу о происхождении названия Iasi (Яссы) / О. Винцелер // Аланы: Западная Европа и Византия / Отв. ред.: В.Х. Тменов. Владикавказ: Сев.-Осет. ин-т гуманитарных исследований, 1992. – С. 120–129.
4. Калоев Б.А. Венгерские аланы (ясы): Историко-этнографический очерк / Б.А. Калоев. – М.: Наука, 1996. – 287 с.
5. Тохтасьев С.Р. Язык трактата Константина Багрянородного *De administrando Imperio* и его иноязычная лексика / С.Р. Тохтасьев. – СПб.: Наука, 2018. – 678 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополн. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – М.: Прогресс, 1964–1973. – Т.1-4.
7. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы Ж, Ж, Й / Э.В. Севортян, Л.С. Левитская (отв. ред.). – М.: Наука, 1989. – 291 с.
8. Andronic A. Originea numelui oraşului Iaşi / A. Andronic // Buletinul Asociaţiei Oamenilor de Ştiinţă din România. Filiala Iaşi. – 1990.1. – N 1-3. – P. 11–14.
9. Bogdan N.A. Oraşul Iaşi. Monografie istorică şi socială, ilustrată. Ed. a 2-a. Iaşi: Tipografia Nationala, 1913 (переизд.: Iaşi: Ed. Tehnopress, 1997). – 523 p.
10. Bogrea V. Pagini istorico-filologice / Cu o prefaţă de C. Daicoviciu; Ed. îngrijită studiu şi indice de M. Borcilă şi I. Mării. Cluj: Ed. Dia, 1971. – 558 p.
11. Ghibănescu G. Originea lasilor. Studiu istoric / G. Ghibănescu // Arhiva Societăţii Ştiinţifice şi Literare din Iaşi. – 1903. – An. XIV. – N 7-8. – P. 1–63.
12. Gombocz Z. Osseten-Spuren in Ungarn / Z. Gombocz // Streitberg Festgabe. Leipzig, 1924. – P. 107–108.
13. Philippide A. Originea românilor. Bucureşti: Tipografia "Viata Romineasca" S.A. – 1923. – Vol. I. – 802 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Кантемир Д. Описание Молдавии: Факсимиле, латинский текст и русский перевод / Сост. и общая ред. Н.Л. Сухачева; предисл.: А. Ешану и П. Балмуш; подготовка текста: С.Д. Клейнер и Н.Л. Сухачев; пер. с лат.: А.В. Андреев и Е.В. Шевцова; коммент.: В. Ешану и А. Ешану. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 433 с.
15. Вопросы истории естествознания и техники. – № 3. – Москва, 2007. – С. 110–142. Плиний Старший. Естественная история». Книга IV. Перевод с лат., комментарии и предисловие Б.А. Старостина. – С. 805.
16. ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1 Новгородская четвертая летопись. Пг.–Л., 1915. – 331 с.
17. Словарь названий гидрографических объектов России и других стран – членов СНГ / Под ред. Г.И. Донидзе; [Сост.: И.Л. Акульпина, И.Н. Голубева, З.В. Рубцова и др.]. – М.: Картоцентр; Геодезиздат, 1999. – 464 с.
18. Constantin N. Mic dicţionar de toponime istorice româneşti / Pref.: M. Racoviţan. Târgovişte: Cetatea de scaun, 2011. 315 p.
19. DTRM Muntenia. 2009 – Dicţionarul toponymic al României. Muntenia / Sub. red.: N. Saramandu. Bucureşti: Ed. Acad. Române, 2009. 716 p.
20. Graur Al. Nume de locuri, Bucureşti: Editura ştiinţifică, 1972. 222 p.
21. Iordan I. Dicţionar al numelor de familie româneşti, Bucureşti, 1983.
22. La prise de Jérusalem de Josèphe le Juif / Éd. V. Istrine. Paris, 1934–1938. T. 1-2 (Textes publ. par l'Institut d'études slaves. T. 2). P. 239.
23. Németh J. Eine Worterliste der Jassen, der ungarlandischen Alanen // Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Berlin, 1958.

24. Rusu I. I. Piri. Istoria – Limba și onomastica – Romanizarea. București: Ed. Acad. RSR, 1969.
25. Suciuc C. Dictionar istoric a l localitatilor din Transilvania. Bucuresti, 1966. Vol. I.
26. Tezaurul toponimic al României. Moldova / Sub redacția: D. Moldovanu. Iași: Ed. Academiei Române, 1991. V. 1. Pt. 1a–4a; 2014. V. 2. Pt. 1.

Сокращения языков и диалектов

азерб. – азербайджанский
венг. – венгерский
возв. – возвышенность
г. – город
др.-греч. – древнегреческий
др.-ир. – древнеиранский
др.-монг. – древнемонгольский
др.-рус. – древнерусский
ивр. – иврит
каз. – казахский
кирг. – киргизский
рум. – румынский
рус. – русский
ст.-слав. – старославянский
тат. – татарский
турк. – туркменский
тюрк. – тюркский
уйг. – уйгурский

Пометы (грамматические, лексические и др.)

col. – собирательное
dim. – diminutive, уменьшительный
m. – masculinus, мужской род
pl. – pluralis, множественное число

Прочие сокращения

быв. – бывший
вдхр. – водохранилище
возв. – возвышенность
вол. – волость
г. – город
дер. – деревня
ист. обл. – историческая область
кн. – княжество
книж. – книжная форма (слово)
ком. – коммуна, адм. ед., Румыния
мед. – медье (≈ область), адм. ед., Венгрия
муж. – мужской
н.п. – населенный пункт
обл. – область
с. – село
стар. – старое
у. – уезд

REFERENCES

1. Aleman', A. (2003). Alany v drevnih i srednevekovyh pis'mennyh istochnikah [Alans in ancient and medieval written sources]. Moscow: Menedzher. (In Russian)
2. Bubenok, O.B. (2004). Alany-asy v Zolotoj Orde (XIII–XV vv.) [Alans-aces in the Golden Horde (XIII–XV centuries)]. (Pp. 253-254). Kiev: Istina. (In Russian)
3. Vinceler, O. (1992). K voprosu o proiskhozhdenii nazvaniya Iasi (YAssy). [On the question of the origin of the name Iasi (Iasi)]. Alany: Zapadnaya Evropa i Vizantiya. (Pp. 120-129). Vladikavkaz: Sev.-Oset. in-t gumanitarnyh issledovanij. (In Russian)
4. Kaloev, B.A. (1996). Vengerskie alany (yasy): Istoriko-etnograficheskij ocherk [Hungarian Alans (Yasi): Historical and ethnographic essay]. Moscow: Nauka. (In Russian)

5. Tohtas'ev, S.R. (2018). Yazyk traktata Konstantina Bagryanorodnogo De administrando Imperio i ego inoyazychnaya leksika [The language of Konstantin Bagryanorodny's treatise De administrando Imperio and its foreign language vocabulary]. Saint-Petersbourg: Nauka. (In Russian)
6. Fasmer, M. (1964–1973). Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Ed. by O.N. Trubacheva; Ed. by B.A. Larin. Moscow: Progress. (In Russian)
7. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov (1989). Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy Ж, ЗH, J [Etymological Dictionary of Turkic languages. General Turkic and inter-Turkic bases on the letters Ж, Zh, Y]. Ed. by E.V. Sevortyan, L. S. Levitskaya (otv. red.). Moscow: Nauka. (In Russian)
8. Andronic, A. (1990). Originea numelui oraşului Iaşi. Buletinul Asociaţiei Oamenilor de Ştiinţă din România. Filiala Iaşi. N 1-3. P. 11-14. (In Romanian)
9. Bogdan, N.A. (1913). Oraşul Iaşi. Monografie istorică şi socială, ilustrată. Iaşi: Tipografia Nationala. (In Romanian)
10. Bogrea, V. (1971). Pagini istorico-filologice. Cu o prefaţă de C. Daicoviciu; Ed. îngrijită studiu şi indice de M. Borcilă şi I. Mării. Cluj: Ed. Dia. (In Romanian)
11. Ghibănescu, G. (1903). Originea lasilor. Studiu istoric. Arhiva Societăţii Ştiinţifice şi Literare din Iaşi. An. XIV. N 7-8. P. 1-63. (In Romanian)
12. Gombocz, Z. (1924). Osseten-Spuren in Ungarn. Streitberg Festgabe. Leipzig. P. 107-108. (n German)
13. Philippide, A. (1923). Originea românilor. Bucureşti: Tipografia "Viata Romineasca" S.A. Vol. I. 802 p. (In Romanian)

Поступила в редакцию 06.05.2024 г.

TO ETYMOLOGY OF TOPONYM ЯССЫ (OLD RUS. ЯСЬСКИЙ ТОРГЪ, ROOM. IĂŞI, HUNG. JÁSZVÁSÁR, BOLG. ЯШ ET AL.)

The article summarizes the results of the etymologization of the toponym Iăşi, including the so-called folk etymology. In particular, the attention is paid to hypotheses relating the name in question to anthropotonyms or ethnotonyms. Information is provided on etymologically identical or heterogeneous, but phonetically correlated with the name in question and typologically significant forms. The authors believe that in order to correctly raise the question of the origin of certain toponyms, it is necessary, if possible, to identify historical realities, assessing their temporal and territorial proximity, as well as to take into account the spread of spellings (and pronunciation) of etymologically identical forms.

Key words: Balkan Peninsula, Balkanistics, history, Carpathian zone, interethnic contacts, onomastics, toponymy, etymology.

Сухачёв Николай Леонидович.

Кандидат филологических наук.
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург.

Ведущий научный сотрудник Отдела
сравнительно-исторического изучения
индоевропейских языков и ареальных
исследований.

ORCID 0009-0008-4179-0017.

E-mail: nsuh@inbox.ru

Королькова Мария Денисовна.

Кандидат филологических наук.
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург.

Научный сотрудник Отдела диалектной
лексикографии и лингвогеографии.

ORCID 0000-0003-4368-154X.

E-mail: skifane@gmail.com

Sukhachev Nikolay Leonidovich.

Candidate of Philology.
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of
Sciences, St. Petersburg.

Leading Researcher at Department of Comparative
Historical Study of Indo-European Languages and
Areal Studies.

ORCID 0009-0008-4179-0017.

E-mail: nsuh@inbox.ru

Korolkova Maria Denisovna.

Candidate of Philology.
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of
Sciences, St. Petersburg.

Science Researcher at Department of Dialect
Lexicography and Linguogeography.

ORCID 0000-0003-4368-154X.

E-mail: skifane@gmail.com

Научная статья

УДК 81:373

DOI: 10.5281/zenodo.12567943

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В РУССКОЙ ПРОЗЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.М. ШУКШИНА)**

© 2024 *Т.В. Черницына*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

ORCID 0000-0001-9661-5904.

Статья посвящена анализу особенностей бытования антропонимов в прозе В.М. Шукшина. Рассмотрено функционирование имен собственных, как первичных (имя, отчество, фамилия), так и вторичных (прозвище), исследуется семантическое наполнение и выражение социальной функции онима, трансформация этих аспектов. В анализируемом материале выделены такие функции имен собственных, как функция идентификация (возраст, сословное положение, социальный статус), эмоционально-стилистическая функция (стилистическая окрашенность имени), информационно-стилистическая функция (этимологическое значение имени). Сделаны выводы о том, что имена собственные служат маркерами социальных и личных отношений в обществе, являются выразителями идеологических и социальных тенденций языковой картины мира определенной эпохи, отраженной в художественном произведении.

Ключевые слова: ономастика, оним, антропоним, имя, отчество, фамилия, прозвище, речевая стратегия, коммуникативная стратегия.

Для цитирования: Черницына Т.В. Лексико-семантическое функционирование имен собственных в русской прозе (на материале произведений В.М. Шукшина) / Т.В. Черницына // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 139–148. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12567943>.

Активно развивающийся антропоцентрический подход в филологической науке позволяет говорить о стремительном распространении антропоцентрической парадигмы, «в которой изучаемая система рассматривается с учетом того, что обязательным компонентом либо самой системы, либо среды, в которой она функционирует, является человек» [2, с. 172–173]. В этой связи проблема изучения антропонимов в художественном тексте приобретает особое значение, так как «появление имени в тексте становится сигналом диалога языковой личности с другими» [1, с. 6].

Обращаясь к художественной прозе шестидесятых-семидесятых годов XX века, необходимо учитывать, что авторское слово отражает взаимодействие, с одной стороны, личностного смысла и социально обусловленного психологического значения, с другой, – индивидуального и социального языкового опыта. Наиболее благоприятной для осуществления такого подхода в современной русской литературе, на наш взгляд, является анализ прозы В.М. Шукшина. Во-первых, необходимо отметить уникальность личности самого писателя как носителя русского языка: представитель простого крестьянского народа Алтайского края, он накопил словарный фонд, уникальный по своей ценностной, территориальной и профессиональной природе. Во-вторых, В.М. Шукшин воспроизвел в прозе специфику разговорной речи, ее социально-территориальные особенности. В.М. Шукшин – писатель, актер и режиссер – объединил элементы «языков» различных

областей культуры, которые сосуществуют в его прозе и одновременно свободно вычлняются из общего речевого потока [16, с. 45]. В произведениях В.М. Шукшина, охватывающих несколько десятилетий второй половины XX века жизни российского общества, насчитывается около тысячи антропонимов: это полные и сокращенные имена персонажей, фамилии, прозвища и т.д. Писатель отразил социально-духовные изменения общества, национальную картину бытия и суть народного характера. Для него человек – величайшая ценность, но вовсе не идеал. Его герои – простые сельские жители со своей крестьянской философией, со своей правдой жизни воплощают в себе народную судьбу [16, с. 46]. Через ономапозетику Шукшина достаточно полно и достоверно раскрывается жизнь современного автору общества. В антропонимике заложен богатый материал для изучения отношений конкретных индивидуумов в обществе, отношения общества к человеку как к личности, понимания роли человека в обществе и даже понимания нравственных ценностей общества, выраженных в приложении к оценке человека, его характеристике.

Хотелось бы обратить внимание на семантику имени, рассмотреть, как этим характеризует сам объект. Как известно, имя собственное имеет социальную функцию, служа индивидуализирующим указанием на определенный объект. Таким образом, интересно будет проследить функционирование и трансформацию антропонима (имени, данного при рождении, и прозвища) как маркера уклада и отношений в литературе, описывающей жизнь российского социума 60–70-х гг. XX века.

В работе мы опирались на труды по антропонимике таких ученых, как А.В. Суперанская [13], Т.В. Шмелева [18], Н.В. Подольская [10], В.И. Супрун [14], Ю.А. Карпенко [5].

Традиционно в антропонимике различают фонетический, морфологический и фонетический виды мотивированности, которые выполняют в тексте определенные идейно-художественные задачи. Фонетически мотивированные антропонимы связаны со звуковым оформлением, в художественном тексте они выполняют экспрессивную роль. Морфологическая мотивированность антропонима проявляется в структуре имени и связана с морфемикой языка, с определенными лексико-грамматическими разрядами слов. Семантический вид мотивированности антропонима находится в лексическом мотиваторе номинативной единицы и является реальным признаком номинируемого предмета [13, с. 10–11].

Как отмечает Д.С. Куличенко, имена собственные, будучи важным элементом художественного произведения, являются одним из важных средств создания образа индивидуализации главных действующих лиц [8]. При этом они выполняют определенные функции: 1) функцию идентификации (возраст, сословное положение, социальный статус); 2) эмоционально-стилистическую функцию (стилистическая окрашенность имени); 3) информационно-стилистическую функцию (этимологическое значение имени) [5, с. 37].

Поскольку имя является ярким инструментом коммуникативных и речевых стратегий, хотим отметить: при рассмотрении их в художественном тексте необходимо учитывать, во-первых, что любые коммуникативные процессы происходят в определенном культурном и национальном контексте [16, с. 26]; во-вторых, следует отличать понятия коммуникативная стратегия и речевая стратегия, которые различаются так же, как и понятия *речевой акт* и *коммуникативный акт*: *речевой акт* предполагает действие, а *коммуникативный* – взаимодействие [7, с. 14]. Таким образом, коммуникативная стратегия, в отличие от речевой стратегии, всегда направлена на взаимодействие, содержит перлокутивный эффект [16]. Так, онимы «от автора» содержат речевые стратегии, так как отсутствует ответная реакция обладателя имени, антропонимы же – характеристики или обращения самих персонажей рассматриваются

нами как языковые приемы коммуникативных стратегий. Мы опирались на работы О.С. Иссерс [4], И.А. Стернина и Ю.Е. Прохорова [11], посвященные этому вопросу.

Известно, что в воплощении авторской идеи особая роль отводится литературному имени. Павел Александрович Флоренский считал, что имя – отражение характера и судьбы человека: «оплотняется наша внутренняя жизнь»: «по имени житие, а не имя по житию» [15, с. 140]. Он же отмечает, что «...в искусстве – внутренняя необходимость имен – порядка не меньшего, нежели таковая же именуемых образов. Эти образы, впрочем, суть не что иное, как имена в развернутом виде. Полное развертывание этих свитых в себя духовных центров осуществляется целым произведением, каковое есть пространство силового поля соответствующих имен. Художественные же образы – промежуточные степени такого самораскрытия имен в пространство произведения – то тело, в которое облекается самое первое из проявлений незримой и неслышной, недоступной ни восприятию, ни постижению, в себе и для себя существующей сущности – имя» [15, с. 135].

Оним выполняет эмоционально-стилистическую функцию, являясь богатым инструментом оценочности как положительной, так и отрицательной. Так, языковым средством выражения положительной оценки является суффиксация с деминутивными суффиксами (уменьшительными, ласкательными). Особую группу образуют имена собственные с суффиксами **-ик, -к, -ушк / -юшк, -очк, -ек, -еньк / -ыньк**: *Изольдушка, Спирька, Пронька, Маруся, Игнашка, Минька, Наташка, Стенька, Ванька, Ленька, Женька, Шурка, Гринька, Бронька, Кирька, Аркашка, Манька, Леночка, Макарушка, Талюшка, Васека, Спиренька, Петенька, Марфынька, Глашка*). Заметим, что в функции усилителей отрицательной оценки чаще выступают не аргументативные (огрубляющие) суффиксы **-ах, -ух, -юх, -иш, -ян** и др., а предваряющие обращение-оним междометия или частицы: **Ох, Женька...**; **Ах, Ваня, Ваня...**; **Ах, Петька... сынок**; **Эх, Гена... Гена ты и есть** [16, с. 159].

При этом следует отметить амбивалентность некоторых суффиксов (**-к, -ушк, -ик**), которые в зависимости от контекста могут указывать как на положительную, так и на отрицательную оценку. Разговорный суффикс **-к**, имеющий пренебрежительное значение (например, в слове *девка*), в именах собственных указывает на близкое знакомство или на юный возраст называемого: *Сашка, милый, пойдём домой, пойдём домой, ради бога, – взмолилась Вера, видно, чутьем угадавшая, что творится в душе мужа* [21, с. 52]; *Лялька, полотенце! – кричит Петя, кончив плескаться. Лялька – жена Пети... Громко, показушно уважает мужа* [21, с. 32]; *Сын наскоро поцеловал мать и полез в чемоданы... – Шаль тебе привез... пуховую. А тебе, тять, сапоги. А Марусяке – во!.. А это Ваське... Все тут живы-здоровы?* [20, с. 145]. Казалось бы пренебрежительность, которую придает имени суффикс **-к**, должна вызывать негативную реакцию хозяина имени, но собственное имя с этим суффиксом воспринимается как норма молодыми людьми, которым еще не хватает определенной статусности: *Весной, в начале сева, в Быстрынке появился новый парень – шофер Пашка Холманский... Инженер еще не спал, когда Пашка постучал ему в окно. – Кто это? – Я. – Кто я? – Пашка. Павел Егорыч* [20, с. 142]. Суффикс **-ек** также можно отнести к деминутивным в следующем контексте: *Его звали – Васека. Васека имел: двадцать четыре года от роду, один восемьдесят пять рост, большой утиный нос... и невозможный характер. Он был очень странный парень – Васека* [20, с. 19]. Слова автора рассказа «Стенька Разин» объясняют выбор имени не только молодым возрастом героя, но и его странностью, т. е. вовсе не плохим к нему отношением. Как известно, таких героев с чудинкой у В.М. Шукшина целая галерея [16, с. 135–136].

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что В.М. Шукшина интересуется человеком в моменты наивысшего напряжения чувств, когда он может быть естественным, непосредственным, поэтому эмоционально-оценочная лексика, репрезентирующая имя героя, в его прозе выполняет важную художественную задачу – показывает естественные, неподдельные проявления человека, вовсе не идеала, а простого русского мужика со своей «чуждинкой», со своей народной философией и правдой жизни [16, с. 47]. Именно эта особенность «жителей» шукшинских рассказов становится отправной точкой для рождения особых имен – прозвищ. Так, в рассказах 70-х гг. XX века, встречается большое количество вторичных антропонимов (прозвищ), что говорит о снижении значения имени человека как неповторимой личности, имеющей свое четкое место в мире. На первый план выходят не сословная принадлежность, а социальные функции, политические убеждения и характерные особенности человека, что достаточно полно может быть отражено в прозвище.

Говоря об ономастическом пространстве шукшинской прозы, следует отметить, как мастерски писатель представляет зависимость изменения формы, звучания имени собственного от смены настроения общения персонажей, сужения или расширения эмоционального поля, в котором пребывают его «сельские жители» (по преимуществу). Эти жители уже живут в именах, которыми их нарекает В.М. Шукшин. Писатель почти всегда черпал материал для имяназвания своих персонажей из жизни, изображая настоящих, реально живущих людей, многих из которых знал лично. В этих литературных именах отпечаталась целая эпоха: исторические, социальные, психологические факты жизни советского человека из народа.

Следует обозначить одну из особенностей идиостиля В.М. Шукшина – особое внимание к деталям, наблюдательность, способность индивидуализировать характер своих героев. Так, в рассказе с песенным названием «В воскресенье мать-старушка...» героя насторожило звучание его полного официального имени. На вопрос городских фольклористов «Здесь живет *Гаврила Романович Козлов?*» он ответил: «*А зачем? В общество звать?*» [19, с. 393]. Далее последовал отказ слепого от роду Гани петь тюремные песни городским людям, приехавшим собирать, записывать народные песни, не приняла ни жена, ни сосед. «*Тюрьма – это плохое дело, – сказал он. – Не приведи господи. Зачем вам?*» [19, с. 394]. А полученную трешку от городских за спетые жалобные песни отдал соседу Егору Анашкину, чтобы тот взял бутылочку – тогда выпьют вместе за здоровье его свинок да чтобы Егор не кручинился. Почему же писатель литературному герою дал фамилию Козлов? Можно провести параллель со слепым поэтом пушкинской поры Иваном Ивановичем Козловым, автором романса «Вечерний звон», ставшим истинно народным, который нередко «звучит» в прозе Шукшина.

История появления варианта имени или прозвища героя становится часто сюжетообразующим, ключевым приемом. Так, например, начинается рассказ «Алеша Бесконвойный»:

«Его звали-то не Алеша, он был Костя Валиков, но все в деревне звали его Алешей Бесконвойным. А звали его так вот за что: за редкую в наши дни безответственность, неуправляемость. Впрочем, безответственность его не простиралась беспредельно: пять дней в неделю он был безотказный работник, больше того – старательный работник, умелый (летом он пас колхозных коров, зимой был скотником – козгегарил на ферме, случалось – ночное дело – принимал телят), но наступала суббота, и тут все: Алеша выпрягался. Два дня он не работал в колхозе: субботу и воскресенье <...>

Что же он делал в субботу?

В субботу он топил баню» [20, с. 254].

Семантика глагола «выпрыгался» как нельзя лучше описывает характер героя: освобожденный, становился вольным, бесконтрольным, отсюда и прозвище *Бесконвойный*. В «Словаре русского жаргона» В.С. Елистратова слово *бесконвойный* имеет следующее толкование: *неуправляемый, неспособный себя контролировать, с непредсказуемым поведением* [3]. Адъективированное прозвище «Бесконвойный», в котором словообразовательный формант «бес/без», как и в слове «безответственность», характеризующим героя рассказа, имеет семантику отсутствия, лишения чего-либо. Поэтому и стали так называть пастуха и кочегара односельчане. При этом оним «Алеша» имеет положительную коннотацию: носитель ее добрый, сострадательный, даже иногда наивный и доверчивый человек. Подтверждает это история возвращения Алеша с фронта на поезде, которую он часто вспоминает, потому что встретил тогда «крепдешиную» Алю, которой поверил и даже успел полюбить, но был обманут. Однако зла не держал и спустя много лет в субботней бане «возвращался» в тот вагон.

Имя героя в рассказах В.М. Шукшина выполняет разнообразные функции. Как любая антропонимическая единица, оно идентифицирует лицо, т.е. выступает в качестве средства отождествления. Это можно проследить и в названиях как рассказов («*Как Андрей Иванович Куринков, ювелир, получил 15 суток*», «*Мужик Дерябин*», «*Леля Селезнева с факультета журналистики*», «*Артист Федор Грай*», «*Из детских лет Ивана Попова*»), так и в романе «*Любовины*». Антропонимы в названиях произведений – характерный прием В.М. Шукшина, который стремился подчеркнуть индивидуальность, чуждость своих героев. Как яркий представитель деревенской прозы, писатель предстает художником, чутко реагирующим на выбор характерологически точной номинативной единицы, наполненной эмоционально-оценивающим значением. Антропонимы, входящие в названия его произведений, – это имя («*Медик Володя*», «*Боря*», «*Лёнька*», «*Леся*», «*Ваня, ты как здесь?!*», «*Степка*», «*Петя*», «*Степкина любовь*», «*Игнаха приехал*» и др.), имя с фамилией («*Операция Ефима Пьяных*», «*Гринька Малюгин*», «*Непротивленец Макар Жеребцов*», «*Стенька Разин*», «*Петька Краснов рассказывает*», «*Ванька Тепляшин*» и др.), имя с отчеством («*Владимир Семеныч из мягкой секции*»/ суффиксальное усечение/, «*Свояк Сергей Сергеевич*» и др.), фамилия («*Генерал Малафейкин*», «*Страдания молодого Ваганова*», «*Вечно недовольный Яковлев*», «*Чередниченко и цирк*», «*Любовины*» и др.). Трехчленная модель именования главных героев функционирует в тексте, как правило, в виде усечений в пользу фамилии, что демонстрирует официальность и сухость общения персонажей. Так, рассказ «*Мнение*» вовсе начинается со слов: «*Некто Кондрашин, Геннадий Михайлович, ...*» [20, с. 154]. На протяжении всего произведения между героями происходит общение на конъюнктурном бюрократическом языке с определенной долей пренебрежения: только по фамилии: через «*Яковлев*» – «*Кондрашин*». Таким образом, мы наблюдаем оценочную коммуникативную стратегию «на понижение» через онимы-фамилии. Проследим и речевую стратегию, репрезентуемую автором и направленную на нивелирование авторитета героя. Это проявляется в полном имени, которое звучит только в первых строках рассказа, с негативной оценочностью, маркером которой выступило неопределенное местоимение «некто».

Писатель, используя онимы, выходит на мифопоэтический и литературный контекст. Например, рассказ «*Беспалый*» – по прозвищу героя, которого односельчане стали называть так после того, как тот отрубил себе пальцы. Герой рассказа Серёга Безменов проходит непростой жизненный путь, а трансформация имени – это показатель внутренних изменений человека, на которые повлияли внешние обстоятельства и, конечно, окружение. Из «*Серёги*», уважаемого человека, он превращается в «*Серого*». Последний оним символизирует цвет близости, серости, никчемности: таким становится сам герой после встречи с роковой женщиной, «*ксплотаторшей*» (по словам

его матери) – Кларой. Именно она дала ему это новое имя, стала «называть его Серым. Ласково» [20, с. 147]. Ее имя как деминутив звучит иначе в момент душевной трагедии обманутого мужа: «*Кларнети-ик, это я Серый, – вдруг пропел Серёга ... Ау-у! – ещё спел Серёга. – А я вас сейчас буду убива-ать*» [20, с. 152–153].

Выявляя особенности женской антропонимии в творчестве писателя, Е.Н. Карташова отмечает, что с помощью онима В.М. Шукшин подчеркивает исключительность персонажа. «Выделяются среди девушек с распространенными именами героини, чьи имена контрастируют с характерным для его творчества ономастиком. Введение подобных имен позволяет автору продемонстрировать дистанцию между героями рассказов – противопоставить девушек простым парням: окутанное европейским флером имя Элла (Элочка) («Степкина любовь») противопоставлено распространенному в русском ономастиконе имени Степан, имя Тамара, восходящее к др.-евр. *тамар* ‘финиковая пальма’ и ассоциативно связанное у читателя с образом грузинской царицы, антонимично имени Ленька («Ленька»)» [6, с. 116-117].

В имени отражаются возраст, характер, привычки, социальное положение героя, отношение к персонажу и автора, и остальных героев. Атрибуция персонажа у В.М. Шукшина часто начинается с имени и фамилии с первых же строк рассказа. Такое внимание к имени персонажа не случайно. Именно имя персонажа направлено на создание у читателя определенных ассоциаций, способно приблизить к пониманию истории из жизни, описанной в рассказе. По имени или прозвищу определяется жанровая природа произведения, появляются критерии оценки повествуемых событий и героев. Например, в рассказе «Ноль-ноль целых»: «*Колька Скалкин пришел в совхозную контору брать расчет ... Книжку должен был выдать некто Синельников Вячеслав Михайлович, средней жирности человек, с кротким лоснящимся лицом, белобровый, в белом костюме. Синельников был приезжий...*» [20, с. 79]. Обратим внимание на маркер «некто», репрезентующий речевую стратегию порицания (понижения), что объясняется тем, что он приезжий.

В трагическом рассказе «Сураз» через вторичное имя героя (прозвище) писатель создает образно-ассоциативный подтекст, в котором отражается характер и судьба Спирьки. Еще в школьные годы учительница немецкого сравнивала его с Байроном: «*А какое прекрасное лицо!.. Боже, какое у него лицо – маленький Байрон!*» [19, с. 461]. За провинность «Байрона» сначала выпорола мать, потом – за грабеж провел он 5 лет в лагерях строгого режима. Контраст в возвышенном внешнем сравнении с символом благородства, свободолюбия Байроном и обидной кличкой «сураз», означающей в сибирских говорах внебрачного ребенка несет трагическое настроение [12, с. 273]. На просьбу новых жителей деревни – супружеской пары учителей – Спирька, закурив, ответил так:

«– Я – сураз, начал он.

– Как это? – не поняла Ирина Ивановна.

– Мать меня в подоле принесла. Был в этих местах ухарь. Кожу по краю ездил собирал, заготовитель. Ну, заодно и меня заготовил» [19, с. 466].

Герои Шукшина сами осознают себя через имя, как это видно из описанного выше примера – прозвища «сураз». Имя, данное при рождении, и приобретенное в социуме прозвище воспринимаются самим героем по-разному. В рассказе «Миль пардон, мадам!» Броньку Пупкова местные жители сватают приезжим для охоты, так как тот места знает и с ними пойти может. Второй абзац рассказа дает сразу пищу для размышлений о вариантах имени героя:

«*Бронька (Бронислав) Пупков, еще крепкий, ладноскроенный мужик, голубоглазый, улыбчивый, легкий на ногу и на слово...*» [19, с. 345–346]. Кто же дал

такое необычное имя деревенскому жителю (полный вариант в скобках)? На этот вопрос отвечает сам его носитель:

« – Откуда у вас такое имя – Бронислав?»

– Поп с похмелья придумал. Я его, мерина, гривастого, разок стукнул за это, когда сопровождал в ГПУ в тридцать третьем году...

– Где это? Куда сопровождали?

– А в город. Мы его взяли, а вести некому. Давай, говорят, Бронька, у тебя на него зуб – веди.

– А почему, хорошее ведь имя?

– К такому имю надо фамилию подходящую. А я – Бронислав Пупков. Как в армии переключка, так – смех. А вон унас Ванька Пупков, – хоть бы што» [19., с. 349]. Нереализованные возможности человека, воевавшего, защищавшего землю от фашизма, раскрывается в рассказе о «покушении» на Гитлера, которое, по словам самого Броньки, он неудачно совершил:

« –...Я говорю, если я промахнусь, я буду последний предатель и враг народа! Или выручите Героя Советского Союза Пупкова Бронислава Ивановича...» [19, с. 350]. Так. Двухосновное имя Бронислав славянского происхождения, в котором первая часть – это неполногласный глагол **бронить** («bronic») в значении «оберегать, охранять», а вторая – имя существительное **слава**, т.е. именем этим называли человека, который должен был защищать, оберегать славу. Налицо стилистический контраст бытовой семантики имени и литературной, модифицированной до варианта «Бронька».

Говорящая фамилия героя из рассказа «Беседы при ясной луне», лишенного на протяжении всего повествования имени, прозвища, только однажды его сторожика Мария Селезнева, чтобы отвлечь собеседника от недостойных мыслей обращается к нему, называя только отчество, чтобы развеять его сомнения о кровном родстве с родителем: «Да ты что, **Ферапонтыч**... Господи!» [20, с. 141]. Фамилия героя **Баев**, которая звучит на протяжении всего рассказа, иронически подчеркивает, что только **баить** (пустословить) и способен старик.

Антропонимы в тексте рассказов В.М. Шукшина органичны, они выступают в качестве важного атрибута текста. Рассказ «Залетный» начинается так: «Кузнец Филипп Наседкин – спокойный, уважаемый в деревне человек, беспрекословный труженник – вдруг запл. Да и не запл вовсе. а так – стал прикладываться. Это жена его, Нюра-Заполошная, это она решила, что Филя запл...» [20, с. 480]. Фамилия Наседкин ассоциируется с домовитостью, основательностью, прозвище жены Нюры – «Заполошной» – яркая характеристика ее натуры, способной всех «поставить на уши», наряду с полным онимом «Филипп» появляется его деминутив «Филя» – уничижительный вариант употребления этого имени его женой Нюрой.

Отметим большое количество прозвищ, которые являются неотъемлемой языковой чертой народной речи. Обратимся к значению этой лексемы. В словаре С.И. Ожегова «прозвище» имеет следующее толкование: «название человеку, даваемое по какой-нибудь характерной черте, свойству» [9, с. 609].

В речи и рассказчика, и персонажей у Шукшина распространены именованная-прозвища как в названиях рассказов, так и в самих текстах: «Чудик», «Хмырь», «Дебил», «Психопат», в виде субстантивов – «Беспальный», «Упорный», «Рыжий», «Привет Сивому», «Залетный», «Гена Пройдисвет» (названия рассказов), *Веркатараторка*, *Лизка Корявая* (рассказ «Сураз»), *Рашипиль* (рассказ «Сапожки») и др. Эти прозвища ярко характеризуют персонажей по личностным качествам, привычкам, характерным особенностям в поведении. Налицо функционирование оценочных

речевых и коммуникативных стратегий, в том числе порицаний, маркером которых является тактика обзывания.

Итак, основным в прозе В.М. Шукшина можно обозначить аспект социальной маркированности форм онимов. Показательно начало рассказа «Срезал». Привычным способам именованию в деревне противопоставлена городская норма. Рассказчик: «К старухе Агафье Журавлевой приехал сын Константин Иванович. С женой и дочерью...» [20, с. 6]. Социальная маркированность антропонимов нарушает возрастную иерархию: мать называют по имени и фамилии, а сына – по имени и отчеству. К ней же можно отнести варианты жаргонных форм личных имен, которые встречаются, например, в повести «Калина красная». Главный герой Егор Прокудин для Любы Байкаловой – Егорушка, по-городскому он представляется как Георгий, в блатной среде – Жора, Жоржик, Джорж. Происходит трансформация имени по социальному признаку (в различных кругах общества).

Через употребление онимов В.М. Шукшин показывает и изменения в социально-нравственной сфере современного общества, теряющего национальную идентификацию имени. В рассказе «Привет Сивому» главный герой, Михаил Александрович Егоров, не принимает фальшивых вариантов имен – дань моде: «Была девушка..., женщина, которая медленно, ласково называла его – **Мишель**. Очкарика слегка коробило, что он – **Мишель**, он был русский умный человек, поэтому вся эта... весь этот звякающий чужой набор – «**Мишель**», «**Базиль**», «**Андж**» – все это его смущало... Пока он терпел и «**Мишеля**», и многое другое. ...Ее звали Катя, но тоже, черт возьми, – **Кэт**» [20, с. 413–414].

Итак, «единоначалие», антропонимы-названия произведений, а также другие приемы ономапоэтики показывают идею общности при всей пестроте имен, их вариантов – все это является отражением ассоциативного, подтекстового звучания шукшинской прозы, перешагнувшей пространственные границы русской культуры. Заметим, что и сам Шукшин придавал особое значение коммуникативной функции имени: «Правда, трудно говорить с человеком, не называя его по имени, но раз ты так решил, пусть так и будет» («Завидую тебе») [18, с. 9].

Анализ ономастиконов произведений В.М. Шукшина показал следующие особенности функционирования и трансформацию роли антропонимов в языковой картине мира: в рассказах, описывающих жизнь послевоенного общества, преимущественно деревенскую, наряду с именем, в его обмирщенном варианте, активно функционируют прозвища, характеризующие, как правило, одну, ярко выраженную черту характера, что обедняет репрезентацию многогранной личности человека. Также встречаются прозвища, обозначающие профессиональную принадлежность человека. Таким образом, имена собственные служат маркерами социальных и личных отношений в обществе и являются выразителями идеологических и социальных тенденций языковой картины мира определенной эпохи, отраженной в том или ином произведении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века / под ред. П.Е. Бухаркина, С.С. Волкова, Е.М. Матвеева. – СПб.: ИЛИ РАН, 2023. – 584 с.
2. Арнольд И.В. Парадигма антропоцентризма, прагмалингвистика и стилистика декодирования // Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999. – С. 172–173.
3. Елистратов В.С. Словарь русского арго: (Материалы 1980-1990-х гг.): Ок. 9000 слов, 3 000 идиомат. выражений / В.С. Елистратов. – Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва: Рус. слов., 2000. – 693 с.

4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.
5. Карпенко Ю.А. Ономастика в художественной литературе / Ю.А. Карпенко // Ономастика: Проблемы и методы / Ю.А. Карпенко. – М.: 1978.
6. Карташова Е.Н. Специфика репрезентации женских образов в прозе В.М. Шукшина: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Елена Николаевна Карташова. – Воронеж, 2021. – 150 с.
7. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого общения / Е.В. Клюев. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
8. Куличенко Д.С. Специфика ономастики в художественной литературе (на примере произведений Н.В. Гоголя и А.С. Грибоедова) / Д.С. Куличенко // Молодой ученый. – 2021. - № 50 (392). – С. 611–614.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1990. – 917 с.
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – Москва: Наука, 1988. – 197 с.
11. Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение: учебное пособие / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – 6-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2001. – 328 с.
12. Словарь русских народных говоров. Вып. 42. – Санкт-Петербург: «Наука», 2008. – 330 с.
13. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. – М.: Айрис-Пресс – 384 с.
14. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000.
15. Флоренский П.А. Имена / П.А. Флоренский // Социологические исследования. – 1990. – № 4. – С. 132–141.
16. Черницына Т.В. Коммуникативные стратегии похвалы и порицания в идиостиле В.М. Шукшина : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Черницына Татьяна Владимировна; [Место защиты: Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т]. – Волгоград, 2013. – 210 с.
17. Черницына Т.В. Коммуникативные стратегии похвалы и порицания в прозе В.М. Шукшина: монография / Т.В. Черницына. – Волгоград: ВолгГТУ, 2015. – 115 с.
18. Шмелева Т.В. Ономастика: учеб. пособие / Т.В. Шмелева; ФИЛИАЛ ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянск-на-Кубани. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянск-на Кубани, 2013. – 161 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

19. Шукшин В.М. Рассказы. Повести / В.М. Шукшин. – Москва.: Дрофа, 2002. – 463 с.
20. Шукшин В.М. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.2 / В.М. Шукшин. – М.: Молодая гвардия, 1992. – 558 с.
21. Шукшин В.М. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3 / В.М. Шукшин. – М.: Молодая гвардия, 1993. – 607 с.

REFERENCES

1. Anthroponyms in the Russian verbal culture of the XVIII century / ed. by P.E. Bukharkin, S.S. Volkov and E.M. Matveev. – St. Petersburg: OR RAS, 2023. – 584 p. (In Russian)
2. Arnold I.V. Paradigm of anthropocentrism, pragmalinguistics and stylistics of decoding // Arnold I.V. Semantics. Stylistics. Intertextuality. St. Petersburg, 1999. – pp. 172-173. (In Russian)
3. Elistratov V.S. Dictionary of Russian Argot : (Materials of the 1980s-1990s) : Approx. 9,000 words, 3,000 idioms. expressions / V. S. Elistratov; Moscow State University named after M.V. Lomonosov. – dl Moscow : Rus. slov., 2000. – 693 p. (In Russian)
4. Issers O.S. Communicative strategies and tactics of Russian speech / O.S. Issers. – М.: LKI, 2008. – 288 p. (In Russian)
5. Karpenko Yu.A. Onomastics in fiction // Onomastics: Problems and methods / Yu.A. Karpenko. – М.: 1978. (In Russian)
6. Kartashova E.N. The specifics of the representation of female images in V.M. Shukshin's prose: dissertation... Candidate of Philological Sciences : 02/10/2011 / Elena Nikolaevna Kartashova. – Voronezh, 2021. – 150 p. (In Russian)
7. Klyuev, E.V. Speech communication. The success of speech communication / E.V. Klyuev. - М.: RIPOLL CLASSIC, 2002. - 320 p. (In Russian)

8. Kulichenko D.S. The specifics of onomastics in fiction (on the example of the works of N.V. Gogol and A.S. Griboyedov) / D.S. Kulichenko // Young Scientist. – 2021. - № 50 (392). – Pp. 611-614. (In Russian)
9. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: 70,000 words / Edited by N.Y. Shvedova / S.I. Ozhegov. – M.: Russian language, 1990. – 917 p. (In Russian)
10. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology / N.V. Podolskaya. – Moskava : Nauka, 1988. – 197 p. (In Russian)
11. Prokhorov Yu.E. Russians: communicative behavior : a textbook / Yu.E. Prokhorov, I.A. Sternin. – 6th ed., ster. – Moscow : FLINT, 2001. – 328 p. (In Russian)
12. Dictionary of Russian folk dialects. Issue 42. – St. Petersburg: Nauka, 2008. – 330 p. (In Russian)
13. Superanskaya A.V. Modern dictionary of personal names: Comparison. Origin. Writing. / A.V. Superanskaya. – M.: Iris-Press – 384 p. (In Russian)
14. Suprun V.I. Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential / V.I. Suprun. Volgograd: Peremena, 2000. (In Russian)
15. Florensky P.A. Names // Sociological research. 1990. No.4 / P.A. Florensky. – pp. 132-141 (In Russian)
16. Chernitsyna T.V. Communicative strategies of praise and blame in the idiosyncrasy of V.M. Shukshin : dissertation ... Candidate of Philological Sciences : 02/10/2011 / Chernitsyna Tatyana Vladimirovna; [Place of protection: Volgogr. state social-pedagogical un-t]. – Volgograd, 2013. – 210 p. (In Russian)
17. Chernitsyna, T.V. Communicative strategies of praise and blame in V.M. Shukshin's prose: a monograph / T.V. Chernitsyna. – Volgograd: VolgSTU, 2015. -115 p. (In Russian)
18. Shmeleva T.V. Onomastics: studies. the manual / T.V. Shmeleva ; BRANCH of FGBOU VPO "KubGU" in Slavyansk-on-Kuban. – Slavyansk-on-Kuban : Publishing center of the branch of the FGBOU HPE "KubGU" in Slavyansk-on-Kuban, 2013. - 161 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 02.05.2024 г.

LEXICAL AND SEMANTIC FUNCTIONING OF PROPER NAMES IN RUSSIAN PROSE (BASED ON WORKS OF V.M. SHUKSHIN)

T.V. Chernitsyna

The article addresses anthroponyms in V.M. Shukshin's prose. The functioning of proper names, both primary (first name, patronymic, surname) and secondary (nickname), is considered. The semantic content and expression of the name social function, as well as the transformation of these aspects are investigated. In the course of the analysis the following functions of proper names have been singled out: the function of identification (age, class status, social status), the emotional-stylistic function (stylistic colouring of the name), the information-stylistic function (etymological meaning of the name). The conclusion is made that proper names serve as markers of social and personal relations in society. They express ideological and social trends in the linguistic worldview of a certain era, reflected in artistic form.

Key words: onomastics, onym, anthroponym, first name, patronymic, surname, nickname, speech strategy, communicative strategy.

Черницына Татьяна Владимировна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Российская Федерация, г. Волгоград.
Доцент кафедры русского языка и методики его преподавания.
ORCID 0000-0001-9661-5904
E-mail: tatyana-chernicyna@yandex.ru

Chernitsyna Tatyana Vladimirovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation.
Associate Professor at Department of Russian language and methods of teaching it.
ORCID 0000-0001-9661-5904
E-mail: tatyana-chernicyna@yandex.ru

Научная статья

УДК 070

DOI: 10.5281/zenodo.12568279

**К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ТЕРМИНА
«МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА»
В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ**

© 2024 *М.А. Андреева*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»

ORCID: 0009-0002-7458-542X

В статье рассматривается понятие «межэтническая журналистика» – его определение, дифференциация с термином «этническая журналистика», а также актуальность его применения в практической журналистике и науке. Актуальность исследования обусловлена относительной закрепленностью термина в практике при том, что в поле зрения науки он практически не попадает. В научной литературе до сих пор активно используется термин «этническая журналистика», который относят к большому пласту материалов с этнокомпонентом. В процессе исследования применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, классификация, метод проработки документов. Сделан вывод о необходимости дифференциации понятий «этническая журналистика» и «межэтническая журналистика», а также даны критерии их дифференциации и примеры СМИ, которые можно отнести к этническим и межэтническим.

Ключевые слова: журналистика, СМИ, этническая журналистика, межэтническая журналистика, Гильдия межэтнической журналистики, этнос, этнокомпонент, термин, понятийный аппарат.

Для цитирования: Андреева М.А. К вопросу о статусе термина «межэтническая журналистика» в современной журналистской науке и практике / М.А. Андреева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 149–156. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12568279>.

Введение. Социальная функция остается одной из главных в современной журналистике. При всех упреках современным медиа – в желтизне, предвзятости, желании привлечь аудиторию в ущерб достоверности факта – они по-прежнему и просвещают, и воспитывают, и объединяют аудиторию для проведения социальных акций и благотворительных мероприятий. В такой большой и многонациональной стране, как Россия, одной из главных социальных функций журналистики является поддержание межнационального мира и согласия, профилактика ксенофобии и экстремизма на национальной почве.

Журналистика, так или иначе связанная с этнокомпонентом, давно находится в поле зрения науки – еще с советских времен. В наши дни эти исследования продолжаются. Современные ученые логично увязывают развитие отечественной журналистики с развитием общества и национального самосознания. Так, Р.П. Овсепян в статье «Отечественная журналистика была и остается многонациональной» обращается к дореволюционной прессе и указывает на то, что возникновение многих газет и журналов, прежде всего, на родных языках, связано с потребностями того или иного народа в борьбе за свое самоопределение и родной язык [6]. Вывод, который делает исследователь, рассматривая более чем вековую историю развития отечественной прессы, однозначен: «Ведь пресса страны сложилась в систему и,

несмотря ни на какие деформации в межнациональных отношениях и функционирование в рыночных условиях, остается многонациональной. И тенденция такова, что ее структура и аудиторная ориентация будут и дальше расти» [6, с. 57]. К теме журналистики, изучающей культуру народов России и межнациональные отношения, обращаются многие ученые. Обращают на себя внимание труды И.Н. Блохина. Особенно важным представляется его учебное пособие «Журналистика в этнокультурном взаимодействии», в котором представлены не только теоретические изыскания по теме, но и развернутый план лекционных занятий и указания по реализации специальной дисциплины на факультетах журналистики [1].

Не умаляя заслуг многочисленных исследователей, мы считаем, что некоторые положения теории о журналистике с этнокомпонентом требуют уточнения, прежде всего, в части понятийного аппарата. Рассмотрения и уточнения требует в первую очередь сам термин, обозначающий такой пласт журналистики. До сих пор в его отношении могут употребляться различные термины, как правило, это «этническая журналистика».

Основная часть. Рассмотрим понятия «этнос» \ «этнический».

Современный электронный Большой энциклопедический словарь предлагает нам трактовать понятие «этнос» через понятие «этническая общность». «Этническая общность (в этнографии) – исторически возникший вид устойчивой социальной группировки людей, представленный племенем, народностью, нацией; термин “этническая общность” близок понятию “народ” в этнографическом смысле» [13]. Словарь социолингвистических терминов определяет этнос как исторически сложившуюся устойчивую совокупность людей, которые обладают специфическими особенностями культуры, общим языком и характерными чертами психики, а также самосознанием и самоназванием (автоэтнонимом) [18]. Толковый словарь Ожегова и Шведовой приводит такое определение: «Этнос - исторически сложившаяся этническая общность племня, народность, нация» [20].

В свою очередь, термин «этнический» большинство источников трактуют как «принадлежащий какой-либо нации». Так, «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» дает такое определение: «1) языческий. идолопоклоннический; 2) свойственный какому-либо народу, племени» [17]. «Большой словарь иностранных слов» 2007 г. приводит следующее определение: «Прилагательное, по значению связанное с принадлежностью к какому-нибудь народу, с его культурой» [12]. «Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина» трактует это понятие как «связанный с принадлежностью к какому-н. народу, относящийся к нему» [19].

Таким образом, во всех этих определениях можно выделить одно общее уточнение: этнический – это принадлежащий какому-то **конкретному** народу, характерный для **конкретного** народа, присущий какому-то **конкретному** народу. В условиях современного общества можно услышать об этническом кино, этническом самосознании, этническом самоопределении. В данном случае будет идти речь, например, о кино, созданном представителями какого-то конкретного народа и отражающем менталитет, культуру или образ жизни конкретного народа. Например, сегодня отмечают взлет в развитии якутского кинематографа. И в данном случае употребление данного термина («этнический») будет абсолютно оправданным.

Однако, на наш взгляд, употребление термина «этническая журналистика» не всегда оправданно и требует дифференциации.

Рассмотрим эту проблему на примере сборника «Этническая журналистика: история и современность. Ежегодник № 11», который вышел в 2018 году на факультете журналистики МГУ [11].

В аннотации к сборнику заявлено: «В статьях сборника анализируется история и современное состояние этнической журналистики, призванной обеспечивать информационное взаимодействие в условиях полиэтничного российского общества, исследуется место этнических СМИ в медиасистеме, особенности функционирования СМИ национальных регионов, проблемы формирования национальной идентичности в медиа, этнологическая культура современного журналиста, место этнической тематики в информационной повестке и т. д.» [11]. Представлены девять научных статей.

Объектом некоторых из них являются СМИ и журналистика, которые без сомнений можно назвать этническими. Например, «"Удмурт кылын календарь/Календарь для вотяков" – первое периодическое издание удмуртской печати (к определению истоков)» (автор – А.Г. Шкляев) [9] рассказывает об «основополагающем явлении удмуртской журналистики», издании, которое вышло на удмуртском языке и отражало традиции, менталитет и уклад жизни удмуртов. Р.Р. Магадеева в статье «Тенденции развития этнических СМИ республики Башкортостан» [5] дает краткую характеристику современному состоянию и процессам развития этнических СМИ Башкортостана, при этом отмечая: «Несмотря на довольно развитую медиасистему в республике, проблемы этнических СМИ остаются вне поля зрения ученых» [5, с. 58]. Объект исследования можно с полным правом назвать именно этническими СМИ. Так, автор, среди прочих, рассматривает работу еженедельной общественно-политической газеты на чувашском языке «Урал сасси» («Голос Урала»). Это издание рассказывает о жизни чувашей Башкирии, их культуре и истории, выдающихся чувашах, публикует произведения чувашских авторов – жителей республики. Кроме того, газета выходит на чувашском языке. Таким образом, саму газету «Урал сасси» можно назвать этническим изданием, а употребление этого термина, вынесенного в название статьи исследователя Р.Р. Магадеевой, – верным.

А вот статья «Национальная журналистика в республике Мордовия: структура и содержание» [7] изучает различные СМИ республики, в том числе журнал «Сятко». Он, в свою очередь, рассказывает о жизни самых разных финно-угорских народов, а значит, не является этническим изданием в чистом виде.

На проблему типологизации СМИ с этнокомпонентом обращала внимание, например, Г.В. Куличкина. В статье «Типология региональной прессы: аспекты этничности» она отмечает: «Проблемы типологии региональных СМИ в аспекте этничности разработаны недостаточно» [4, с. 50]. Автор предлагает свою классификацию, определяющими признаками в которой являются: язык издания, территория распространения, учредитель, аудитория, целевое назначение и связанные с ним функциональные особенности коммуникативно-информационной деятельности издания.

Помимо предмета, к которому обращаются исследователи в разговоре о журналистике с наименованием «этническая» заслуживает внимания и само употребление термина.

Так, в сборнике «Этническая журналистика: история и современность. Ежегодник № 11» представлена статья «Этническая журналистика как объект системного анализа» авторов М.В. Шкондина, О.В. Смирновой и А.А. Гладковой [10]. Само название определяет, что речь пойдет об этнической журналистике, то есть журналистике, которая представляет какой-то этнос. Однако уже на третьей странице своего исследования авторы пишут: «Вместе с тем нельзя ослаблять внимание к истории

межэтнической журналистики, межкультурным этническим коммуникациям» [10, с. 7]. Таким образом здесь появляется термин «межэтническая журналистика», однако определения ему не дается. В контексте статьи чаще всего этот термин можно понимать как синоним термину «этническая».

Похожий принцип можно проследить в статье В.Ю. Буткевича и О.В. Тихоновой «Тема социальных проблем в межэтническом ракурсе на современном отечественном телеэкране» [2]. Авторы активно употребляют термин «межэтнический» в отношении понятий: межэтнический мир, межэтнический ракурс, межэтническая среда в значении «связанный с разными этносами/многонациональный». Например, они отмечают: «Увеличивающиеся миграционные потоки, рост рождаемости в отдельных республиках, ассимиляция и инвазия этнического меньшинства – все это приводит к тому, что общество неизбежно сталкивается с такими социальными проблемами, возникающими в межэтнической среде, как этноцентризм, проявление нетерпимости, ущемление в правах национальных меньшинств, неравенство уровня жизни, притеснения на религиозной почве, социальные межнациональные конфликты» [2, с. 13–14]. Отдельный пункт в статье посвящен исследованию теоретических аспектов этножурналистики. Авторы ссылаются на целый ряд исследователей, изучающих само понятие этножурналистики. Обращает на себя внимание некоторая противоречивость этих изысканий. Так, В.Ю. Буткевич и О.В. Тихонова приводят определение И.Н. Блохина, который разделяет этническую журналистику и этножурналистику: «Под термином “этническая журналистика” автор понимает журналистику, выполняющую функции самопознания народом своего этнического бытия, консолидации и интеграции этноса, сохранения и развития его культурной самобытности. ... Этножурналистика – это журналистика, посвященная проблемам национальных отношений, рассказывающая о других этнических культурах» [2, с. 16]. При всей попытке провести дифференциацию понятий, она представляется нам не слишком успешной: в реальной практике, прежде всего, речевой, эти понятия будут смешиваться до степени отождествления. И в данном случае путаница будет неизбежна.

Более четкое и конкретизированное понятие этнической журналистики дает Р.Л. Исхаков. Делая оговорку, что данное определение первичное и неполное – в силу, прежде всего, сложности самого предмета изучения – он отмечает: «этническая журналистика в самом общем виде представляет творческую деятельность по составлению текстов для средств массовой информации. Но специфика ее заключается в следующем – деятельность носит этнолого-психологический характер, отражает этнические стереотипы. В результате этнолингвистические тексты, рисуя этническую картину мира, показывают систему ценностей и ценностных ориентаций данного этноса, составляют контент этнической прессы. А сама этническая пресса соответствует системной структуре этноса» [3, с. 96].

Термин «межэтническая журналистика» чаще употребляют те исследователи, в поле зрения которых попадают современные СМИ. Так, к таковым относятся К.А. Тареева и Е.М. Пыреськина. Само название их научной работы, в которой они изучают опыт Гильдии межэтнической журналистики и творчество журналиста Маргариты Лянге, закрепляет за межэтнической журналистикой особое и закрепившееся место в отечественной журналистике – «Межэтническая журналистика как часть структуры средств массовой информации» [8]. Вместе с тем, четкого определения понятия «межэтническая журналистика» авторы так же не дают.

Возникает вопрос: так как же провести дифференциацию? И каков же объект этножурналистики – «своя» культура, культура и жизнь одного конкретного народа или

же множество культур и их взаимодействие? А в чем состоит специфика межэтнической журналистики? И правомерно ли вообще употреблять этот термин?

Этот вопрос стал особенно актуальным в последние годы и в связи с практикой современной журналистики – в частности, с той работой, которую проводит Гильдия межэтнической журналистики.

Гильдия межэтнической журналистики – это общественная организация журналистов, которые освещают в СМИ тему межнациональных и этноконфессиональных отношений. Возникла в 2003 году и на сегодня имеет более 50 региональных отделений, они представлены во всех федеральных округах страны. Члены Гильдии не только выполняют свои прямые профессиональные обязанности (то есть создают и публикуют медиаконтент с этнокомпонентом), но и ведут активную общественную деятельность: организуют и проводят образовательные мероприятия, конкурсы, этноэкспедиции. Так, с 2008 года по инициативе Гильдии межэтнической журналистики проводится всероссийский конкурс средств массовой информации «СМИротворец» на лучшее освещение вопросов межнациональных и этноконфессиональных отношений, который способствует популяризации данной темы и выявлению лучших журналистских практик. С 2015 года силами членов Гильдии работает проект (сначала межрегиональный, затем всероссийский) Школа межэтнической журналистики, где ведется обучение молодых журналистов и активистов в сфере межнациональных отношений. Замечания, предложенные членами Гильдии, были учтены при внесении изменений в Программу реализации Стратегии государственной национальной политики РФ (в части ее информационного сопровождения). Президент Гильдии межэтнической журналистики Маргарита Лянге входит в состав Совета по межнациональным отношениям при президенте РФ, что можно считать признанием вклада членов Гильдии в развитие общественной и журналистской работы в сфере межнациональных отношений.

Именно члены Гильдии межэтнической журналистики – практикующие журналисты – ввели в практику термин «межэтническая журналистика». Ими разработан документ-рекомендация – «Дорожная карта журналиста, который работает в многонациональной стране» [15]. В нем говорится: «Межэтническая журналистика имеет дело не только с событиями национальной жизни различных народов и не только с политикой в сфере межэтнических отношений. Она исследует этическую психологию представителей разных национальностей (их уникальные чувства, эмоции, представления, верования и менталитет), она приоткрывает завесу над такими, пока ещё мало кем осознаваемыми явлениями, как национально окрашенные экономика, спорт, медицина, педагогика и другие отрасли человеческой деятельности» [15]. Здесь же дано важное уточнение: «Это новейшая отрасль журналистики, которая актуализировалась в связи с трансформацией современного общества, где этническая принадлежность осознаётся индивидуумом как оптимальная возможность почувствовать себя частью целого. В условиях Российской Федерации, – частью многонационального народа, каждый этнос которого вносит свой вклад в развитие общегосударственного национального самосознания» [15]. Понятие «межэтническая журналистика» в данном случае также дифференцируется через сравнение с понятием «этническая журналистика»: «этнический журналист является хроникёром какого-то определённого этноса» [15].

Отметим, что по мнению членов Гильдии межэтнической журналистики, эта сфера журналистики абсолютно сформирована и имеет черты, свойственные другим отраслям журналистики. Сошлемся на цитату Президента Гильдии, журналиста с многолетним стажем Маргариты Лянге: «Все признают, что есть политическая, спортивная и

экономическая журналистика. Нужны определенные знания, чтобы освещать эти сферы нашей жизни. То же самое относится и к журналистике межэтнической» [22].

Таким образом, можно дать следующие характеристики понятий, которые стали предметом нашего исследования. *Этническая журналистика* – сосредоточенная на изучении конкретного, одного народа; она исследует жизнь, традиции, быт, верования, история этого народа. Даже когда этнический журналист рассказывает о взаимоотношениях данного народа с другими, центром его внимания будет оставаться этот народ. *Межэтническая журналистика* – та отрасль журналистики, которая рассматривает жизнь не одного народа, а множества народов, представителей разных национальностей, межнациональные отношения во всех их аспектах.

Большинство российских СМИ являются именно межэтническими. Так, ГТРК «Дагестан» ведет вещание на 15 языках и рассказывает о жизни представителей самых разных национальностей, населяющих республику [14]. Крупнейшим межэтническим СМИ является и сайт «Национальный акцент» (медиапроект Гильдии межэтнической журналистики), который «рассказывает обо всём, что связано с межнациональными отношениями, культурой разных народов России, их самобытностью, языком, верованиями и обычаями» [16]. Он работает как зарегистрированное СМИ с 2012 года и ежедневно предоставляет современный, в том числе мультимедийный, контент в самых разных жанрах. Кроме того, «Национальный акцент» имеет свой YouTube-канал, телеграмм-канал, а также группы во всех социальных сетях.

А вот этническими СМИ являются газеты «Еврейское слово» и «Нивх диф», радио «Радио Поморье» и интернет-сайт «Таджикский Медиа Холдинг ТАJINFO в РФ», ведь в центре их внимания – жизнь и традиции одного конкретного народа [21].

Отметим, что термин «межэтническая журналистика» закрепился в практической журналистике благодаря деятельности Гильдии межэтнической журналистики, проведению многочисленных обучающих, деловых и научно-практических мероприятий. Так, в 2018 году в Улан-Удэ прошел Байкальский форум межэтнической журналистики. Волгоградский Клуб журналистики «АбаЖур» в 2022 году посвятил свои заседания теме «Межэтническая тележурналистика как способ межкультурной коммуникации». В 2023 году в республике Крым состоялся молодёжный форум межэтнической журналистики «ЭтноСМИ». С 2015 года ежегодно проводится наставнический проект Школа межэтнической журналистики. В некоторой степени термин стал закрепляться и в научно-образовательной практике: так, с 2019 года на факультете журналистики Воронежского государственного университета введена в учебный план и реализуется дисциплина «Межэтническая журналистика». Первые три года проведения дисциплины продемонстрировали интерес со стороны студентов и их активную включенность в работу. Данная дисциплина реализуется как курс по выбору, однако проходит ежегодно, так как достаточное число обучающихся (на направлениях «Телевидение» и «Журналистика») выбирают ее для обучения.

Заключение. Итак, можно отметить сложность понятийного аппарата, связанного с пластом журналистики, создающей материалы с этнокомпонентом. Это связано и с дифференциацией различных терминов, и с разной степенью их закреплённости в практике и науке. Нам представляется, что термин «межэтническая журналистика / межэтнические СМИ» следует применять по отношению к той части журналистики и тем СМИ, предметом которых становятся различные народы и их культуры. Вместе с тем, необходимость дальнейшего изучения этого термина и смежных ему, а также введения его в научную практику и закрепления, очевидны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Блохин. И.Н. Журналистика в этнокультурном взаимодействии / И.Н. Блохин. – С.-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 2013. – 260 с.
2. Буткевич В.Ю., Тихонова О.В. Тема социальных проблем в межэтническом ракурсе на современном отечественном телеэкране / В.Ю. Буткевич, О.В. Тихонова // Этническая журналистика: история и современность. – № 11. – М.: Фак. журн. МГУ, 2018. – С. 13–39.
3. Исхаков Р.Л. Феномен этнической журналистики (к определению понятия) / Р.Л. Исхаков // Известия Уральского государственного университета. – Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2008. – № 60, вып. 24. – С. 93–98.
4. Куличкина Г.В. Типология региональной прессы: аспекты этничности / Г.В. Куличкина // Этническая журналистика: история и современность. – № 11. – М.: Фак. журн. МГУ, 2018. – С. 48–57.
5. Магадеева Р.Р. Тенденции развития этнических СМИ республики Башкортостан / Р.Р. Магадеева // Этническая журналистика: история и современность. – № 11. – М.: Фак. журн. МГУ, 2018. – С. 58–66.
6. Овсепян Р.П. Отечественная журналистика была и остается многонациональной / Р.П. Овсепян // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – Москва: МГУ, 2006. – Вып. 4. – С. 50–64.
7. Потапов П.Ф. Национальная журналистика в республике Мордовия: структура и содержание / П.Ф. Потапов // Этническая журналистика: история и современность. – № 11. – М.: Фак. журн. МГУ, 2018. – С. 67–72.
8. Тареева К.А., Пыреськина Е.М. Межэтническая журналистика как часть структуры средств массовой информации / К.А. Тареева, Е.М. Пыреськина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2019/02/9.tareeva-pyreskina_statya.pdf (дата обращения: 06.04.2024).
9. Шкляев А.Г. «Удморт кылын календарь/Календарь для вотяков» – первое периодическое издание удмуртской печати (к определению истоков) / А.Г. Шкляев // Этническая журналистика: история и современность. – № 11. – М.: Фак. журн. МГУ, 2018. – С. 79–84.
10. Шкондин М.В. Этническая журналистика как объект системного анализа / М.В. Шкондин, О.В. Смирнова, А.А. Гладкова // Этническая журналистика: история и современность. – № 11. – М.: Фак. журн. МГУ, 2018. – С. 5–12.
11. Этническая журналистика: история и современность. – № 11. – М.: Фак. журн. МГУ, 2018. – 86 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Большой словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/1224/%D0%AD%D0%A2%D0%9D%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99 (дата обращения: 20.03.2024).
13. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/bes/ЭТНИЧЕСКАЯ_ОБЩНОСТЬ (дата обращения: 20.03.2024).
14. Вещание на 15 языках: будни коллег из ГТРК «Дагестан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vesti-yamal.ru/ru/vjesti_jamal/veshanie_na_15_yazykakh_budni_kolleg_iz_gtrk_dagestan/ (дата обращения: 21.03.2024).
15. Дорожная карта журналиста, который работает в многонациональной стране [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nazaccent.ru/dorozhnaya-karta/> (дата обращения: 21.03.2024).
16. Познавательный-аналитический портал о межэтнических отношениях в России! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nazaccent.ru/about/> (дата обращения: 21.03.2024).
17. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/1224/%D0%AD%D0%A2%D0%9D%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99 (дата обращения: 20.03.2024).
18. Словарь социологических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/sociolinguistics_terms/Этнос (дата обращения: 20.03.2024).
19. Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/1224/%D0%AD%D0%A2%D0%9D%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99 (дата обращения: 20.03.2024).
20. Толковый словарь Ожегова и Шведовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/этнос4> (дата доступа: 20.03.2024).
21. Этнические СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nazaccent.ru/smi/> (дата обращения: 21.03.2024).
22. Ярхамов И. Почему понятие «толерантность» между народами неприменимо к России и означает регресс. Объясняет председатель Гильдии межэтнической журналистики Маргарита Лянге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kazanfirst.ru/articles/331343> (дата обращения: 06.04.2024).

REFERENCES

1. Blohyn, I.N (2013). Jurnalistika v etnokulturnom vzaimodeystvii [Journalism in ethnocultural interaction]. Sankt-Petersburg: Izdatelskiy dom SGU. (In Russian)
2. Butkevich, V.U., Tihonova, O.V (2018). Tema socialnyh problem v mejetnicheskom rakurse na sovremennom otechestvennom telekrane [The topic of social problems from an interethnic perspective on modern domestic television]. Etnicheskaya jurnalistika: istoria I sovremennost, 11. – 13-39. (In Russian)
3. Shklyayev, A.G (2018). «Udmort kylyn calendar\Kalendar dlya votyakov» - pervoe periodicheskoe izdanie udmurtskoy pechati (k opredeleniyu istokov) [“Udmort kylyn calendar / Calendar for Votyaks” - the first periodical publication of the Udmurt press (to determine the origins)]. Etnicheskaya jurnalistika: istoria I sovremennost, 11. – 79-84. (In Russian)
4. Shkondin, M.V (2018). Etnicheskaya jurnalistika kak ob'ekt sistemnogo analiza [Ethnic journalism as an object of systemic analysis] (In Russian)
5. Ishakov, R.L (2008). Fenomen etnicheskoy jurnalistiki (k opredeleniyu ponyatiya) [The phenomenon of ethnic journalism (towards the definition of the concept)]. Izvestiya UGU. Seria 1. Problemy obrazovaniya, nauki I kultury, 60-24. – 93-98. (In Russian)
6. Kulichkina, G.V (2018). Tipologiya regionalnoy pressy: aspekty etnichnosti [Typology of the regional press: aspects of ethnicity]. Etnicheskaya jurnalistika: istoria I sovremennost, 11. – 48-57. (In Russian)
7. Magadeeva, R.R Tendencii razvitiya etnicheskikh SMI respubliky Bashkortostan (2018) [Trends in the development of ethnic media in the Republic of Bashkortostan]. Etnicheskaya jurnalistika: istoria I sovremennost, 11. – 58-66. (In Russian)
8. Ovsepyan, R.P (2006). Otechestvennaya jurnalistika byla I ostaetsya mnogonacionalnoy [Domestic journalism was and remains multinational]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 10: Jurnalistika, 4. – 50-64. (In Russian)
9. Potapov, P.F (2018). Nacionalnaya jurnalistika v respublike Mordovia: struktura I sodержanie [National journalism in the Republic of Mordovia: structure and content]. Etnicheskaya jurnalistika: istoria I sovremennost, 11. – 67-72. (In Russian)
10. Tareeva, K.A, Pyreskina, E.M (2023). Mejetnicheskaya jurnalistika kak chast struktury sredstv massovoy informacii [Interethnic journalism as part of the media structure]. https://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2019/02/9.tareeva-pyreskina_statya.pdf. (In Russian)

Поступила в редакцию 08.04.2024 г.

ON STATUS OF TERM “INTERETHNIC JOURNALISM” IN MODERN JOURNALISTIC THEORY AND PRACTICE

M.A. Andreeva

The article addresses the concept of “interethnic journalism” and deals with its definition, differentiation with the term “ethnic journalism”, as well as with the relevance of its application in practical journalism and science. The relevance of the study is due to the relative consolidation of the term in practice, despite the fact that it is theoretically understudied. The term “ethnic journalism” is still actively used in the scientific literature, and is referred to a large scope of materials with an ethnic component. In the course of the research, various methods and techniques have been applied, among which is analysis and synthesis, as well as classification, method of document processing. The conclusion is made as to the need to differentiate between the concepts of “ethnic journalism” and “interethnic journalism”. The differentiation criteria and the examples of media that can be classified as ethnic and interethnic are provided.

Key words: journalism, media, ethnic journalism, interethnic journalism, Guild of Interethnic Journalism, ethnicity, ethnic component, term, conceptual apparatus.

Андреева Мария Александровна.

Воронежский государственный университет.

Старший преподаватель кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации.

ORCID: 0009-0002-7458-542X.

E-mail: masha-vk@mail.ru.

Andreeva Maria Alexandrovna.

Voronezh State University.

Senior Lecturer at Department of Electronic Media and Speech Communication.

ORCID: 0009-0002-7458-542X.

E-mail: masha-vk@mail.ru.

Научная статья

УДК 82-312.1

DOI: 10.5281/zenodo.12569628

«ИСКАТЕЛИ СЛОВЕСНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ»: К ХАРАКТЕРОЛОГИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РОМАНА

© 2024 *Д.О. Котомцев*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганский государственный педагогический университет»
ORCID 0009-0003-8882-3510.*

На материале модернистского («Козлиная песнь» К.К. Вагинова, «Дар» В.В. Набокова, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова и др.) и постмодернистского («Лолита» В.В. Набокова, «Чёрный принц» А. Мёрдок, «Попугай Флобера» Дж. Барнса и др.) типов интеллектуального романа изучена инвариантная структура главного героя, характерного для интеллектуальной прозы, – героя-интеллектуала. Исследованы нарративные функции (фигуры «квазиавтора», наррататора, авторской маски), идейно-смысловые концепты (интенция к личностному преобразению и самоидентификации с помощью текстуального осмысления мира, фигуры Другого и себя) и типологические особенности (выбор творческой профессии, тяга к чтению / письму, парадоксальность поведения, неточность и приблизительность восприятия мира и др.) героя-интеллектуала в контексте художественной «интеллектуальной провокации», присущей такому типу прозы.

Ключевые слова: интеллектуальный роман, герой-интеллектуал, нарратив разгадывания, провокация, парадокс, стратегии чтения, реинтерпретация, вариативность.

Для цитирования: Котомцев Д.О. «Искатели словесных приключений»: к характерологии интеллектуального романа / Д.О. Котомцев // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 157–169. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12569628>.

Наш путь – путь мысли.

Мартин Хайдеггер

Введение. Для литературного процесса XX–XXI веков характерна тенденция к интеллектуализации. Она проявляется в повышенном внимании к интерпретации и переинтерпретации жизни (Н.С. Павлова), обострённой потребности интеллектуального постижения действительности (Г.А. Белая) в границах художественного текста. Будучи ответной реакцией на необходимость создания «пространства смыслов» (Е.А. Тахо-Годи), жанровая стратегия интеллектуальной литературы в течение минувшего столетия обрела устойчивую структуру, в основе которой лежит ряд типологических особенностей поэтики: среди них – конструирование нарратива разгадывания, приводящего к откровению; полисемантическая, которая подразумевает вариативность интерпретации сюжетно-фабульной реальности текста и его идейного комплекса; ослабление миметических принципов изображения и выражения (психологизм, жизнеподобие и т. д.), усиливающее условность формально-содержательной структуры текста. Несмотря на некоторую метафоричность указанных терминов, интеллектуальность – реально существующий художественный и жанрообразующий принцип поэтики текста, позволяющий определить интерпретационный горизонт понимания литературного произведения.

Предлагаемая статья ставит **целью** проанализировать такой аспект интеллектуальной прозы, как характерология, сосредоточившись на специфическом и регулярно повторяющемся типе персонажа – условно назовём его героем-интеллектуалом. В научной традиции нет концептуальной рамки для типологизации такого героя. Отдельные ценные наблюдения над «геройным» уровнем ряда романов находим у С.С. Аверинцева («Игра в бисер» Г. Гессе) [2], С.А. Белоконов (романистика К.К. Вагинова) [5; 6], А.А. Долинина (проза В. Набокова) [10], А.В. Злочевской («Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова) [11], В.Б. Зусевой-Озкан (романистика А. Мёрдок) [13], Н.Л. Лейдермана и М.Н. Липовецкого (проза Вен.В. Ерофеева, Ю.О. Домбровского, А.Г. Битова) [17], П.А. Лисовской (проза Э. Юнсона) [19], Н.С. Павловой («Волшебная гора» Т. Манна) [23], С.Д. Павлычко («Без почвы» В. Домонтовича) [21]. Однако типологической характеристики инвариантных черт героя интеллектуальной прозы дано ещё не было.

Материалы и методы исследования. Для теоретико-литературных обобщений, которые могли бы претендовать на характеристику инвариантных черт героя-интеллектуала, были выбраны наиболее репрезентативные тексты интеллектуальной прозы модернистского и постмодернистского типов. Для характеристики инвариантной структуры образа героя-интеллектуала использовались методы компаративного и типологического анализа. Для адекватного истолкования художественных текстов применялись герменевтический, мотивный, нарратологический методы анализа.

Основная часть. Повествовательная структура интеллектуального романа является реакцией на «тотальное целое героя» (М.М. Бахтин), однако с уточнением: в большинстве случаев герой оказывается ключевой повествовательной инстанцией и первым интерпретирующим сам текст сознанием. Пользуясь словами Г. Хасина о набоковском «Даре», в основе нарративной сложности интеллектуального романа лежат «внимание к детали, использование повествовательных рифм, настойчивое обращение к повторам и симметриям, непрерывная лингвистическая изобретательность, риторические фигуры, тексты-матрёшки» [25, с. 41]. Интеллектуальный роман, будучи «романом судьбы и интерпретации, но также и романом повествовательного инкогнито» [Там же, с. 166–167], порождает сложные нарративные инстанции, взаимодействующие с героем-интеллектуалом. Герой может быть **нарратором – квазиавтором текста**, одновременно выступая главным героем повествования («Степной волк» Г. Гессе, «Труды и дни Свистонова» К.К. Вагинова, «Дар», «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», «Лолита», «Бледный огонь» В.В. Набокова, «Доктор Фаустус» Т. Манна, «Под сетью», «Чёрный принц» А. Мёрдок, «Волхв» Дж. Фаулза, «Москва – Петушки» Вен.В. Ерофеева, «Попугай Флобера» Дж. Барнса, «Что я любил» С. Хустведт, «Таинственное пламя царицы Лоаны» У. Эко, «Похождения скверной девчонки» М.В. Льосы, «Клеменс» М.А. Палей, «Памяти памяти. Романс» М.М. Степановой и т. д.); **персонажем**, имеющим, впрочем, не ограниченные по объёму речевые партии (им приписываются вставные тексты, к примеру) и возможности по вторжению в нарратив посредством текстуализации их сознания («Преступление Сильвестра Бонара» А. Франса, «Волшебная гора» Т. Манна, «Козлиная песнь» К.К. Вагинова, «Город» В.П. Пидмогильного, «Приглашение на казнь» В.В. Набокова, «Доктор Серафикус» В. Домонтовича, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, «Хранитель древностей» Ю.О. Домбровского, «Имя розы» У. Эко, «Страна вина» М. Яня, «Венерин волос» М.П. Шишкина, «Преподаватель симметрии» А.Г. Битова, «Петровы в гриппе и вокруг него» А.Б. Сальникова); **авторской маской**, за которой скрывается подобный пушкинскому двойственному повествователю –

одновременно всезнающему нарратору (но всё же ограниченному установленными им самим рамками) и персонажу в изображённом мире, который знаком с главными героями и сам является отчасти героем, но, скорее, на метауровне текста («Петербург» Андрея Белого, «Козлиная песнь» К.К. Вагинова, «Бледный огонь» В.В. Набокова, «Чёрный принц» А. Мёрдок, «Пушкинский дом» А.Г. Битова, «Обладание» А.С. Байетт).

Существуют и более виртуозные нарративные формы, воплощённые, к примеру, в прозе К.К. Вагинова, В.В. Набокова, А.Г. Битова и Дж. Барнса. Однако, по существу, сложность геройного уровня их романов сводится к эклектике – так, к примеру, Фёдор Годунов-Чердынцев, герой набоковского «Дара», является персонажем В.В. Набокова и персонажем собственного сочинения, автором ряда текстов (стихотворений, «Жизни Чернышевского» и, возможно, всего «Дара»), ведущей нарративной инстанцией композиционно-речевого и архитектурного целого. И.И. Ковтунова отмечает «контрастное сочетание в тексте («Дара». – Д. К.) разных пластов сознания – поверхностного, заключающего в себе внешнюю канву мысли героя, и глубинного пласта, содержащего нечто самое важное, сокровенное, истинное, то, что автору особенно дорого» [15, с. 154]. За всей сложностью нарративной структуры романа следит внешне скрытая инстанция «внеаходимого автора», некоторые права которого переданы персонажу, – фигура самого В.В. Набокова (который, впрочем, иронично эксплицирует себя в ещё в одном персонаже – писателе Владимирове, усиливая дистанцию между собой и Фёдором). Подобная нарративная структура – интенция к постоянному текстуальному осмыслению уже описанного (текст порождается как реакция не только на сюжет, но и на текст в целом), интерпретирующая, комментирующая позиция повествователя – получила блестящее воплощение в «Пушкинском доме» А.Г. Битова (правда, герой-интеллектуал Лёва Одоевцев является автором текстов вторичной природы – филологических исследований; реакция повествователя потому зеркальна: художественный текст становится и филологическим исследованием сюжета (и его вариантов) судьбы Лёвы), в «Хранителе древностей» Ю.О. Домбровского, в «Бесконечном тупике» Д.Е. Галковского, в «Клеменсе» М.А. Палей.

Истоки интерпретационной, автокомментирующей (термин Р.Д. Тименчика) интенции, по мнению В.Б. Зусевой-Озкан, следует искать в «Дон Кихоте» М. де Сервантеса, а далее – у Вольтера, Д. Дидро, Л. Стерна, романтиков, А.С. Пушкина, уделявших огромное внимание *философскому осмыслению мира* посредством творчества (см. об этом: [12]). В начале XX в. эта тенденция усилилась благодаря появлению модернистских романов, среди которых «Петербург» Андрея Белого (с его концепцией «мозговой игры»), «Улисс» Д. Джойса (с переосмыслением мифологического и эпического претекстов), «Миссис Деллоуэй», «На маяк», «Волны» В. Вулф (в которых концептуализируется работа сознания; интеллектуальное познание берёт верх над чувственным, сенсорно-эмпирические ощущения вызывают к жизни их тщательное осмысление, ассоциативный анализ), «Фальшивомонетки» А. Жида (в котором манифестируется квазиреальность художественного пространства текста, фиктивность персонажей, а автор-интерпретатор, при очевидном всезнании и всемогуществе в текстовой действительности, тем не менее занимает позицию комментатора, а не рассказчика).

«Сюжет мысли» и «нарратив разгадывания» конверсионно (от лат. *conversio* – «обращение, превращение, изменение») взаимодействуют. В центре нарратива – герой-интеллектуал, наделённый авторскими полномочиями и интенциями, обладающий символической и интерпретирующей властью над текстом. Герой-интеллектуал не

случайно оказывается ведущей нарративной инстанцией (как повествователь или как сознание, на котором сосредоточен нарратив): именно ему дано право «переводить» личную судьбу и окружающий мир в текст, тем самым подвергая его постоянной рефлексии, которая приводит к вариативности толкования (потенциально неисчерпаемой!) и альтернативности стиля (в котором удачно сочетаются различные элементы действительности, находящие подходящие текстовые формы для экспликации). Текст, порождаемый героем, является «единственным способом распутывания опыта», по слову М.К. Мамардашвили [20, с. 11], благодаря чему герой-интеллектуал начинает понимать контуры собственной судьбы в контексте жизни других людей. Парадокс заключается в том, что создаваемый текст участвует в смыслопорождении для самого героя, а не только для читателя. Герой-интерпретатор текстуально осмысляет свою судьбу, видит «узор» бытия, осознаёт осмысленность и упорядоченность жизни. Пространство текста, воплощая жизненную ситуацию в сюжете, заставляет героя-интеллектуала изменить своё восприятие происходящего, формирует новое представление, очерчивает линию личной судьбы, помогает осмыслить что-либо (или, что точнее, внести определённый смысл): «Чтобы распутать что-то, – констатирует М.К. Мамардашвили, – нужно эту ситуацию представить в каком-то особом пространстве, пространстве текста, и тогда (если этот текст удался) ситуация меняется» [20, с. 11]. Такая «открытая» структура, декларирующая изменение жизни в зависимости от изменения текста, влияет и на рецептивный аспект нарратива («горизонт читателя»).

Типичный сюжет интеллектуального романа – «незнание самого себя и своего действительного положения» [20, с. 11], которое завершается духовной конверсией: узнаванием своего действительного положения в мире. Переживание события или себя не просто сопряжено, но «опосредовано здесь пониманием» (А.В. Гулыга) [8, с. 219]. Нарратив разгадывания пронизан **лейтмотивом разгадки судьбы**, в котором М.М. Бахтин видел одну из тематических констант романа вообще: «Человек или больше своей судьбы, или меньше своей человечности» [4, с. 17]. Внимание интеллектуальной прозы к судьбе объяснимо тем, что в ней кроется разгадка человеческой жизни, меры человечности («нереализованный избыток человечности»), бытия в космосе. *Герой-интеллектуал*, носитель уникальной культурной памяти, *открывает тайну человеческой жизни и становится способным предстать перед лицом Другого и Абсолюта*, – так мы бы выразили **магистральный сюжет** интеллектуального романа. Причём текст и судьба конверсионно взаимодействуют: если в классической прозе текст был фиксацией судьбы персонажа, то в интеллектуальном романе текст влияет на восприятие героем своей жизни, создавая эффект «квазиреальности», конструктивности мироздания. В «Даре» В.В. Набокова концептуализируется эта мысль: Фёдор Годунов-Чердынцев думает, что вся реальность – «не что иное как изнанка великолепной ткани, с постепенным ростом и оживлением невидимых ему образов на лицевой стороне» [30, с. 281]. Как известно, текст (*textus*) в переводе с латыни означает «ткань, сплетение», поэтому закономерно «кодирование» нарративной структуры: оно порождает *героя-интерпретатора* (не случайно герои-нарраторы интеллектуальной прозы чаще всего писатели, художники, музыканты, искусствоведы, литературоведы, режиссёры, переводчики), который задействует весь свой внушительный культурный запас для разгадки, объяснения неведомого, которое обретает облик фабульных ситуаций.

Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий, анализируя «Пушкинский дом», проницательно отметили, что для героя-интеллектуала «равенство личности самой себе

выражается в создании собственной, незавершённой и независимой от господствующих стереотипов интеллектуальной реальности» [17, с. 383], что объясняет его потребность в искусстве, которое является вторичной моделирующей мир системой. Искусство (особенно – литература) становится формой дистанцирования (часто иронического) от реальности, пространством преобразования мира и перекодировки смыслов посредством создания новой семиотической модели. Гумберт Гумберт пытается осмыслить свою любовь к Лолите в жанре исповеди, извращая духовное «выговаривание» травматического опыта, однако, тем не менее, цепью провокаций, ложных ходов, обманов приближая самого себя к истине о природе собственных чувств. Брэдли Пирсон, герой «Чёрного принца», тоже «исповедуется» читательской публике (которая внутри романа подвергает его повесть беспощадной критике, подрывая доверие к нарратору), излагая историю о любви и искусстве (оказавшуюся одной из многих вариантов истины). Джеффри Брэйтуэйт из романа Дж. Барнса «Попугай Флобера» занят созданием литературоведческих эссе о Флобере, которые оказываются формой его исповеди о неудачном браке: чужая судьба, осмысленная текстуально, позволяет увидеть герою контуры собственного «Я».

Однако границы «Я» конститутивны в рамках реализации **нарративной провокации**. К примеру, смысловым центром романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова тоже становится образ художника-интеллектуала, историка, лишённого имени и названного «мастером». К слову, мотив безымянности творца не был новаторским; уже в 1920-е годы К.К. Вагинов пишет роман «Козлиная песнь», один из главных героев которого лишён имени, – все, и он сам, называют его неизвестным поэтом, признавая его удивительный художественный дар, силу поэтического слова, способность подлинного изображения реальности; финал романа, впрочем, трагичен: неизвестный поэт, осознав невозможность существования в мещанском быте, фальшь новой жизни, лишённой красоты искусства и творческого начала, сначала сходит с ума и обретает в клинике для душевнобольных после лечения имя – Агафонов, а потом убивает себя (см.: [29]). Вариация судьбы неизвестного поэта (а шире – вообще творческой личности в новую эпоху, пережившую духовную катастрофу) представлена в образе мастера, но со значительными трансформациями: счастье мастера связано с любовью к Маргарите, а не только с созданием романа (он его потом вовсе уничтожит).

Даже заглавие булгаковского романа, сильная позиция текста, устанавливает в читательском сознании прочность связи двух ведущих героев повествования – мастера и Маргариты и вписывает произведение в типологический ряд историй о любви и верности, трагической смерти, радости духовных отношений и их неизбежного разрыва («Дафнис и Хлоя» Лонга, анонимный роман «Тристан и Изольда», «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина, «Адам и Ева» самого М.А. Булгакова). Название, содержа в себе имена героев, намекает ещё на одного персонажа – Воланда: по тонкому наблюдению Л.М. Яновской, при обращении буквы «М» мы получим латинскую букву «W», которая отсылает к Воланду [27, с. 274]; «М» в именах героев тесно связано и с первой буквой имени ещё одного мистического образа в мировой литературе – Мефистофеля, героя «Фауста» И.В. фон Гёте, который ярко просвечивает сквозь образ Воланда. В черновиках же, по наблюдениям исследователей, М.А. Булгаков неоднократно называет того персонажа, который станет мастером, Фаустом, что усиливает эстетическую связь двух текстов.

Мастер как персонаж, несмотря на смысловую значимость в тексте романа, появляется только в 13-й главе, которая названа вполне автокомментирующе – «Явление героя». Символизм выбранной главы для появления мастера очевиден: число

13 безусловно связано с негативной символикой в культуре, становясь предвестием горя, ужасного события. Не случайно выбрано и место, в котором мы знакомимся с героем, – психиатрическая клиника, дом для сумасшедших (мастер соглашается со своим мнимым безумием). М.А. Булгаков подчёркивает в его портрете грубые черты: *«Бритый, темноволосый, с острым носом, с встревоженными глазами и со свешивающимся на лоб клоком волос»* [28, с. 273]. Мотив тревоги, заданный эпитетом *«встревоженный»*, усиливается первыми словами мастера, говорящими о страхе, усталости, жажде покоя: *«Вы, надеюсь, не буйный? А то я, знаете ли, не выношу шума, возни, насилий и всяких вещей в этом роде. В особенности ненавистен мне людской крик»* [28, с. 274].

Иван Бездомный, познакомившись с мастером, чувствует в нём творческого человека, но дар мастера – особого рода: *«– Вы писатель? – спросил Бездомный. Гость потемнел лицом и погрозил Ивану кулаком, потом сказал: “Я – мастер”»* [28, с. 278]. То, что мастер не относит себя к писательской профессии, свидетельствует о его желании не ассоциироваться, к примеру, с МАССОЛИТОм. Напоминанием же о художественном даре становится не только самоопределение, но и шапочка с вышитой буквой «М», одновременно напоминающей о Маргарите.

Мастер окружён ореолом творчества; этому способствует замечательное образование: он знает пять языков, занимается переводами, а по специальности является историком (что может быть истолковано и как *«рассказывающий истории, писатель»*). Сразу же он принимается сообщать историю своей жизни Бездомному: неожиданный выигрыш, писательский труд всей его жизни, новое жильё, дающее ему полную творческую свободу, любовь. В этом положительном ряду всё же есть омрачающая деталь: мастер находит выигрышную облигацию в корзине с *«грязным бельём»*: *«– Вообразите моё изумление, – шептал гость в черной шапочке, – когда я сунул руку в корзину с грязным бельём и смотрю: на ней тот же номер, что и газете»* [28, с. 279], что не только снижает семантику успеха и удачи, но и намекает на мистическую помощь мастеру со стороны (возможно, к этому причастен Воланд, желающий поведать с помощью мастера историю Пилата и Иешуа). Сам мастер, впрочем, об этом не задумывается.

Человеческие чувства, сексуальность, самоидентификация, травматический опыт самопознания, условности реальности подвергаются философской рефлексии героями-интеллектуалами, предлагающими спектр интерпретаций названных феноменов. Но герои-интеллектуалы не пытаются решить поставленные жизнью загадки – их жизненные (и нарративные) стратегии остаются в пределах *«неопределённости, вариативности, ребуса, парадокса, провокации, маскарада»*. Дистанцирование в интеллектуальном романе невозможно вне иронического контекста. Поэтому с уверенностью можно считать героев-интеллектуалов и **антигероями**: принцип их изображения – провокация. Вагиновский неизвестный поэт гениален только в метафизических границах; обретая имя, он теряет собственную идентичность. Тептёлкин из того же романа (даже его фамилия устанавливает ироничное восприятие героя) – знаток античного искусства и литературы эпохи Возрождения – оказывается в плену быта, приземлённой жены, влекомый пошлостью сада (о котором так мечтал вольтеровский Кандид), становящегося местом его духовной гибели. Ганс Касторп, герой «Волшебной горы» Т. Манна, и Гарри Галлер, волк-одиночка из романа «Степной волк» Г. Гессе, оказываются, по существу, безликими: суть их самопознания – ассимиляция чужого опыта (Сеттембрини, Лео Нафты, Гермины), что стирает их индивидуальные особенности. Фёдор Годунов-Чердынцев считает себя

превосходным поэтом, но единственные реакции на его сборник стихов – первоапрельская шутка друзей-эмигрантов и вымышленный диалог с поэтом и критиком Кончеевым, который герой ведёт сам с собой. Гумберт Гумберт, респектабельный интеллигент и автор исследований о французской литературе, оказывается маньяком-мономаном, педофилом. Некто В., Чарльз Кинбот, Джеффри Брэйтуэйт и Лёва Одоевцев кажутся литературоведами, подлинными ценителями искусства, однако их изыскания оборачиваются, скорее, изживанием собственного травматического опыта посредством внесения искусственных смыслов – в творчество Себастьяна Найта, Джона Шейда, Г. Флобера и А.С. Пушкина соответственно. Единственным персонажем-парадоксом, осознающим свою духовно-интеллектуальную неопределённость, оказывается Венечка – философствующий и переживающий религиозно-мистические видения безработный алкоголик поэмы «Москва – Петушки».

Всех героев-интеллектуалов объединяет ряд странных ипостасей: это люди с «крайне изошрённой психикой, нетрадиционными формами самооценки и восприятия мира», мономаны и эгоцентрики, связанные с искусством, обладающие уникальной культурной памятью (С.А. Ильин) [14, с. 140]. Изошрённость их разума постоянно подчёркивается в тексте интеллектуального романа – как его формальной сложностью, провокативностью, интертекстуальностью, которую необходимо расшифровывать, как палимпсест, так и вызывающей неопределённостью внутреннего облика самого героя, чьё сознание подчиняется силе мысли, а, следовательно, не всегда до конца правдиво.

С одной стороны, неопределённость внутреннего мира преодолевается духовным озарением. Одна из центральных философско-эстетических идей «Дара», по мнению М.Н. Липовецкого, заключается в необходимости направить мысль к Другому: от себя – к миру, к красоте Божественного замысла [18, с. 80]. «Философия творчества» Фёдора Константиновича концептуально представлена в «Даре» (в лирических отступлениях, метарефлексивных отрывках, прямой авторской речи в «Жизни Чернышевского» в момент критики идей диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности») и заключается в том, что мы призваны к тому, чтобы восторгаться произведениями искусства, восхищаться тем, что мы узнаём о мире, наслаждаться красотой, которая размыкает нас, не даёт нам заикнуться на себе. Чувство вины, рефлексивное самоунижение – это проявления эгоцентризма, нарциссизма, которые набоковской эстетике чужды (по мнению А.М. Пятигорского, концепт «вина» вообще вне картины мира В.В. Набокова [7, т. 1, с. 334–342]). Когда Фёдор Константинович испытывает восторг перед красотой узнаваемого, то освобождается от довлеющей власти вещей (примечательны эпизоды: «освобождение» героя от одежды в Груневальде; смерть Александра Яковлевича, которая стирает границы между небытием и явью (дождь, доводящий умирающего до отчаяния, – всего лишь вода для полива цветов); и т. д.). По убеждению Б.В. Аверина, восторг перед красотой (любви, к примеру) позволяет выйти из замкнутого круга привязанности к катастрофической сути мира [1, с. 274–299]; акт творчества дарует не только бессмертие в искусстве, но и воскресение из мёртвых (сон о возвращении отца [30, с. 316–320]). Это реализуется не только в преобразении самого Фёдора Константиновича, но и в композиции романа, которую, как известно, принято считать «спиралевидной» (герой проходит круг и выходит за обод) (об этом см.: [9]). Осознание красоты мира сопрягается с творчеством, которое и становится средством преобразования.

С другой стороны, искренность в интеллектуальном романе часто скрыта за виртуозными обманами, которые вызывают плюрализм восприятия текстовой

действительности и личности героя: повышенные аналитичность и рациональность героя-интеллектуала часто оказываются деструктивными (ср. с трагическими исходами судеб героев вагиновской прозы; с паразитической жизнью набоковского Кинбота, который добровольно ушёл из жизни, зажатый иллюзиями; с «вечным сном» Венечки, чьё горло было пробито шилом, чтобы речь захлебнулась кровью; с вариативностью пьяного буйства Лёвы Одоевцева; с ничтожными попытками героев А. Мёрдок (например, Брэдли Пирсона и Чарльза Эрроуби) гармонизировать свою жизнь и т. д.).

Иллюстрацией деструктивности рационального постижения мира и потребности в вариативном и непрекращающемся цикле интерпретаций может быть герой-интеллектуал М.А. Булгакова – мастер. Мотив творчества становится ведущим в отношениях мастера и Маргариты, по словам которой роман о Понтии Пилате тоже принадлежит ей: *«Ведь ты знаешь, что я всю жизнь вложила в эту твою работу»* [28, с. 425]. Она является первым читателем его романа, суля мастеру славу (*желание* – один из мотивов, сопутствующих образу Маргариты; ср. с готовностью сделать что угодно для личной выгоды). Творческое преображение переживает даже повествовательный уровень романа (выше мы отмечали сложность нарративной структуры, присущая интеллектуальному роману; в частности, для романа «Мастер и Маргарита» характерны ершалаимский, московский, мистический топосы нарратива). Оставаясь в пространстве Москвы, повествователь всё же меняет интонацию – его юмор, сатирическая мощь, игровое настроение теперь обретают лирический тон, напоминая о лучших страницах «Мёртвых душ» Н.В. Гоголя. Повествователь истории любви мастера и Маргариты, по убеждению И.Н. Сухих, – «патетический лирик» [24, с. 288], чья речь романтична; ср.: *«За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрешут лгуну его гнусный язык!*

За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!» [28, с. 353].

Однако творчество – не только дар мастера, связанный с чувством любви к миру и Маргарите, но и источник духовно ужасного: после ошеломляющей критики, обрушившейся на роман о Понтии Пилате, мастер совершил отчаянный поступок – сжёг рукопись, вследствие чего *утратил* способность творить, свой дар описывать мир. *«Я вспоминать не могу без дрожи свой роман»*, – утверждает мастер, а перед этим неоднократно повторяет слово «страх» в разговоре с Иваном. В диалоге с Воландом мастер прямо говорит об угасании своего писательского дара, ненависти к роману, который принёс ему не славу, а душевную рану, творческой скуке: *«После некоторого молчания Воланд обратился к мастеру:*

– Так, стало быть, в Арбатский подвал? А кто же будет писать? А мечтания, вдохновение?

– У меня больше нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет, – ответил мастер, – ничто меня вокруг не интересует, кроме нее, – он опять положил руку на голову Маргариты, – меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал.

– А ваш роман, Пилат?

– Он мне ненавистен, этот роман, – ответил мастер, – я слишком много испытал из-за него (ключевые слова выделены нами. – Д. К.)» [28, с. 425].

В финале романа мы сталкиваемся с очередным парадоксом в системе образов: мастер скучает, он сломлен, а Маргарита готова страстно и беззаветно любить; однако без мастера творческие усилия возлюбленной бесплодны. Спасение невозможно в реальном мире, но кажется, будто мистическая сила – всемогущий Воланд – способен помочь. Однако даже всемогущество Воланда ограничено: его мнимое добро

(справедливое наказание, встреча возлюбленных, возвращение их дома) оборачивается бессилием – несмотря на то, что рукопись мастера восстановлена, а сам писатель отчасти успокоен, Воланду не по силам вернуть художественный дар мастеру, исцелить его больную душу. Возвращение мастера к Маргарите – эпизод печального воссоединения с угасающим любовником, опустошённым и уставшим от окружающего его безумия. Мастеру не нужны любовь, творчество, жизнь – даже с Маргаритой. Возможно, дар покоя – это благо, которое избавило возлюбленных от окончательного разрушения отношений. Тяжёлая болезнь, а не любовь, – вот вероятный итог земной любви мастера и Маргариты. Даже «доброта» дьявола оказывается внутренне противоречивой: он может совершить сверхъестественные поступки, но реализация счастья другого человека, дар любви и жизни Воланду неподвластны.

Вероятно, невозможность земного счастья мастера и Маргариты связана с концепцией личности самого мастера: он знал счастье реальной жизни – любовь к женщине, радость творческого акта, а также изысканные ужины, ощущение хорошей квартиры (потребность в материальной предметности – словно продолжение описательного дара мастера, прикованного к земному началу). Мастер – сибарит, заставший блаженство счастья, которое частично выразилось в привязанности к улучшившемуся быту после обретения денежного достатка: «... совершенно отдельная квартирка, и ещё передняя, и в ней раковина с водой <...> в печке <...> вечно пылал огонь <...> диван, а напротив другой диван, а между ними столик, и на нём прекрасная ночная лампа, а к окошку ближе книги, тут маленький письменный столик, а в первой комнате – громадная комната, четырнадцать метров, – книги, книги и печка» [28, с. 280]. Мастер счастлив видеть за окном сирень, липу и клён – ежедневно; ждать по вечерам возлюбленную Маргариту, писать заветный роман (который не случайно сам М.А. Булгаков в письме называет «закатным» (см.: [24])). Однако счастливый период физического довольства оборвался примитивными духовно-интеллектуальными выпадами критиков, уничтожением рукописи романа, отчаянием. Земной мир разрушен поселением в «совершенно отдельную квартирку» якобы «друга», который ради этого пошёл на донос. Донос в итоге привёл мастера к аресту, а после – к клинике Стравинского для душевнобольных. Таким образом, счастье мастера основательно связано с физическим миром, внешними обстоятельствами, которые извечно коротки и изменчивы, – что и разрушает долговечность самого счастья. Маргарита же готова отринуть всякую предметную, приземлённую жизнь ради встречи с мастером, что входит в противоречие с ощущением счастья самого мастера. Объясняется ли этим (отсутствием духовного начала в жизни мастера, разрушением целостности его творческого, а, следовательно, – этического стресса) то, что мастер не заслужил свет? «Он не заслужил света, он заслужил покой», – говорится в финале романа, подводя итоги судьбы мастера [28, с. 489]. Покой, дарованный мастеру, оказывается духовным приютом уставшего человека, который потерял творческий дар, ощущение подлинной любви, волю к жизни. Почему же тогда клиника Стравинского не была для него последним духовным пристанищем?

Ряд исследователей (М.О. Чудакова [26], М.А. Андреев [3], В.П. Крючков [16]) находят в процитированной выше фразе аллюзию к «Божественной комедии» Данте и справедливо проводят параллель между судьбой мастера и послесмертием великих творцов прошлого, но язычников. Гомер, Вергилий, Гораций, Овидий, Платон, Сократ – все они помещены Данте в Лимбе, «круге первом», т. е. в пространстве между Адом и земной реальностью, но не связанным ни с Чистилищем, ни с Раем. По Данте, они не могли обрести божественный свет Рая, однако же не заслужили и мучений Ада:

творческая личность в художественном мире как Данте, так и М.А. Булгакова не может существовать, а тем более страдать во тьме. Роман мастера, написанный как антитеза нигилистскому и атеистическому мировоззрению Берлиоза и ему подобных, которые не могут оценить акт подлинного духовного преображения, прощения, милосердия и участия к жизни другого человека, приближается к постижению нравственно-философской концепции Иешуа о «золотом правиле» морали, поразительно точно «угадывается» мастером. Однако в частной жизни мастер был далёк от истинно нравственной жизни (порочная, заранее предопределённая на разрушение связь с чужой женой, слабость духа, которая привела к трусливому разрыву, и т. д.), а потому не заслужил мистического света, который, впрочем, стремился постигнуть. Таким образом, свет и покой – два состояния небытия, которые заслуживают праведники: не лучше и не хуже ни один из них, каждое просто качественно иное.

А.В. Злочевская отмечает, что М.А. Булгаков видит в образе художника «соединение свободной воли человека и Промысла высших сил – как Добра, так и Зла» [11, с. 130]. Писатель, будучи обладателем имманентного дара, всё же осознаёт (или ощущает) странную связь с мистической, трансцендентной стороной бытия, их внимание и покровительство к судьбе творческой личности, которая реализует интенции преображения мира, его усовершенствования, качественного изменения. Поэтому за скобками повествования остаётся загадка положительного участия Воланда и Иешуа в судьбе мастера.

Заключение. Итак, «раздвоенность» героев-интеллектуалов – рациональность и аналитический склад ума, которые сосуществуют с иррациональностью желаний, абсурдом поведения, иногда – безумием, – подчёркивает нарративную стратегию провокации интеллектуального романа: у героев никогда нет однозначных мыслей, чувств, смыслов. Частотная сюжетная ситуация любви/ненависти, противоречивая интрига, порождаемая рассказом о происходящих событиях, аргументация и интерпретация, построенная на вариативности и многогранности воплощают альтернативность поэтики интеллектуального романа. Все герои-интеллектуалы названных романов – библиофилы, но при этом они страдают от прочитанных книг и пережитых смыслов. Все они занимаются креативной деятельностью (пишут, рисуют, сочиняют музыку), но, тем не менее, не любят слова, краски и ноты, чувствуя *неполноту* передаваемых ими идей и смыслов, их *неточность, приблизительность*. Для героев интеллектуальной прозы вполне применим тезис, получивший разработку в трудах М. Хайдеггера, а позже – Р. Барта, о том, что не люди пишут языком, а язык пишет и говорит людьми. Власть текста оказывается довлеющей, и выйти за границы текстуального мира живым невозможно: таков итог жизни каждого героя-интеллектуала, прозревающего истину о личной судьбе, но не способного что-либо изменить в ней. Свистонов может только «переводить» окружающий мир в тексты, но не созидать их, – «перевод» приводит к смерти людей, ставших его героями; Фёдор Годунов-Чердынцев не может покинуть пространство собственного текста, выйти за границы реальности; Цинциннат Ц., герой «Приглашения на казнь» В.В. Набокова, освобождается только после казни, которая наконец разрушает декоративность фальшивой действительности; жизнь Лёвы Одоевцева завершается, условно говоря, двоеточием: нарратор предлагает читателю на выбор «варианты» его судьбы; и т. д. Открытость миру и личностное развоплощение, освобождение героя подчёркиваются в интеллектуальном романе в нарративной фигуре «открытого финала», размыкающего смысл в пространство как автоинтерпретации нарратором, так и реинтерпретации текста читателем, за которым остаётся выбор стратегии чтения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверин Б.В. Дар Мнемозины. Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции / Б.В. Аверин. – СПб. : Амфора, 2003. – 399 с.
2. Аверинцев С.С. Путь Германа Гессе / С.С. Аверинцев // Гессе Герман. Избранное. – М. : Художественная литература, 1977. – С. 3–26.
3. Андреев М.Л. Беатриче Данте и Маргарита Булгакова / М.Л. Андреев // Дантовские чтения, 1990. – М., 1993. – С. 148–154.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 424 с.
5. Белоконь С.А. «Негероические» герои интеллектуального романа (на материале романа К. Вагинова «Труды и дни Свистонова») / С.А. Белоконь // Филологические чтения : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Оренбург, 13–14 декабря 2018 г.). – Оренбург : ОО ИПК «Университет», 2019. – С. 190–194.
6. Белоконь С.А. Особенности сюжетно-композиционной организации интеллектуального романа / С.А. Белоконь // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2019. – № 2. – С. 3–7.
7. В.В. Набоков : Pro et contra : в 2 т. / Сост. Аверина Б. и др. – СПб. : РХГИ, 1997–2001. – Т. 1, 976 с. – Т. 2, 1064 с.
8. Гулыга А.В. Принципы эстетики / А.В. Гулыга. – М. : Политиздат, 1987. – 286 с.
9. Давыдов С.С. Тексты-матрешки Владимира Набокова / С.С. Давыдов. – СПб. : Кирцидели, 2012. – 164 с.
10. Долинин А.А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар» / А.А. Долинин. – М. : Новое издательство, 2019. – 648 с.
11. Злочевская А.В. Три лика мистической метапрозы XX века: Герман Гессе – Владимир Набоков – Михаил Булгаков : монография / А.В. Злочевская. – СПб. : Изд-во Super, 2016. – 549 с.
12. Зусева-Озкан В.Б. Историческая поэтика метаромана : монография / В.Б. Зусева-Озкан. – М. : Intrada, 2014. – 487 с.
13. Зусева-Озкан В.Б. «Священные монстры»: к характерологии Айрис Мёрдок / В.Б. Зусева-Озкан // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 477. – С. 29–36. – DOI: 10.17223/15617793/477/3.
14. Ильин С.А. Интеллектуальный роман в творчестве В. Набокова и А. Мёрдок: «Лолита» и «Чёрный принц» / С.А. Ильин // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. Сер. А: Филология. Социальные коммуникации. – 2009. – № 2. – С. 139–146.
15. Ковтунова И.И. Поэтика контрастов в романе В. Набокова «Дар» / И.И. Ковтунова // Язык: система и подсистемы. – М., 1990. – С. 140–161.
16. Крючков В.П. «Мастер и Маргарита» и «Божественная комедия»: к интерпретации эпилога романа М. Булгакова / В.П. Крючков // Русская литература. – СПб., 1995. – № 3. – С. 225–229.
17. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : учеб. пособие : в 2 т. – Т. 2 : 1968–1990. – М. : Издат. центр «Академия», 2003. – 688 с.
18. Липовецкий М.Н. Эпилог русского модернизма (Художественная философия творчества в «Даре» Набокова) / М.Н. Липовецкий // Вопросы литературы. – 1994. – № 3. – С. 72–95.
19. Лисовская П.А. Жизненные стратегии интеллектуала в условиях войны и диктатуры в романах Эйвинда Юнсона / П.А. Лисовская // Скандинавская филология. – 2022. – Т. 20. – Вып. 1. – С. 111–126. – DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/srbu21.2022.108>.
20. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути (М. Пруст. «В поисках утраченного времени») / М.К. Мамардашвили. – СПб. : Издательство Русского христианского гуманитарного института, 1997. – 572 с.
21. Павличко С.Д. Дискурс модернізму в українській літературі ХХ ст. / С.Д. Павличко. – К. : Либідь, 1999. – 447 с.
22. Павличко С.Д. Лабіринти мислення : інтелектуальний роман сучасної Великобританії / С.Д. Павличко. – К. : Наукова думка, 1993. – 104 с.
23. Павлова Н.С. Типология немецкого романа: 1900–1945 / Н.С. Павлова. – М. : Наука, 1982. – 279 с.
24. Сухих И.Н. Евангелие от Михаила / И.Н. Сухих // Звезда. – 2000. – № 6. – 213–225 с.
25. Хасин Г. Театр личной тайны : Русские романы В. Набокова / Г. Хасин. – М. ; СПб. : Лет. сад, 2001. – 187 с.
26. Чудакова М.О. Жизнеописание М.А. Булгакова / М.О. Чудакова. – М. : Книга, 1988. – 673 с.

27. Яновская Л.М. Творческий путь Михаила Булгакова / Л.М. Яновская. – М. : Советский писатель, 1983. – 318 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

28. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: Роман // Булгаков М. Собрание сочинений в 10 тт. – М. : Голос, 1995–2000. – Т. 9: Мастер и Маргарита: Роман; Пьеса / Предисл. и коммент. В. Петелина. – 1999. – С. 156–522.

29. Вагинов К.К. Козлиная песнь. Романы. Стихотворения и поэмы / К.К. Вагинов. – М. : Художественная литература, 1989. – 482 с.

30. Набоков В.В. Собрание сочинений : в 4 т. / Владимир Набоков. – Т. 4. – М. : Правда, 1990. – 480 с.

REFERENCES

1. Averin B.V. (2003). *Dar Mnemoziny*. *Romany Nabokova v kontekste russkoj avtobiograficheskoj tradicii* [The gift of Mnemosyne. Nabokov's Novels in the context of the Russian Autobiographical tradition]. Saint Petersburg: Amfora. (In Russian)

2. Averincev S.S. (1977). *Put Germana Gesse* [The Way of Herman Hesse]. Gesse German. *Izbrannoe*. – Moscow: *Xudozhestvennaya literature*, 3–26. (In Russian)

3. Andreev M.L. (1990). *Beatrice Dante i Margarita Bulgakova* [Beatrice Dante and Margarita Bulgakova]. *Dante readings*. Moscow, 148–154. (In Russian)

4. Baxtin M.M. (1986). *E`stetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity] Moscow: *Iskusstvo*. (In Russian)

5. Belokon` S.A. (2019). «Negeroicheskie» geroi intellektual`nogo romana (na materiale romana K. Vaginova «Trudy` i dni Svistonova») [“Non-heroic” heroes of the intellectual novel (based on the material of K. Vaginov's novel “The Works and days of Svistonov”)]. *Philological readings*. Orenburg: OO IPK «Universitet», 190–194. (In Russian)

6. Belokon` S.A. (2019). *Osobennosti syuzhetno-kompozicionnoj organizacii intellektual`nogo romana* [Features of the plot and compositional organization of the intellectual novel]. *Bulletin of the Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*, 2, 3–7. (In Russian)

7. V.V. Nabokov : *Pro et contra*. (1997–2001). Saint Petersburg: RXGI. (In Russian)

8. Guly`ga A.V. (1987). *Principy` e`stetiki* [Principles of aesthetics. Moscow: Politizdat. (In Russian)

9. Davy`dov S.S. (2012). *Teksty`-matreshki Vladimira Nabokova* [Texts-matryoshka dolls of Vladimir Nabokov]. Saint Petersburg: Kircideli. (In Russian)

10. Dolinin A.A. (2019). *Kommentarij k romanu Vladimira Nabokova «Dar»* [Commentary on Vladimir Nabokov's novel “The Gift”]. Moscow: *Novoe izdatel`stvo*. (In Russian)

11. Zlochevskaya A.V. (2016). *Tri lika misticheskoj metaprozy` XX veka: German Gesse – Vladimir Nabokov – Mihail Bulgakov* [Three faces of mystical metaprose of the XX century: Hermann Hesse – Vladimir Nabokov – Mikhail Bulgakov]. Saint Petersburg: *Izd-vo Super*. (In Russian)

12. Zuseva-Ozkan V.B. (2014). *Istoricheskaya poe`tika metaromana* [Historical poetics of the metaroman]. Moscow: *Intrada*. (In Russian)

13. Zuseva-Ozkan V.B. (2022). «Svyashhenny`e monstry`»: k karakterologii Ajris Myordok [“Sacred monsters”: towards the characterology of Iris Murdoch]. *Bulletin of Tomsk State University*, 477, 29–36. DOI: 10.17223/15617793/477/3. (In Russian)

14. Il`in S.A. (2009). *Intellektual`ny`j roman v tvorchestve V. Nabokova i A. Myordok: «Lolita» i «Chyorny`j princz»* [Intellectual novel in the works of V. Nabokov and A. Murdoch: “Lolita” and “The Black Prince”]. *Bulletin of Luhansk Taras Shevchenko National University. Ser. A: Philology. Social communication*, 2, 139–146. (In Russian)

15. Kovtunova I.I. (1990). *Poe`tika kontrastov v romane V. Nabokova «Dar»* [Poetics of contrasts in V. Nabokov's novel "The Gift" / I.I. Kovtunova]. *Language: system and subsystems*. Moscow, 140–161. (In Russian)

16. Kryuchkov V.P. (1995). «Master i Margarita» i «Bozhestvennaya komediya»: k interpretacii e`piloga romana M. Bulgakova [“The Master and Margarita” and “The Divine Comedy”: on the interpretation of the epilogue of the novel by M. Bulgakov]. *Russian Literature*. Saint Petersburg, 3, 225–229. (In Russian)

17. Lejderman N.L., Lipoveczkij M.N. (2003). *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody`* [Modern Russian literature: 1950-1990-ies]. Moscow: *Izdat. centr «Akademiya»*. (In Russian)

18. Lipoveczkij M.N. (1994). *E`pilog russkogo modernizma (Xudozhestvennaya filosofiya tvorchestva v «Dare» Nabokova)* [Epilogue of Russian modernism (Artistic philosophy of creativity in Nabokov's "Gift")]. *Questions of literature*, 3, 72–95. (In Russian)

19. Lisovskaya P.A. (2022). Zhiznenny'e strategii intellektuala v usloviyakh vojny` i diktatury` v romanax E'jvinda Yunsona [The life strategies of an intellectual in the conditions of war and dictatorship in the novels of Eyvind Yunson]. *Scandinavian philology*, 20, 1, 111–126. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.108>. (In Russian)
20. Mamardashvili M.K. (1997). Psixologicheskaya topologiya puti (M. Prust. «V poiskax utrachenogo vremeni») [Psychological topology of the path (M. Proust. “In search of lost time”)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo xristianskogo gumanitarnogo instituta. (In Russian)
21. Pavlichko S.D. (1999). Diskurs modernizmu v ukrains'kij literaturi XX st. [Discourse of modernism in the Ukrainian literature of the XX century]. Kyiv: Libid'. (In Ukrainian).
22. Pavlichko S.D. (1993). Labirinti misleniya : intelektual'nij roman suchasnoi Velikobritanii [Labyrinths of thinking: an intellectual novel of the Great Britain]. Kyiv: Naukova dumka. (In Ukrainian).
23. Pavlova N.S. (1982). Tipologiya nemeckogo romana: 1900–1945 [Typology of the German novel: 1900–1945]. Moscow: Nauka. (In Russian)
24. Suhii I.N. (2000). Evangelie ot Mihaila [The Gospel of Michael]. *Zvezda*, 6, 213–225. (In Russian)
25. Hasin G. (2001). Teatr lichnoj tajny` : Russkie romany` V. Nabokova [The theater of personal secrets : Russian novels by V. Nabokov]. Moscow; Saint Petersburg: Let. Sad. (In Russian)
26. Chudakova M.O. (1988). Zhizneopisanie M.A. Bulgakova [The life of M.A. Bulgakov]. Moscow: Kniga. (In Russian)
27. Yanovskaya L.M. (1983). Tvorcheskij put` Mihaila Bulgakova [The creative path of Mikhail Bulgakov]. Moscow: Sovetskij pisatel. (In Russian)

Поступила в редакцию 22.05.2024 г.

**“THE SEEKERS OF VERBAL ADVENTURES”:
TOWARDS CHARACTEROLOGY OF INTELLECTUAL NOVEL**

D.O. Kotomtsev

The article deals with the invariant structure of the intellectual hero who is the main character typical of intellectual prose. The issue is studied on the material of modernist (“The Goat Song” by K.K. Vaginov, “The Gift” by V.V. Nabokov, “The Master and Margarita” by M.A. Bulgakov, etc.) and postmodern (“Lolita” by V.V. Nabokov, “The Black Prince” by A. Murdoch, “Flaubert's Parrot” by J. Barnes, etc.) types of intellectual novel. The narrative functions (figures of the “quasi-author”, narrator, author's mask), ideological and semantic concepts (intention to personal transformation and self-identification through textual understanding of the world, the figure of Another and oneself), and typological features the intellectual hero (choice of creative profession, craving for reading / writing, paradoxical behaviour, inaccuracy and approximation of perception of the world, etc.) in the context of the artistic “intellectual provocation” inherent in this type of prose are considered.

Key words: intellectual novel, intellectual hero, unraveling narrative, provocation, paradox, reading strategies, reinterpretation, variability.

Котомцев Дмитрий Олегович.

Луганский государственный педагогический университет,
Российская Федерация, г. Луганск.
Аспирант, ассистент кафедры русской и мировой литературы.
ORCID 0009-0003-8882-3510.
E-mail: dima_kot_94@mail.ru

Kotomtsev Dmitry Olegovich.

Luhansk State Pedagogical University,
Russian Federation, Lugansk.
Postgraduate student, assistant at Department of Russian and World Literature.
ORCHID 0009-0003-8882-3510.
E-mail: dima_kot_94@mail.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.12571775

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В ХОДЕ НЕОЛОГИЗАЦИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ПОДСИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

© 2024 Д.Г. Орлова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

ORCID 0000-0001-7771-0068.

В статье рассматривается проблема словообразовательного варьирования как явление, которое сопровождает процесс неологизации семантико-словообразовательной глагольной подсистемы русского языка. Особое внимание уделено теоретическому аспекту изучения языкового варьирования. В работе использован динамический подход к изучению процесса неологизации языка, при котором становится возможным выявление тенденций неологизации как в определенный период языковой истории, так и в языковой диахронии в целом. В качестве материала исследования использованы лексикографические источники: «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII века», «Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения», трехтомный словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века «Новые слова и значения», словарные материалы «Новое в русской лексике» 2015–2022 годов и «Словарь языка интернета.ру». Анализ словообразовательных вариантов, появившихся в ходе неологизации языка в разные периоды его развития, позволил сделать выводы о динамике взаимодействия словообразовательных моделей. Основным методом исследования – синхронно-диахронный. Для описания закономерностей словообразовательного варьирования на каждом из синхронных срезов использована методика словообразовательного анализа.

Ключевые слова: словообразовательное варьирование, неологизация, динамический подход, суффиксальные глагольные неологизмы, старорусский период, период формирования национального литературного языка, рубеж тысячелетий.

Для цитирования: Орлова Д.Г. Словообразовательное варьирование в ходе неологизации глагольной подсистемы русского языка / Д.Г. Орлова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 170–181. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12571775>.

Введение. Язык – это динамическая система, которая находится в постоянном развитии. Языковые изменения часто сопровождаются варьированием, охватывающим все уровни языка, что, несомненно, свидетельствует о глобальном характере этого явления для языковой системы, о его универсальности. Проблема языкового варьирования привлекает внимание ученых не одно десятилетие, поскольку не до конца решенными остаются вопросы соотношения понятий *вариант*, *вариативность*, *варьирование* с понятием *синонимия*. Нет единства в определении критериев определения специфики варьирования. Возможно понимание *вариантов* как «синонимов и формально различающихся модификаций лингвистических единиц при тождественности лексического значения» [1, с. 4]. Варианты могут рассматриваться и как «разные проявления одной и той языковой единицы, обусловленные разнообразием позиции в речевом ряду, стилистического задания, цели говорящего» [2, с. 50]. Понятия *вариативность* и *варьирование* дифференцируются отдельными исследователями. Так, *вариативность* может трактоваться как «способность языка в процессе эволюции

создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях его структуры: фонетическом; морфемном; лексическом и др. <...> изменение, модификацию языковых сущностей, существование двух или более вариантов одной и той же языковой единицы (фонемы, морфемы, лексемы)», а *варьирование* – как «фундаментальное свойство языка, охватывающее все лингвистические единицы, в том числе и слова иноязычного происхождения; основной источник исторических изменений» [1, с. 4]. Г.Г. Ивлева отмечает, что «возможность варьирования заложена в самой природе языка <...> процесс варьирования можно считать закономерным в языке, так как он характеризует языковые единицы различных уровней и является постоянным признаком языкового развития» [3, с. 121]. По утверждению Н.К. Власко, в последнее десятилетие прочно утвердился взгляд на варьирование как на сосуществование синхронных различий, конкурирующих форм, лежащее в основе языкового изменения: каждому изменению в языке предшествует этап сосуществования двух (старой и новой) или более модификаций форм, параллельное бытование которых и создает варьирование, приводящее к изменению, если один из вариантов закончит свое существование и заменится другим [4, с. 164]. Вариативность можно рассматривать и как механизм формирования деривационных смыслов в тексте: «Вариативность является онтологическим свойством языка и позволяет описать однотипные прототипические ситуации, связанные с теми или иными мотивами, идеями, объективированными различными языковыми средствами, в том числе и деривационными» [5, с. 324].

Причинами языкового варьирования выступают как внутренние языковые факторы, такие, как закон экономии речевых средств, закон аналогии, закон системности, так и внешние языковые факторы, например, влияние других языков.

Вариативность может проявляться как в синхронии, когда в языке существуют в определенный момент времени две или более лексические единицы, имеющие тождественное семантическое значение, так и в диахронии, когда в одном языке в разные периоды времени для обозначения одной и той же реалии используются различные лексические единицы [6, с. 74].

Вопросам языкового варьирования посвящены работы О.С. Ахмановой, З.М. Богословской, В.В. Виноградова, К.С. Горбачевича, Л.К. Граудиной, Л.П. Крысина, В.Н. Немченко, Р.П. Рогожниковой и др. Еще раз отметим, что, несмотря на многочисленные исследования по вопросам варьирования, границы понятия *языковой вариант* до сих пор четко не обозначены. Бесспорным признается выделение акцентных, фонетических, фонематических вариантов, так как вариантные отношения возникают при формальных различиях семантически тождественных языковых единиц [7, 8]. Одним из дискуссионных аспектов проблемы вариантности является обоснование критериев выделения словообразовательных вариантов [9, 10]. У исследователей нет единого мнения относительно типов варьирования, специфики преобразования вариантов в процессе исторического развития языка [11, с. 147].

Под словообразовательными вариантами чаще всего понимаются «семантически тождественные языковые формы, характеризующиеся общностью корневой морфемы и различием семантически соотносительных аффиксальных морфем – префиксов и суффиксов» [12, с. 519]. В отличие от других параллельных средств языка словообразовательные варианты отвечают требованиям системности, регулярной взаимозаменяемости, функциональной эквивалентности словообразовательного значения, однородности сравниваемых структур [13, с. 12]. Следует отметить, что представители Казанской школы обозначают словообразовательные варианты как

словообразовательные синонимы, полагая, что словообразовательная синонимия – «это синонимия словообразовательных типов, характеризующихся одинаковыми словообразовательными связями, проявляющимися в общности производящих основ синонимов, одинаковыми словообразовательными значениями, но разными словообразовательными средствами (синоморфемами), а создается такая синонимия «противопоставлением общности производящих основ, создающих базу лексической синонимии, и разности образующих формантов, идентичных в плане словообразовательной семантики» [9, с. 101–102].

Мы, вслед за О.И. Дмитриевой, понимаем под словообразовательным варьированием «передачу одинаковых или максимально близких словообразовательных значений разными формальными способами» [14, с. 8]. Однокорневые варианты не возникают случайно, а образуются по действующим моделям. Варьирование наблюдается в границах словообразовательных типов. Со временем словообразовательные варианты утрачиваются: один вариант вытесняет другой. Однако при этом возможно и развитие отношений синонимии, если в словообразовательных парах появляются семантические и стилистические различия [11, с. 151].

Процесс словообразовательного варьирования сопровождается неологизацией языка, которая является результатом языковой динамики. Исследование неологических процессов и варьирования новых языковых единиц в основном базируется на анализе именных единиц языка. Работы, относящиеся к области глагольной неологии, немногочисленны [15, 16]. Имеются отдельные исследования, посвященные глагольным словообразовательным вариантам, появившимся в разные периоды развития русского литературного языка [10, 11, 14, 17, 18, 19, 20, 21]. Словообразовательные варианты суффиксальных глагольных новообразований представляют объект нашего изучения в рамках данной статьи. Актуальность данной проблематики определяется необходимостью синхронно-диахронного исследования процесса неологизации русского языка, способствующего выявлению тенденций и факторов языковой динамики. Цель, которая ставится в статье, – синхронно-диахронное исследование подсистемы русских суффиксальных глагольных неологизмов в аспекте их словообразовательного варьирования. Такое изучение языковых процессов даёт возможность охватить весь письменный период русского литературного языка, что позволяет представить тот или иной семантико-словообразовательный процесс в целом, более или менее полно отразить картину языковой эволюции [22, с. 57]. Синхронно-диахронный подход к исследованию языкового материала позволяет выявить тенденции процесса неологизации как в каждый из периодов языковой эволюции, так и в языковой диахронии в целом.

Материал и методы исследования. Как уже отмечалось, глагольная подсистема языка является менее активной с точки зрения неологизации, чем именная подсистема, и менее исследованной. Появление большого количества неологизмов происходит, как правило, в переходные периоды развития языка, когда и происходит словообразовательное варьирование. Предпринятый синхронно-диахронный анализ охватывает следующие периоды истории русского литературного языка: 1) старорусский период (XV–XVII вв.); 2) период формирования единого национального русского литературного языка (XVIII в.); 3) конец XX – начало XXI вв., то есть рубеж тысячелетий (подчеркнем, что начало XXI в. мы рассматриваем широко: временной промежуток с 2000-го года по настоящее время). В качестве материала исследования были взяты лексикографические источники: «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII века», «Толковый словарь русского языка

конца XX в.: Языковые изменения», трехтомный словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века «Новые слова и значения», составителями которого являются Т.Н. Буцева, Е.А. Левашов, Ю.Ф. Денисенко и др., словарные материалы «Новое в русской лексике» 2015–2022 годов и «Словарь языка интернета.ru» под редакцией М.А. Кронгауза. Обращение к лексикографическим источникам материала позволяет дать системный анализ глагольной лексики, которая пополняла язык в процессе его неологизации. Отметим, что «Словарь русского языка XVIII века» и «Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения» являются динамическими словарями, в которых содержатся специальные пометы для фиксации новообразований, и это позволяет определить время появления того или иного неологизма в русском языке. Отбор языкового материала из «Словаря русского языка XI–XVII вв.» производился на основе словарной фиксации первых употреблений слова в текстах, относящихся к XV–XVII вв. Методом сплошной выборки из лексикографических источников были отобраны суффиксальные глагольные неологизмы (около 990 языковых единиц: старорусский период – 360 ед.; период формирования единого национального русского литературного языка – 410 ед.; рубеж тысячелетий – 220 ед.), которые были проанализированы в структурно-семантическом и функциональном аспектах. В ходе словообразовательного анализа было выявлено примерно 90 рядов словообразовательных вариантов глагольной лексики (в старорусский период – 20 новообразований, в период формирования единого национального литературного языка – 60, на рубеже тысячелетий – 10). Неологизмы, их дефиниции и иллюстративный материал, который показывает особенности их употребления, взяты из перечисленных выше лексикографических источников.

Новизна исследования определяется тем, что динамика процесса словообразовательного варьирования рассматривается в широкой исторической перспективе, с опорой на метод синхронно-диахронного анализа с привлечением широкого языкового материала. Сделанные выводы имеют значение для исследований в области русского исторического словообразования, а также неологии.

Результаты и обсуждение. Процесс неологизации русской глагольной лексики сопровождается словообразовательным варьированием, что подтверждается лексикографическими данными. В старорусском языке (XV–XVII вв.) нами было зафиксировано 20 рядов словообразовательных вариантов: *закон-и-ти* – *закон-ствова-ти* «устанавливать законы», *ковар-нича-ти* – *ковар-ствова-ти* «строить козни, замысливать зло», *пророч-ествова-ти* – *пророч-и-ти* «предсказывать, предвещать», *сирот-ѣ-ти* – *сирот-ствова-ти* «быть (стать) сиротой, одиноким, беззащитным человеком», *молн-ѣ-ти* – *молн-ова-ти* «блистать молнией» и др. Словообразовательные варианты в приведенных рядах образованы от одной производящей основы, имеют одно и то же словообразовательное значение, выраженное, однако, разными словообразовательными средствами, например: *сирот-ѣ-ти* – *сирот-ствова-ти* образованы от существительного *сирота*, имеют словообразовательное значение «быть тем, что названо производящей основой», выраженное суффиксами *-ѣ-* и *-ствова-* соответственно. Отметим, что значение глагола *сиротѣти* в словарной статье дается через посредство глагола *сиротствовати*: «то же, что и сиротствовати». Подобная трактовка значений характерна для словообразовательных вариантов.

Возникновение словообразовательных вариантов в старорусский период в большинстве случаев связано с конкурированием словообразовательных моделей. Словообразовательная модель с суффиксом *-и-* была типична и наиболее продуктивна как для древнерусского, так и для старорусского языка [23], поскольку является более

коротким и более простым способом выражения словообразовательного значения. В отношении конкуренции с этой моделью в старорусский период вступает глагольная модель с суффиксом *-ствова-* (*-ествова-*), которая, как мы полагаем, является маркером книжной стилистической окраски, в то время как суффикс *-и-* характерен для стилистически нейтральных глаголов или слов народно-разговорной окрашенности. Так, глагол *законити* употреблялся в деловой письменности, например, в «Челобитной Никиты Пустосвята»: «*И потомъ начатъ во градъ Псковъ люди учити, и церковные и монастырские чины уставливати и всѣмъ законити...*» [25, вып. 5, с. 218], а его вариант *законствовати* встречается только в книжном своде митрополита Макария «Великие Минеи-Четии», который содержит жития святых, патерики и другие памятники церковной литературы: «*Аггль же гнь рече к нему: лукавне и прелестъне, законъствуяи снѣ члчѣ судитъ по праву*» [25, вып. 5, с. 222]. В отношении конкуренции словообразовательная модель с суффиксом *-ствова-* находилась и со словообразовательной моделью с суффиксом *-ова-*: *дьякон-ова-ти* – *дьякон-ствова-ти* «исполнять обязанности дьякона». Значение глагола *дьяконствовати* также дается через посредство глагола *дьяконовати* «то же, что дьяконовати». Однако в этой паре словообразовательные варианты возникли одновременно, глагол *дьяконовати* первичен и фиксируется 1395 г. в «Поучении митрополита Киприана новгородскому духовенству»: «*А что мя есте въпросили, аже коли диаконь не пригодится, а надобѣ многымъ которому молодшему дьяконовати*» [25, вып. 4, с. 399], глагол *дьяконствовати* встречается в «Житии Антония Сийского» 1578 г.: «*Диаконовати не дерзай*» [25, вып. 4, с. 399]. Как видим, в данном ряду словообразовательные варианты имеют одинаковую стилистическую маркированность. Конкуренция моделей, как нам кажется, обусловлена тематическим распределением: глаголы с суффиксом *-ствова-* в большинстве случаев соотносились с именами лиц по сану, чину, должности и социальному положению (*архиерей-ствова-ти* «быть в сане архиерея, быть архиереем», *бояр-ствова-ти* «быть боярином, вести образ жизни боярина» и др.) и с именами, обозначающими поведение, социальное взаимодействие (*ковар-ствова-ти* «строить козни, замышлять зло», *пророч-ествова-ти* «предсказывать, прорицать»), когда глаголы с суффиксом *-ова-* имели более широкое тематическое распределение (семантика покрытия объектов *грунт-ова-ти* «класть грунт, первый слой краски, фон», семантика физического воздействия на объект *пил-ова-ти* «пилить», семантика интеллектуального действия *аргумент-ова-ти* «сообщать какие-л. сведения, свидетельствовать», семантика состояния *голод-ова-ти* «голодать», семантика, связанная с силой природы, *молн-ова-ти* «блистать молнией»). Таким образом, появление словообразовательных вариантов с суффиксами *-ствова-* и *-ова-* связано с тематическим распределением глаголов: глаголы с суффиксом *-ова-* могли относиться к различным тематическим группам, в то время как глаголы с суффиксом *-ствова-* относились преимущественно к глаголам деятельности и поведения.

Конкуренция моделей может быть связана и с явлением множественной мотивации, поскольку сложность составляет определение производящей основы в случаях типа *королевствовати* «править королевством, быть королем», *королевствовати* < *король* или *королевствовати* < *королевство*. Вследствие южнославянского влияния в древнерусском и старорусском языке активизируется отвлеченный суффикс *-ств(о)*, с помощью которого образуются существительные (*бѣда* > *бѣд-ств-о*), которые становятся производящей основой для глаголов (*бѣдство* > *бѣдств-ова-ть* «находиться в бедствии»). Однако не всегда последовательно происходило словообразование (*бѣда* > *бѣд-ств-о* > *бѣдств-ова-ть*), во многих

случаях отсутствовала ступень словообразования, на которой образуется отвлеченное существительное с суффиксом *-ств(о)* и появляется глагол с помощью суффикса *-ствова-* (*архиерей* > *архиерей-ствова-ть*). В связи с этим в старорусский период суффикс *-ствова-* не всегда просто дифференцирует от сочетания двух суффиксов.

Появление словообразовательных вариантов в старорусском языке связано и с формированием новой словообразовательной модели с суффиксом *-нича-*. Глаголы с суффиксом *-нича-* немногочисленны в старорусский период, так как в основном они появляются в конце XVII в. и тематически относятся к глаголам, семантика которых связана с бытовыми действиями (*пост-нича-ти* «соблюдать пост, поститься», *столь-нича-ти* «прислуживать за столом, подавать еду»), к глаголам с семантикой бытия (*смерт-нича-ти* «приближаться к смерти») и глаголам с семантикой поведения (*силь-нича-ти* «1. Применять силу. 2. Творить насилие, самоуправство. 3. Насиловать (женщину)»). Именно глагол с семантикой поведения вступает в отношения словообразовательного варьирования: *ковар-нича-ти* – *ковар-ствова-ти* «строить козни, замышлять зло». Однако нам встретился только один ряд словообразовательных вариантов с суффиксом *-нича-*, что свидетельствует о том, что в старорусский период только намечается формирование новой словообразовательной модели.

Развитие словообразовательной модели с суффиксом *-нича-* приходится главным образом на XVIII век. В этот период появляется большое количество глаголов с общей семантикой деятельности и поведения. Наиболее активно образование агентивных глаголов идет при помощи суффикса *-нича-*, часть из которых вступает в отношения словообразовательного варьирования с производными по другим словообразовательным моделям: *буйн-и-ть* – *буйн-нича-ть* «буйно себя вести», *вертопраш-и-ть* – *вертопраш-нича-ть* «быть вертопрахом; вести себя как вертопрах», *враждеб-ствова-ть* – *враждеб-нича-ть* «быть во вражде с кем-л., проявлять враждебное отношение к кому-л.». Часто словообразовательные варианты фиксируются в одной словарной статье, например, *буйнить* – *буйничать*, *вертопрашить* – *вертопрашничать*, *ехидничать* – *ехидствовать*, *кляузничать* – *кляузить*, *мытарить* – *мытарствовать* – *мытарничать*. Анализ показывает, что происходит конкуренция традиционных словообразовательных моделей с суффиксами *-и-* и *-ствова-* с новой формирующейся моделью с суффиксом *-нича-* [подробнее об этом в 17].

Большое количество словообразовательных вариантов в XVIII в. появилось благодаря заимствованию не только новых слов, но и новых аффиксов, а именно суффиксов *-урова-* и *-изурова-*. В XVIII в. происходили существенные изменения в лексической системе русского литературного языка: заимствование было как внешним (из других языков: преимущественно из немецкого, французского и польского), так и внутренним (из живого народного языка). Благодаря большому количеству заимствованных глаголов (около 200 единиц) под влиянием немецких суффиксов *-ieren-*, *-izieren-* появились два составных варианта суффикса *-ова-*: *-изурова-* и *-урова-* [24]. По образцу подобных заимствований в языке начала формироваться новая словообразовательная модель с контаминированными суффиксами *-урова-* и *-изурова-*: *ботанизировать*, *лавировать*, *пикировать* и др. Кроме того, под влиянием заимствований из польского языка, в которых был широко распространен глагольный суффикс *-ować* (*администр-ова-ть* «пол. *administrować*. Осуществлять администрацию, править, управлять») русский глагольный суффикс *-ова-* расширил свои функции: присоединялся не только к русскоязычным основам (*бронз-ова-ть* < *бронза* + суффикс *-ова-*), но и к иноязычным основам (*комплект-ова-ть* от пол. *kompletować* + суффикс *-ова-*). Суффикс *-ова-* стал активным средством приспособления к русской глагольной

системе именных и глагольных основ, заимствованных из других языков [24]. Поскольку в период формирования национального литературного русского языка были интенсивными связи с зарубежными странами, заимствование могло происходить одновременно из двух языков, и как следствие, появилось много рядов словообразовательных вариантов: *атакировать* (нем. *attakieren*) – *атаковать* (польск. *atacować*), *бальзамировать* (нем. *balsamieren*) – *бальзамовать* (польск. *balsamować*), *блокировать* (нем. *blockieren*) – *блоковать* (франц. *bloquer*), *компрометировать* (нем. *kompromittieren*) – *компрометровать* (фр. *compromettre*) и др. Многие из подобных словообразовательных вариантов довольно быстро перестали употребляться, согласно данным словаря.

Словообразовательная модель с суффиксами *-ирова-* и *-изирова-* начала формироваться в XVIII в. и отличалась малой продуктивностью. Однако по мере развития языка модель с суффиксами *-ирова-* и *-изирова-* начала активизироваться и в современном русском языке стала одной из продуктивных. Об этом свидетельствует многочисленные новообразования рубежа тысячелетий: *дебилизировать*, *зомбировать*, *клонировать* и др. Суффиксы *-ирова-* и *-изирова-* расширили свои функции и стали присоединяться не только к собственно иноязычным основам, но и к уже освоенным иноязычным основам, и к русскоязычным основам: *бомжировать*, *криминализировать*, *продюсировать*. В большинстве случаев новообразования с суффиксами *-ирова-* и *-изирова-* стали стилистически маркироваться как книжные слова (за исключением слов, семантика производящих основ которых несет в себе негативные коннотации, как в случае с глаголом *дебилизировать*). На рубеже тысячелетий словообразовательная модель с суффиксами *-ирова-* и *-изирова-* также вступает в отношения словообразовательного варьирования: *пират-ирова-ть* – *пират-и-ть* «незаконно, без лицензии копировать, тиражировать и распространять чужие книги, компьютерные программы, аудио- и видеозаписи и т.п.; заниматься пиратством», *бомж-ева-ть* – *бомж-ирова-ть* – *бомж-и-ть* «быть бомжом; вести образ жизни бомжа», *ремикс-ирова-ть* – *ремикс-ова-ть* «создать (создавать) ремикс», *факс-ирова-ть* – *факс-ова-ть* «посылать, отправлять факсом какое-л. сообщение; факсовать», *скан-ирова-ть* – *скан-и-ть* «осуществлять сканирование» и др. В отношении словообразовательного варьирования вступают и словообразовательные модели с суффиксами *-и-* / *-ствова-*, *-а-* / *-и-*, *-ева-* / *-и-*: *капитанить* – *капитанствовать* «быть капитаном спортивной команды», *дэбать* – *дэбить* «вытянув руку в сторону под углом 45 градусов, согнув вторую руку в локте параллельно первой и опустив голову к локтю, выразить радость, удовлетворение от своих действий», *кринж-ева-ть* – *кринж-и-ть* «стыдиться чего-л.; чувствовать отвращение, возмущение и т.п. из-за чего-л. (сделанного другим человеком)» и др. Представляется, что словообразовательное варьирование чаще всего происходит из-за конкурирования словообразовательных моделей в связи со стилистическим распределением вариантов. Например, новообразования с суффиксом *-и-* закрепляются в первую очередь в разговорной речи, поскольку являются более короткими вариантами и способствуют экономии речевых усилий носителей языка, что вполне характерно для устной формы разговорной речи и интернет-коммуникации.

Заключение. Явление словообразовательного варьирования сопровождает процесс неологизации языка в переломные и переходные периоды его истории и является фактором языковой динамики, что подтверждается проанализированным языковым материалом. Словообразовательные варианты возникают системно в

результате конкурирования словообразовательных моделей, когда в языке появляются новые модели, как это было в период формирования национального литературного языка. Причинами словообразовательного варьирования могут быть и экстралингвистические факторы, которые влияют на лексическую систему языка, например, контакты с другими языками-донорами, и как следствие интенсивное вхождение заимствований в русский язык, которое приводит к появлению большого количества словообразовательных вариантов. Словообразовательные варианты могут быть стилистическими маркированными, например, глаголы, образованные по словообразовательной модели с суффиксами *-ирова-* и *-изирова-*, в период формирования национального литературного языка преимущественно закреплялись за письменной речью, поскольку тематически относились к науке, искусству, военному делу. В настоящее время глаголы с данными суффиксами могут приобретать разговорную маркированность, и в тоже время становиться маркерами профессиональной речи (например, *перформансировать* «разг.-проф. Продемонстрировать, представить (представлять) что-л. в жанре перформанса; принять (принимать) участие в нем»). Глаголы с суффиксом *-нича-*, которые в XVIII в. имели просторечную стилистическую окраску, на рубеже тысячелетий также составляют стилистически сниженный пласт лексики, часто становятся средствами выражения оценки в публицистической речи (*европейничать* «публ., неодобр. Бездумно ориентироваться на Западную Европу; слепо перенимать все европейское»). Новообразования с суффиксом *-тцова-*, имевшие в старорусском языке книжную стилистическую окраску, в настоящее время либо стилистически нейтральны (*русофобствовать* «проявлять неприязнь ко всему русскому»), либо имеют разговорную стилистическую окраску (*дизайнерствовать* «разг. Работать дизайнером, заниматься дизайнерскими разработками»). Словообразовательные варианты могут появляться вследствие действия языковых законов, таких как закон аналогии. Так, словообразовательные варианты с суффиксом *-и-* часто в результате варьирования вытесняют другие модели, а сам формант выступает как одно из универсальных средств образования глаголов, поскольку может присоединяться как к русскоязычным, так и к иноязычным основам, может быть средством образования слов разной стилистической окрашенности.

Таким образом, явление словообразовательного варьирования является не только свидетельством динамики языка, но и само динамично по сути, так как отношения между словообразовательными вариантами меняются по мере развития языка. Судьба словообразовательных вариантов складывается по-разному: некоторые из рядов утрачиваются в тот период, в который они появились (*атакировать* – *атаковать*), другие вступают в отношения словообразовательной синонимии, приобретая либо новое значение, либо стилистическую маркированность (*пророчествовать* – *пророчить*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Митяева А.П. Варьирование концепта *бизнес* в русской лингвокультуре XX-XXI вв. / А.П. Митяева, О.Г. Щитова // Варьирование в языке и смежные с ним явления: монография / О.А. Александров, З.М. Богословская, А.П. Митяева и др.; под ред. З.М. Богословской; Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2015. – С. 4–30.
2. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.
3. Ивлева Г.Г. О варьировании слов в немецком языке / Г.Г. Ивлева // Вопросы языкознания. – 1981. – № 6. – С. 121–127.

4. Власко Н.К. Варьирование как источник возможного языкового изменения / Н. К. Власко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 1-3. – С. 164–166.
5. Сидорова Т.А. Языковое варьирование как механизм формирования деривационных смыслов / Т.А. Сидорова // Актуальные проблемы современного словообразования: материалы Междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. Л.А. Араевой. – Кемерово: ИНТ, 2009. – С. 324–330.
6. Нечаевский В.О. Диахронический подход к варьированию единиц лексического уровня языка: постановка проблемы / В.О. Нечаевский // Вестник военного университета. – 2011. – № 2 (26). – С. 73–78.
7. Богословская З.М. Диалектная вариантология: монография / З.М. Богословская. – Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2005. – 271 с.
8. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка / К.С. Горбачевич. – Л.: Наука, 1978. – 240 с.
9. Николаев Г.А. Лекции по русскому словообразованию: учеб. пособие / Г.А. Николаев / Казан. гос. ун-т филол. фак. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – 188 с.
10. Кадькалова Э.П. Развитие отношений между словообразовательными моделями одной семантико-словообразовательной категории: принципы и перспективы изучения / Э.П. Кадькалова // Исследования по историческому словообразованию. – М., 1994. – С. 62–78.
11. Щеренко Е.В. Проблема словообразовательной вариантности глагольной лексики в истории русского языка / Е.В. Щеренко // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых учёных. – Саратов, 2014. – Вып. 17: в 2 кн. Кн. 2. – С. 147–152.
12. Иванова Г.А. Словообразовательная вариантность в метаязыке лингвистики / Г.А. Иванова // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4-2. – С. 519–521.
13. Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. – 3-е изд., стереотип. – М., 2004. – 560 с.
14. Дмитриева О.И. Динамика глагольной семантико-словообразовательной подсистемы в русском языке XVIII века / О.И. Дмитриева // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2014. № 1 (20). – С. 6–12.
15. Буцева Т. Н., Зеленин А. В. Глаголы как объект описания аспектных неологических словарей // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. Москва: ФЛИНТА, 2021. С. 125–137.
16. Николина Н. А. Тенденции современного глагольного словопроизводства // Русский язык в школе. – 2021. – Т. 82, № 5. – С. 80–85.
17. Кадькалова Э.П. К изучению законов словопроизводства: Агентивные глаголы в русском языке / Э.П. Кадькалова. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. – 216 с.
18. Кадькалова Э.П. К перспективам изучения вариантных единиц языковых систем / Э.П. Кадькалова // Язык и общество в синхронии и диахронии. Труды и материалы Международной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения проф. Лидии Ивановны Баранниковой // Сост. В.Е. Гольдин, О.Ю. Крючкова, С.П. Хижняк. – Саратов: «Научная книга», 2005. – С. 24–33.
19. Кадькалова Э.П. Выход в теорию словообразования: к вопросу о соотношении понятий словообразовательная производность и словообразовательная мотивированность / Э.П. Кадькалова. – Саратов: ООО «Буква», 2015. – 341 с.
20. Литвинникова О.И. Словообразовательные варианты русского диалектного глагола (внутриглагольная производность) / О.И. Литвинникова // Проблемы варьирования языковых единиц (на материале русского языка): сб. статей / под ред. Т.В. Поповой. – Екатеринбург: Уральский университет. – 1994. – С. 91–98.
21. Тарасова Е.Н. Вариативность словообразовательных моделей глагольных неологизмов в русском языке XVIII в. / Е.Н. Тарасова // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: материалы III Республиканского научного семинара (18-21 ноября, г. Саратов). – Саратов, 2009. – С. 182–187.
22. Дмитриева О.И. Проблема динамического исследования словообразовательных подсистем русского языка / О.И. Дмитриева // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республиканского научного семинара (Саратов, 18–21 ноября 2009 г.) / ред. кол. О.И. Дмитриева, Т.Н. Александрова, С.А. Хромова. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – С. 54–64.
23. Дмитриева О.И. Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации / О.И. Дмитриева, под ред. О.Ю. Крючковой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – 224 с.
24. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

25. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975 –.
26. Словарь русского языка XVIII в. – Л.: Наука; СПб.: Наука, 1984 –.
27. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века в 2 т. Т. I (А-К) / авт. Т.Н. Буцева, Е.А. Левашов, Ю.Ф. Денисенко, Н.Г. Стулова, Н.А. Козулина, С.Л. Гонобоблева; ред. Т.Н. Буцева (отв. ред.), Ю.Ф. Денисенко, Е.А. Левашов. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. – 815 с.
28. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века в 3 т. Т. 2. (Клиент-банк – Паркетный) / авт. Е.А. Левашов, Ю.Ф. Денисенко, А.Ю. Кожевникова, Ю.С. Ридецкая, Т.Н. Буцева, О.М. Карева; под ред. Т.Н. Буцевой, Е.А. Левашова. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. – 1392 с.
29. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века в 3 т. Т. 3 (Паркомат – Я) / авт. А.Ю. Кожевникова, Ю.Ф. Денисенко, С.Д. Левина, Е.А. Левашов, Е.П. Снегова, Ю.С. Ридецкая, О.М. Карева, Е.Н. Шагалова, Н.А. Козулина, Е.Н. Геккина; под ред. Т.Н. Буцевой, Е.А. Левашова. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. – 1360 с.

REFERENCES

1. Mityaeva, A. P., & Shchitova, O. G. (2015). Var'irovanie kontsepta *biznes* v russkoy lingvokult'ure XX–XXI vv. [Variation of the concept of *business* in Russian linguistic culture of the XX–XXI centuries]. In Z. M. Bogoslovskaya (Ed.), *Var'irovanie v yazyke i smezhnye s nim yavleniya* [Variation in language and related phenomena] (pp. 4–30). Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publishing House. (In Russian)
2. Matveeva, T. V. (Ed.). (2010). *Polnyy slovar' lingvisticheskoy terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don: Feniks. (In Russian)
3. Ivleva, G. G. (1981). O var'irovanii slov v nemetskom yazyke [On the variation of words in the German language]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 6, 121–127. (In Russian)
4. Vlasko, N. K. (2017). Var'irovanie kak istochnik vozmozhnogo yazykovogo izmeneniya [Variation as a source of possible language change]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 1–3, 164–166. (In Russian)
5. Sidorova, T. A. (2009). Yazykovoe var'irovanie kak mekhanizm formirovaniya derivatsionnykh smyslov [Language variation as a mechanism for the formation of derivational meanings]. In L. A. Araeva (Ed.), *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya* [Current problems of modern word formation] (pp. 324–330). Kemerovo: INT. (In Russian)
6. Nechaevskij, V. O. (2011). Diakhronicheskij podkhod k var'irovaniyu edinit leksicheskogo urovnya yazyka: postanovka problemy [Diachronic approach to variation of units of the lexical level of language: problem statement]. *Vestnik voennogo universiteta*, 2 (26), 73–78. (In Russian)
7. Bogoslovskaya, Z. M. (2005). *Dialektnaya variantologiya* [Dialectal variantology]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publishing House. (In Russian)
8. Gorbachevich, K. S. (1978). *Variantsnost' slova i yazykovaya norma: na materiale sovremennogo russkogo yazyka* [Word variation and language norm: based on the material of the modern Russian language]. Leningrad: Nauka. (In Russian)
9. Nikolaev, G. A. (Ed.). (2009). *Lektsii po russkomu slovoobrazovaniyu* [Lectures on Russian word formation]. Kazan: Kazan State University. (In Russian)
10. Kad'kalova, E. P. (1994). Razvitie otnosheniy mezhdu slovoobrazovatel'nymi modelyami odnoy semantiko-slovoobrazovatel'noy kategorii: printsipy i perspektivy izucheniya [Development of relations between word-formation models of one semantic-word-formation category: principles and prospects for studying]. In *Issledovaniya po istoricheskomu slovoobrazovaniyu* [Research on historical word formation] (pp. 62–78). Moscow. (In Russian)
11. Shcherenko, E. V. (2014). Problema slovoobrazovatel'noy variantnosti glagol'noy leksiki v istorii russkogo yazyka [The problem of word-formation variation of verbal vocabulary in the history of the Russian language]. *Filologicheskie etyudy*, 17, 147–152. (In Russian)
12. Ivanova, G. A. (2010). Slovoobrazovatel'naya variantnost' v metazykye lingvistiki [Word-formation variation in the metalanguage of linguistics]. *Vestnik nizhegorodskogo universitet im. N.I. Lobachevskogo*, 4-2, 519–521. (In Russian)
13. Graudina, L. K., & Itskovich, V. A., & Katlinskaya, L. P. (Ed.). (2004). *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoy rechi. Stilisticheskij slovar' variantov* [Grammatical correctness of Russian speech. Stylistic dictionary of variants]. Moscow. (In Russian)

14. Dmitrieva, O. I. (2014). Dinamika glagol'noy semantiko–slovoobrazovatel'noy podsystemy v russkom yazyke XVIII veka [Dynamics of the verbal semantic-word-formation subsystem in the Russian language of the 18th century]. Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2, Yazykozn., 1 (20), 6–12. (In Russian)
15. Butseva, T. N., & Zelenin, A. V. (2021). Glagoly kak ob"ekt opisaniya aspektnykh neologicheskikh slovarey [Verbs as an object of description in aspectual neological dictionaries]. In L.V. Ratsiburskaya (Ed.), Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke: natsional'noe i internatsional'noe [Active processes in modern Russian language: national and international] (pp. 125–137). Moscow: FLINTA. (In Russian)
16. Nikolina, N. A. (2021). Tendentsii sovremennogo glagol'nogo slovoпроизводства [Trends in modern verbal word production]. Russkiy yazyk v shkole, 82 (5), 80–85. (In Russian)
17. Kad'kalova, E. P. (2007). K izucheniyu zakonov slovoпроизводства: agentivnye glagoly v russkom yazyke [Towards the study of the laws of word production: agentive verbs in the Russian language]. Saratov: Nauka. (In Russian)
18. Kad'kalova, E. P. (2005). K perspektivam izucheniya variantnykh edinit yazykovykh sistem [On the prospects of studying variant units of language systems]. In Yazyk i obshchestvo v sinkhronii i diakhronii. Trudy i materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya prof. Lidii Ivanovny Barannikovoy [Language and society in synchrony and diachrony. Proceedings and materials of the International Conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of prof. Lidia Ivanovna Barannikova] (pp. 24–33). Saratov: Nauchnaya kniga. (In Russian)
19. Kad'kalova, E. P. (2015). Vykhod v teoriyu slovoobrazovaniya: k voprosu o sootnoshenii ponyatiya slovoobrazovatel'naya proizvodnost' i slovoobrazovatel'naya motivirovannost' [Entering the theory of word formation: on the issue of the relationship between the concepts of word-formation derivativeness and word-formation motivation]. Saratov: Bukva. (In Russian)
20. Litvinnikova, O. I. (1994). Slovoobrazovatel'nye varianty russkogo dialektного glagola (vnutriglagol'naya proizvodnost') [Derivational variants of the Russian dialect verb (intraverbal derivation)]. In T. V. Popova Problemy var'irovaniya yazykovykh edinit (na materiale russkogo yazyka) [Problems of varying linguistic units (based on the Russian language)] (pp. 91–98). Ekaterinburg: Ural University. (In Russian)
21. Tarasova, E. N. (2009). Variativnost' slovoobrazovatel'nykh modeley glagol'nykh neologizmov v russkom yazyke XVIII v. [Variability of word-formation models of verbal neologisms in the Russian language of the 18th century]. In Razvitie slovoobrazovatel'noy i leksicheskoy sistemy russkogo yazyka: materialy III Respublikanskogo nauchnogo seminar (18-21 noyabrya, g. Saratov) [Development of the word-formation and lexical system of the Russian language: materials of the III Republican scientific seminar (November 18-21, Saratov)] (pp. 182–187). Saratov. (In Russian)
22. Dmitrieva, O. I. (2009). Problema dinamicheskogo issledovaniya slovoobrazovatel'nykh podsystem russkogo yazyka [The problem of dynamic research of word-formation subsystems of the Russian language]. In Razvitie slovoobrazovatel'noy i leksicheskoy sistemy russkogo yazyka: Materialy III Respublikanskogo nauchnogo seminar (Saratov, 18–21 noyabrya 2009 g.) [Development of the word-formation and lexical system of the Russian language: Materials of the III Republican Scientific Seminar (Saratov, November 18–21, 2009)] (pp. 54–64). Saratov: Nauka. (In Russian)
23. Dmitrieva, O. I. (2005). Dinamicheskaya model' russkoy vnutriglagol'noy prefiksatsii [Dynamic model of Russian intraverbal prefixation]. Saratov: Saratov University Publishing House. (In Russian)
24. Vinogradov, V. V. (1986). Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (Grammatical doctrine of words)]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)

Поступила в редакцию 01.04.2024 г.

WORD-FORMATION VARIATION IN NEOLOGIZATION OF VERBAL SUBSYSTEM IN THE RUSSIAN LANGUAGE

D.G. Orlova

The article addresses word-formation variation as a phenomenon that accompanies the process of neologization of the semantic-word-formation verbal subsystem in the Russian language. A special attention is paid to the theoretical aspect of the language variation study. The dynamic approach to the study of the process of language neologization is applied. It enables to identify trends in neologization both in a certain period of linguistic history, and in linguistic diachrony in general. The following lexicographic sources were used as the research material: "Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII Centuries", "Dictionary of the Russian Language of the XVIII Century", "Explanatory Dictionary of the Russian Language of the End of the XX Century: Language Changes", a three-volume dictionary-reference book on the materials of the press and

literature of the 90^s of the XX century "New Words and Meanings", dictionary materials "New in Russian Vocabulary" of 2015–2022 and "Dictionary of the Language of the Internet.ru". The analysis of word-formation variants that appeared in the course of the neologization of the language in different periods of its development allowed us to draw conclusions about the dynamics of interaction of word-formation patterns. The principle research method is synchronous-diachronic. To describe the patterns of word-formation variation at each of the synchronous layers, the method of word-formation analysis was used.

Key words: word-formation variation, neologization, dynamic approach, suffixal verbal neologisms, Old Russian period, period of formation of the national literary language, turn of the millennium.

Орлова Дарья Григорьевна.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Российская Федерация, г. Саратов.

Аспирант кафедры русской филологии и медиаобразования.

Ассистент.

ORCID 0000-0001-7771-0068.

E-mail: dasha.g.orlova@mail.ru

Orlova Daria Grigorievna.

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russian Federation, Saratov.

Postgraduate Student at Department of Russian Philology and Media Education.

Assistant.

ORCID 0000-0001-7771-0068.

E-mail: dasha.g.orlova@mail.ru

Научная статья

УДК 82-31

DOI: 10.5281/zenodo.12571877

ТЕМА ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ПОВЕСТЯХ В. ТОКАРЕВОЙ 1990-х– 2000-х ГОДОВ

© 2024 Д.С. Пога

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

ORCID 0000-0003-1713-6062.

В статье рассматривается развитие темы памяти о Великой Отечественной войне в повестях В. Токаревой 1990-х–2000-х годов, где воссоздание реалистически правдивых картин суровых испытаний, пришедшихся на долю нашего народа в «сороковые, роковые», достигается с помощью приёмов, открытых А. Адамовичем и Д. Граниным, создателями «Блокадной книги». Сочетание документированной основы повествования с воспоминаниями о выпавших на долю своей семьи личных переживаниях помогают писательнице, традиционно рассматриваемой в контексте «женской» литературы, продолжать и обновлять традиции «лейтенантской» прозы, формируя в читателях разных возрастов чувство сопричастности к судьбе Родины и уважительное отношение к тем, кто подарил нам Девятое мая 45-ого как День победы над фашизмом.

Ключевые слова: автор, память, блокада Ленинграда, «лейтенантская» проза, «женская» проза, документ, автобиографичность, традиции.

Для цитирования: Пога Д.С. Тема памяти в повестях В. Токаревой 1990-х–2000-х годов / Д.С. Пога // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 182–191. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12571877>.

Введение. Поскольку каждое литературное произведение несет на себе отпечаток времени своего создания, заслуживающим внимания является то, что в современной русской литературе, хронологически всё более отдаляющейся от трагических 1940-х годов, прозаики, представляющие различные поколения и различные художественные течения, солидарны в уважительном отношении к памяти о Великой Отечественной войне. На страницах книг наших современников, представляющих исторические эпизоды, до недавнего времени, по мнению властных структур, «нежелательные» для читателей (например, блокада Ленинграда), оживают те, кто пережил тяжёлые испытания горестных лет, сумел восстановить разрушенное и вдохнуть жизнь в молодое поколение. Сказанное в своё время М.М. Бахтиным: «В мире памяти явление оказывается в совершенно особом контексте, в иных условиях, чем в мире живого видения». При «соотношении времён ценностный акцент лежит не на будущем, не ему служат. Но служит будущей памяти о прошлом, <...> обогащению его новыми образами (за счёт современности)» [2, с. 210], – подтверждают и повести В. Токаревой, писательницы, на первый взгляд, далёкой от темы Великой Отечественной войны. Вместе с тем, именно «за счёт современности» её произведения обогащают представления о тяжёлых 1940-х годах, о мучительных 900-х днях ленинградской блокады, дополняя «Блокадную книгу» А. Адамовича и Д. Гранина, где впервые осада города на Неве получила многогранное освещение, представив невообразимое сочетание мужества и голода, ужаса и взлетов человеческого духа: «Амплитуда

страстей человеческих в блокаду возросла чрезвычайно – от падений самых тягостных до наивысших проявлений сознания, любви, преданности» [22, с. 214]. Сегодня произведения В. Токаревой, усвоившей «уроки» авторов «Блокадной книги», включены во все вузовские и школьные программы по литературе, ориентированные на формирование патриотического сознания молодёжи, на «восприятие судьбы своего Отечества как своей собственной, ощущение неразрывности и сопричастности к прошлому, настоящему и будущему своей страны и народа» [1, с. 23].

Основная часть. Виктория Токарева, творчество которой нередко рассматривается исключительно в русле «женской» прозы, к которой у многих критиков сохраняется скептическое отношение из-за кажущейся «облегченности» аналитического взгляда на происходящее в мире, своим внимательным обращением к общественно значимым событиям доказывает обратное, демонстрируя «точные наблюдения над эпохой, над страной, в которой живут ее герои» [13, с. 98]. Особенно отчётливо это проявляется в произведениях, затрагивающих память о Великой Отечественной войне. Так, в повести «Всё нормально, все хорошо...» (1996), созданной в период радикального пересмотра долгие годы казавшихся нерушимыми идеологических ориентиров и поведенческих норм, писательница не случайно выдвигает на первый план образ Бочарова, благополучно «встроившегося» в «лихие девяностые». Внешне уважаемый журналист в Агентстве печати «Новости», заботливый семьянин и домовитый хозяин, обставляющий свою квартиру «японской техникой» и «русским антиквариатом» [30, с. 334], этот персонаж сразу вызывает настороженное отношение читателей, улавливающих его иронию по отношению к тем, кто завоевал Победу 1945-ого. Среди них – отец Бочарова, на которого сын смотрит насмешливо, поскольку родитель «не заработал ни машины, ни дачи», и его удел – получая нищенскую пенсию, «загорать на балкончике» [там же].

Подобное отношение явно претит самому автору, поскольку отец В. Токаревой, «до начала войны призванный в ополчение, впоследствии тяжело болел, скончался от рака в 1945-м году» [29], а благодарная память о нем и его поколении, которому выпала нелегкая фронтовая судьба, пронизывает всё творчество писательницы, в котором критики обнаруживают «много автобиографических черт» [18, с. 61]. Поэтому в повести «Всё нормально, всё хорошо» она сразу отделяет себя от центрального персонажа, заостряя внимание на отчестве Бочарова и его признании: «Вообще-то он был не Ефимович, а Юхимович» [30, с. 333], но «простодушный папаша в свое время решил, что Юхим – слишком мужицкое, неинтеллигентное имя, и записал себя в паспорте Ефим, механически превратив сына в Ефимовича» [там же]. Писательница, конечно, понимает, что дело далеко не в тяге Бочарова-старшего к «эстетству», а в «еврейской» принадлежности имени Юхим. В первые послевоенные годы с развернувшейся кампанией борьбы против космополитов отказ «отцов» от имён, данных им при рождении, часто был обусловлен заботой о семье и детях, которые могли пострадать из-за «неправильных» отчеств. Не выдвигая на первый план болезненный для неё «еврейский вопрос», Токарева заставляет читателей вспомнить о поколении «отцов» всех национальностей, пришедших с войны победителями, но лишённых государственной поддержки и с трудом укореняющихся в мирной жизни. Она будто продолжает сказанное Б. Слуцким, поэтом фронтового поколения, уроженцем Донецкой области, откуда родом и мать писательницы:

*Когда мы вернулись с войны,
Я понял, что мы не нужны.
Захлебываясь от ностальгии,*

*От несовершенной вины,
Я понял: иные, другие,
Совсем не такие нужны.*

(1989) [28, с. 148]

Стоит учесть и год рождения Бочарова: «1948» [30, с. 334], в понимании персонажа означающий лишь то, что «война кончилась три года назад» [там же]. Однако у «отцов» – другое представление об этой дате. Вячеслав Кондратьев, ветеран Великой Отечественной войны, так объясняет выбор заглавия для своей, к сожалению, ставшей последней повести «Этот сорок восьмой...» (1990): «Переломным в судьбе нашего поколения стал сорок восьмой год. Это был период», когда государственная власть «ещё могла заключить с народом мир», однако она «этого не захотела. Началась новая волна репрессий. Если в тридцать седьмом году аресты охватили в основном поколение наших отцов, то в конце сороковых аресты коснулись уже и поколения выросших и отвоевавших детей» (Цит. по: Добренко Е. Превратности метода / Е. Добренко // Октябрь. – 1988. – № 3. – С. 188). Вот и Юхим из повести В. Токаревой «Всё нормально, всё хорошо...», несмотря на свои заслуги перед Отечеством, вынужденно меняет своё имя, стремясь «обезопасить» сына.

Недаром автор повести «Всё нормально, всё хорошо...», усваивая «мужскую» точку зрения, предоставляя право голоса Бочарову, обнаруживая в его образе отталкивающее самолюбование. В. Токарева словно задаётся вопросом: «Если завтра война, если завтра в поход», – удастся ли господину Бочарову в «белом крахмальном воротничке, подпирающем холеные щеки» [30, с. 336], пройти такие испытания, которые выпали на долю «отцов» и с честью выполнить воинский долг? Отрицательный ответ очевиден: война выявляет «самый глубокий внутренний закон самой жизни», которая «продолжается до тех пор, пока ради этой жизни люди способны на добровольный подвиг и жертву; а если такая способность иссякает, и каждый начинает думать лишь о своем эгоистическом интересе, то жизнь деградирует и прерывается» [7, с. 108].

Думается, такая мысль в 1990-х объединяет писательницу не столько с «женской» прозой, сколько с самой что ни на есть – «мужской», с русской «лейтенантской» прозой, «создававшейся бывшими рядовыми и младшими командирами, до войны не имевшими литературного опыта» [16, с. 18]. Не случайно критик Н. Иванова в творчестве Токаревой, признающей: «У нас была сильная военная литература» (Цит. по: Солнцева А. Я не серийный писатель (интервью) / А. Солнцева // Огонек. – 1997. – № 25. – С. 19), – находит параллели с «постперестроечными» повестями Григория Бакланова, тоже «не бывшего очарованным новым временем» [14, с. 197], «увидевшего в нём зерно одичания» [там же], «отрицающему позитивную роль» [10, с. 430] пришедшего «капиталистического». Речь идет о повести «Мой генерал» (1999), где, как уточнял автор в одном из интервью, «единственный военный отзвук может быть услышан в названии» (Цит. по: Ришина И. Эта долгая память / И. Ришина // Дружба народов. – 1999. – № 2. – С. 155), а главное внимание фокусируется на обесценивании того, за что воевали «лейтенанты»-фронтовики, на желании «новых русских» 1990-х годов обеспечить себе комфортную жизнь с «генеральскими погонами», перешагнув «лейтенантские тропы». Как отмечает Л. Лазарев, в прозе Бакланова постсоветского периода «все сильнее и сильнее, острее и глубже становится критика бездушия и шкурничества, безнравственности и приспособленчества, демагогии и беззакония» [23, с. 64].

Если принять к сведению то, что знакомство читателей с Бочаровым из повести Токаревой «Всё нормально, всё хорошо...» происходит во время его приезда в

Ленинград, то трудно обойти вниманием и «блокадную» тему, о которой писательница не понаслышке знает. Для зрелого периода ее творчества характерна сосредоточенность на «воскрешении» собственных впечатлений, что проявляется в участившемся обращении к художественной автобиографии, устанавливающей «сюжетно-событийную связь между биографией авторского «я» и его героев (героя)» [8, с. 16], Рожденная в Ленинграде в 1937-м году, В. Токарева вместе с сестрой и матерью застала первые дни осады, по счастью, им с трудом, но удалось благополучно выбраться из города. Однако воспоминания о днях, когда приходилось, «давясь от отвращения, есть невкусную, но полезную еду» [32, с. 276], чтобы не умереть, не исчезли. Писательница в новом тысячелетии подтверждает мнение о том, что «тема войны в литературе предполагает обращение не только к изображению поведения человека во время боевых действий, но и к проблеме сиротства, безотцовщины, обесценивания человеческой жизни» [3, с. 125], о чем уже в 1960-1970-е заговорила «лейтенантская» проза.

Вот и в повести «Жена поэта» (2019), где идет речь о жизни в эвакуации, в далеком поселке Арто, показано: все помыслы ленинградцев были обращены к родному городу, чей образ не стирался из памяти, сохраняющей его очертания и звуки: «А мы сядем на грузовик и уедем в Ленинград. Там высокие каменные дома, и все говорят на "а", а не на "о"» [32, с. 273]. Нужно отметить и то, что писательница не обходит молчанием тему сиротского детства: «Мой отец погиб на войне, а у Нонны умер вскоре после войны от тяжелого ранения» [34, с. 15], – звучит в повести «Террор любовью» (2009). Главной опорой для ребёнка становятся хрупкие плечи матери, которой предстояло «барахтаться, и карабкаться, и преодолевать каждый день» [там же], плача от жалости к своим «сироткам, растущим без отцов», и к себе, «брошенной на произвол судьбы» [там же], но это по ночам, чтобы днём не травмировать окружающих: всем было горько. Заслуживает внимания и то, что маленькие герои в повестях Токаревой даже в тяжелых условиях военных лет «несчастливыми» [там же, с. 16] себя не считают, словно «по прямой», от отцов, сражавшихся на фронте, от своих мужественных матерей наследуют они бодрость духа, «благородную сильную страсть» [там же, с. 27]. В более ранней повести «Когда стало немножко теплее» (1972) четырёхлетняя девочка с упоением поёт: «Горит в сердцах у нас / любовь к земле родимой, / Идем мы в смертный бой / За честь своей страны. / Пылают города, / охваченные дымом, / Царит в седых сердцах / суровый бог войны!», – а «взрослые смотрят и внимательно слушают. И это похоже на клятву» [33, с. 15]. Чувства уважения и доверия к нашей армии, пробудившиеся во время Великой Отечественной войны, писательница пронесла через всю жизнь. Много позже она поделится самыми сильными впечатлениями по возвращении в освобождённый Ленинград: «Наши бойцы шли по Невскому проспекту большой колонной. Наши победители, которые выжили и выстояли. И мы все, жители, стояли и смотрели на них» (Цит. по: Парчинская Д. Виктория Токарева: уберите от меня эту большую железяку (интервью) / Д. Парчинская // Моя семья. – 2020. – № 38).

Тема блокады Ленинграда, «города-мученика» (В. Токарева), даёт о себе знать и в повести «Дерево на крыше» (2009), подтверждая: «женский» взгляд на войну в современной русской литературе формирует «тенденцию соотносить события личного и семейного сюжета с глобальными историческими событиями и потрясениями» [19, с. 306]. Здесь в центре – характер и судьба талантливой женщины Любви Соколовой, гражданской жены режиссёра Г. Данелии, с которым у Токаревой был продолжительный роман. Возможно, поэтому повествовательница в «Дереве на

крыше» поначалу видит в сопернице, прототипом которой становится актриса Соколова, «вялую овцу» [31, с. 47]. Но со временем именно эта женщина оказывается воплощением лучших человеческих качеств, в первую очередь – феноменальной работоспособности артистки, «играющей простых, русских и справедливых» [там же, с. 54], какой она и была. В повести Токаревой читатель «имеет дело с двойной аксиологией – с ценностями автора и соответственно с его заложенными в произведении оценками и с теми ценностями, носителями которых, по воле автора, являются его герои. Оба ряда взаимосвязаны» [5, с. 217]. С этой точки зрения первостепенное значение приобретает характер главной героини, авторское отношение к которой по мере развития сюжета меняется от насмешки до восхищения, поскольку духовные ориентиры Веры (так зовут главную героиню этого произведения) близки самой Токаревой, в зрелом возрасте высоко оценившей достоинства актрисы. Именно с художественным образом Веры связано утверждение общечеловеческих ценностей, переживших века и всегда современных: самоотверженность, искренность и чувство собственного достоинства.

Особого внимания заслуживает имя героини анализируемого произведения: по справедливому утверждению исследователей, имя всегда вбирает «в себя черты образа, одновременно содействует его созиданию» [10, с. 39]. В начале повести автор указывает: «Ее называли Матрёна, но с таким именем как проживешь? Вокруг сплошные Искры, Клары, Вилены и Сталины... В паспорте оставили как есть – Матрёна, а между собой стали звать Вера» [31, с. 3]. Несмотря на то, что событийная основа повести во многом сопоставима с биографией Любви Соколовой, информации в источниках, подтверждающих тот факт, что ее при рождении звали иначе, нет, однако «невербализуемая договоренность» между автором и читателем о том, чтобы «по умолчанию признать сугубо фикциональный мир текста равным биографической реальности» [11, с. 33], заставляет задуматься о причинах «переименования» героини. Представляется вполне вероятным, что поначалу и таким образом писательница стремилась несколько «снизить» образ «вялой овцы», чье имя «приобрело в старой России нарицательный смысл – „простушка“, „деревенщина“» [31, с. 143]. Однако со временем именно принадлежность к демократической среде, сформировавшей в героине непритязательной внешности лучшие качества народного характера, помогла ей навсегда войти в историю отечественного кинематографа.

Значимым, не случайно выбранным писательницей для своей героини представляется и имя Вера. Поскольку В. Токарева с 1971-ого года является членом Союза кинематографистов и на профессиональном уровне оценивает работы режиссеров в составе экспертных жюри ряда кинопремий, вполне возможно, она держала в сознании образ «Маленькой веры» из самого кассового по сборам фильма СССР, вышедшего на экраны в 1988-м году. Должно быть, и режиссер Василий Пичул, представляя эту свою картину на экране, намеренно «снижает» образ раскованной девушки, являющейся центральным персонажем: он «уравнивает» заглавные и строчные буквы в названии «МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА». Уловила это и актриса Наталья Негода, исполнившая главную роль в данном фильме и награжденная премией в номинации «Лучшая женская роль» на кинофестивале «Ника» в 1989-м году: «Наша трагедия в том, что у нас мало веры. Русский народ когда-то был очень религиозен; затем он потерял веру в Бога. В то же время он потерял веру в себя, в смысл своей жизни» [38].

Вера из повести В. Токаревой «Дерево на крыше» – человек с большой буквы, она постоянно чувствует связь с Богом, впервые осознанную ею в блокадные дни.

Писательница пунктирно восстанавливает жизненный и творческий путь легендарной актрисы, внесенной в Книгу рекордов Гиннеса за массу исполненных ей ролей в театре и кино, сосредоточивая внимание на тех немилосердных испытаниях, что обрушились на неё, как и на всех ленинградцев: «Люди хотели есть и сходили с ума» [31, с. 13].

Отдельные эпизоды в повести Токаревой становятся своего рода дополнением к «Блокадной книге» (1977–1981) А. Адамовича и Д. Гранина, тяжело пробивавшей путь к читателям через цензурные запреты, поскольку жанр данного произведения недаром определяется как «сверхлитература» (А. Адамович), подобная «крику ужаса», что «должен остановить уже занесенный над человечеством страшный ядерный меч» [12, с. 190]. Вслед за своими литературными предшественниками писательница сосредоточивает внимание на «внутрисемейной и внутридушевной жизни людей» [21, с. 7], всецело солидаризируясь с утверждением о том, что «самым главным и страшным убийцей ленинградцев» [там же, с. 17] стал голод, который мучительно пережила её Вера. Она пережила и предательство своего мужа, в начале страшных дней «отбравшего ее 125 блокадных грамм», а позднее решившего украсть все заветные талончики на хлеб. «Он знал, где Вера хранит свои карточки: в ящике комода, под бельем. Выдвинул ящик, достал полоску карточек и завел руку за спину. Как ребенок. Вера устремилась к этой руке, чтобы отобрать, успеть. Полоска карточек – это и была жизнь. Целая жизнь целого человека. Но Александр оказался сильнее» [31, с. 17]. В поединке с ним Вера едва уцелела.

Нужно обратить внимание на то, что в наши дни повесть В. Токаревой «Дерево на крыше» входит в ряд тех произведений, где современные писательницы, на себе не испытывавшие всех тягот военных лет, затрагивая «блокадную» тему, сосредоточиваются преимущественно на внутрисемейных проблемах своих персонажей. Так, Т. Толстая, которая, по мнению В. Токаревой, является одной из «лучших женских писательниц» [<https://apropospage.ru/lit/tokareva.html>], публикует рассказ «Соня» (1984). В этом произведении в Соне, поначалу кажущейся абсолютно бесхребетной «дурой» с «лошадиными чертами» [35, с. 156], обнаруживается по-настоящему мужественный характер, проявившийся во время осады города. Презрев былые насмешки, перешагнув через свои обиды, она ценой собственной жизни спасает Аду, в довоенное время яркую, самовлюбленную особу, в блокадные дни «съевшую все, что было можно, сварившую кожаные туфли, пившую горячий бульон из обоев» [там же, с. 157] и приготовившуюся к смерти, заранее отворив дверь, «чтобы похоронной команде легче было войти» [там же]. Главная героиня Толстой «в своей любви оказывается сильнее людской ненависти, обстоятельств, смерти» [4, с. 16], а ее «простота и наивность скрывают богатый и удивительный душевный мир» [там же], что, безусловно, сближает с ней образ Веры из повести В. Токаревой «Дерево на крыше».

Среди произведений этого ряда и роман И.Н. Полянской «Горизонт событий» (2002), где воссоздана жизнь маленькой Шуры в осажденном врагами вымирающем городе: «Температура опускалась все ниже и ниже <...>. Редкие прохожие на улице вдруг застывали в равновесии между жизнью и смертью, и порыва ветра было достаточно, чтобы уложить их на снег с неотоваренными карточками у сердца» [25, с. 31]. Невыносимые условия сказывались на психике людей, изнемогающих от голода, толкали их на преступления против самых близких. В «Горизонте событий» Шура в бессознательном состоянии съедает весь шоколад, предназначенный пожилому добросердечному соседу, единственному, кто заботился о ней в ту страшную зиму. («Запах шоколада быстро сбил ее с толку» [Там же, с. 36]), через неделю сосед умер, а Шура, повзрослев, долгие послевоенные годы не переставала корить себя за свой поступок.

Можно сделать вывод, что последние десятилетия писательницы, активно осваивая тяжёлую и прежде «нежелательную» для литературы тему военных испытаний Ленинграда и ленинградцев, вновь и вновь подтверждают сформулированную Адамовичем и Граниным мысль: «Блокада раскрывала людей до конца, люди становились как бы голенькими. Ты сразу видел все положительное и отрицательное в человеке» [21, с. 199]. Представительницы «женской» прозы со своим «материнским» отношением к миру, особенной наблюдательностью и склонностью к деталям вносят свои штрихи в «глобальную» картину мира, созданную авторами-мужчинами.

Сильнейшее положительное начало в характере Веры из повести В. Токаревой «Дерево на крыше» в блокадные дни формирует приобщение к религии. Сюжетная линия произведения включает в себя эпизод встречи Веры с православным святым, в основе которого лежат воспоминания Любви Соколовой о судьбоносном знакомстве с ангелом-хранителем: «31 июля 1941 года, в день моего рождения, ко мне Николай Чудотворец приходил. <...> подходит кареглазый, в кепочке, с бородкой и усиками. Смотрит на меня и говорит: "Ты будешь хлеба есть вот по столько (и пальцами показывает, мол, крошки), но жива будешь, и счастлива будешь... А зовут меня, – говорит, – дядя Николай. Если тебе что-нибудь нужно будет, ты проси, тебе на меня каждый укажет. Только "Отче наш" выучи. <...> Свекровь мне говорит: "Повезло тебе, Люба. Это ж Николай Угодник был"» [27, с. 679].

Отзвуки этого рассказа – в чудесном видении Веры из повести Токаревой: Иоанн Богослов, «один из ближайших учеников Иисуса Христа, святой апостол от Двенадцати, с именем которого церковное Предание связывает создание ряда канонических текстов» [26, с. 679], «явился в минуту роковую, чтобы вдохнуть силы» [31, с. 336] в измученную лишениями женщину. Токарева упоминает и святого Николая Угодника: «У Веры была маленькая икона Николая Угодника, которая досталась ей от матери. Логичнее, если бы явился Николай», замечает героиня, однако «идет война. Умиравших – тысячи. Ко всем не успеть. Вере явился тот, кто посвободнее. Да и какая разница. Святой он и есть святой» [там же, с. 336].

В связи с этим стоит сделать замечание, вернувшись к повести В. Токаревой «Все нормально, все хорошо...», где перед глазами сорокалетнего Бочарова – красивый и праздничный город. «Он любил свой Питер» [30, с. 336], здесь прошло детство, здесь он учился в университете на факультете востоковедения, а сейчас с удовольствием прогуливается по Невскому проспекту, наслаждается видами Фонтанки, идёт мимо гостиницы «Астория» (и мимо храмов, которых он не замечает). А Вера из повести «Дерево на крыше» в блокадном Ленинграде видит прежде всего удивительным образом сохранившуюся церковь: «Поднялась и пошла в церковь. Церковь оказалась открыта. Лики святых бесстрастно глядели со стен» [31, с. 12].

Церковь становится для неё спасительным «островом», куда она направляется после неожиданной «встречи» с Иоанном Богословом. Представляется вполне вероятным, что героиня, живущая в «доме специалистов, в профессорской семье ее мужа» [там же, с. 9], находящемся на Кронверском проспекте, посещает Князь-Владимирский собор, в котором и во время осады не прекращались богослужения и принимались прихожане, «несмотря на голод, холод и артобстрелы» [24]. В храме хранились многие святыни, но взгляд Веры останавливается на изображении её «ангела-хранителя», случайно встретившегося ей в блокадную пору: «Иоанн Богослов, смотрел не вообще, а конкретно на Веру. Вера отошла вправо. Иоанн последовал за ней глазами. Вера прошла несколько метров влево. Иоанн направил взгляд влево. Следил неотступно» [31, с. 13]. Предсказание «всё будет, надо потерпеть» [там же, с. 11],

данное Богословом Вере, сбылось, время позднее подтвердило пророчество: будущая «всесоюзная мама» нашего кинематографа в «последней степени дистрофии по Ладожскому озеру, как тогда говорили Дороге жизни» [там же, с. 18], выбралась из Ленинграда и нашла в себе силы служить в театре. В. Токарева, как и её повествовательница из повести «Дерево на крыше», признаёт: душевная чистота, одарённость и вера в Бога, поддерживающего силы, позволили золотыми буквами вписать имя Любви Соколовой в историю отечественной культуры.

Заключение. В русской литературе последних десятилетий писатели разных поколений, разных художественных предпочтений объединены неизменно уважительной памятью о Великой Отечественной войне. «Женский голос» В. Токаревой, семья которой на себе испытало немало страданий, связанных с войной, включается в тот «коридор голосов», что звучат со страниц «лейтенантской» прозы, подтверждая представление об устойчивости главных духовно-нравственных ценностей в судьбе личности и общества и о преемственности исторической памяти народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов С.И. Категории гражданской идентичности и культурно-исторической памяти в историко-педагогическом дискурсе: Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 200-летию со дня рождения К.Д. Ушинского «Воспитание в моральном климате памяти» / С.И. Аксенов, С.В. Фролова // Грани познания. – 2023. – № 4 (87). – С. 23–27.
2. Бахтин М.М. Эпос и роман / М.М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.
3. Бочаров А. Человек и война: идеи социалистического гуманизма в послевоенной прозе о войне / А. Бочаров. – Москва: Советский писатель, 1973. – 480 с.
4. Вайрах Ю.В. Символика образа Софии в произведениях Л. Улицкой "Сонечка" и Т. Толстой «Соня» / Ю.В. Вайрах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2019. – Том 12. Выпуск 11. – С. 14–18.
5. Гинзбург Л.Я. О литературном герое / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Сов. писатель, 1979. – 222 с.
6. Горбунова А.Н. Автобиографизм и автобиографические жанры в творчестве А.И. Герцена 1840–1850 годов / А.Н. Горбунова // Движение времени и законы жанра: XVIII Всероссийская научно-практическая конференция словесников "Лейдермановские чтения". – Екатеринбург, 2014. – С. 15–21.
7. Даренский В.Ю. Война как духовная инициация: экзистенциальные архетипы в русской поэзии о Великой Отечественной войне / В.Ю. Даренский // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2014. – № 1 (15). – С. 90–110.
8. Добренко Е. Превратности метода / Е. Добренко // Октябрь. – 1988. – № 3. – С. 179–190.
9. Иванова Н. Скрытый сюжет. Русская литература на переходе через век / Н. Иванова. – СПб.: «Блиц». – 2003. – 560 с.
10. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе / Ю.А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. – 34–40.
11. Кучина Т.Г. Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI в.: первоначальные повествовательные формы: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.01.01 / Татьяна Геннадьевна Кучина. – М. – 2009. – 42 с.
12. Лазарев Л. Без страха и упрека: Вспоминая и перечитывая А. Адамовича // Знамя. – М. – 1995. – № 6. – С. 187–193.
13. Муртазаева Ф. Художественный мир Виктории Токаревой / Ф. Муртазаева // Иностранная филология: язык, литература, образование. – 2019. – № 4 (73). – С. 98–102.
14. Оборин Л. О Григории Бакланове / Л. Оборин // Знамя. – № 5. – 2010. – С. 192–199.
15. Парчинская Д. Виктория Токарева: уберите от меня эту большую железяку (интервью) / Д. Парчинская // Моя семья. – 2020. – № 38.
16. Перевалова С.В. "О днях войны, принесших миру мир...": тема памяти в художественных произведениях ветеранов Великой Отечественной войны / С.В. Перевалова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – № 114. – 2017. – С. 126–131.
17. Ришина И. Эта долгая память / И. Ришина // Дружба народов. – 1999. – № 2. – С. 140–155.
18. Селеменова М.В. Город как тема и текст в прозе Виктории Токаревой / М.В. Селеменова // Litera. – 2023. – № 2. – С. 54–63.

19. Солдаткина Я.В. Великая Отечественная война: женский взгляд (Е.А. Катишонков и Л.Е. Улицкая). Сб. Отечественная словесность о войне. Проблема национального сознания: К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: Материалы XX Шешуковских чтений / под.ред. Л.А. Трубиной. – М.: МПГУ. – 2015. – С. 305–315.

20. Солнцева А. Я не серийный писатель (интервью) / А. Солнцева // Огонек. – 1997. – № 25. – С.19.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

21. Адамович А. Блокадная книга / А. Адамович, Д. Гранин. – СПб.: Азбука, 2020. – 672 с.

22. Адамович А. История создания «Блокадной книги» / Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. В 2-х кн. Кн. 1. – М.: ТЕРРА, 2005. – С. 3–15.

23. Лазарев Л.И. Григорий Бакланов // Николаев П.А. Русские писатели 20 века: биографический словарь / Сост. П.А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия. – 2000. – С. 686–687.

24. Ленинград, 7 января 1944: Православные верующие отмечали Рождество, молясь о победе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/spb-news/871012> (дата обращения: 04.05.2024).

25. Полянская И.Н. Горизонт событий: Роман / И.Н. Полянская. – М.: Олимп: АСТ, 2002. – 414 с.

26. Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – Москва: Церковно-науч. центр "Православная энциклопедия" – Т. 24: Иоанн воин – Иоанна Богослова откровение. Т. 24. – 2010. – 751 с.

27. Раззаков Ф.И. Любовь Соколова / Ф.И. Раззаков // Досье на звезд: кумиры всех поколений: правда, домыслы, сенсации / Ф.И. Раззаков. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 1998. – С. 564–572.

28. Слуцкий Б. Стихотворения / Б. Слуцкий – М.: Художественная литература, 1989. – 478 с.

29. Токарева В.С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/encyclopedia/person/tokareva-viktoriya-samoylovna> (дата обращения: 04.05.2024).

30. Токарева В.С. Все нормально, все хорошо: Повести и рассказы / В.С. Токарева. – М.: АСТ, 2004. – 541 с.

31. Токарева В.С. Дерево на крыше / В.С. Токарева. – М.: АСТ, 2009. – 318 с.

32. Токарева В.С. Жена поэта. Повесть и рассказы. – М.: «Азбука-Аттикус», 2019. – 320 с.

33. Токарева В.С. Когда стало немножко теплее / В.С. Токарева. – М.: Советская Россия, 2005. – 272 с.

34. Токарева В.С. Террор любовью. Повесть и рассказы / В.С. Токарева. – М.: «Азбука-Аттикус», 2009. – 313 с.

35. Толстая Т.Н. Соня // Рассказы. – М.: «Белые стены», 2004. – 216 с.

36. Успенский Л.В. Ты и твоё имя: тайны имен / Л.В. Успенский. – Москва: Мир энциклопедий Аванта+: Астрель. – 2008. – 366 с.

37. Филатова Н. Интервью с В. Токаревой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apropospage.ru/lit/tokareva.html> (дата обращения: 12.05.2024).

38. Cracking Soviet Taboos: Natalya Negoda dice che se "Little Vera" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1989-05-07-ca-3664-story.html> (дата обращения: 04.05.2024).

REFERENSES

1. Aksenov, S.I., Frolova, S.V. (2023) Kategorii grazhdanskoi identichnosti i kul'turno-istoricheskoi pamyati v istoriko-pedagogicheskom diskurse [Categories of civic identity and cultural-historical memory in historical and pedagogical discourse]. Grani poznaniya. [Facets of knowledge]. № 4 (87). (pp. 23–27). (In Russian)

2. Bakhtin, M.M. (2000). Ehpos i roman. SPb.: Azbuka. 304 p. (In Russian)

3. Bocharov, A (1973). Chelovek i voina: idei sotsialisticheskogo gumanizma v poslevoennoi proze o voine. Moskva: Sovetskii pisatel'. 480 p. (In Russian)

4. Vajrax, Yu.V., (2019) Simvolika obraza Sofii v proizvedeniyax L. Uliczkoy "Sonechka" i T. Tolstoj «Sonya» [The symbolism of the image of Sofia in the works of L. Ulitskaya "Sonya" and T. Tolstoy "Sonya"]. Filologicheskie nauki. [Philological sciences]. Tambov: Gramota. Tom 12. (pp. 14–18). (In Russian)

5. Ginzburg, L.Ya. (1979). O literaturnom geroe. L.: Sov. pisatel'. 222 p. (In Russian)

6. Gorbunova, A.N. (2014). Avtobiografizm i avtobiograficheskie zhanry` v tvorchestve A. I. Gercena 1840–1850-x godov. Dvizhenie vremeni i zakony` zhanra: XVIII Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya slovesnikov "Lejdermanovskie chteniya". Ekaterinburg. (pp. 15–21). (In Russian)

7. Darenskii, V.YU. (2014). Voina kak dukhovnaya initsiatsiya: ehkzistentzial'nye arkhetyipy v russkoi poehzii o Velikoi Otechestvennoi Voine.[War as a spiritual initiation: existential archetypes in Russian poetry

- about the Great Patriotic War]. Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy] №1 (15). (p. 90–110). (In Russian)
8. Dobrenko, E. (1988). Prevratnosti metoda [The vicissitudes of the method] Oktyabr'. [October]. № 3. – (pp. 179–190). (In Russian)
9. Ivanova, N. (2003) Skrytyi syuzhet. Russkaya literatura na perekhode cherez vek. SPb.: “BliTS”. – 560 p. (In Russian)
10. Karpenko, Yu.A. (1986). Imya sobstvennoe v xudozhestvennoj literature. [Proper name in fiction]. Filologicheskie nauki. [Philological sciences]. №4. (pp. 34–40). (In Russian)
11. Kuchina, T. G. (2009) Poe'tika russkoj prozy' koncza XX – nachala XXI v.: pervolichny'e povestvovatel'ny'e formy': avtoref. dis. ...d-ra filol. nauk. M. 42 p. (In Russian)
12. Lazarev, L. (1995) Bez straxa i upreka: Vspominaya i perechity'vaya A. Adamovicha. [Without fear and reproach: Remembering and rereading A. Adamovich]. Znamya. [Banner] M. № 6. (pp. 187–193). (In Russian)
13. Murtazaeva, F. (2019) Khudozhestvennyi mir Viktorii Tokarevoi [The artistic world of Victoria Tokareva]. Inostrannaya filologiya: yazyk, literatura, obrazovanie. [Foreign philology: language, literature, education]. №4 (73). (pp. 98–102). (In Russian)
14. Oborin, L. (2010) O Grigorii Baklanove. Znamya. [Banner] №5. 2010. (pp. 192–199). (In Russian)
15. Parchinskaya, D. (2020) Viktoriya Tokareva: uberite ot menya e'tu bol'shuyu zhelezyaku (interv'y) Moya sem'ya. [My family]. № 38. (In Russian)
16. Perevalova, S.V. (2017) "O dnyakh voyny, prinesshikh miru mir...": tema pamyati v khudozhestvennykh proizvedeniyakh veteranov Velikoi Otechestvennoi voyny [“About the days of war that brought peace to the world...”: the theme of memory in the artistic works of veterans of the Great Patriotic War]. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. [News of Volgograd State Pedagogical University № 114]. (pp. 126–131). (In Russian)
17. Rishina, I. (1999) E'ta dolgaya pamyat' [This long memory] Druzhba narodov [Friendship of Peoples]. № 2. (pp. 140–55). (In Russian)
18. Selemeneva, M.V.(2023) Gorod kak tema i tekst v proze Viktorii Tokarevoi [The city as a theme and text in the prose of Victoria Tokareva]. Litera. № 2. (pp. 54–63).
19. Soldatkina.YA.V. Velikaya Otechestvennaya voina: zhenskii vzglyad (E.A. Katishonok i L.E. Ulitskaya). Sb. Otechestvennaya slovesnost' o voine. Problema natsional'nogo soznaniya: K 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine: Materialy KHKH Sheshukovskikh chtenii. [Velikaya Otechestvennaya voina: zhenskii vzglyad]. M.: MPGU. (pp. 305–315). (In Russian)
20. Solnceva, A. (1997) Ya ne serijny'j pisatel' (interv'y) [I'm not a serial writer]. Ogonek. № 25. p.19. (In Russian)

Поступила в редакцию 04.05.2024 г.

THEME OF MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN STORIES OF THE 1990s–2000s BY V. TOKAREVA

D.S. Poga

The article addresses the theme of memory of the Great Patriotic War in the stories of 1990s–2000s by V. Tokareva. The writer, whose work is traditionally considered within the framework of “women’s” literature, in the works of recent decades continues and updates the artistic traditions of “lieutenant” prose created by veteran authors of 1941–1945. The focus is made on forming in readers of different ages a sense of involvement in the fate of the Motherland and a respectful attitude to those, who gave us the Ninth of May of 1945 as the Day of Victory over Fascism.

Key words: memory, siege of Leningrad, “women’s” prose, “lieutenant’s” prose, veterans.

Пога Дарья Сергеевна.

Аспирант.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация.

Учитель ГБОУ СОШ №531 г. Санкт-Петербурга.

ORCID 0000-0003-1713-6062.

E-mail: dpoga@yandex.ru

Poga Daria Sergeevna.

Pstgraduate student.

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation.

Teacher at school №531, Saint-Petersburg.

ORCID 0000-0003-1713-6062.

E-mail: dpoga@yandex.ru

Научная статья

УДК 811.163.1

DOI: 10.5281/zenodo.12572274.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО В ЖИТИИ МИТРОПОЛИТА ПЕТРА

© 2024 *А.В. Сабурова*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
ORCID 0009-0000-2793-9761.*

В работе описано функционирование оборотов с дательным самостоятельным в тексте Жития митрополита Петра в редакции митрополита Киприана (по спискам XV века). Дательный самостоятельный обычно понимают как сочетание дательного падежа существительного или местоимения с согласованным с ним причастием, стоящим также в дательном падеже. Традиционно считается, что дательный самостоятельный имеет значение причины или времени. Однако при рассмотрении случаев употребления конструкции в тексте Жития выясняется, что ряд примеров отстает от этого принципа. Дательный самостоятельных здесь имеет значение добавочного, второстепенного действия. Кроме этого, в тексте обнаруживаются конструкции, в которых субъект действия совпадает с подлежащим главного предложения. Отдельно анализируются случаи употребления цепочек дательного самостоятельного при отсутствии очевидного личного глагола и главного предложения, к которым они могли бы быть отнесены. Такое употребление конструкции может быть интерпретировано как последовательность действий, совершающихся друг за другом. Работа является попыткой описать функционирование дательного самостоятельного в тексте Жития и подобрать для таких конструкций перевод на современный русский язык.

Ключевые слова: дательный самостоятельный, церковнославянские памятники, митрополит Киприан, Житие митрополита Петра, синтаксис старославянского языка.

Для цитирования: Сабурова А.В. Особенности употребления дательного самостоятельного в Житии митрополита Петра / А.В. Сабурова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 192–198. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12572274>.

Введение. Исследование посвящено анализу употребления оборота «дательный самостоятельный» в тексте «Жития митрополита Петра». Житие митрополита Петра в его первоначальной Краткой редакции является самым ранним памятником московской агиографии. Текст представляет собой жизнеописание митрополита Петра, выдающегося церковного деятеля, способствовавшего возвышению Москвы среди других русских городов. На основании Краткой редакции Жития в конце XIV века митрополитом Киприаном была создана Пространная редакция. Текст Жития изучался историками и литературоведами, однако его лингвистическое описание ни разу не становилось предметом исследовательского интереса.

Описание языка памятника в сравнении с другим произведениями митрополита Киприана позволит выявить и показать характерные приметы языка автора. Тема исследования актуальна, поскольку техника перевода митрополита Киприана, несмотря на обилие научных работ о деятельности книжника, остается малоизученной. Актуальность и новизна исследования состоят в том, что впервые это Житие, стоящее у истоков становления московской агиографической традиции, получит полное лингвистическое описание. Кроме того, описание языка памятника в сравнении с другим произведениями митрополита Киприана позволит выявить и показать

характерные приметы языка автора.

Основная цель исследования состоит в описании оборота «дательный самостоятельный» в тексте Жития митрополита Петра в редакции Киприана (по спискам XV века). К числу задач, решение которых в связи с указанной целью представляется обязательным, относятся:

- 1) сбор рукописей XV в., содержащих Житие митрополита Петра киприановской редакции;
- 2) сравнение списков и выявление текстовых и языковых особенностей;
- 3) анализ оборотов, содержащих дательный самостоятельный;
- 4) описание функционирования этих оборотов в тексте Жития.

Материалы и метод исследования. На данный момент нами были отобраны для работы пять списков Жития редакции митрополита Киприана XV века. Харьковский список издан Р.А. Седовой, при этом текст в списке передан в упрощенной орфографии. Б.М. Клоссом опубликован список ГИМ, Собр. Чудова монастыря. Еще три списка оцифрованы и хранятся в фондах РГБ и РНБ (ГИМ, собр. Чудова монастыря 221, 20-е гг. XV в.; ХГНБ, Минея служебная на декабрь 816281, XIV–XV в.; РГБ, собр. Ундольского 1296, сборник вт. пол. XV в.; РГБ, собр. Ундольского 560, сборник вт. пол. XV в.; РНБ, Кир.-Бел. сп. 786/1043, сборник XV в.).

Мы составили сводные таблицы для сравнения списков. В результате сравнения было выявлено, что текст Жития в пяти списках практически полностью совпадает. То есть редакция Жития митрополита Петра в выбранных списках довольно устойчива, а обнаруженные языковые разночтения в них относятся в основном к бытованию текстов, то есть появляются в результате переписывания. Таким образом, мы можем сделать вывод, что текст на протяжении всего XV века достаточно стабилен, он бытует в рукописной традиции, но не переписывается.

Для иллюстрации в тексте статьи мы будем использовать контексты, воспроизведенные по РГБ, собр. Ундольского, ф. 310, № 560, сборник, вт. пол. XV в., л. 92–98. Все контексты приводятся в упрощенной орфографии. Рядом указывается наш перевод на современный русский язык.

Основная часть. Дательный самостоятельный обычно понимают как сочетание дательного падежа существительного или местоимения с согласованным с ним причастием, стоящим также в дательном падеже. Традиционно считается, что это оборот имеет значение причины или времени, поэтому дательный самостоятельный на современный русский язык переводят придаточным предложением времени или причины.

При этом оборот описан в грамматиках как неживой, разработанный под влиянием греческого языка. Ср.:

«Особенностью древнерусского синтаксиса, хотя, может быть, и не свойственной живому языку, а заимствованной из старославянского, являлся оборот «дательный самостоятельный». Он представлял собой сочетание дательного падежа существительного или местоимения с согласованным с ним (то есть стоящим также в дательном падеже) причастием. <...> В старославянском языке этот оборот был распространен очень широко» [5, с. 379];

«Оборот дательный самостоятельный (*dativus absolutus*) употреблялся тогда, когда в латинском был *ablativus absolutus* (творительный самостоятельный), а в греческом *genitivus absolutus* (родительный самостоятельный). <...> Дательный самостоятельный представлен в тех древнерусских памятниках, характерной особенностью которых являются книжные обороты речи (в некоторых из них – лишь в отдельных частях памятника): летописях, житиях святых, поучениях и др.» [2, с. 445–451];

«Весьма обычным [для старославянского языка] было употребление абсолютного причастного оборота с субъектом в дательном падеже, то есть оборота с «дательным самостоятельным» [3, с. 398].

Обороты с таким значением действительно активно используются в сочинениях XV века и были найдены нами в анализируемом тексте.

Например, дательный самостоятельный со значением времени активно используется при повествовании о рождении и детстве Петра:

(1) *и похваляему праведнику възвеселятсѧ людие 92 – и когда праведник восхваляется, то веселятсѧ люди;*

(2) *еще бо ему сущу въ утробе матери въ едину от ноции свитающуи днєви недели виде видение таково мати его 92 – еще когда он был в утробе матери, в одну из ночей, на рассвете воскресного дня его мать увидела такое видение;*

(3) *рождѣшу же ся отрочати и седмаго лета възраста достигуи вдань бываеть родителема книгамъ учитися 92 об. – когда отрок родился и достиг возраста семи лет, он был отдан родителями учиться грамоте;*

(4) *оному же отврѣзшу святитель десною рукою прикоснися языку его и благословившу его и яко же некою сладостию гортань его налиавшу 92 об. – когда тот открыл уста, святитель правой рукой прикоснулся к его языку, благословив его, и будто некоей сладостью горло его наполнилось;*

(5) *бывшу же ему двоюнадесятым летом иде къ прилежащои тамо пустыни въ единъ от монастыре 92 об. – когда ему исполняется двенадцать лет, он уходит в бывший рядом скит, в один из монастырей;*

(6) *Геронтиеву же в печали сущу в ноци явися ему икона Пречистаа Богородица 94 – когда Геронтий находился в печали, в ночи явилась ему икона Пречистой Богородицы;*

(7) *онемже вину въпрашающим уведети всем виденнаа и слышаннаа сказуеть 94 – когда они хотят узнать причину этого, он рассказывает всем увиденное и услышанное;*

(8) *и Петру убо въ двери въходящу идеже бѣ патриарх седя и благоухания некоего испльнися храмина она 94 – и когда Петр вошел в двери храма, где сидел патриарх, неким благоуханием наполнился храм тот;*

(9) *обаче онемъ учителя ради и пастыря добраго всемъ спирающимса изыскати хотащимъ кто и откуда есть иже таковаа словеса лъживаа на отца нашего и святителя възведыи обаче злomu делатель не утаися 95 об. – пока все из-за учителя и доброго пастыря спорили, желали выяснить, кто и откуда тот, возведший такие лживые слова на отца и святителя нашего, злодей не утаился;*

(10) *прииде въ славныи град зовомыи Москва еще же тогда малу сущу ему и не многонародну акоже ныне виденъ есть нами 95 об. – он пришел в славный город, называемый Москвой, который тогда еще был небольшой и малолюдный, а не такой, каким мы видим его сейчас;*

(11) *днєви бывшу, самъ входитъ въ церковь и божествѣнную службу съврѣшает 96 – когда настал тот день, он сам входит в церковь и совершает божественную службу;*

(12) *и събору убо тогда праздничну днєви сътворишуса на амбоне посреде церкви прочтени быши 96 об. – и когда сотворился тот соборный и праздничный день, это на амбоне посреди церкви было прочтено;*

(13) *и писаниу митрополичю прочтєну бывшу вси едйнѣм гласомъ прославиши Бога 97 – и когда послание митрополита было прочитано, все единогласно прославили Бога;*

(14) *и третиему лету наставшу пакы къ Цари граду устремихса 97 – когда наступило третье лето, я снова направился в Царьград;*

(15) *но к русскои земли пришедшу ми мало что съпротивно прилучити ми ся ради*

моих греховъ 97 – но когда я пришел на Русскую землю, нечто препятствующее приключилось со мной из-за моих грехов;

(16) и в такомъ убо затворе сушу ми болезни неудобъстерпимыя нападоша на мя 97 об. – и пока я находился в таком заточении, болезни невыносимые напали на меня.

Реже в тексте встречается ДС со значением причины. Приведем такие случаи отдельно:

(17) на такую высоту дръзну <...> никомуже възбраняющу его от такового безловесиа 93 об. – занять такую высоту осмелился <...> так как никто ему не възбранял из-за своего бессловесия;

(18) сим же тако имящимъ не бе лукавому тръпети 95 – и поскольку он (Петр) все это имел, невозможно было лукавому терпеть;

(19) князю бо великому Михаилу тогда самому въ ордѣ сушу, но сынове его приидоша 95 – поскольку великий князь Михаил тогда был в Орде, то пришли его сыновья.

Однако при рассмотрении остальных случаев употребления дательного самостоятельного в тексте Жития выясняется, что целый ряд примеров отступает от этого принципа, и перевести их на современный язык придаточными времени или причины невозможно. Случаи, значение которых нельзя признать ни темпоральным, ни каузальным, рассматриваются нами отдельно.

Учеными отмечается, что на восточнославянской почве дательный самостоятельный мог сопровождаться тем же субъектом, что и главная часть предложения, что нарушало возможный греческий образец. Так, Д.С. Ворт выделяет два типа оборота, один из которых он называет «Greek» дательным самостоятельным (название дано благодаря греческой конструкции Genitivus absolutus). К этому типу он относит такие обороты, в которых субъект дательного самостоятельного не совпадает с подлежащим главного предложения. Второй тип – названный Д.С. Вортом «non-Greek» («негреческим») – имеет тот же субъект действия, что и главное предложение [8, с. 29–30].

Примеры предложений из текста жития, в которых у дательного самостоятельного и основного предложения один субъект действия, приводим отдельно:

(20) свою немощь смотрящю недостижну къ оного величеству удръжаваахса 92 – видя свою неспособность достичь Его величия, (я) удерживался;

(21) но и стоящю ему въ церкви и съ благоговениемъ послушающю божествнаго писаниа съ всякимъ прилежаниемъ николи же въсклониса къ стене 92 об. – но и когда он стоял в церкви и с благоговением слушал священное писание с вниманием, (он) ни разу не прислонился к стене;

(22) Геронтийеви ж на море пришедшу на корабь въсходить 93 об. – Геронтий, придя к морю, поднимается на корабль;

(23) преподобному отцу Петру Константина града предваривъшу исходит ис корабля 94 – преподобный отец Петр, оказавшись первым в Константинополе, сходит с корабля;

(24) и патриарху убо съ священнымъ съборомъ божественую таинную службу съвършающю свещает дивнаго Петра 94 – и патриарх со священнымъ собором, совершая литургию, избирает дивнаго Петра;

(25) оному же изшедшу и море благополучне преплувшю и къ святеишии митрополи русскаго престола пришедшу миръ и благословение всем подавшю начят учити Богомъ порученое ему стадо 94 об. – Он же, оставив пределы города, море благополучно перейдя, достигнув престола святейшей Русской митрополии, мир и благословение всем подав, начал учить порученное ему Богом стадо;

(26) и основанней бывши начят день от дне спяети и въздвизатиса 96 – и когда она была заложена, она начала каждый день строиться и подниматься;

(27) *святителю же пакы толико прилежащу сынови своему князю о душевных и телесных ако с павломъ ему глаголати 96 – святитель же так прилежал своему сыну, князю, в духовных и телесных делах, что будто бы с Павлом (он) общался;*

(28) *самому руки на небо въздевишу и тело убо на земли оста душа же на небеса възлете къ желаемому Христу 96 об. – когда он сам, руки к небу подняв, тело на земле оставил, душа на небеса взлетела к возлюбленному Христу;*

(29) *и князю убо съ великою скоростию въ град приспевшу съ всеми велможями своими о лишени добраго отца и благого учителя велми тужааше 96 об. – и когда князь вскоре вернулся в город со всеми вельможями своими, о смерти доброго отца и благого учителя (он) очень скорбел;*

(30) *и оному убо таковаа помышляющу въ сердци своемъ абее виде <...> святого 96 об. – и когда он так помыслил в сердце своем, тотчас (он) увидел <...> святого.*

В результате наблюдений над старославянскими прецедентами, Д. Коллинс отмечает, что подобные конструкции обычно признавались ошибками переписчиков и не принимались во внимание многими исследователями. Так, А. Корин рассматривает подобные отклонения от «канонического» употребления дательного самостоятельного как свидетельства его постепенного разрушения [7, с. 272–280]. Д. Коллинс же предлагает считать эти обороты не ошибками, а стремлением автора передать второстепенные факты в повествовании, придать действию побочный характер, то есть говорит о прагматике использования такого «негреческого» дательного самостоятельного. Она находит употребление подобных форм в старославянском языке, по ее подсчетам они составляют около 6% от общего количества употребления. Таким образом, по утверждениям Д. Коллинс, если формы односубъектного дательного самостоятельного встречаются еще в ранних текстах, то говорить о разрушении и упадке конструкции невозможно.

Об употреблении тавтосубъектного дательного самостоятельного для выражения второстепенного сказуемого говорит и Т.И. Афанасьева. Она отмечает, что «в церковнославянском языке русского извода выработалась особая синтаксическая модель, представляющая собой сочетание причастия в дательном падеже с местоимением ми/ти [1, с. 100]. Выработка этой конструкции в церковнославянском языке связывается с тем фактом, что тавтосубъектный дательный самостоятельный по смыслу часто сближался с предикативным причастием.

Случаи, в которых к церковнославянскому причастию в дат. падеже подставляется личное местоимение в краткой форме в зависимости от лица сказуемого, фиксировались нами отдельно. В исследуемом тексте были обнаружены примеры с клиткой 1 лица *ми*:

(31) *хотящу ми малое некое похваление принести святителю но <...> удръжаваахса 92 – желал принести небольшую похвалу святителю, но <...> удерживался;*

(32) *тако и о семь недостойно судих на его ми месте стоящу и на его гробъ зрящу и того же ми престола наследствовавшу 92 – так об этом я рассудил недостойно, когда я стоял на его месте, смотрел на его гробницу;*

(33) *и тамо ми достигшу по многих трудехъ и искушениях надеющу ми ся некое утешение обрести обретох всяко неустроение въ царих же и въ патрмаршьстве 97 – и достигнув его после многих трудностей и искушений, надеясь обрести некое утешение, нашел я всяческое отсутствие порядка в царях и патриаршестве.*

В.М. Живов утверждает, что «дательный самостоятельный нужен для того, чтобы приписать какой-либо предикативной единице неполноценный (подчиненный) статус

сравнительно с предикативной единицей главного предложения, указать на дискурсивную второстепенность описанного с помощью дательного самостоятельного события (его фоновый характер, или его выпадение из нарративной цепочки, или его функцию как отсылки к уже известной информации)» [4, с. 9–10].

В тексте Жития также обнаруживаются случаи употребления цепочек дательного самостоятельного при отсутствии глагола главного предложения. Такое употребление конструкции может быть интерпретировано как последовательность действий, совершающихся друг за другом. При отсутствии очевидного главного предложения с личным глаголом, к которому можно было бы отнести дательный самостоятельный, в переводе такой конструкции вместо причастия используем личный глагол:

(34) *преподобному же отцу нашему Петру 93 об. море достигшу также и на иномъ месте в корабль вшедшу и к тому же Царю граду поплвшу 94 – преподобный отец наш Петр достиг моря, тоже на другом месте на корабль сел и к тому же Царьграду поплыл;*

(35) *яко ж въ сне море прешедшу и къ стенамъ Константина града прилетевшу 94 – он будто во сне переплыл море и к стенам Константинополя прилетел;*

(36) *князю убо въ всемъ послушающу и честь велию подавающу отцу своему 96 – князь во всем слушался своего отца и отдавал ему честь.*

Заключение. В результате анализа функционирования оборота «дательный самостоятельный» в тексте Жития митрополита Петра нами были обнаружены следующие значения оборота: обозначение времени и причины, традиционное для использования дательного самостоятельного, а также ряд отклонений от традиционного употребления. Так, в ряде случаев оборот сопровождается тем же субъектом, что и главная часть предложения, что нарушало возможный греческий образец построения дательного самостоятельного. Также конструкция используется автором для описания последовательности действий, совершающихся друг за другом.

Дательный самостоятельный в тексте Жития предположительно может иметь стилистическую цель: избежать однообразия в изложении событий в сложносочиненном предложении и в ряду однородных сказуемых. Возможно, оборот используется Киприаном как сознательное средство стилизации, архаизации текста, придания ему «высокого» стиля, соответствующего жанру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьева Т.И. Об особом употреблении дательного самостоятельного в русских переводах конца XIV в. / Т.И. Афанасьева // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 2016. – № 5. – С. 95–102.
2. Борковский В.И. Историческая грамматика русского языка / В.И. Борковский, И.С. Кузнецов. – М., 1965. – С. 445–451.
3. Вайан А. Руководство по старославянскому языку / А. Вайан. – М.: Изд-во иностранной лит., 1952. – С. 396–397.
4. Живов В.М. Референтная структура и порядок слов: Дательный самостоятельный в двух древних церковнославянских текстах / В.М. Живов // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 1 (15). – С. 5–56.
5. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка: учеб. для студ. пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В.В. Иванов – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1990. – С. 379–380.
6. Collins, D. (2011). The Pragmatics of "Unruly" Dative Absolutes in Early Slavic. *Oslo Studies in Language*, 3, 103–130.
7. Corin, A. (1995). The dative absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic. *Die Welt der Slaven*, 42, 251–284.
8. Worth, D.S. (1994). The Dative Absolute in the Primary Chronicle: Some observations. *Harvard Ukrainian studies*, 1/2, 29–49.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. ГИМ, Собр. Чудова монастыря, № 221, 20-е гг. XV в.
10. РГБ, Собр. Ундольского, № 560, сборник вт. пол. XV в.
11. РГБ, Собр. Ундольского, № 1296, сборник вт. пол. XV в.
12. РНБ, Собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 786/1043, сборник XV в.
13. ХГНБ, Служебная Миня на декабрь, № 816281, XIV–XV вв.

REREFENCES

1. Afanasyeva, T.I. (2016). Ob osobom upotreblenii datelnogo samostoyatel'nogo v russkikh perevodakh konca XIV veka [On the special use of the dative independent in Russian translations of the end of the XIV century]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics] (pp. 95–102). Moscow: Nauka. (In Russian)
2. Borkovsky, V.I., Kuznetsov, I.S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language] (pp. 445–451). Moscow: Nauka. (In Russian)
3. Vayan, A. (1952). *Rukovodstvo po staroslavianskomu yazyku* [Handbook of the Old Slavic language] (pp. 396–397). Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. (In Russian)
4. Zhivov, V.M. (2008). Referentnaya struktura i porjadok slov: datel'nyy samostoyatel'nyy v dvuh drevnih cerkovnoslavianskikh tekstah [Referential structure and word order: The dative independent in two ancient Church Slavonic texts]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage]. 1/2, 5–56. (In Russian)
5. Ivanov, V.V. (1990). *Isricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language] (pp. 379–380). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)
6. Collins, D. (2011). The Pragmatics of "Unruly" Dative Absolutes in Early Slavic. *Oslo Studies in Language*, 3, 103–130. (In English)
7. Corin, A. (1995). The dative absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic. *Die Welt der Slaven*, 42, 251–284. (In English)
8. Worth, D.S. (1994). The Dative Absolute in the Primary Chronicle: Some observations. *Harvard Ukrainian studies*, 1/2, 29–49. (In English)

Поступила в редакцию 08.05.2024 г.

FEATURES OF USE OF DATIVE ABSOLUTE IN THE LIFE OF PETER THE METROPOLITAN

A.V. Saburova

The contribution addresses functioning of constructions with Dative Absolute in the text of the Life of Peter the Metropolitan, edited by Cyprian the Metropolitan (according to the lists of the XV century). The Dative Absolute is usually understood as a combination of the dative case of a noun or a pronoun with a participle in the dative case, which agrees with the noun or pronoun it modifies. Traditionally, the Dative Absolute is believed to express the meaning of reason or time. However, the analysis of such constructions, used in the text of the Life, proves that there are cases of deviations from this principle. In these cases, the Dative Absolute is used in the meaning of an additional, secondary action. Besides, in the text, there are constructions, in which the subject of the action coincides with the subject of the principal clause. The cases of chains of the Dative Absolute without a finite verb and the principal clause, to which they could be attributed, are analyzed as well. This use of the construction can be interpreted as a sequence of actions performed one after another. The work is an attempt to describe the functioning of Dative Absolute in the text of the Life of Peter the Metropolitan and to suggest variants of such constructions translation into modern Russian.

Key words: Dative Absolute, Church Slavonic records, Cyprian the Metropolitan, Life of Peter the Metropolitan, syntax of the Old Slavic language.

Сабурова Анна Васильевна.

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская федерация, г. Санкт-Петербург.

Аспирант.

ORCID 0009-0000-2793-9761.

E-mail: saburova.anya@mail.ru

Saburova Anna Vasilyevna.

St. Petersburg State University, Russian Federation, St. Petersburg.

Postgraduate student.

ORCID 0009-0000-2793-9761.

E-mail: saburova.anya@mail.ru

Научная статья

УДК 81-25

DOI: 10.5281/zenodo.12572864

О СВОЕОБРАЗИИ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕДУЩИХ В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ШОУ «THE GRAND TOUR»

© 2024 *И.В. Скоков*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

Статья посвящена рассмотрению особенностей одной из жанровых разновидностей познавательно-развлекательного медиадискурса, получившего в последние десятилетия довольно широкое распространение в качестве дискурсивной практики – телевизионного шоу. Исследовательское внимание в данном случае сосредоточено на своеобразии коммуникативно-речевого взаимодействия троих соведущих телешоу «The Grand Tour» – программы, в которой в процессе постоянного контакта с аудиторией обсуждаются достоинства и недостатки появляющихся на рынке автомобильных моделей. Анализ фрагментов полилогических и диалогических композиционно-речевых форм как компонентов развёртывающегося общения позволяет прийти к выводу, что в них осуществляется реализация обеих основных функций, присущих данной разновидности медиадискурса: познавательной (информативной) и воздействующей. В то же время воздействующая функция более выражено представлена на диалогических участках коммуникативно-речевого взаимодействия, что обусловлено более динамичной сменой составляющих их реплик, а также сосредоточенностью каждого из коммуникантов на одном (а не нескольких) участнике общения. Для комплексного представления о своеобразии данной разновидности медиадискурса необходим также анализ иных его составляющих, в частности – монологических и креолизованных фрагментов, что определяет перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: медиадискурс, телешоу, коммуникативно-речевое взаимодействие, соведущие, полилог, диалог, воздействующая функция, информативная функция.

Для цитирования: Скоков И.В. О своеобразии коммуникативно-речевого взаимодействия ведущих в телевизионном шоу «The Grand Tour» / И.В. Скоков // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 199–208. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12572864>.

Термин «дискурс», получивший в последние десятилетия широкое распространение не только в лингвистике, но и во многих других областях гуманитарного знания, В.В. Красных определяется как «вербализованную речемыслительную деятельность, представляющую собой совокупность процесса и результата и обладающую как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическими планами» [4, с. 113]. К числу актуальных проблем динамично развивающегося научного направления, получившего название *дискурс-анализ (дискурсивный анализ)*, принадлежит проблема выявления различных типов дискурса, установления и описания их характерных особенностей. В настоящее время уже получили достаточно подробное описание такие виды дискурса, как *официально-деловой* и *научный*; активно исследуется в разнообразии представляющих его жанровых форм *публицистический* дискурс, в современный период чаще определяемый как *медиадискурс*.

В то же время явно недостаточно изученными оказываются разновидности дискурсов, которым присущ очевидный *синкретичный* характер (как правило,

сформировавшиеся в результате пересечения и / или взаимодействия дискурсов разных типов – обычно двух, однако иногда и более). Большинство из такого рода дискурсов было квалифицировано достаточно недавно, поскольку и сферы социума, в которых они реализуются как коммуникативные практики в общественной жизни получили широкое распространение лишь в последние десятилетия.

К дискурсам явно синкретичного типа принадлежит, в частности, *развлекательно-познавательный* дискурс, в котором объединены черты дискурсов *научного* (познавательного) и *развлекательного*, или рекреационного. Некоторые особенности дискурса этого типа охарактеризованы в работах В.И. Карасика, который определяет развлекательный дискурс как «коммуникативную практику, целью которой является развлечение населения» [3, с. 249]. Внутри развлекательного дискурса исследователь особо выделяет дискурс *медийно-развлекательный*, который квалифицирует как институциональный дискурс, «представляющий собой специализированную, клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [2, с. 73–78].

Этот дискурс реализуется в настоящее время в довольно широком диапазоне жанровых форм, к наиболее распространённым из которых принадлежит *телешоу*. Цель этой разновидности медийно-развлекательного дискурса бывает минимум **двоякой**: это, во-первых, сообщение аудитории информации (как правило, в занимательной форме, которая способствует лучшему её усвоению) об обсуждаемой проблеме, связанной с тем или иным участком действительности (*познавательно-развлекательный* аспект); во-вторых – побуждение этой же аудитории к формированию собственного отношения к заявленной проблеме, что наиболее актуально при наличии разных точек зрения на заявленную проблему (*воздействующий* аспект, который также чаще всего реализуется с элементами *развлекательного* характера: занимательность, акцент на неожиданном аспекте и т. п.).

Квалифицируя телешоу к качеству одной из разновидностей медийно-развлекательного дискурса, стоит отметить, что по сути он является тематически фиксированным, разговором большего или меньшего количества людей, предусматривающим соблюдение участниками дискуссии некой «нормы поведения», обусловленной тематикой конкретного телешоу (в нашем случае – автомобильной), то есть таким, где дискуссия идёт на заранее заданную тему (темы), которая обсуждается в заранее заданном, срежиссированном порядке.

Данный тип дискурса, с нашей точки зрения, можно причислить к персуазивным дискурсам, которые можно охарактеризовать как «тип ментального речевого взаимодействия коммуникантов, при котором адресантом осуществляется попытка преимущественно вербального воздействия на ментальную сферу реципиента с целью изменения его поведения» [5, с. 240–248].

Отличительными специфическими характеристиками данного типа дискурса являются: 1) обязательное присутствие как минимум двух (или более) участников процесса коммуникации – адресанта и адресата; 2) взаимодействие телекоммуникатора и телеаудитории: **непосредственное** – межличностное (например, в студии, съёмочной площадке, на улице и т. п.) и **опосредованное**: несимультанное (письма в редакцию; опросы, рейтинги и т. п., результаты которых получены посредством телефонной связи и сети Интернет); симультанное – общение в интерактивном режиме (звонки и сообщения непосредственно в студию в момент выхода программы в эфир). [6, с. 8–9.]

Цель настоящей публикации – выявление и анализ характерных особенностей коммуникативно-речевого взаимодействия ведущих телешоу в процессе развёртывания

одной из жанровых форм развлекательно-познавательного дискурса–*телешоу* «автомобильной» тематики.

Материалом в данном случае послужили видеозаписи двух спецвыпусков третьего сезона популярного телешоу «The Grand Tour» (рус. «Большое путешествие»), состоявшихся 25 и 26 января 2019 года. Данные спецвыпуски были выбраны как получившие наибольшее число просмотров в интернете (2,2 миллиона), что свидетельствует о зрительском интересе к ним. Дополнительным фактором для выбора в качестве объекта анализа именно этих выпусков телешоу стало также наличие нескольких его версий: зрителям также доступны специальные версии в качестве коллаборации с Amazon, заключающейся в создании совместного цифрового контента, а именно создании, при помощи подразделения Amazon Games, компьютерной игры, на основе телешоу The Grand Tour, а ведущие участвуют в озвучке реплик для данной игры. Можно предположить, что данная форма сотрудничества осуществлена с целью взаимного увеличения охвата целевой аудитории обоих проектов, позволяя привлекать интерес игроков к телешоу и обращать зрителей телешоу на видеоигру. Данные специальные версии представляют собой сокращённые варианты этой передачи – выполненные в геймифицированном виде, где отдельные события оригинальных выпусков телешоу представлены в виде компьютерной гоночной игры «The Grand Tour Game», сопровождаемой звуковой дорожкой с голосами троих соведущих взятой из оригинального видеоматериала (в этом случае интересующий нас **блок коммуникативно-речевого взаимодействия** естественным образом сокращается, причём лишь по усмотрению создателей игровых вариантов телешоу, что может носить выражено субъективный характер).

Название рассматриваемого телешоу The Grand Tour (рус. «Большое путешествие») – в русскоязычной аудитории обычно употребляется без перевода – в транслитерированном виде с опущением артикля: «Гранд Тур» – британское автомобильное телешоу, созданное бывшими участниками телевизионного шоу Top Gear.

Это телешоу осенью 2016 года было представлено организовавшими его тремя ведущими: Jeremy Clarkson (Джереми Кларксоном), Richard Hammond (Ричардом Хаммондом) и James May (Джеймсом Мэйем), – которым уже приходилось совместно вести аналогичную программу – телевизионное шоу «Top Gear» (дословно: рус. Высшая Передача; в русскоязычной аудитории обычно употребляется без перевода – в транслитерированном виде: «Топ Гир»); однако весной 2015 года все трое ушли из этого проекта из-за конфликта с продюсером. Телешоу в его обновлённом варианте значительно расширило аудиторию: с ноября 2016 года его отдельные эпизоды стали еженедельно выходить на сервисе Amazon Video не только в Великобритании, но и в США, Германии, Австрии и Японии. Мировая премьера первого сезона телевизионного шоу «The Grand Tour» состоялась 14 декабря 2016 года.

Совместное участие в организации телешоу трёх личностей, каждая из которых является довольно известным телеведущим, позволяет предположить, что все трое и в собственно реализации проекта будут принимать непосредственное участие. Просмотр выпусков телешоу «The Grand Tour» подтверждает это предположение: в проведении программы участвуют трое ведущих, которые в процессе разворачивающегося общения наделяются различными коммуникативными ролями, могущими к тому же изменяться и/или трансформироваться в ходе протекающего коммуникативно-речевого взаимодействия.

Высказывания ведущих телешоу облакаются в различные формы речи, чередующиеся друг с другом в процессе развёртывания коммуникативного

взаимодействия. Это, во-первых, *полилог* – «обмен репликами между тремя и более говорящими, форма непринуждённой разговорной речи. Термин возник наряду с термином «диалог» и в определённых случаях совпадает с ним по значению. Как и для диалога, для полилога характерна смысловая и композиционная связанность реплик» [1, с. 454].

Приведём примеры оформления речевого взаимодействия ведущих телешоу «The Grand Tour» как *полилога*, наблюдающегося на некоторых участках реализуемого проекта:

1)«Jeremy Clarkson:

– *A mini Ferrari as cute as a bunny rabbit with the greatest badge in the history of motion.*

James May:

– *How much is it?*

Jeremy Clarkson:

– *You know perfectly well how much it is.*

Richard Hammond:

– *Yeah, we've forgotten.*

Jeremy Clarkson:

– *It... Money is vulgar. You can't put a price on something as exquisite as that.*

James May:

– *Yeah, but Alpha Romeo did put a price on it, didn't they? What was it?*

Jeremy Clarkson:

– *Sixty thousand pounds.*

James May:

– *Whoa!*

Richard Hammond:

– *No way!»* (выделено мною. – И.С.) [8].

2)«Richard Hammond:

– *How do you know it's light? Every time Alfa say how much it weights they give a different figure.*

Jeremy Clarkson:

– *When Picasso had finished one of his paintings he didn't say: «Oh, I wonder how much that weights».*

James May:

– *Yeah, but you need to know the weight of an Alfa for when you resell it, because you buy scrap cars by weight»* (выделено мною. – И.С.) [8].

В первом из приведённых фрагментов очевидна приоритетная роль Дж. Кларксона, реплики которого более задают тональность общения – не принуждённо-разговорную, вероятно, рассчитанную на бóльшую вовлечённость в осуществляемый процесс аудитории, что обуславливает ведущую роль *воздействующей* функции на этих участках проведения программы (элемент информативности, необходимый для любого коммуникативно-речевого процесса, предполагающего в том числе и познавательный эффект, при этом безусловно сохраняется).

Это подтверждается и бóльшим объёмом его реплик, и характером речевых средств, которыми эти реплики наполнены. Это прежде всего стилистически маркированная и/или оценочная лексика (характеристика лексических единиц, включённых в реплики участников полилога, приводится в соответствии с онлайн

версией одного из самых популярных и достоверных словарей – англо-русского словаря Мюллера [7]): такие единицы, как, например, *cute* ('милый'), *bunny* ('крольчонок'), *greatest* ('величайший'), изначально содержащие позитивные эмоционально-оценочные коннотации.

Дополнительную экспрессивность функционирующим в речи Дж. Кларксона единицам придаёт то, что они используются для выражения его собственного позитивного мнения об обсуждаемой модели, т. е. *метафорически*. Этому же способствуют и другие приёмы, которые наблюдаются в речи ведущего: сравнение характеризуемого автомобиля, *Alfa (Alfa Romeo)*, с *mini Ferrari* ('мини Феррари') и т. п. Образность и оценочность присущи практически всем репликам Дж. Кларксона в анализируемом фрагменте: выражение *perfectly well* ('прекрасно'), обладающее позитивной коннотацией, употреблено им для ухода от ответа на вопрос Дж. Мэя о реальной стоимости автомобиля (при этом подразумевается, что последний прекрасно знает, какова реальная стоимость автомобиля); определение *vulgar* ('вульгарный'), как правило, используемое для негативной характеристики чего-либо, употреблено в данном случае для своего рода «затушёвывания» информации о чрезвычайно высокой стоимости о представляемом автомобиле *Money is vulgar* ('Деньги это вульгарно') с одновременным акцентированием его превосходным, по мнению Дж. Кларксона, качеств. Эти качества в данном случае характеризуются говорящим определением *exquisite* ('изысканный') – единицей языка с явно положительным коннотативным элементом; тем самым он выражает и своё отношение к представляемой модели, новой *Alfa*, которая, судя по всему, вызывает у него восхищение (во всяком случае, именно это он старается внушить аудитории).

Образность и оценочность отсутствуют лишь в последней реплике Дж. Кларксона, которая содержит только информацию о стоимости представляемого автомобиля, без сопровождения её какими бы то ни было комментариями: *sixty thousand pounds* (рус. 'шестьдесят тысяч фунтов').

В высказываниях двух других участников полилога, Р. Хаммонда и Дж. Мэя, в отличие от речи Дж. Кларксона, преобладает *информативная* функция: большинство их реплик, содержащих нейтральные речевые единицы, направлены на уточнение информации, сообщаемой их соведущим: *How much is it?* (рус. 'Сколько это стоит?') и т. п. Эмоционально-оценочными являются лишь их заключительные реплики, представляющие собой реакции на озвученную Кларксоном цену обсуждаемого автомобиля: *Whoa!* (рус. 'Ого!'); *No way!* (рус. 'не может быть!').

Во втором из приведённых фрагментов полилога роли его участников распределены иначе – они практически равноправные собеседники, высказывания которых в принципе равны по объёму, но и имеют ряд отличий в смысловом наполнении и, соответственно, в степени проявления в них информативной и воздействующей функций. Так, в реплике Р. Хаммонда, начинающей фрагмент полилога, превалирует информативная функция: он информирует зрителей о предстоящем уточнении технических характеристик нового спорткара от *Alfa* (подразумевается *Alfa Romeo*), акцентируя внимание на таком параметре, как вес; при этом заостряется внимание аудитории на том, что производитель в разных презентациях автомобиля указывает разные данные. Преобладанию в высказывании информативной функции соответствует речевое оформление заключённого в нём содержания, в котором использованы преимущественно общеупотребительные речевые средства, а образные и оценочные отсутствуют.

В ответной реплике, принадлежащей Дж. Кларксону, напротив, преобладает воздействующая функция, которая обуславливает присутствие в его речи образно-оценочных речевых средств. Этот телеведущий сравнивает новый автомобиль от *Alfa* с произведением искусства – картиной кисти Пикассо (*When Picasso had finished one of his paintings...*), подчёркивая самым совершенством исполнения представляемого (а по сути – рекламируемого) автомобиля. При этом вторая часть высказывания этого коммуниканта является непосредственной реакцией на произнесённое перед этим Р. Хаммондом – в ней выражается своего рода осуждение высказанной коллегой оценкой технических характеристик автомобиля: ... *he didn't say: «Oh, I wonder how much that weights»* (рус. Он не говорил: интересно, сколько он весит). Впрочем, приём такого характера – якобы несовпадение позиций ведущих, выясняющееся в ходе развёртывания программы – вполне может быть именно *приёмом*, используемым для актуализации зрительского внимания (прибегнуть к нему возможно как по предварительной договорённости ведущих, так и экспромтом, ориентируясь на реакцию аудитории в процессе проведения программы).

В завершающей второй из фрагментов полилога реплике Дж. Мэя, комментирующего ранее сказанное собеседниками, в большей степени присутствует воздействующая функция, поскольку он высказывает (что также может быть *намеренно* используемым приёмом) собственное отношение к тому, как в принципе представляется автомобиль в проводимом шоу, не соглашаясь с некоторыми чертами в манере его презентации. Так, в частности, Дж. Мэй указывает коллегам-ведущим на целесообразность всегда знать вес автомобилей *Alfa*, что является необходимым условием при последующей неминуемой продаже (... *for when you resell it* (рус. для перепродажи) и в случае утилизации транспортного средства: ...*because you buy scrap cars by weight* (рус. Потому что битые машины покупают на вес).

В процессе развёртывания шоу довольно существенная роль отводится и *собственно диалогическим* участкам коммуникативно-речевого взаимодействия. Несколько наиболее показательных из такого рода фрагментов приводится далее.

1) Jeremy Clarkson:

- *Let's be honest, it's a **flap**.*

James May:

- *It's **not** a flap.*

Jeremy Clarkson:

- *It is a **flap**! A BMW's saying that in the future children will only be **3 inches wide**.*

James May:

- *What are you talking about? Well, for start, it's **hardly** a hardship and that's an **enormous** space!* (выделено мною. – И. С.) [8].

2) Jeremy Clarkson:

- ***The internal organs** from a Land Rover Discovery mated to the **beautiful skin a glamorous Mercedes SL**, to create a vision of a pure... what's the word?..*

Richard Hammond:

- ***Rubbish!***

Jeremy Clarkson:

- *We'd only gone a few miles before Richard and James **completely changed their minds** and realized that the **Excellent** was **the best car they'd ever been in**.*

Richard Hammond:

- *No, we haven't! Stop saying things **in voiceover** that aren't true!*

Jeremy Clarkson:

- *Is it not? I thought you changed your mind...*

Richard Hammond:

- *No. **Maybe a bit** – it's worse than I thought.* (выделено мною. – И.С.) [8].

В первом из приведённых диалогических фрагментов (коммуниканты – Дж. Кларксон и Дж. Мэй) реплики обоих участников коммуникации примерно равны как по объёму, так и по свойственным им функциям, которые определяются в том числе и характером наполнения их лексическими средствами. Так, судя по контексту, номинация *flap* (отмеченные словарём значения: ‘створка’, ‘заслонка’, ‘откидная дверца’) употреблена в данном случае в одном из присущих ей стилистически ограниченных значений – *разговорно-просторечном*: сокращённый вариант названия широко распространённого на Западе приспособления в автомобиле – *cat flap* (‘кошачья дверца’). Использование этого семантического варианта лексической единицы при характеристике модели автомобиля, явно претендующей на повышенную комфортность, конечно же, выражает пренебрежительное отношение к ней Дж. Кларксона, который сравнивает габариты заднего дверного проёма малогабаритного смарткара BMW с «кошачьей дверцей». В ходе дальнейшего ведения диалога Дж. Кларксон вводит в свою речь ещё одно, довольно весомое с точки зрения содержащейся в нём оценки, выражение: *in the future children will only be 3 inches wide*, содержащей контекстуальную литота *3 inches wide* (‘3 дюйма в ширину’), способствующей более экспрессивному воплощению его позиции (причём в данном случае, как представляется, это адресовано не столько собеседнику, сколько аудитории телешоу).

Ответные реплики Дж. Мэя в анализируемом диалогическом фрагменте в большей степени ориентированы на нейтральность, хотя некоторые оценочные лексические средства (не столь экспрессивные, как у собеседника) в них всё же присутствуют: *hardly* (‘едва ли’), *enormous* (‘огромный’). Дж. Мэй не соглашается с теми оценками, которые даёт рассматриваемой модели автомобиля BMW его собеседник, но выражает это несогласие в более умеренном ключе – ср., например, как он не соглашается с оценкой габаритов заднего дверного проёма, которая с повышенной экспрессией дана его собеседником (‘кошачья дверца’): – *It's not a flap* (рус. Это не кошачья дверца).

Во втором из приведённых фрагментов диалогической речи ведущих (участники – Дж. Кларксон и Р. Хаммонд) наблюдается несколько иная тональность общения: установка на *экспрессивно-оценочное* выражение своей позиции ощущается у обоих коммуникантов, следствие чего является приоритетность воздействующей функции в сообщаемой ими информации.

При этом реплики Дж. Кларксона отличаются большей развёрнутостью, в результате чего используемые им оценочные лексические средства, безусловно, выполняют свойственные им характерологическую функцию, однако степень эффекта от их использования (прежде всего – в аспекте реализации воздействующей функции) может быть условно обозначена как *умеренная*. При этом степень оценки, выражаемая большинством этих лексических средств, вполне соответствует параметрам нормативной литературной речи, где эти средства используются весьма активно: *beautiful* (‘красивый’), *completely* (‘целиком’), *best* (‘лучший’) и под. Наиболее выразительной оценочной единицей в первой реплике этого коммуниканта является слово *glamorous*, имеющее значение ‘шикарный’, употреблённое для характеристики одной из моделей автомобиля: *glamorous Mercedes SL*. Не менее экспрессивна и номинация *Excellent* (‘превосходный’) в ещё одной из развёрнутых реплик

Дж. Кларксона, которая употребляется для оценки качества (отличного, с его точки зрения) собранного (по крайней мере по заверениям Дж. Кларксона, действительных кадров сборки зрителям не предоставляли) им самостоятельно автомобиля.

Реплики Дж. Мэя в анализируемом диалогическом фрагменте в целом куда более лаконичны, однако не менее (а иногда – и явно более) экспрессивны, о чём, в частности, свидетельствует то, что из 5 принадлежащих этому коммуниканту фраз 3 являются восклицательными конструкциями. Эта экспрессивность создаётся и использованием соответствующей лексики – так, например, первая из реплик-реакций на сказанное Дж. Кларксоном представляет собой одно слово-предложение: *rubbish* (дословно ‘мусор’; слово употреблено в переносном значении, что усиливает содержащийся в нём оценочный компонент), обладающему, в данном контексте, негативной коннотацией, в значении ‘*of poor quality*’ (рус. ‘плохого качества’). Заслуживает внимания ещё одно выражение в речи Дж. Мэя, используемое в явно переносном значении, что также способствует формированию в нём оценочного компонента: *Stop saying things in voiceover that aren't true!* (*voiceover* – ‘голос за кадром’). Помимо этого, в речи Дж. Мэя присутствует довольно много разного рода речевых единиц со значением отрицания довольно (*no, haven't, aren't* и т. п.), при помощи которых выражается его несогласие (возможно, намеренно подчёркиваемое для своеобразной «драматизации» телешоу, для придания ему большей «остроты», что вполне допустимо в данной ситуации как один из приёмов) с позицией собеседника.

Таким образом, проведённый анализ (безусловно, не исчерпывающий, а лишь фрагментарный) композиционно-речевого оформления одной из разновидностей познавательно-развлекательного дискурса – телешоу «автомобильной» тематики – свидетельствует о том, что высказывания, принадлежащие трём его соведущим, практически в равной степени ориентированы на реализацию двух функций: познавательной (информативной) и воздействующей, что предполагается спецификой данной жанровой дискурсивной формы. В настоящей публикации исследовательское внимание было сосредоточено на некоторых фрагментах полилога и диалога, в которых участвовали все – трое – соведущих. В результате было установлено, что оценочная семантика – один из ключевых компонентов, которыми, как правило, сопровождается реализация в процессе коммуникативно-речевого взаимодействия воздействующей функции, в большей степени выражена при диалогической организации общения. Это можно объяснить рядом разного рода факторов, среди которых:

- установка на разговорность, из выделяемых форм речи присущая диалогу в наибольшей степени, что проявляется на всех уровнях текста, не искажая при этом основного содержания передаваемой информации (например – реагирование на сказанное односоставными и /или неполными предложениями, в том числе и однословными, характерными для непринуждённо-разговорного общения);

- более динамичная реакция на произносимые собеседником реплики (второй участник коммуникации ориентируется лишь на одного собеседника, что позволяет ему быстрее реагировать на сказанное им);

- как следствие отмеченного предыдущего параметра – сосредоточенность на одном, а не на двух или нескольких собеседниках, т. е. более внимательное отношение ко всем компонентам его коммуникативно-речевых проявлений, включая невербальные средства общения, что также создаёт возможность более быстрого и экспрессивно определённого реагирования на получаемую информацию.

В коммуникативно-речевом взаимодействии рассматриваемого телешоу включены и фрагменты, заключённые в композиционно-речевые формы, отличные от

рассмотренных – в частности, монологические и комбинированные (включающие, в том числе, и креолизованные тексты, которые также представляют исследовательский интерес. Помимо этого, небезынтересным и перспективным для исследования – с учётом возрастающего в настоящее время спроса на геймификацию коммуникации – представляется интеграция элементов видеоигры непосредственно в ход телевизионного шоу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дускаева Л.Р. Полилог. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / Л.Р. Дускаева; под ред. А.П. Сквородникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – 881 с.
2. Карасик В.И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус / В.И. Карасик // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2015. – № 1 (96). – С. 73–77.
3. Карасик В.И. Языковое проявление личности / В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2014. – 249 с.
4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 113 с.
5. Логинова И.Ю. Персуазивность как механизм воздействия в политическом дискурсе: программа политической партии и манифест : сб. науч. статей: Интерпретация. Понимание. Перевод / И.Ю. Логинова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2005. – С. 240–248.
6. Ларина Е.Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е.Г. Ларина. – Волгоград, 2004. – 24 с.
7. Плехов А.Н. Психологические условия развития вторичной языковой личности преподавателя-лингвиста: автореф. дисс. ... канд. психол. наук / А.Н. Плехов. – Н. Новгород, 2007. – 210 с.
8. Сергеев В.М. Некоторые подходы к анализу языка политики / В.М. Сергеев. – М.: Политические исследования. – 2001. - № 5 – С. 107–108.
9. Тичер С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер – Харьков: Гуманитарный центр, 2008. – С. 44.
10. Хорольский В.В. Неологизмы в современной англоязычной публицистике и их стилистические функции / В.В. Хорольский / Неродные языки в учебных заведениях: Мат. науч. конф. – Вып. 5. – Воронеж, 2000. – С. 143–145.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Мюллер В.К. Англо-русский словарь / В.К. Мюллер. – М.: Советская энциклопедия, 1969 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eng-rus-muller-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 19.03.2024).
12. The Grand Tour. Официальный YouTube-канал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/@thegrandtour> (дата обращения: 10.02.2024).

REFERENCES

1. Duskaeva, L.R. (2014). Polilog. Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetencii) : slovar'-spravochnik [Effective speech communication (basic competencies) : a reference dictionary]. In A.P. Skovorodnikov (Ed.), Siberian Federal University, Krasnoyarsk. (In Russian)
2. Karasik, V.I. (2015). Interpretaciya diskursa: topik, format, modus [Interpretation of discourse: topic, format, mode] (pp. 73–77). Volgograd: Filologicheskie nauki. (In Russian)
3. Karasik, V.I. (2014). Yazykovoe proyavlenie lichnosti [Linguistic manifestation of personality]. Volgograd: Paradigma. (In Russian)
4. Krasnyh, V.V. (2003). «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? [«At Home» Among «Strangers» : myth or reality?]. Moscow: Gnozis. (In Russian)
5. Loginova, I.Y. (2005). Persuazivnost' kak mekhanizm vozdejstviya v politicheskom diskurse: programma politicheskoy partii i manifest [Persistence as a mechanism of influence in political discourse: the program of a political party and manifesto]. Journal of St. Petersburg State University of Economics, 240-248. (In Russian)
6. Larina, E.G. (2004). Lingvopragmaticheskie osobennosti tok-shou kak zhanra televizionnogo diskursa [Linguistic and pragmatic features of talk shows as a genre of television discourse] (Candidate dissertation). Volgograd State University, Volgograd. (In Russian)

7. Plekhov, A.N. (2007). Psihologicheskie usloviya razvitiya vtorichnoj yazykovoj lichnosti prepodavatelya-lingvista [Psychological conditions for the development of a secondary linguistic personality of a linguist teacher] (Candidate dissertation), 240–248. Nizhniy Novgorod. (In Russian)
8. Sergeev, V.M. (2001). Nekotorye podhody k analizu yazyka politiki [Some approaches to the analysis of the language of politics]. Moscow: Journal Politicheskie issledovaniya, 5, pp. 107–108. (In Russian)
9. Ticher, S. (2008). Metody analiza teksta i diskursa [Methods of text and discourse analysis]. Kharkov: Gumanitarniy centr. (In Russian)
10. Horol'skiy, V.V. (2000) Neologizmy v sovremennoj angloyazychnoj publicistike i ih stilisticheskie funkcii [Neologisms in modern English-language journalism and their stylistic functions]. Voronezh: Matematicheskaya nauchnaya konferenciya, 5, pp. 143–145. (In Russian)

Поступила в редакцию 17.04.2024 г.

ON PECULIARITIES OF COMMUNICATIVE-SPEECH INTERACTION OF HOSTS IN TELEVISION SHOW “THE GRAND TOUR”

I.V. Skokov

The article addresses the genre varieties of cognitive and entertainment media discourse. It deals with features of a television show, which has become quite widespread as a discourse practice in recent decades. The research focus is made on the originality of the communicative and verbal interaction of the three co-hosts of the TV show "The Grand Tour", i.e. a program in which, in the process of constant contact with the audience, the advantages and disadvantages of car models appearing on the market are discussed. The analysis of fragments of polylogical and dialogical compositional speech forms as components of unfolding communication enables us to conclude that they implement both main functions inherent in this type of media discourse, i.e. a cognitive (informative) function and influencing. At the same time, the influencing function is more pronounced in the dialogical areas of communicative-speech interaction, which is due to a more dynamic change of their constituent replicas, as well as the concentration of each of the communicants on one (rather than several) participant in communication. For comprehensive understanding of the discourse of media uniqueness, it is also necessary to analyze its other components, monological and creolized fragments in particular, which determines the prospects for further research.

Key words: discourse of media, TV show, communicative-speech interaction, co-hosts, polylogue, dialogue, influencing function, informative function.

Скоков Илья Владимирович.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского.

Преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и иностранных языков.

ORCID: 0009-0001-9993-9952

E-mail: jaguar_lg@mail.ru

Skokov Ilya Vladimirovich.

Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky.

Lecturer at Department of Intercultural Communication and Foreign Languages.

ORCID: 0009-0001-9993-9952

E-mail: jaguar_lg@mail.ru

Научная статья
УДК 81'371 + 81.161.1'37
DOI: 10.5281/zenodo.12572965

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ЗАГОЛОВКАХ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

© 2024 Цзян Линьлинь

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
ORCID 0009-0006-0340-4133.

Языковая игра представляет собой речевое поведение говорящего, основанное на системных отношениях и словесных нормах, но намеренно отклоняющееся от традиционных норм, чем вызывает особо яркий выразительный эффект. В работе рассматриваются способы и средства языковой игры, активно используемые газетой «Комсомольская правда» в заголовках. Средствами языковой игры в заголовках являются полисемия, рифмовка, использование фразеологизмов, пословиц и прецедентных фраз, фильмонимы, библионимы и цитаты из песен, фильмов и пр. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения способов и средств языковой игры в СМИ. В настоящее время использование языковой игры в заголовках российских СМИ становится все более регулярным, она превращается в одно из главных средств воздействия на читателя. При этом некоторые газеты строят большинство заголовков на основе языковой игры, в результате возникает эффект перенасыщения, избытка этого средства языкового воздействия, что приводит к ослаблению читательского восприятия.

Ключевые слова: языковая игра, заголовок, многозначность, рифмовка, фразеологизм, СМИ.

Для цитирования: Цзян Линьлинь. Языковая игра в заголовках газеты «Комсомольская правда» / Линьлинь Цзян // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № X. – С. 209–218. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12572965>.

Введение. Язык находится в постоянном движении, изменения затрагивают его лексико-семантический ярус, отражаются на деривационных процессах, в стилистической системе, затрагивают фразеологию, грамматические характеристики номинативных и коммуникативных единиц. Одним из источников этих изменений является языковая игра, отражающая лингвокреативную деятельность носителей языка [1; 13]. Особо часто к языковой игре прибегают те, для кого использование языка является профессиональной потребностью: писатели, журналисты, филологи, отчасти политики и др.

Для журналистов важным является отклик читателей на их публикации, поэтому они стремятся привлечь их внимание броским заголовком, необычными словами и конструкциями в нём. В наибольшей степени эта цель достигается с помощью языковой игры при выборе названия текста.

Речевое поведение говорящего во время языковой игры основано на намеренных нарушениях системных отношений и словесных норм языка, на создании языковой формы, которая отклоняется от традиционных норм, но при этом получает выразительный эффект [14, с. 657].

В настоящее время наш мир вошёл в век информации, СМИ активно проникает в жизнь людей. Язык СМИ начал доминировать, он воздействует на другие сферы речевой деятельности. Чтобы привлечь читателей, газета выбирает языковые средства, которые нравятся носителям языка. Языковая игра в заголовках газет делает их привлекательными, заставляет читателя обратить внимание на текст.

В заголовках современных российских СМИ существуют различные средства создания языковой игры. Одни из них нацелены на эстетическое чувство читателя, для чего подбираются слова и фразеологизмы с семантикой позитивности [15] и положительными коннотациями, полисеманты, раскрывающие одно из своих значений в названии и другое в содержании, рифмованные конструкции как «средство усиления экспрессии» [5, с. 152] и пр. Другие обращаются к интеллекту читателя, стремясь обратить его внимание на прецедентные тексты, знакомые имена, топонимы, названия объектов и др. Третьи вызывают к чувству юмора читающего газету, к его смеховой культуре, отражающей «специфическое инобытие языковой рефлексии в интуитивном экзистенциальном поле языка» [3, с. 8]. В некоторых случаях могут сочетаться разные способы привлечения внимания читателя: прецедентность дополняется рифмовкой. Возможно также «обманутое ожидание», которое также рассматривается как языковая игра [8], однако в газетном тексте заголовков может настолько не соответствовать содержанию статьи, что способен вызвать чувство разочарования у читателя.

Проанализируем заголовки газеты «Комсомольская правда» и рассмотрим способы и средства языковой игры в них.

1. Многозначность слова и его валентность.

Многозначность слова является основой лексических средств языковой игры. Возникает каламбурный эффект с использованием полисемии, что повышает экспрессивность текста. Многозначность слова включает два аспекта: многозначность языка и многозначность речи [1, с. 18]. В заголовках «Комсомольской правды» используется многозначность речи.

① «Мигрантская доля» (КП. 2023, 6 октября, с. 5).

Слово *доля* в русском языке многозначно: '1) часть целого; 2) участь, судьба' [12/1, с. 425]. Первое значение обычно требует сочетания с числительным в препозиции или с существительным в родительном падеже в постпозиции: *три доли, доля секунды, доля рынка* и пр. Второе значение реализуется при сочетании с прилагательными в препозиции: *женская доля, счастливая доля, горькая доля*. При первичном прочтении заголовка читатель может подумать, что речь идёт о судьбе мигрантов, на это нацеливает и прилагательное *мигрантский*. Однако в самом тексте говорится о количестве, процентах присутствия мигрантов в разных регионах России.

② «Загибающийся экран» (КП. 2023, 6 октября, с. 13).

Глагол *загибаться* является формой несовершенного вида от *загнуть*, который употребляется в значениях 'изогнуться' и 'умереть' (*груб. прост.*) [12/1, с. 509]. Поскольку слово *экран* имеет основные значения '1) передвижной щит; 2) устройство для показа изображения' [12/4, с. 750], в которых нет семантики изгиба, при первом прочтении заголовка может возникнуть мысль, что экран имеет плохое качество, что он не удовлетворяет запросам потребителей, поэтому перестаёт использоваться, исчезает из употребления. На восприятие слова оказывает семантика однокоренного глагола *гибнуть* 'подвергаться уничтожению, полному разрушению' [12/2, с. 308]. Однако в тексте говорится о способности экрана сгибаться.

③ «Свидание с детьми» (КП. 2023, 6 октября, с. 16).

В данном случае языковая игра строится не столько на семантике слова, сколько на его валентности. Лексема *свидание* имеет значение 'встреча, обычно условленная, двух или нескольких лиц' [12/4, с. 48]. Существительное употребляется в конструкции с предлогом *с* и творительным падежом объекта свидания: *свидание с отцом, свидание с коллегой, свидание с родными*. При прочтении заголовка читатель подумает, что речь идёт о встрече родителей со своими детьми. Однако в тексте говорится о людях,

которые приходят на свидание к потенциальным жениху или невесте со своими детьми, чтобы заранее определить отношение к ним будущего партнёра. Объект встречи в заголовке не указывается.

④ «Мурзик **преклонного** возраста» (КП. 2024, 21 мая, с. 22).

Прилагательное *преклонный* ‘приближающийся к глубокой старости (о возрасте)’ [12/3, с. 377] имеет ограниченную сочетаемость: *преклонный возраст, преклонные годы, лета*. Оно употребляется по отношению к человеку. Интересно, что это прилагательное было использовано при характеристике периодов старости по документам Всемирной организации здравоохранения: 60–75 лет – пожилой возраст, ранняя старость; 75–90 лет – *преклонный* возраст, поздняя старость; старше 90 лет – старческий возраст, долгожительство. В тексте речь идёт о кошках, которые обозначены в заголовке типичной кличкой *Мурзик*. В статье рассказывается о том, среди каких пород кошек больше всего долгожителей.

2. Рифмовка.

Рифмовка заключается в том, чтобы построить одинаковые или похожие слоги в названии и тем самым сделать его запоминающимся, аттрактивным, красивым. За счёт рифмы заголовков читается легко, его ритм гармоничен и компактен, это улучшает качество языка и приносит читателям эстетическое наслаждение [16, с. 31].

⑤ «Не **пулю**, а **дулю**» (КП. 2023, 6 октября, с. 10).

Заглавие строится на рифмовке слов *пуля – дуля*, но одновременно в сознании читателя возникает ассоциация с прецедентным текстом «Пуля – дура, штык – молодец», который впервые сказал знаменитый русский полководец А. В. Суворов в книге «Наука побеждать» в 1806 году. Следовательно, здесь дополнительным фактором привлечения внимания читателя является прецедентный текст. Ю. Кристева считала, что текст представляет собой постоянное взаимопересечение других текстов [10, с. 46]. Е. А. Баженова под интертекстуальностью понимает «текстовую категорию, отражающую соотносительность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [14, с. 104]. Интертекстуальность предполагает включение «текста в тексте» и нацелена на создание новых ассоциаций при восприятии текста [11, с. 8]. Прецедентные тексты часто используются в рекламе. Они апеллируют к когнитивной базе адресата и нацелены на порождение тех ассоциаций в его сознании, которые необходимы составителям рекламных текстов. В данном случае автор статьи воспользовался рекламной функцией заголовка, стремясь привлечь внимание читателя к своей статье. Этой цели служит и использование просторечного слова *дуля* ‘кукиш, шиш’ [12/2, с. 452].

⑥ «**Питон** за **миллион**, **матыматы** и разноцветные **зублефары**» (КП. 2023, 6 октября, с. 15).

В этом заголовке содержится явная рифма *питон – миллион*. Вторая рифма *матыматы – зублефары* является приблизительной. «В таких приблизительных рифмах мы имеем дело с небольшими отклонениями, или вовсе не доходящими до сознания говорящего, или даже заметными, но узаконенными поэтической традицией, как вольности в рифме» [9, с. 129–130]. В заголовке создаётся определённый ритм.

① «**Окружен...** десятком **жен**» (КП. Волгоград. Еженедельник. 2024, 1 мая, с. 17).

Заглавие строится на рифмовке слов *окружён – жён*. В тексте речь идет о том, что многие правители африканских государств – многоженцы. Среди них – президент Уганды Иди Амин (семь жен), лидер Эсватини Мсвати III (пятнадцать), президент

Сенагала Бассиру Диомай Фай (две) и президент ЮАР (восемь). Они являются обладателями самых настоящих гаремов. Заголовок соответствует содержанию статьи.

⑦ «Ешь строганину, хариус **жуй** – едет в Чемал не только **буржуй**» (КП. 2024, 21 мая, с. 15).

Заглавие строится на рифмовке слов *жуй* – *буржуй*, но одновременно в сознании читателя возникает ассоциация с прецедентным текстом из стихотворения русского советского поэта Владимира Маяковского, написанного в 1917 году: *Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй*. Содержание стихотворения продиктовано временем его создания: последними месяцами перед Октябрьской революцией. Лирический герой предрекает представителям русской буржуазии скорую гибель. В качестве признака, маркирующего людей этого правящего класса, выступает дорогая еда, недоступная простым людям: *ананасы* и *рябчики*. В заголовке от стихотворного текста осталась только рифмовка, остальные единицы заменены. Меняется и общая тональность текста: дорогая еда *строганина* и *хариус* является доступной для обычного путешественника, отправляющегося на недельную поездку в Горный Алтай. Автор текста отмечает, что многие русские люди жалуется на то, что путешествие по стране обходится дорого, но он подчёркивает, что, если тратить бюджет разумно, такое путешествие будет по карману не только богатым людям. Цель публикации – показать читателям, что путешествовать и отдыхать во время отпуска можно и нужно, это доступно не только людям с большими деньгами. Заголовок соответствует содержанию статьи.

3. Фразеологизмы, пословицы и прецедентные фразы.

Фразеологизм – это устойчивое словосочетание, оборот речи, выражение, значение которого не складывается из значений входящих в него слов [12/4, с. 582]. Они являются продуктами исторической культуры. Большинство из них происходят из исторических аллюзий, народных историй или литературных произведений [17, с. 65]. Фразеологизмы содержат богатые национальные культурные коннотации, тем самым также являются хорошими фактическим материалом для языковой игры. В определённом смысле фразеологизмы и особенно поговорки можно считать главным аттрактивным средством в современной прессе. В заголовках современных российских СМИ автор обычно меняет первоначальную форму фразеологизма, чтобы достичь юмористического или ассоциативного эффекта и привлечь внимание читателей.

⑧ «Что за **бренд** вы **несёте?**» (КП. 2023, 6 октября, с. 4).

Глагол *нести* имеет в русском языке переносное значение ‘говорить что-л. вздорное, неразумное’ [12/2, с. 483]. Он сочетается с ограниченным числом существительных, одни из них фиксируются в составе фразеологизма с этим глаголом, другие считаются входящими в свободное сочетание с ним: *нести ахинею, белиберду, чепуху, ерунду, околесицу / околёсицу, галиматью, чушь, дичь, бред, вздор*. Заголовок строится на паронимической аттракции слов *бред* ‘бессвязная, бессмысленная речь’ и *бренд* ‘торговая марка, по которой покупатель узнаёт производителя данного товара’. В разговорной речи происходит метонимический перенос последнего слова на изделие, обычно одежду, которую люди *носят*. В тексте речь идёт о таких изделиях.

① «Зарплата – **на все сто!**» (КП. 2023, 6 октября, с. 5).

В заголовке использован фразеологизм *на все сто*, который возник из полного словосочетания *на сто процентов* и обозначает ‘полностью’ [12/3, с. 544]. Но в тексте говорится о зарплате в сто тысяч рублей, числительное используется в своём первичном значении.

⑨ «В конгрессе **дерутся**, а **чубы трещат** на Украине» (КП. 2023, 6 октября, с.

10).

⑩ Заголовок содержит преобразованную пословицу «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат». Эта поговорка содержит слова, апеллирующие к Украине: *паны, чубы*. Автор иронизирует над конгрессом США, рассказывая о Кевине Маккарти, который был уволен с должности спикера Палаты представителей.

11 «Ёлочка, не гори!» (КП. 2023, 6 октября, с. 14).

В России все знают прецедентный текст «Ёлочка, гори!»: эту фразу произносят дети на новогоднем празднике. Прецедентный текст дополняется отрицательной частицей *не*, которая является сигналом того, что в статье речь пойдёт не о традиционном детском празднике. Действительно, в тексте речь идёт не о новогодней ёлочке, а о предупреждении пожаров в лесу.

② «Без кота жизнь не та» (КП. 2023, 6 октября, с. 18).

Это известная фраза взята из текстов популярного сообщества любителей приколов с котиками в сети ВКонтакте. Группа была создана 10 ноября 2011 года. В 2012 году Ирина Дмитроченкова написала стихотворение «Без кота жизнь не та», которое стало популярным, повторяется в различных коммуникативных ситуациях. Заголовок содержит рифмовку *кота – не та*. Заголовок полностью повторяет библионим. Статья посвящена описанию жизни котов и их хозяев.

③ «Не хочешь – заставим» (КП. Волгоград. Еженедельник. 2024, 1 мая, с. 3).

Эта фраза является сокращением известного разговорного устойчивого выражения *Не можешь – научим, не хочешь – заставим*, которое имеет значение ‘ты должен это сделать, или тебя заставят’ [2, с. 106]. Вероятно, оно возникло в армейской среде: так командиры наставляли и до сих пор учат новобранцев. Известность фраза приобрела после популярного мультфильма «Крылья, ноги и хвосты» (режиссёры Игорь Ковалёв и Александр Татарский, автор сценария Альберт Иванов), в которой гриф, обучающий страуса летать, говорит ученику: *Не умел – научим, не хочешь – заставим*. Сокращённый вариант выражения использует С. Д. Довлатов в рассказе «Дорога в новую квартиру»: *Принцип: «Не хочешь – заставим!»* [7, с. 191]. Вероятно, использование писателем устойчивого выражения не связано с мультфильмом, поскольку рассказ был опубликован в США в 1987 году, следовательно, написан ранее, а фильм вышел на экраны в 1986 году. В тексте речь идет о том, что Россия повысила акцизы на вино с целью поддержать российских производителей вина. Смысл заголовка заключается в том, что покупателей *заставят* отказаться от иностранного вина из-за его значительного подорожания.

④ «Стрелять из пушек с Луны» (КП. Волгоград. Еженедельник. 2024, 1 мая, с. 18).

Заголовок содержит преобразованный фразеологизм *стрелять из пушек по воробьям*, который имеет значение ‘тратить много сил по пустякам’ [4]. В тексте речь идет об ученых, которые выдвигали оригинальные идеи для изменения климата на планете, но их идеи были слишком сложными и нереалистичными, для их реализации нужно было инвестировать много средств. В заголовке компонент *по воробьям* заменен на *с Луны*, поскольку среди этих идей самая шокирующая – для борьбы с глобальным потеплением нужно накрыть планету лунной пылью. Семантики исходного фразеологизма наделяет текст ироничным восприятием идеи, которое отражается в заголовке.

12 «Запрет – в студию!» (КП. 2024, 21 мая, с. 3).

Благодаря популярной передаче «Поле чудес» всем русским людям известна фраза «Приз – в студию!», которую в ней произносит постоянный ведущий Леонид

Аркадьевич Якубович. В тексте слово *приз* заменено на *запрет*, а во второй части фразы языковая игра строится на многозначности слова *студия*. В популярной фразе речь идёт о телевизионной студии: ‘специальное помещение, откуда производятся радио- или телевизионные передачи’ [12/4, с. 294]. В статье же речь идёт о небольшом жилом помещении, которое в разговорной речи получило наименование *студия*. Под этой лексемой понимается однокомнатная квартира, в которой комната и кухня не разделены стеной, а находятся в одном пространстве, иногда в него включается и прихожая. Жилплощадь обычно имеет небольшой метраж. Однако в Жилищном кодексе России нет понятия *студия*. Это значение отсутствует у данного слова в словарях. Между тем в Санитарных нормах и правилах указано, что площадь однокомнатной квартиры не может быть меньше 28 квадратных метров, а к 2030 году на россиянина должно приходиться не менее 33 квадратных метров. В соответствии с указом Президента РФ в Москве запретят строить квартиры меньше 28 квадратных метров. Заголовок выполняет свою аттрактивную функцию, читатель вспомнит популярную фразу, прочитает статью и узнает о новых правилах градостроительства.

13 «Май, труд, **спаржа!**» (КП. 2024, 21 мая, с. 19).

Заголовок содержит преобразованный лозунг *Мир, труд, май!*, который был популярным в советское время и до сих встречается в коммуникации во время празднования *Первого мая*, или *Первомай* – Праздника весны и труда. Впервые 1 мая 1886 года анархисты в США и Канаде провели ряд митингов и демонстраций. В Российской империи Первое мая как день международной солидарности трудящихся впервые отметили в 1890 году. С 1897 года маёвки стали носить политический характер и сопровождались массовыми демонстрациями. После Октябрьской революции 1917 года праздник в стране стал официальным, он получил название День международной солидарности трудящихся. В заголовок включено слово *спаржа* ‘травянистое огородное растение сем<ейства> лилейных, овощ, а также толстые белые подземные побеги его, идущие в пищу’ [12/4, с. 217]. В тексте домохозяйин Леонид Захаров делится необычным рецептом спаржи. Он считает, что *майская* спаржа – самая вкусная. Подразумевается, что для выращивания спаржи нужно будет *потрудиться*. Так все три компонента заголовка находят отражение в статье.

4. Названия популярных песен и фильмов и фразы из них.

Песни и фильмы являются незаменимой частью жизни людей. Они известны всем носителям языка, особенно классические фильмы и популярные песни. Фразы из них часто цитируются в различных текстах. Использование их в точном или преобразованном виде в заголовках современных российских СМИ повышает привлекательность текстов.

14 «Вот **бомба** прилетела – и ага» (КП. 2023, 6 октября, с. 6).

Это изменённый отрывок прецедентного текста песни из фильма «Служили два товарища»: «Вот пуля прилетела – и ага». Эту песню исполняет также современная популярная группа «Любэ». Журналист заменил слово *пуля* на *бомба*.

① «Запад, **дай миллиард!** Жене на брюлики» (КП. 2023, 6 октября, с. 7).

Это реминисценция фразы «Дай миллион, дай миллион, дай миллион!» из романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой телёнок» и одноименного фильма. В заголовке она приобретает сатирическое звучание: президент Украины попрошайничал в ООН, а его супруга в это время скупала драгоценности.

② «Укололся и забыл» (КП. 2023, 6 октября, с. 12).

Это реминисценция фразы «Укололи и – пошёл» из стихотворения С. Михалкова «Прививка». Композитор Михаил Матвеев положил эти слова на музыку, песня в

исполнении Большого детского хора Центрального телевидения и Всесоюзного радио стала популярной. Замена глагола *пошёл* на *забыл* апеллирует к людям, призывая их прививаться от гриппа, после чего они могут *забыть* о болезни, как и о самом уколе.

15 «**Ох, рано** глушить “Раснано”» (КП. 2023, 6 октября, с. 13).

Это реминисценция фразы из песни в мультфильме «Бременские музыканты»: *Ох, рано встаёт охрана*. В тексте речь идёт о российской компании «Роснано», известной своими непомерными денежными запросами у правительства. В тексте сохраняется рифмовка: *рано* – «Роснано», заменяя исходную рифму *рано* – *охрана*.

16 «**Лист** на грядки зачем-то **ложится**» (КП. 2023, 6 октября, с. 14).

Это реминисценция фразы из популярной песни Раймонда Паулса «Листья жёлтые над городом кружатся», русский текст – Игоря Шаферана. В тексте рассказывается о том, что в огородах слишком много упавших листьев. От исходного текста сохранились только слова *лист* и *ложится* (в обоих случаях происходит сингуляризация исходной формы).

③ «Ищите женщину и средний класс» (КП. Волгоград. Еженедельник. 2024, 1 мая, с. 2).

Заголовок содержит фильм-имени «Ищите женщину» – название советского двухсерийного детективного комедийного телефильма, снятого на киностудии «Мосфильм» в 1982 году режиссёром Аллой Суриковой по французской адаптации пьесы «Миссис Пайпер ведёт следствие» британского драматурга Джека Поплуэлла, выполненной Робером Тома и названной им «Попугайка и цыплёнок». Однако текст рассказывает о том, что даже если цена на импортное вино поднимется, многие российские женщины и средний класс все равно будут покупать, поскольку они привыкли к нему. Заголовок в целом соответствует содержанию текста, однако к фильм-имени никак не апеллирует.

④ «Все выше и выше, и выше» (КП. Волгоград. Еженедельник. 2024, 1 мая, с. 2).

Это фраза из популярной советской песни «Авиамарш» (более известна как «Марш авиаторов»), автор музыки – Ю. А. Хайт, автор текста – П. Д. Герман. Песня впервые прозвучала весной 1923 года. В песне поётся о том, что советский воздушный флот будет летать, как птица, всё выше и выше. Но в тексте статьи говорится о том, что цена вина постоянно повышается, вина становятся все дороже. Здесь наблюдается эффект обманутого ожидания: заголовок лишь косвенно соответствует содержанию статьи.

⑤ «Вождь краснокожих» (КП. Волгоград. Еженедельник. 2024, 1 мая, с. 4).

Библионим «Вождь краснокожих» относится к юмористическому рассказу-новелле американского писателя О. Генри, входящему в сборник «Коловращение», изданный в 1910 году. Это название позже стало фильм-имени – так называлась одна из трех частей кинокомедии «Деловые люди», снятой в 1962 году режиссёром Леонидом Гайдаем. В тексте рассказывается о том, что шифры, написанные Лениным в молодости, до сих пор не были декодированы. Вероятно, это были вовсе не шифры, а пометки, сделанные Лениным и его сестрой во время игры. Заголовок вызывает комический эффект, но почти никак не соотносится с текстом.

17 «**Жулики** бывают разные» (КП. 2024, 21 мая, с. 9).

Заголовок содержит преобразованное название песни «Девушки бывают разные», которую исполняла поп-группа «Отпетые мошенники», основанная в 1996 года в Санкт-Петербурге продюсером Евгением Орловым. Песня создана в 2000 году участниками группы: музыка Вячеслава Зинурова (Тома Хаоса), слова Андрея Репникова (DJ Rera). Заголовок апеллирует к названию песни, заменяя в нём слово

девушки на жулики ‘вор, занимающийся мелкими кражами’ [12/1, с. 488]. В статье рассказывается о том, что аферисты умудряются обманывать не только наивных пенсионеров, но и осторожных, финансово грамотных людей. Среди телефонных жуликов бывают разные типы, некоторые из них с обманутыми людьми общаются «из спортивного интереса», но в результате их собеседники обнаруживают себя в банке, берущими кредит, или у банкомата без денег. Заголовок в целом соответствует содержанию статьи.

⑥ «А на том берегу...» (КП. 2024, 21 мая, с. 14).

В качестве заголовка взята фраза из популярной песни «Берега», которую создал композитор Владимир Засухин на слова Юрия Рыбчинского. Популярной она стала в исполнении известного певца Александра Малинина. В песне поётся о любви, о жизненных коллизиях, происходящих с автором на разных берегах реки: «Между ними река, моей жизни течёт, / От рожденья течет и до тризны...». Но в статье слово *берег* утрачивает свои метафорические коннотации и используется в своём прямом значении ‘край земли у водной поверхности’ [12/1, с. 79]. В тексте речь идёт о том, что в ближайшие годы в столице появятся новые пешеходные мосты через Язу и Москву-реку. Откроются также дополнительные переправы для машин, в том числе через реки Битцу и Раменку. Заголовок привлекает внимание читателей, которые при чтении легко могут перестроиться от содержания текста песни к описанию жизни столицы.

Заключение. Языковая игра представляет собой речевое поведение говорящего, основанное на системных отношениях и словесных нормах, но намеренно отклоняющееся от традиционных норм, чем вызывает особо яркий выразительный эффект. В настоящее время использование языковой игры в заголовках российских СМИ становится все более регулярным, она превращается в одно из главных средств воздействия на читателя. При этом некоторые газеты строят большинство заголовков на основе языковой игры, в результате возникает эффект перенасыщения, избытка этого средства языкового воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амири Л. П. Языковая игра в российской и американской рекламе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л. П. Амири. Ростов-на-Дону, 2007. – 26 с.
2. Белянин В. П. Живая речь. Словарь разговорных выражений / В. П. Белянин, В. А. Бутенко. – Москва: ПАИМС, 1994. – 192 с.
3. Бондаренко А. В. Языковая онтология смеховой культуры: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / А. В. Бондаренко. Москва, 2009. – 40 с.
4. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / ред. В.Н. Телия. – Москва: АСТ – Пресс Книга, 2006. – 781 с.
5. Горелик Л. Л. Рифма и смысл: «смысловый фактор» и лексико-грамматическое строение рифмы (на материале фольклора и русской поэзии XIX–XX столетий): монография / Л. Л. Горелик. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2017. – 164 с.
6. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. – 216 с.
7. Довлатов С. Д. Заповедник и другие истории / С. Д. Довлатов. – Санкт-Петербург: Азбука, 2023. – 640 с.
8. Донгак С. Б. Языковая игра и обманутое ожидание / С. Б. Донгак// Критика и семиотика. – Вып. 3/4. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2001. – С. 78–84.
9. Жирмунский В. М. Рифма, её история и теория / В. М. Жирмунский. – Петроград: Academia, 1923. – 339 с. (Российский институт истории искусств. Вопросы поэтики. Вып. III).
10. Кристева Ю. Семиотика: исследования по семанализу / пер. с фр. Э.А. Орловой / Ю. Кристева. – Москва: Академический Проект, 2013. – 285 с.
11. Лукшик Л. Интертекстуальность в рекламном дискурсе (на материале рекламы ФРГ):

автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л. Лукшик. – Москва, 2012. – 24 с.

12. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.

13. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – Москва: Флинта; Наука, 2006. – 344 с.

14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 4-е изд., стер. – Москва: Флинта, 2019. – 696 с.

15. Чибисова А. В. Семантика позитивности и средства её выражения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Чибисова. – Москва, 2022. – 22 с.

16. 顾雪. 当代俄罗斯报刊中的语言游戏. – 黑龙江大学硕士论文, 2014: 54.

17. 姜建伟. 俄语熟语、成语界定之管见. – 大庆高等专科学校学报, 1996 (03): 65–67.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

18. КП. – 2023, 6 октября. – Комсомольская правда, 2023, 6 октября.

19. КП. – 2024, 21 мая. – Комсомольская правда, 2024, 21 мая.

20. КП. – Волгоград. Еженедельник, 2024, 1 мая. – Комсомольская правда, 2024, 1 мая.

REFERENCES

1. Amiri, L. P (2007). Yazykovaya igra v rossijskoj i amerikanskoj reklame: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Language Game in Russian and American advertising: abstract of dissertation. candidate of philological sciences]. Rostov-na-Donu. 26 p. (In Russian)

2. Belyanin, V. P., Butenko, V. A. (1994). Zhivaya rech`. Slovar` razgovornyx vy`razhenij [Live speech. Dictionary of colloquial expressions]. Moskva: PAIMS. 192 p. (In Russian)

3. Bondarenko, A. V. (2009). Yazykovaya ontologiya smexovoj kul`туры: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk [Language ontology of funny culture: abstract of the dissertation of the Doctor of Philological Sciences]. Moskva. 40 p. (In Russian)

4. BFSRYa (2006) – Bol`shoj frazeologicheskij slovar` russkogo yazyka: znachenie, upotreblenie, kul'turologicheskij kommentarij / red. V. N. Teliya [A Large Phraseological Dictionary of the Russian Language: meaning, usage, cultural commentary / ed. V. N. Telia]. Moskva: AST – Press Kniga. 781 p. (In Russian)

5. Chibisova, A. V. (2022). Semantika pozitivnosti i sredstva eyo vyrazheniya v sovremennom russskom yazyke: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The semantics of the positiveness and means of its expression in the modern Russian language: abstract of dissertation. candidate of philological sciences]. Moskva, 22 p. (In Russian)

6. Dongak, S. B. (2001). Yazykovaya igra i obmanutoe ozhidanie [Language game and deceived expectation] // Kritika i semiotika [Criticism and Semiotics]. Vyp. 3/4. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. gos. un-ta, 78–84. (In Russian)

7. Dovlatov, S. D. (2023). Zapovednik i drugie istorii [Nature Reserve and other stories] / S. D. Dovlatov. – Sankt-Peterburg: Azbuka. – 640 s. (In Russian)

8. Gorelik, L. L. (2017). Rifma i smy`sl: «smy`slovoj faktor» i leksiko-grammaticeskoe stroenie rifmy` (na materiale fol`klora i russkoj poe`zii XIX–XX stoletij): monografiya [Rhythm and meaning: “semantic factor” and the lexical and grammatical structure of rhyme (based on folklore and Russian poetry of the XIX-XX centuries): Monograph]. Smolensk: Izd-vo SmolGU. 164 s. (In Russian)

9. Gridina, T. A. (1996). Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo [Language game: stereotype and creativity]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta. 216 p. (In Russian)

10. Gu Xue (2014). 当代俄罗斯报刊中的语言游戏. 黑龙江大学硕士论文 [Language game in contemporary Russian newspapers. Master's thesis of Heilongjiang University]. 54. (In Chinese).

11. Kristeva, Yu. (2013). Semiotika: issledovaniya po semanalizu [Semiotics: research on semantic analysis] / per. s fr. E. A. Orlovoj. Moskva: Akademicheskij Proekt. 285 p. (In Russian)

12. Lukschik, L. (2012). Intertekstual`nost` v reklamnom diskurse (na materiale reklamy` FRG): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Intertextuality in advertising discourse (based on the material of advertising in Germany): abstract of dissertation. candidate of philological sciences]. Moskva, 24 s. (In Russian)

13. Lou Jianwei (1996). 俄语熟语、成语界定之管见[J]. 大庆高等专科学校学报 [Russian familiar language and idioms are based on // Journal of Daqing Higher College]. (03): 65-67. (In Chinese).

14. MAS (1999) – Slovar` russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]: V 4-x t. / Pod red. A.P. Evgen`evoj. 4-e izd., ster. Moskva: Rus. yaz., Poligrafresursy. (In Russian)

15. Norman, B. Yu. (2006). Igra na granyax yazyka [Playing on the edges of language]. Moskva: Flinta; Nauka. 344 p. (In Russian)

16. SES (2019) – Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar` russkogo yazyka [The stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language] / pod red. M. N. Kozhinoj. 4-e izd., ster. Moskva : Flinta. 696 p. (In Russian)
17. Zhirmunskij, V. M. (1923). Rifma, eyo istoriya i teoriya [Rhythm, its history and theory]. Petrograd: Academia. 339 s. (Rossijskij institut istorii iskusstv. Voprosy` poe`niki. Vy`p. III). (In Russian)

Поступила в редакцию 18.05.2024 г.

LANGUAGE PLAY IN HEADLINES OF THE KOMSOMOLSKAYA PRAVDA

Jiang Linlin

A language game is a speaker's speech behaviour based on systemic relationships and verbal norms, but intentionally deviating from traditional norms, which causes a particularly vivid expressive effect. The paper examines the ways and means of language play, actively used by the newspaper Komsomolskaya Pravda in the headlines. The means of language play in headlines are polysemy, rhyming, the use of phraseological units, proverbs and precedent phrases, filmonyms, biblionyms and quotes from songs, films, etc. The relevance of the research is due to the need to study the ways and means of language play in the media. Currently, the use of language play in the headlines of the Russian media is becoming more and more regular, as it is becoming one of the main means of influencing the reader. At the same time, some newspapers build most of the headlines on the basis of a language play. As a result, there is an effect of oversaturation and excessive use of this means of linguistic influence.

Key words: language play, title, polysemy, rhyming, phraseological unit, mass media.

Цзян Линьлин.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Российская Федерация, г. Волгоград.
Аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания.
ORCID 0009-0006-0340-4133.
E-mail: 15754324043@163.com

Jiang Linlin.

Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Russian Federation, Volgograd.
Postgraduate student at Department of Russian Language and Methods of its Teaching.
ORCID 0009-0006-0340-4133.
E-mail: 15754324043@163.com

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.923.2+376

DOI: 10.5281/zenodo.12573017

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПОДРОСТКОВ ИЗ СЕМЕЙ С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

© 2024 *Л.И. Бочанцева*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный аграрный университет Северного Зауралья»
ORCID 0009-0002-9597-7588.*

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей эмоционального благополучия подростков, живущих в семьях, имеющих алкогольную зависимость. Автором проведен теоретический анализ ключевых концепций, связанных с эмоциональным благополучием личности. В представленном обзоре современных исследований семей с алкогольной зависимостью автор фокусируется на описании основных проблем, с которыми сталкиваются дети в таких семьях. Описаны основные критерии эмоционального благополучия и неблагополучия, а также факторы, определяющие эмоциональное благополучие подростков, воспитывающиеся в семьях с алкогольной зависимостью. Результаты исследования показали, что у подростков из семей с алкогольной зависимостью наблюдаются низкие показатели эмоционального благополучия: плохое самочувствие, повышенная утомляемость, пассивность, отсутствие настроения, апатия, подавленность, склонность к депрессии, высокий уровень тревожности, неуравновешенность, агрессивность, замкнутость. Результаты исследования могут быть полезны психологам и педагогам образовательных учреждений, а также социальным работникам для разработки программ по повышению эмоционального благополучия подростков из семей, имеющих зависимость от алкоголя.

Ключевые слова. Эмоциональное благополучие, эмоциональное неблагополучие, показатели эмоционального благополучия, эмоциональная сфера, подростки, проблемная семья, алкогольная зависимость родителей.

Для цитирования: Бочанцева Л.И. Особенности эмоционального благополучия подростков из семей с алкогольной зависимостью / Л.И. Бочанцева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 219–229. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12573017>.

Введение. Пьянство родителей – мощный дестабилизирующий фактор семьи, негативно влияющий на психоэмоциональное состояние ребенка. Согласно исследованиям последних лет [10, 11, 13, 18, 20, 21, 23, 24], алкогольная аддикция одного или обоих родителей оказывает серьезное негативное влияние на психическое развитие ребенка. Патологическая зависимость родителей от алкоголя приводит к нарушению взаимоотношений в семье, ухудшению психологической обстановки и социального положения в ней. У детей, воспитывающихся в таких семьях, могут возникнуть серьезные психические расстройства, дефицит общения и трудности в социальной адаптации. Такая семья является проблемной и создает условия для возникновения у детей агрессивного [7, 8], девиантного, противоправного поведения. Подростки из таких семей входят в группу повышенного риска заболевания алкоголизмом и наркоманией. Это обусловлено, прежде всего, не только наследственной предрасположенностью, но и фактом копирования поведения одного из родителей.

Актуальность проблемы эмоционального благополучия подростков из семей с алкогольной зависимостью связана с негативным влиянием зависимых родителей на психическое развитие и благополучие детей. Такие подростки часто имеют низкую самооценку, трудности в идентификации и выражении чувств, неспособностью просить помощи у окружающих.

В последнее время вопросами психологического, субъективного и эмоционального благополучия детей и молодежи занимались М.Ю. Бондарева [1], А.В. Вельмискина [3], К.А. Волкова [5], Т.В. Гармаева и Э.В. Гураева [6], Ю.Б. Григорова [9], А.Н. Ильинская и Е.В. Котова [12], Р.К. Махмутова и М.К. Кириллова [14], А.А. Мешкова и Е.В. Славутская [15], Е.Н. Тумашов и Л.И. Бочанцева [22], Д.Я. Муратова [16], Ю.С. Савенко [19], Л.Г. Сапитонова [20] и др.

При этом многие вопросы, связанные с эмоциональным благополучием подростков, воспитывающихся в семьях с алкогольной зависимостью, остаются недостаточно изученными в психологической науке и практике. Актуальность изучения особенностей эмоционального благополучия подростков из семей с алкогольной зависимостью обусловлена тем, что способствует выявлению психологических проблем и потребностей таких подростков, а также разработке эффективных методов психологической помощи для их успешной адаптации и социализации в обществе.

Цель статьи – рассмотреть психологические особенности эмоционального благополучия подростков, воспитывающихся в семьях с алкогольной зависимостью, проанализировать влияние этой среды на формирующуюся личность подростка.

Теоретико-методологической основой исследования являются труды, посвящённые изучению: эмоционального благополучия личности с точки зрения эмоций и их значения в жизни индивида (Л.С. Рубинштейн, П.К. Анохин, А.Н. Леонтьев, П.В. Симонов, М. Аргайл, А.К. Изард, П. Экман); специфики эмоционального благополучия детей и подростков в аспекте их эмоционального самочувствия (Л.И. Божович, М.В. Зиновьева, В.И. Самохвалова, Т.Я. Сафонова, О.И. Бадулина); эмоционального благополучия как показателя успешной эмоциональной регуляции личности (В.Р. Сары-Гузель, Л.М. Аболин и О.А. Воробьева); эмоционального благополучия личности как части психологического благополучия (Л.В. Куликов, М.Ю. Долина, М.С. Дмитриева, М.А. Рязанов и О.В. Иванов); взаимосвязи эмоционального благополучия и психологического здоровья (И.В. Дубровина, Л.В. Тарабакина, Г.Г. Вербина, О.Ю. Вербина); особенностей эмоциональной сферы детей из семей с алкогольной зависимостью и семей группы риска (К.И. Григорьева, А.Б. Давыдова, В.В. Распопин, А.Н. Ильинская, Е.В. Котова, Н.В. Филиппова, Ю.Б. Барыльник, А.Ю. Мишукова, А.А. Антонова, А.А. Чакал).

Методы исследования. В исследовании применялись методы теоретического анализа научной литературы по рассматриваемой проблеме, сравнение, обобщение и систематизация; эмпирические методы: методика диагностики «Самочувствие – активность - настроение» («САН», В.А. Доскин, Н.А. Лавреньева, В.Б. Шарай, М.П. Мирошников), опросник агрессивности (Б. Дарки), шкала личной тревожности (А.М. Прихожан); количественные и качественные методы обработки данных.

Основная часть. Изучение проблемы эмоционального благополучия мы начали с рассмотрения трактовки данного понятия в современной психологической литературе.

Ученые, работающие в области изучения феномена эмоционального благополучия, рассматривают его по трем научным направлениям: психоаналитическому, психофизиологическому и социально-психологическому. Психоаналитики связывают

эмоциональное благополучие личности с особенностями протекания раннего периода развития (М. Кляйн, В. Оклендер и др.). Согласно социально-психологической концепции эмоциональное благополучие зависит от социальных и психологических факторов, такими как положение в обществе, степень удовлетворённости положением, самооценка, общий психоэмоциональный статус и пр. (М. Аргайл, Р. Бернс и др.). Психофизиологические представления подчеркивают тесную связь физического и психологического здоровья личности (В.М. Бехтерев, П.В. Симонов и др.).

Категория эмоционального благополучия привлекает не только психологов, но и специалистов других наук – педагогики, медицины, социологии. Понятие эмоционального благополучия связано с положительным эмоциональным состоянием личности и влияет на её психологическое и психическое здоровье, а также взаимодействие с окружающими.

Ряд исследователей анализирует эмоциональное благополучие с точки зрения эмоционального самочувствия детей и подростков.

Изучая эмоциональное благополучие Г.Г. и О.Ю. Вербины [4] рассматривают его как одну из составляющих психического здоровья человека, а также как показатель его достижения. Следует отметить, что категории эмоционального благополучия и эмоционального здоровья не следует рассматривать в качестве синонимичных. Понятие эмоционального благополучия, вне всякого сомнения, намного шире, чем эмоциональное здоровье. Как отмечают ученые, чтобы быть психически здоровым, важно научиться поддерживать эмоциональное благополучие своего организма, то есть контролировать, управлять своими эмоциями.

В своем исследовании они представляют определение Г.А. Урунтаевой, которая под эмоциональным благополучием понимает некое чувство уверенности и защищенности, необходимые для нормального развития личности ребенка с последующим формированием у него положительных качеств для установления доброжелательных отношений с другими.

Эмоциональное благополучие складывается из особенностей взаимоотношений с другими людьми, а также наличием или отсутствием гармонии со своим внутренним миром. Оно представляет собой сложное, многоаспектное понятие, определяющее эмоциональное здоровье человека, и находящееся в тесной связи с психологическим благополучием.

Анализ определений эмоционального благополучия показал, что многие ученые сводят его к положительному самочувствию личности, основанному на удовлетворении основных потребностей, таких как социальных и биологических или как комфортному состоянию, которое влияет на его переживания, отношение к миру, к сверстникам, познавательную и эмоционально-волевую сферу.

Раскрывая сущность эмоционального благополучия подрастающего поколения, учёные часто уделяют внимание противоположному понятию – эмоциональному неблагополучию, тем самым противопоставляя эти понятия. Как правило, под эмоциональным неблагополучием понимают отрицательно окрашенное эмоциональное состояние, характеризующееся нестабильностью и неадекватностью эмоциональных реакций, преобладанием отрицательных эмоций, тревожностью, наличием признаков депрессии, страхов, а также и заниженной самооценкой.

Рассмотрев основные подходы к определению сущности эмоционального благополучия личности, считаем необходимым уделить внимание раскрытию его критериев.

Анализ исследований, посвященных проблеме эмоционального благополучия, показал разнообразие мнений учёных о содержательных характеристиках этого понятия. Мы разделяем точку зрения Д.С. Никулиной [17], которая выделяет следующие содержательные характеристики эмоционального благополучия: преобладание положительных эмоций, удовлетворенность, уверенность и спокойствие, субъективное ощущение счастья, стремление к позитивным отношениям с окружающими, основанное на доверии и заботе представляют показатели эмоционального благополучия личности.

Противоположными перечисленным характеристикам являются особенности личности с эмоциональным неблагополучием. Как правило, происходит доминирование негативных эмоций, таких как отчаяние, обида, страх и недовольство. Также ей свойственна психическая нестабильность, неуравновешенность, ярко выраженная агрессия, выражающаяся как прямой (вербальной и физической), так и в косвенной формах. Обычно человек может ощущать подавленность и безысходность, что характерно для депрессии, глубокой печали и потери интереса к жизни. Доминирование сильных переживаний, препятствующих активной деятельности личности, отчуждённость и социальная изоляция, отсутствие контакта с внешним миром и пр.

Факторы, влияющие на становление эмоционального благополучия личности, включают: физическое самочувствие, степень удовлетворения основных потребностей, психологический климат в семье, отношение окружающих (принятие или отвержение), особенности воспитательной или образовательной среды. Среди наиболее важных факторов формирования эмоционального благополучия является психологический климат в семье.

В ходе исследования мы провели анализ научных работ, посвященных изучению различных аспектов алкогольной семьи и её влияния на развитие и воспитание детей в таких семьях. Так, в исследовании К.И. Григорьевой [10] описаны условия по формированию картины мира у подростков в алкогольных семьях. А.Б. Давыдовой и В.В. Распопиным [11] анализируются индивидуально-личностные особенности взросления лиц, воспитывающихся в атмосфере алкогольной семьи. Психологический портрет личности, выросшей в алкогольной семье, представлен в исследовании группы ученых из Саратовского медицинского университета (Н.В. Филипповой, Ю.Б. Барыльник, А.Ю. Мишуковой, А.А. Антоновой) [18]. Изучение психоэмоционального состояния подростков, имеющих и не имеющих алкогольную зависимость, осуществлено Л.Г. Сапитоновой под научным руководством Г.Ю. Колесниковой [20]. Описание характеристик жизненного стиля семей с алкогольной аддикцией как показателя её неблагополучия представлено в исследовании М.В. Сапоровской и С.А. Хазовой [21].

Анализ работ показал, что воспитание в семьях с алкогольной зависимостью не может не сказаться на психическом состоянии, воспитывающихся в них детей. Злоупотребление алкогольными напитками неминуемо приводит к психической деградации зависимой личности, а также ухудшению и разрушению внутрисемейных отношений, от чего в значительной степени страдают дети. Поведение лица, страдающего алкогольной зависимостью, является источником стресса для остальных членов семьи. Высокий уровень эмоционального напряжения негативно сказывается на психологическом состоянии детей, воспитывающихся в такой семье. Скандалы, неожиданные исчезновения злоупотребляющего из дома, мучительная тревога за него, невозможность строить перспективные семейные планы – все эти события значительно осложняют жизнь всем членам семьи.

Для семей, в которых отмечается частое распитие спиртных напитков, характерны следующие черты: недостаток внимания между членами семьи друг к другу и к детям, непостоянство и непредсказуемость семейного уклада, ригидность и деспотизм в отношениях. Общение строится на подавлении и эмоциональных репрессиях. Как правило, в такой семье имеются семейная тайна, в которой тщательно отрицается реальная семейная картина. Проживание подростка в семье, зависимой от алкоголя, способствует развитию особой разновидности долговременной эмоциональной памяти, для которой характерна фиксация отрицательных событий. В атмосфере такой семьи часто присутствуют оскорбления, которые ребенок надолго запоминает в виде обиды и несправедливого отношения взрослого к нему.

Вследствие продолжительного воздействия стрессовой ситуации, постепенного нарастания нервного перенапряжения родители не могут в должной мере выполнять важнейшую социальную функцию по воспитанию детей. В силу этого алкоголизация родителей затрудняет или препятствует выполнению ими в полной мере воспитательной функции. Такая семья оказывается дисфункциональной, в которой нарушена потребность в осуществлении воспитательных воздействий. Известно, что в процессе воспитания и социализации ребенка в семье происходит формирование его поведения. В исследовании Л.И. Бубновой [2] отмечается, что особую роль в девиации поведения играют нарушения процесса социализации в период переходного возраста от подростничества к юности, когда происходит самоутверждение личности, групповая идентичность.

Для выявления особенностей эмоционального благополучия подростков из семей с алкогольной зависимостью нами организовано исследование.

Исследование проводилось на базе одного из центров реабилитации детей Тюменской области, в котором приняли участие 30 подростков. Возрастной диапазон испытуемых составил 13-14 лет.

Были определены критерии и показатели эмоционального благополучия подростков из семей с алкогольной зависимостью: психоэмоциональное состояние (самочувствие, активность, настроение); уровень агрессивности (признаки вербальной, физической, косвенной и других форм агрессии); уровень личностной тревожности (самооценочная, межличностная и общая тревожность).

В соответствии с выделенными показателями были определены уровни эмоционального благополучия.

Высокий уровень эмоционального благополучия – подростки оценивают свое самочувствие как хорошее и энергичное. Физическое состояние - здоровое, ребенок полон сил, вынослив, бодр, готов выполнить какое-либо поручение. Обычно у подростков повышенная активность, настроение устойчивое, приподнятое и возбуждённое. По отношению к сверстникам и педагогам они не проявляют агрессии (низкий уровень агрессивности), открыты к общению и находятся в гармонии со своим внутренним миром. Состояние тревожности им не свойственно или тревожность находится на приемлемом уровне.

Для среднего уровня характерны следующие черты: подросток отмечает, что чувствует себя недостаточно хорошо; характеризует себя как недостаточно отдохнувшего, чувствующего недомогание, неспособного в данный момент выполнить какое-либо поручение. Наблюдается умеренный уровень активности, настроение нейтральное. Подросток не проявляет явной словесной или физической агрессии. Чаще всего замыкается в себе, испытывая психологический дискомфорт. Уровень тревожности несколько повышен.

К низкому уровню эмоционального благополучия относятся подростки, которые отмечают плохое самочувствие, слабость, разбитость, повышенную утомляемость. Зачастую подростки не проявляют инициативы при выполнении какой-либо просьбы. У них наблюдается пассивность, отсутствие настроения, апатия, подавленность. Подростки постоянно проявляют агрессию, выражая своё негативное отношение к окружающим, используя словесные оскорбления и физическую силу; срывают агрессию на предметах. Уровень тревожности очень высок.

Представим результаты диагностики эмоционального благополучия подростков из алкогольных семей (см. рис. 1).

Результаты по методике «САН»: высокий уровень психоэмоционального состояния у подростков из алкогольных семей не выявлен. У 18 респондентов (60% от всей выборки) был выявлен средний уровень психоэмоционального состояния. Эти дети отмечают, что чувствуют себя недостаточно хорошо; характеризуют свое физическое состояние как недостаточно отдохнувшими, чувствуют недомогание, не готовы выполнять какие-либо поручения. У подростков наблюдается умеренный уровень активности, настроение чаще всего нейтральное. Низкий уровень психоэмоционального состояния имеют 12 подростков, что составляет 40% от всей выборки. Подростки этой группы отмечают плохое самочувствие, слабость, разбитость, повышенную утомляемость. У испытуемых чаще всего наблюдается пассивность, отсутствие настроения, апатия, подавленность.

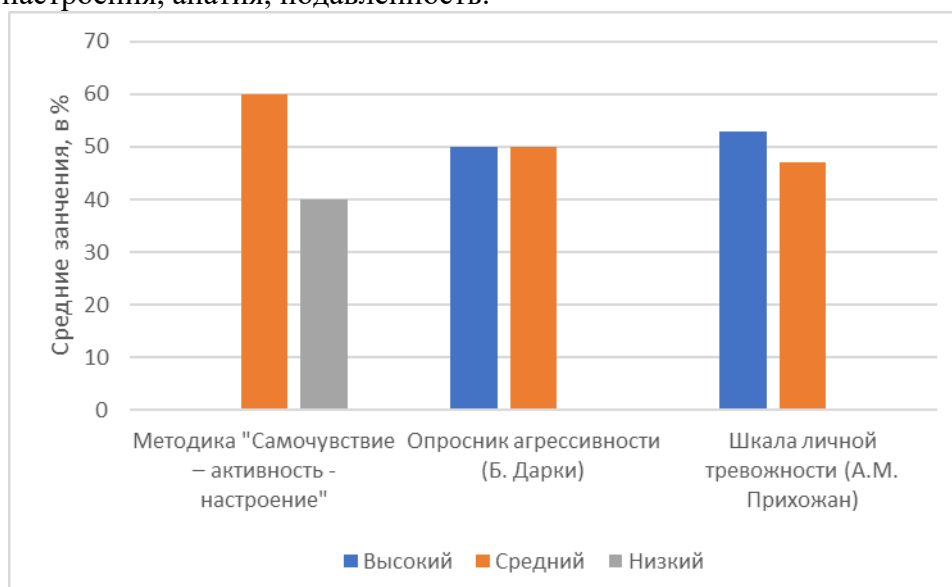

Рис. 1. Результаты диагностики эмоционального благополучия подростков из семей с алкогольной зависимостью

Применяя опросник Б. Дарки, мы получили результаты относительно уровня агрессивности подростков. У 15 подростков (50%) был выявлен высокий уровень агрессии. Для них характерно постоянное проявление агрессии по отношению к окружающим (сверстникам, родителям, педагогам). Дети используют не только словесные оскорбления, но и физическую силу. Также возможно вымещение отрицательных эмоций (гнева, недовольства) на предметы (вандализм, порча имущества). Средний уровень агрессивного поведения отмечен у 15 испытуемых (50%). Такие подростки проявляют агрессию не так часто, как подростки с высоким уровнем. Скорее всего, это происходит эпизодически в виде редких агрессивных реакций в ответ на защиту (в словесной форме). Респондентов с низким уровнем агрессивности не обнаружено. Результаты данной методики показывают,

что подростки из алкогольных семей имеют высокий и средний уровень агрессивности. Подростки выражают негативные эмоции на окружающих людей и предметы. Это свидетельствует о неуравновешенности, повышенной эмоциональности и нестабильности, недостаточном самоконтроле.

Применяя методику А.М. Прихожан, были получены результаты относительно уровня личной тревожности подростков. Из 30 испытуемых у 16 (53%) был выявлен высокий уровень тревожности. Для них характерно постоянное беспокойство. Порой возникают немотивированные приступы страха и волнения, желание избежать стрессовых для них ситуаций, закрыться от общества, уединиться. Высокий уровень тревожности мешает подросткам сосредоточиться на важных сферах деятельности. Присущее им повышенное чувство тревоги возникает при общении со сверстниками. Это свидетельствует о заниженной самооценке и неуверенности в себе. Средний уровень личностной тревожности отмечен у 14 испытуемых (47%). Такие подростки испытывают тревогу, которая возникает в школьных ситуациях (опрос или выступление у доски) и общения со сверстниками. Данный уровень проявления тревожности можно считать допустимым, поскольку вполне естественно в подростковом возрасте волноваться за результаты своего обучения и то, какое впечатление подросток производит на окружающих. С низким уровнем тревожности подростков не выявлено.

После анализа всех полученных данных по этим методикам мы сделали выводы об уровне эмоционального благополучия подростков из семей, где родители употребляют алкогольные напитки. Так, из всей выборки испытуемых у 14 подростков, что составляет 47%, был обнаружен низкий уровень эмоционального благополучия, у 16 (53%) – средний уровень и с высоким – не обнаружено (0%).

Таким образом, в рамках исследования были изучены особенности эмоционального благополучия подростков из алкогольных семей. Личностная тревожность подростков проявляется в низкой концентрации, постоянном ощущении беспокойства, мышечном напряжении, раздражительности и нарушениях сна. Дети часто ощущают себя беспомощными и имеют низкую самооценку, нуждаются в одобрении взрослых. Агрессивность выражается в частых драках, грубости, неуважении к окружающим. По причине неудовлетворения своих потребностей, подростки могут проявлять злость и раздражение. Их настроение и самочувствие в основном подавленное и нестабильное. Дети часто испытывают негативные эмоции, грусть, разочарование и недовольство происходящими событиями в их жизни. Они часто излишне впечатлительны и эмоциональны, что проявляется в легкой возбудимости, частой смене настроения. Низкая активность проявляется в нежелании участвовать в совместной деятельности, предпочитая уединение. Вследствие общей невротизации возникает эмоционально-волевая неустойчивость, повышенная внушаемость, неуравновешенность, повышенная эмоциональность, агрессивность, склонность к депрессии.

Заключение. Таким образом, проблема эмоционального благополучия личности подростка в семье, где есть алкогольная зависимость, является весьма актуальной и требует особого внимания широкого круга специалистов. Существует различные подходы к определению сущности понятия «эмоциональное благополучие». Эти подходы гармонично дополняют друг друга, позволяя в полной мере отразить многоплановость изучаемого феномена. Эмоциональное благополучие представляет собой сложное многоаспектное явление, имеющее содержательные характеристики. Оно неразрывно связано с эмоциональным здоровьем и психологическим благополучием индивида.

В рамках своего исследования нами предпринята попытка обратить внимание на проблему эмоционального благополучия подростков из семей с алкогольной

зависимостью. Подросткам из таких семей свойственны негативные эмоциональные переживания, нервно-психическая неустойчивость и ранимость. Родители, злоупотребляющие алкоголем, не в состоянии оказать поддержку своему ребёнку, а, напротив, усугубляют своим аддиктивным поведением протекание подросткового кризиса. У таких родителей затруднена или нарушена реализация воспитательной функции.

Оказать своевременную психологическую помощь подростку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации, должны специалисты образовательного учреждения – педагог, психолог, социальный работник. Залогом успешного формирования у подростков эмоционального благополучия является умение грамотно подобрать и реализовать эффективные групповые и индивидуальные психологические методы. Мы полагаем, что повышение уровня эмоционального благополучия у подростков из семей с алкогольной зависимостью будет эффективнее, если в качестве средств формирования использовать психологический тренинг с элементами арт-терапии и библиотерапии. Выдвинутое предположение может послужить основой для дальнейшего изучения и проведения исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарева М.Ю. Особенности самооценки у подростков с различным содержанием эмоционального благополучия / М.Ю. Бондарева // Экология человеческих отношений как проблема практической психологии в современном обществе: [сб. науч. тр.]. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2018. – С. 13–18.
2. Бубнова Л.И. Социализация как фактор становления личности и девиации ее поведения / Л.И. Бубнова // Философия образования. – Новосибирск, 2006. – С. 178–182.
3. Вельмискина А.В. Эмоциональное благополучие как фактор социально-психологической адаптации подростков / А.В. Вельмискина // Высшее педагогическое образование в провинции: традиции и новации: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 12 мая 2023 года / Под общей редакцией О.В. Бессчетновой, П.А. Шацкова. – Саратов: Саратовский источник, 2023. – С. 118–123.
4. Вербина Г.Г. Эмоциональное благополучие – психическая составляющая психического здоровья / Г.Г. Вербина, О.Ю. Вербина // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 4. – С. 120–121.
5. Волкова К.А. Взаимосвязь самооценки с эмоциональным благополучием подростков / К.А. Волкова // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Москва, 20 января 2023 года. – Москва: Издательство АЛЕФ, 2023. – С. 244–247.
6. Гармаева Т.В. Эмоциональное развитие и психоэмоциональное благополучие детей / Т.В. Гармаева, Э.В. Гураева // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 30. – С. 1461–1466.
7. Городилова М.А. Особенности проявления агрессивности у подростков из семей с алкогольной зависимостью / М.А. Городилова, Л.И. Бочанцева // Международный студенческий научный вестник. – 2018. – № 5. – С. 199.
8. Городилова М.А. Теоретический аспект изучения особенностей проявления агрессивности у подростков из семей с алкогольной зависимостью / М.А. Городилова, Л.И. Бочанцева // Развитие современного образования: от теории к практике: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 19 марта 2018 года. – Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2018. – С. 49–54.
9. Григорова Ю.Б. Диагностика уровня эмоционального благополучия / Ю.Б. Григорова // Психологическое благополучие современного человека: Материалы Международной заочной научно-практической конференции, Екатеринбург, 20 марта 2019 года. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, Российское психологическое общество, 2019. – С. 105–112. – EDN WPOUCA.
10. Григорьева К.И. Психолого-педагогические условия формирования картины мира у подростков из семей с алкогольной зависимостью / К.И. Григорьева // Межведомственный подход к сопровождению личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации: теория и лучшие практики: материалы III Международной научно-практической конференции, Иркутск, 28 октября 2022 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. – С. 74–79.

11. Давыдова А.Б. Индивидуально-личностные особенности лиц, выросших в алкогольных семьях / А.Б. Давыдова, В.В. Распопин // Наукосфера. – 2021. – № 5-1. – С. 124–131.
12. Ильинская А.Н. Эмоциональное благополучие подростков, воспитывающихся в семьях группы риска / А.Н. Ильинская, Е.В. Котова // Современное состояние и перспективы развития субъекта деятельности: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 17 мая 2019 года. – Москва: Московский государственный гуманитарно-экономический университет, 2019. – С. 77–83.
13. Кошукова О.Н. Исследование особенностей детско-родительских отношений в семьях с алкогольной зависимостью / О.Н. Кошукова, Л.И. Бочанцева // Актуальные вопросы психологии. – 2017. – № 13. – С. 5.
14. Махмутова Р.К. Психологическое благополучие подростков, воспитывающихся в приемных семьях / Р.К. Махмутова, М.К. Кириллова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, № 4. – С. 53.
15. Мешкова А.А. Стиль семейного воспитания и эмоциональное благополучие подростков / А.А. Мешкова, Е.В. Славутская // Актуальные вопросы благополучия личности: психологический, социальный и профессиональный контексты: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 17 ноября 2023 года. – Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2023. – С. 228–232.
16. Муратова Д.Я. Субъективное благополучие подростков с разной степенью выраженности психологического благополучия / Д.Я. Муратова // Colloquium-Journal. – 2019. – № 13-4 (37). – С. 72–74.
17. Никулина Д.С. Подходы к определению эмоционального благополучия / Д.С. Никулина // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2008. – № 6 (83). – С. 73–76.
18. Психологический портрет лиц, выросших в «алкогольных семьях» / Н.В. Филиппова, Ю.Б. Барыльник, А.Ю. Мишукова, А.А. Антонова // Наркология. – 2021. – Т. 20, № 8. – С. 64–69. – <http://doi.org/10.25557/1682-8313.2021.08.64-69>
19. Савенко Ю.С. Академическая самоэффективность как ресурс эмоционального благополучия подростков / Ю.С. Савенко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2023. – № 209. – С. 143–152. – <http://doi.org/10.33910/1992-6464-2023-209-143-152>
20. Сапитонова Л.Г. Изучение психоэмоционального состояния подростков с психофизической зависимостью (на примере алкогольной) / Л.Г. Сапитонова // Инновационная наука. – 2023. – № 2-1. – С. 127–129.
21. Сапоровская М.В. Жизненный стиль семьи как показатель ее благополучия / неблагополучия (на примере семей с алкогольной аддикцией) / М.В. Сапоровская, С.А. Хазова // Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе: субъект-субъектная коммуникация как фактор социализации индивида: материалы V Международной научной конференции, Минск, 23-24 октября 2020 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2020. – С. 239–242.
22. Тумашов Е.Н. Оценка субъективного благополучия магистрантов аграрного вуза: гендерные различия / Е.Н. Тумашов, Л.И. Бочанцева // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 16 февраля 2024 года. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2024. – С. 297–299.
23. Хромышева Е.В. Ценностные ориентации у подростков из семей с проблемой алкогольной и наркотической зависимости / Е.В. Хромышева // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Москва, 25 октября 2022 года. – Москва: Алеф, 2022. – С. 188–193. – <https://doi.org/10.34755/IROK.2022.51.82.070>
24. Чакал А.А. Психология ребёнка из алкогольной семьи / А.А. Чакал // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. – 2018. – № 4. – С. 193–209.

REFERENCES

1. Bondareva M.Yu. Osobennosti samoootsenki u podrostkov s razlichnym soderzhaniiem emotsional'nogo blagopoluchiya / M. Yu. Bondareva // Ekologiya chelovecheskikh otnoshenii kak problema prakticheskoi psikhologii v sovremennom obshchestve : [sb. nauch. tr.]. – Khabarovsk: Tikhookeanskiy gosudarstvennyi universitet, 2018. – S. 13-18. (In Russian)
2. Bubnova L.I. Sotsializatsiya kak faktor stanovleniya lichnosti i deviatsii ee povedeniya / L.I. Bubnova // Filosofiya obrazovaniya. – Novosibirsk, 2006. – S. 178-182. (In Russian)
3. Vel'miskina A.V. Emotsional'noe blagopoluchie kak faktor sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii podrostkov / A.V. Vel'miskina // Vysshee pedagogicheskoe obrazovanie v provintsii: traditsii i novatsii : Sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Saratov, 12 maya 2023 goda / Pod obshechi

redaktsiei O.V. Besschetnovoi, P.A. Shatskova. – Saratov: Saratovskii istochnik, 2023. – S. 118-123. (In Russian)

4. Verbina G.G. Emotsional'noe blagopoluchie – psikhicheskaya sostavlyayushchaya psikhicheskogo zdorov'ya / G.G. Verbina, O.Yu. Verbina // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. – 2011. – № 4. – S. 120-121. (In Russian)

5. Volkova K.A. Vzaimosvyaz' samootsenki s emotsional'nym blagopoluchiem podrostkov / K.A. Volkova // Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i mirovogo soobshchestva v epokhu tsifrovizatsii : Sbornik materialov XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 20 yanvarya 2023 goda. – Moskva: Izdatel'stvo ALEF, 2023. – S. 244-247. (In Russian)

6. Garmayeva T.V. Emotsional'noe razvitie i psikhoemotsional'noe blagopoluchie detei / T.V. Garmayeva, E.V. Guraeva // Innovatsii. Nauka. Obrazovanie. – 2021. – № 30. – S. 1461-1466. (In Russian)

7. Gorodilova M.A. Osobennosti proyavleniya agressivnosti u podrostkov iz semei s alkohol'noi zavisimost'yu / M.A. Gorodilova, L.I. Bochantseva // Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik. – 2018. – № 5. – S. 199. (In Russian)

8. Gorodilova M.A. Teoreticheskii aspekt izucheniya osobennosti proyavleniya agressivnosti u podrostkov iz semei s alkohol'noi zavisimost'yu / M.A. Gorodilova, L.I. Bochantseva // Razvitie sovremennogo obrazovaniya: ot teorii k praktike : Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Cheboksary, 19 marta 2018 goda. – Cheboksary: Tsentr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv plus», 2018. – S. 49-54. (In Russian)

9. Grigorova Yu.B. Diagnostika urovnya emotsional'nogo blagopoluchiya / Yu.B. Grigorova // Psikhologicheskoe blagopoluchie sovremennogo cheloveka : Materialy Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ekaterinburg, 20 marta 2019 goda. – Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Rossiiskoe psikhologicheskoe obshchestvo, 2019. – S. 105-112. – EDN WPOUCA. (In Russian)

10. Grigor'eva K.I. Psikhologo-pedagogicheskie usloviya formirovaniya kartiny mira u podrostkov iz semei s alkohol'noi zavisimost'yu / K.I. Grigor'eva // Mezhdunarodnyy podkhod k soprovozhdeniyu lichnosti, okazavsheysya v trudnoi zhiznennoi situatsii: teoriya i luchshie praktiki : materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 28 oktyabrya 2022 goda. – Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet, 2022. – S. 74-79. (In Russian)

11. Davydova A.B. Individual'no-lichnostnye osobennosti lits, vyrosших v alkohol'nykh sem'yakh / A.B. Davydova, V.V. Raspopin // Naukosfera. – 2021. – № 5-1. – S. 124-131. (In Russian)

12. Il'inskaya A.N. Emotsional'noe blagopoluchie podrostkov, vospityvayushchikhsya v sem'yakh gruppy riska / A.N. Il'inskaya, E.V. Kotova // Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya sub"ekta deyatelnosti : Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 17 maya 2019 goda. – Moskva: Moskovskii gosudarstvennyi gumanitarno-ekonomicheskii universitet, 2019. – S. 77-83. (In Russian)

13. Koshukova O.N. Issledovanie osobennosti detsko-roditel'skikh otnoshenii v sem'yakh s alkohol'noi zavisimost'yu / O.N. Koshukova, L.I. Bochantseva // Aktual'nye voprosy psikhologii. – 2017. – № 13. – S. 5. (In Russian)

14. Makhmutova R.K. Psikhologicheskoe blagopoluchie podrostkov, vospityvayushchikhsya v priemnykh sem'yakh / R.K. Makhmutova, M.K. Kirillova // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. – 2020. – T. 8, № 4. – S. 53. (In Russian)

15. Meshkova A.A. Stil' semeinogo vospitaniya i emotsional'noe blagopoluchie podrostkov / A.A. Meshkova, E.V. Slavutskaya // Aktual'nye voprosy blagopoluchiya lichnosti: psikhologicheskii, sotsial'nyi i professional'nyi konteksty : Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Khanty-Mansiisk, 17 noyabrya 2023 goda. – Khanty-Mansiisk: Yugorskii gosudarstvennyi universitet, 2023. – S. 228-232. (In Russian)

16. Muratova D.Ya. Sub"ektivnoe blagopoluchie podrostkov s raznoi stepen'yu vyrashennosti psikhologicheskogo blagopoluchiya / D.Ya. Muratova // Colloquium-Journal. – 2019. – № 13-4(37). – S. 72-74. (In Russian)

17. Nikulina D.S. Podkhody k opredeleniyu emotsional'nogo blagopoluchiya // Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki, 2008. – № 6(83). – S. 73-76. (In Russian)

18. Psikhologicheskii portret lits, vyrosших v «alkogol'nykh sem'yakh» / N.V. Filippova, Yu.B. Baryl'nik, A.Yu. Mishukova, A.A. Antonova // Narkologiya. – 2021. – T. 20, № 8. – S. 64-69. – <http://doi.org/10.25557/1682-8313.2021.08.64-69> (In Russian)

19. Savenko Yu.S. Akademicheskaya samoeffektivnost' kak resurs emotsional'nogo blagopoluchiya podrostkov / Yu.S. Savenko // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. – 2023. – № 209. – S. 143-152. – <http://doi.org/10.33910/1992-6464-2023-209-143-152> (In Russian)

20. Sapitonova L.G. Izuchenie psikhoemotsional'nogo sostoyaniya podrostkov s psikhofizicheskoi zavisimost'yu (na primere alkogol'noi) / L.G. Sapitonova // Innovatsionnaya nauka. – 2023. – № 2-1. – S. 127-129. (In Russian)

21. Saporovskaya M.V. Zhiznennyi stil' sem'i kak pokazatel' ee blagopoluchiya / neblagopoluchiya (na primere semei s alkogol'noi addiksiiei) / M.V. Saporovskaya, S.A. Khazova // Psikhosotsial'naya adaptatsiya v transformiruyushchemsya obshchestve: sub"ekt-sub"ektnaya kommunikatsiya kak faktor sotsializatsii individa : materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Minsk, 23-24 oktyabrya 2020 goda. – Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet, 2020. – S. 239-242. (In Russian)

22. Tumashov E.N. Otsenka sub"ektivnogo blagopoluchiya magistrantov agrarnogo vuza: gendernye razlichiya / E.N. Tumashov, L.I. Bochantseva // Sotsial'no-pedagogicheskie voprosy obrazovaniya i vospitaniya : materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Cheboksary, 16 fevralya 2024 goda. – Cheboksary: OOO «Izdatel'skii dom «Sreda», 2024. – S. 297-299. (In Russian)

23. Khromysheva E.V. Tsennostnye orientatsii u podrostkov iz semei s problemoi alkogol'noi i narkoticheskoi zavisimosti / E.V. Khromysheva // Vyzovy sovremennosti i strategii razvitiya obshchestva v usloviyakh novoi real'nosti : sbornik materialov XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 25 oktyabrya 2022 goda. – Moskva: Alef, 2022. – S. 188-193. – <https://doi.org/10.34755/IROK.2022.51.82.070> (In Russian)

24. Chakal A.A. Psikhologiya rebenka iz alkogol'noi sem'i / A.A. Chakal // Psikhologiya i pedagogika v Krymu: puti razvitiya. – 2018. – № 4. – S. 193-209. (In Russian)

Поступила в редакцию 20.05.2024 г.

FEATURES OF EMOTIONAL WELL-BEING OF ADOLESCENTS FROM FAMILIES WITH ALCOHOL DEPENDENCE

L.I. Bochantseva

The article deals with the results of an empirical study of the characteristics of the emotional well-being of adolescents living in families with alcohol dependence. The author has carried out a theoretical analysis of key concepts related to the emotional well-being of an individual. In the review of modern studies of families with alcohol dependence, the author focuses on the main problems that children in such families face. The main criteria of emotional well-being and distress are described, as well as the factors determining the emotional well-being of adolescents raised in families with alcohol dependence. The results of the study showed that adolescents from families with alcohol dependence have low indicators of emotional well-being, among which are as follows: poor health, increased fatigue, passivity, lack of mood, apathy, depression, a tendency to depression, high levels of anxiety, unbalance, aggressiveness, isolation. The results of the study can be useful for psychologists and teachers of educational institutions, as well as social workers in developing programmes to improve the emotional well-being of adolescents from families with alcohol dependence.

Key words: emotional well-being, emotional distress, indicators of emotional well-being, emotional sphere, adolescents, problem family, alcohol dependence of parents.

Бочанцева Людмила Ивановна.

Кандидат психологических наук, доцент.
Государственный аграрный университет Северного
Зауралья, Российская Федерация, г. Тюмень.

Доцент кафедры философии и социально-
гуманитарных наук.

ORCID 0009-0002-9597-7588.

E-mail: bochanceva.lyudmila@mail.ru

Bochantseva Lyudmila Ivanovna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Northern Trans-Ural State Agricultural University,
Russian Federation, Tyumen.

Associate Professor at Department of Philosophy and
Social Sciences and Humanities.

ORCID 0009-0002-9597-7588.

E-mail: bochanceva.lyudmila@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакommunikации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректурa статей авторам не высылаётся.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объём текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи:** «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления.** В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится

(название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т. А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T. A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приёма статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:**

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. **Поля зеркальные:** верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** *нерукотворный**; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пуниша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,*

И всюду он гусар.

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования. Ключевые слова:** (это словосочетание – полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья

УДК 81:112

DOI:

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

© 2024 *Т.А. Дьякова*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

ORCID 0000-0002-8440-7806.

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена

необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалья, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 202X. – № X. – С. XX-XX. – <https://doi.org/>

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников – список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т.д.). Список источники приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т.п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала – работы на русском языке, затем – на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник даётся в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, – 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. – 1965. – № 2. – С. 59-68.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
3. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. – Воронеж, 2019. – 324 с.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
6. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
7. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – Вып. 1 (43). – С. 20-31. – <http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31>.
8. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращённого слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. – 2023. – Т. 21. № 1. – С. 79–96. – <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копьё: романы. – Минск: Беллитфонд, 2002. – С. 3–299.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. – Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. – 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) даётся список **References**, в котором используется формат АРА с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате АРА. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после неё. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Drevneiranskii iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
2. Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)

3. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. *Indogermanische Forschungen*, 98, 177–185. <http://doi.org/10.1515/9783110243390.177> (In Italian)
Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>. (In German).
4. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
5. Harvalík, M. (2004). Synchronní a diachronní aspekty české onymie [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
6. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205. (In French).
7. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
8. Lysova, E. V. (2002). *Ornitoniimiiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)
9. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. *Romance Philology*, 56 (1), 41–50. <http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495> (In English).
10. Room, A. (1988). *Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles*. London: Bloomsbury.
11. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). *Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g.* [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

- Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:
 - название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
 - через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по левому краю, без абзаца),
 - через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

Diakova Tatiana Alekseevna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.

Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

10. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонГУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Научное издание

**Вестник Донецкого национального университета
Серия Д. Филология и психология**

Научный журнал

2024. – № 3

На русском и английском языках

Технический редактор: В.С. Коробова-Латынцева